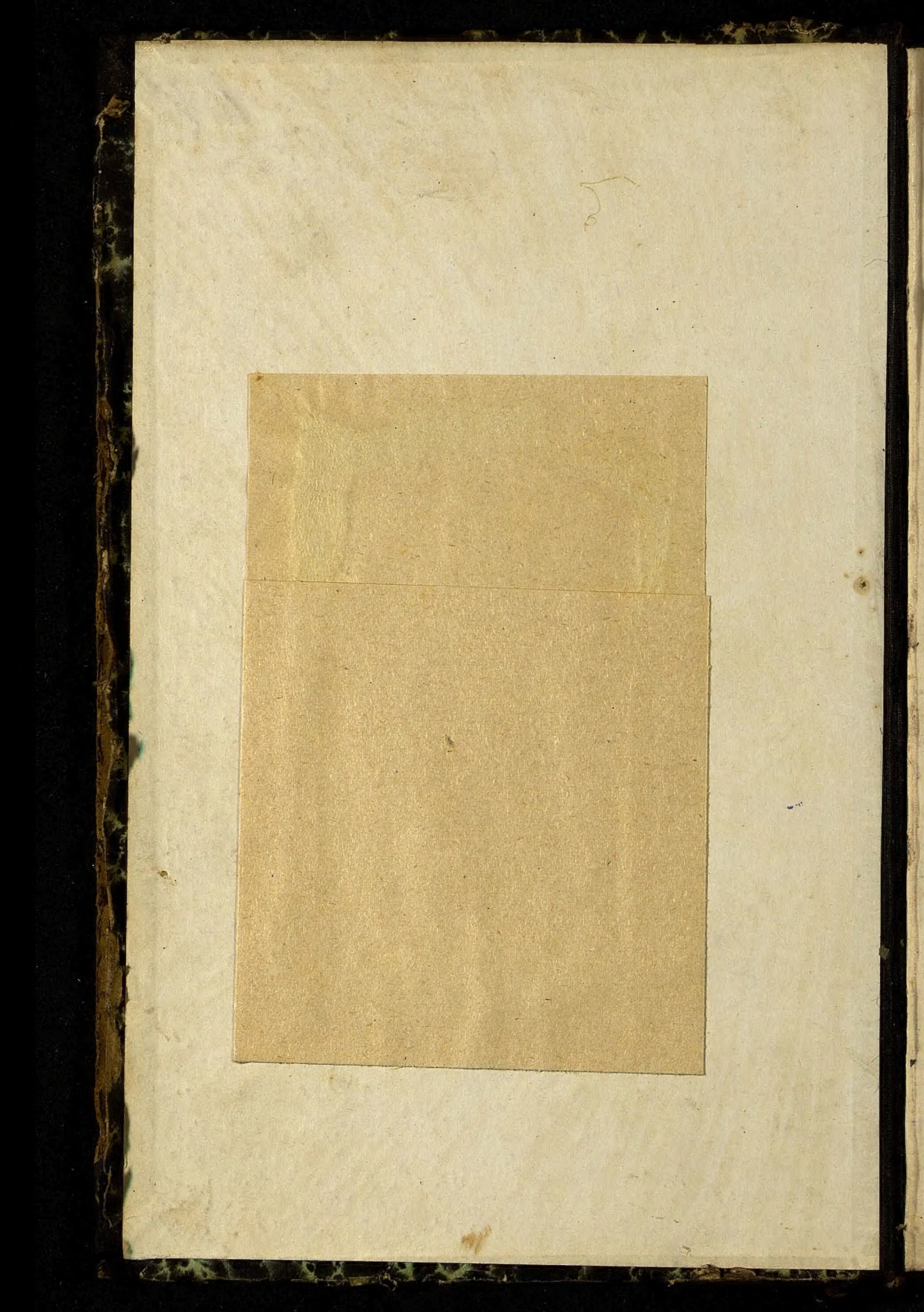
Русская старина
N 1.
1912 г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLIII-й. ЯНВАРЬ. 1912 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложенія. Портреты: 1) **Николая Михайловича Пржевальскаго,** 2) **Ирины Ивановны Онноре́,** въ роли Вани, въ оперѣ „Жизнь за Царя“, 3) Берлинскій Конгрессъ 1878 г., 4) Къ постройкѣ Храма-Памятника на полѣ сраженія подъ Лейпцигомъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1912 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

1-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го января 1912 года.

Библіографическій листокъ.

„Нашествіе Наполеона".—Отечественная война 1812 г. Вып. I и II.

Изданіе состоитъ изъ воспроизведенія картинъ извѣстныхъ художниковъ, по способу трехцвѣтной печати С. М. Прокудинъ-Горскаго, съ пояснительнымъ текстомъ при каждой картинкѣ, подъ редакціей И. Н. Божерянова.

Выборъ картинъ сдѣланъ съ большимъ знаніемъ и искусствомъ, картины исполнены изящно, и текстъ очень хорошъ. Въ двухъ, уже вышедшихъ, выпускахъ, находятся картины событій Отечественной войны, начиная съ знаменитаго отступленія Невѣровскаго подъ Краснымъ, и кончая картиной Верещагина „Наполеонъ въ зимнемъ одѣяніи". Особенно удались картины В. В. Верещагина—„Наполеонъ на бородинскихъ высотахъ",—Конецъ бородинскаго сраженія",—„Передъ Москвой",—„Ожиданіе депутаціи бояръ",—„Зарево замоскворѣчья",—„Сквозь пожаръ",—А. Д. Кившенко: „Военный совѣтъ въ Филяхъ" и др.

Картины возсоздаютъ такъ прекрасно великія событія 1812 года, что нельзя не пожелать этому изданію полнѣйшаго успѣха.

Библіографическій указатель сочиненій, журнальныхъ статей и замѣтокъ объ А. П. Ермоловѣ съ приложеніемъ перечня его портретовъ къ 50-лѣтію со дня его кончины. Составилъ Александръ Ермоловъ.

Этотъ, прекрасно составленный, указатель долженъ послужить матеріаломъ для неотложнаго составленія полной біографіи этого необыкновеннаго человѣка. Къ указателю приложены 6 портретовъ Ермолова и копіи съ 2 бюстовъ, а также очень интересная переписка Алексѣя Петровича съ издателями „Кавказцевъ", касающаяся исторіи Кавказа и Отечественной войны.

И. М. Катаевъ. Къ вопросу о типѣ учебника русской исторіи для средней школы. М. 1911.

Совершенно неудовлетворительная постановка дѣла преподаванія исторіи въ нашихъ среднихъ школахъ весьма замѣтно сказывается какъ при прохожденіи курса высшихъ учебныхъ заведеній, такъ и въ дальнѣйшей жизни русскаго человѣка. Извѣстны отзывы многихъ профессоровъ (Виноградова, Виппера, Карѣева) по поводу плохой подготовки ихъ слушателей. Въ своемъ докладѣ, прочитанномъ на засѣданіи Историч. комиссіи при Учебн. отд. М. О. Р. Т. Зн. 26 марта 1910 г., вышедшемъ теперь, подъ указаннымъ заглавіемъ, отдѣльно, г. Катаевъ, послѣ краткаго разсмотрѣнія методическихъ пріемовъ преподаванія, опредѣляетъ желательный, по его мнѣнію, типъ учебнаго руководства. При этомъ авторъ не исходитъ изъ представленія объ идеальной средней школѣ, которая можетъ осуществиться когда-нибудь въ отдаленномъ будущемъ, а учитываетъ наличныя условія современнаго преподаванія, именно извѣстное количество времени, отводимое въ курсѣ для исторіи, раздѣленіе курса на два концентра, т. е. элементарный курсъ I и II кл. и т. наз. систематическій въ V—VII кл., необходимость подготовки къ экзамену и пр. По вопросамъ о выборѣ, распредѣленіи учебнаго матеріала и объ его изложеніи въ докладѣ высказано очень много цѣнныхъ соображеній; къ нимъ, а также и къ окончательнымъ выводамъ нельзя не присоединиться. Трудно лишь согласиться съ мнѣніемъ, что искусство не м. б. введено въ учебникъ, т. к. по его исторіи „нужно дать или много (обстоятельное и конкретное изложеніе развитія русской архитектуры, живописи и т. д., съ иллюстраціями), что заняло бы слишкомъ много мѣста въ учебникѣ и подняло бы стоимость книги, или лучше ничего не давать, т. к. блѣдныя и отрывочныя свѣдѣнія по этому вопросу не оставили бы никакого слѣда въ сознаніи учащагося". Дѣло въ томъ, что исторія русской церкви, науки, письменности, литературы такъ или иначе проходятся въ нашей школѣ, что же касается искусства, то именно благодаря отсутствію въ извѣстные годы какого бы то ни было знакомства съ нимъ создаются въ русскомъ обществѣ такія смутныя понятія о художественныхъ цѣнностяхъ. А между тѣмъ тяготѣніе къ этой области культуры все растетъ; воспитательное же значеніе исторіи искусства само собою внѣ спора. Если не скоро суждено намъ дождаться особаго курса въ средней школѣ по этому предмету, то въ общемъ учебникѣ исторіи ему вполнѣ возможно удѣлить мѣсто не менѣе, чѣмъ другимъ духовнымъ проявленіямъ. И это не будетъ школьнымъ балластомъ. *В. Я.*

„Пиковая Дама" А. С. Пушкина. Редакція Н. О. Лернера. Иллюстраціи Ал. Н. Бенуа. Изд. тов-ва Р. Голике и А. Вильборгъ. Спб. 1911.

Толстой восхищался прозой Пушкина, въ которой, писалъ онъ однажды П. Д. Голохвастову, „гармоническая правильность распредѣленія предметовъ доведена до совершенства". Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ иныхъ, „Пиковая Дама"—одна изъ вершинъ русской литературы и одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній Пушкина. Этой, хотя заключенной въ рамку анекдота, но потрясающей драмой страсти восхищался великій знатокъ человѣческаго сердца Достоевскій. Редакторъ во вступительной статьѣ подробно разсказалъ исторію „Пиковой Дамы", давъ ея психологическій и историко-литературный анализъ и выяснивъ ея значеніе. Талантливый иллюстраторъ въ цѣломъ рядѣ виньетокъ, концовокъ и крупныхъ акварельныхъ рисунковъ, художественно воспроизведенныхъ въ краскахъ, изобразилъ различные моменты повѣсти, при чемъ обнаружилъ не только мастерскую технику, но превосходное знаніе эпохи и глубокое проникновеніе тѣмъ отношеніемъ къ ней, которое управляло перомъ ея геніальнаго создателя. Пушкинъ впервые

КЪ ПОСТРОЙКѢ ХРАМА-ПАМЯТНИКА

На полѣ сраженія подъ Лейпцигомъ.

Съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія учрежденъ, состоящій подъ Августѣйшимъ почетнымъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича, Комитетъ по сбору пожертвованій на сооруженіе храма-памятника надъ могилой 22 тысячъ русскихъ воиновъ, павшихъ въ бою подъ Лейпцигомъ 4—7 октября 1813 года.

Національный памятникъ на могилѣ германскихъ воиновъ почти заканчивается. Открытіе его послѣдуетъ въ столѣтній юбилей битвы въ 1913 г.

Долгъ русскихъ почтить память своихъ погибшихъ хотя бы скромнымъ по размѣрамъ, храмомъ. Но и для такого храма нужно около 200.000 рублей, а собрано въ настоящее время около 50 т. руб.

Для усиленія средствъ Комитета, Святѣйшій Синодъ по особому ходатайству опредѣленіемъ отъ 4-го іюля сего года разрѣшилъ произвести во всѣхъ церквахъ Имперіи сборъ пожертвованій въ будущемъ 1912 году, за литургіей въ первый воскресный день послѣ Св. Крещенія, т. е. 8 января. Объ означенномъ опредѣленіи сдѣлано соотвѣтственное увѣдомленіе по духовному вѣдомству.

Пожертвованія направлять въ С.-Петербургъ, Главное Управленіе Генеральнаго Штаба, Дворцовая площадь 10, Предсѣдателю Лейпцигскаго Комитета.

Денежныя поступленія принимаются также въ конторѣ редакціи „Русской Старины“. Петербургъ, Фонтанка, 18.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1912.

ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

Николай Михайловичъ
Пржевальскій.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

основанное 1-го января 1870 г.

1912.

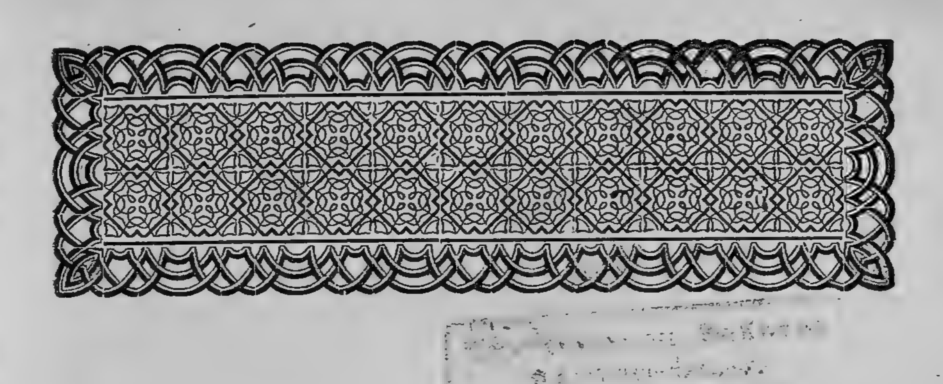
ЯНВАРЬ. — ФЕВРАЛЬ. — МАРТЪ.

СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1911.

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля.

XVII.

Лица прокурорскаго надзора не входятъ, по закону, въ составъ управленія мѣстами заключенія, но имѣютъ, во всякое время, безпрепятственный входъ въ тюрьмы гражданскаго вѣдомства, наблюдаютъ за размѣщеніемъ подслѣдственныхъ арестантовъ, слѣдятъ за ходомъ ихъ дѣлъ, провѣряютъ законность постановленій о взятіи подъ стражу и имѣютъ право, на осн. 10 и 11 ст. Уст. Угол. Судопроизводства, освобождать лицъ, содержащихся безъ постановленія уполномоченнаго на то лица или не въ надлежащемъ мѣстѣ заключенія. Кромѣ того прокуроры (а въ мое время и всѣ товарищи прокурора въ Петербургѣ) состоятъ директорами общества попечительнаго о тюрьмахъ, и въ этомъ качествѣ имѣютъ надзоръ за соблюденіемъ смотрителями мѣстъ заключенія порядка въ отношеніи содержанія арестантовъ и управленія мѣстами заключенія, а также заботятся объ удовлетвореніи матеріальныхъ и нравственныхъ потребностей лицъ, лишенныхъ свободы.

Эта довольно широкая область дѣятельности въ мое время еще расширялась въ силу обычаевъ, сохранившихся отъ должности дореформеннаго губернскаго прокурора, основанныхъ на неотмѣненной инструкціи смотрителю, дававшей прокурору право активнаго вмѣшательства въ тюремные порядки. Но мѣстъ заключенія въ Петербургѣ сравнительно съ настоящимъ временемъ было мало. Не существовала въ своемъ современномъ видѣ тюрьма одиночная на Выборгской сторонѣ, получившая названіе „Крестовъ“,—а Домъ предва-

рительнаго заключенія еще строился особой комиссіею, которая заботилась, между прочимъ, о томъ, чтобы по внѣшности своей это зданіе „не слишкомъ походило на тюрьму“ и заказывало для этого очень дорого стоющія рамы итальянскихъ оконъ, выходящихъ на Захарьевскую,—забывая въ то же время устроить въ воздвигаемомъ громадномъ зданіи квасоварню и прачешную... Между директорами тюремнаго комитета были люди, горячо отдавшіеся своей дѣятельности и приносившіе большую пользу своимъ зоркимъ и постояннымъ надзоромъ въ предотвращеніе отступленія отъ законнаго порядка и разныхъ произвольныхъ дѣйствій смотрителей, составъ которыхъ, за исключеніемъ женскаго персонала, бывалъ очень неудаченъ и неудовлетворителенъ. Такими выдающимися директорами, много потрудившимися для упорядоченія тюремнаго дѣла въ Петербургѣ и по устройству различныхъ благотворительно-воспитательныхъ заведеній для арестованныхъ и ихъ дѣтей, были—А. П. Пятковскій и въ особенности В. Н. Никитинъ. Первый—поклонникъ глубокаго гуманиста князя В. Ѳ. Одоевскаго, либералъ шестидесятыхъ годовъ и издатель сборника „Гражданскихъ мотивовъ“—тогда еще не обратился въ редактора убогаго „Наблюдателя“, преисполненнаго безсильнаго злобствованія на то, чему Пятковскій усердно служилъ въ годы своей молодости. Второй—оставилъ цѣнные бытовые очерки „Жизнь заключенныхъ“ и богатое по собраннымъ историческимъ матеріаламъ изслѣдованіе „Тюрьма и ссылка“. Тюремный комитетъ былъ, однако, составленъ, особливо въ началѣ семидесятыхъ годовъ, довольно неудачно. Въ него вошло нѣсколько пустыхъ крикуновъ, не понимавшихъ дѣла, и имъ не занимавшихся, но стремившихся, присосавшись къ оффиціальному учрежденію, выболтать себѣ разныя отличія. Эти „акробаты благотворительности“ плотною стѣною окружали предсѣдателя комитета, глуховатаго и упрямаго артиллерійскаго генерала, относившагося къ живому дѣлу съ канцелярской неподвижностью. Заявленія и указанія Пятковскаго и Никитина, почему-то пугавшія предсѣдателя, заглушались голосами „акробатовъ“ и оставлялись безъ вниманія большинствомъ комитета, а на письменныя сообщенія прокурора слѣдовалъ или уклончивый отвѣтъ или увѣдомленіе о „принятіи къ свѣдѣнію“. По переходѣ въ Петербургъ изъ Казани, я узналъ, что мои предшественники махнули рукой на комитетъ, въ виду его состава и направленія, и туда не ѣздили.

Поѣхавъ въ ближайшее засѣданіе, чтобы лично убѣдиться въ установившихся тамъ порядкахъ, я былъ встрѣченъ съ явнымъ недружелюбіемъ, какъ нежеланный гость, и когда попытался поддержать одно изъ заявленій Никитина о нарушеніи правилъ о продо-

вольствіи, допускаемыхъ въ Литовскомъ замкѣ, то меня просто не стали слушать... На просьбу мою поставить на баллотировку вопросъ, возбуждаемый мною, предсѣдатель ничего не отвѣтилъ, а на повторенное требованіе отвѣтилъ съ раздраженіемъ: „какой вопросъ? какъ поставить?“ и т. д. и когда, наконецъ, послѣ долгихъ моихъ настояній и протестовъ противъ этого большинства—онъ былъ поставленъ, то, какъ говорятъ нѣмцы: man hat kurzen Prozess gemacht—и я былъ торжественно „проваленъ“ открытой подачею мнѣній, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы мнѣ и „впредь было неповадно“... Но я рѣшилъ не уступать—и дождавшись конца засѣданія, заявилъ предсѣдателю, что всѣ мои товарищи прокурора вмѣстѣ съ тѣмъ и директора тюремнаго комитета (а у меня ихъ было 21), и что если въ слѣдующемъ засѣданіи я не встрѣчу бо̀льшаго вниманія къ заявленіямъ представителя прокурорскаго надзора столицы, то я предложу всѣмъ, подчиненнымъ мнѣ по должности товарищамъ-директорамъ являться въ засѣданія и буду имѣть въ своемъ распоряженіи подавляющее большинство. Эти слова имѣли довольно неожиданный успѣхъ и когда, вмѣсто меня, занятаго другимъ дѣломъ, къ слѣдующему засѣданію въ комитетъ прибылъ товарищъ прокурора В. И. Жуковскій, то предсѣдатель отнесся къ нему весьма предупредительно. Затѣмъ Жуковскій уже обыкновенно ѣздилъ въ комитетъ, такъ какъ завѣдывалъ, по моему порученію, надзоромъ за тюремною частью, чередуясь съ В. А. Желеховскимъ, и въ немъ Пятковскій и Никитинъ пріобрѣли надежнаго союзника.

Если мужской тюремный комитетъ оставлялъ желать многаго то нельзя сказать того же про дамскій. Во главѣ его стояла просвѣщенная дѣятельница, серьезно относившаяся къ принятому на себя званію и сопряженнымъ съ нимъ обязанностямъ—принцесса Евгенія Максимиліановнаго Ольденбургская. Вокругъ нея группировались лица, горячо преданныя дѣлу и вносившія въ него ту сердечную заботливость, отсутствіе которой такъ чувствовалось въ рутинномъ дѣлопроизводствѣ мужского комитета. Изъ сношеній своихъ съ директриссами, завѣдывавшими отдѣльными отраслями тюремно-благотворительнаго дѣла и постоянно возбуждавшими различные вопросы, свидѣтельствовавшіе о томъ, что онѣ близко принимаютъ къ сердцу не только матеріальныя нужды арестантокъ, но и необходимость поднятія ихъ нравственно, я вынесъ искреннее уваженіе къ большинству изъ нихъ.

Горячо, съ любовью и безкорыстіемъ работали онѣ въ той citta dolente, которую представляла тогдашняя тюрьма, со своимъ скуднымъ бюджетомъ и коренными недостатками въ обветшаломъ устройствѣ. Я съ умысломъ упоминаю о безкорыстіи, разумѣя

подъ нимъ отсутствіе всякаго рода личныхъ видовъ или честолюбивыхъ поползновеній, отъ чего далеко не всѣ директора мужского комитета были свободны. Почти всѣ директриссы были женами людей, занимавшихъ выдающееся служебное положеніе—и среди нихъ я не помню ни одной, которая несла бы свои, подчасъ весьма тяжелыя, добровольно принятыя обязанности съ прозрачною цѣлью обратить на себя чье-либо вліятельное вниманіе или втереться въ недоступный для нея иначе общественный кругъ. Оглядываясь назадъ, я склоняюсь предъ симпатичными образами Тимашевой, завѣдывавшей женскими арестантскими помѣщеніями при полицейскихъ частяхъ, и Зубовой и Габерзангъ, работавшихъ въ Литовскомъ замкѣ,—но въ особенности мнѣ памятна свѣтлая дѣятельность Е. А. Гернгроссъ и княжны Маріи Михайловны Дондуковой-Корсаковой. Онѣ не завѣдывали никакой опредѣленной отраслью тюремнаго дѣла въ Петербургѣ, но если справедливо мнѣніе, что высокое назначеніе женщины въ жизни состоитъ въ томъ, чтобы иногда исцѣлять, часто облегчать и всегда утѣшать, то это назначеніе на моихъ глазахъ онѣ обѣ выполняли всецѣло и беззавѣтно. Блестящая свѣтская женщина, одна изъ тѣхъ, которымъ въ старину присвоивалось названіе „львицы"—Е. А. Гернгроссъ потеряла нѣжно любимаго шестнадцатилѣтняго сына, скончавшагося отъ miserere (заворота кишекъ). Говорили, что когда смерть юноши была по опредѣленію врачей неизбѣжна, но не наступала лишь потому, что онъ не прошелъ еще всю стадію невыносимыхъ не только для него, но и для близкихъ страданій, она сама сократила ихъ, давъ ему успокоительное... *навсегда* лекарство. Насколько это вѣрно, извѣстно было лишь ей и Господу, но что смерть сына заставила её пережить тяжкія душевныя муки—это несомнѣнно. Постарѣвшая сразу на много лѣтъ, она оставила навсегда свѣтъ и его суетныя радости, облекшись въ черное, и замкнувшись въ тѣсномъ кругу оставшихся членовъ семьи и немногихъ друзей. Но она не погрузилась въ „нѣмое бездѣйствіе печали", а, переставъ во многихъ отношеніяхъ жить личной жизнью, стала жить для другихъ. Въ тюремномъ дѣлѣ она приняла на себя роль ходатая и заступницы за арестованныхъ, выхлопотавъ разрѣшеніе посѣщать и мѣста заключенія для мужчинъ. Благодаря ей многіе изъ нихъ имѣли живыя вѣсти очевидицы о своихъ семьяхъ и о близкихъ сердцу людяхъ или получали выпрошенную ею у начальства возможность видѣться съ послѣдними не чрезъ рѣшетку и не въ теченіе скупо отмѣреннаго времени. Изъ большой пачки ея писемъ ко мнѣ, какъ къ прокурору, постоянно слышится неустанная просьба содѣйствовать ей въ ея домогательствахъ о смягченіи тяжести разныхъ нравственныхъ

осложненій, нерѣдко связанныхъ съ лишеніемъ свободы, часто напрасныхъ, а иногда и вовсе ненужныхъ.

Нужно ли говорить о княжнѣ Дондуковой-Корсаковой, посвятившей всю жизнь свою, уже совершенно нераздѣльно, съ полнымъ забвеніемъ о себѣ, съ дѣтской вѣрой въ добро и наивнымъ довѣріемъ ко всѣмъ людямъ вообще—заботѣ о „несчастныхъ", утѣшенію ихъ горячимъ, убѣжденнымъ словомъ и облегченію ихъ неустрашимымъ ни предъ какими трудностями дѣломъ? Искренняя скорбь, вызванная недавнею кончиною этой, по-истинѣ святой, женщины, служитъ лучшимъ доказательствомъ того, чѣмъ она была неизмѣнно на протяженіи почти пятидесяти лѣтъ. Неутомимая, несмотря на лѣта и тяжкіе недуги, съ суровымъ, мужественнымъ лицомъ и кроткими глазами подъ прядями сѣдыхъ волосъ, оригинальная въ походкѣ и костюмѣ, „скучная" по мнѣнію однихъ, „странная" по мнѣнію другихъ, лично скромная до крайнихъ предѣловъ и въ то же время гордо увѣренная въ правотѣ своей дѣятельности—она заслуживаетъ подробной біографіи, быть можетъ, не менѣе, чѣмъ докторъ Гаазъ... Достаточно указать на то, что въ послѣдніе годы своей жизни, княжна Дондукова-Корсакова, зная цѣну и вліяніе на заключенныхъ слова участія и дѣла живого утѣшенія, рѣшилась посвятить остатокъ своихъ дней заботѣ о содержавшихся въ Шлиссельбургской крѣпости. Ей было поставлено условіемъ безотлучное пребываніе на жительствѣ въ крѣпости до самой смерти. Она съ радостью, безъ малѣйшихъ колебаній, несмотря на уговоры любившихъ ее и чтившихъ, принялась за осуществленіе своего намѣренія и лишь упраздненіе Шлиссельбургской тюрьмы помѣшало этому подвигу послѣднихъ дней этой носительницы „дѣятельной любви" въ сердцѣ своемъ.

По неоднократному опыту зная, какъ иногда успокаиваетъ и примиряетъ „нарушителя закона" съ создавшимся для него положеніемъ слово утѣшенія „по человѣчеству", я высоко цѣнилъ дѣятельность Гернгроссъ и княжны Дондуковой — и нерѣдко заступался за нихъ предъ высшимъ тюремнымъ начальствомъ, которое раздражалось на ихъ „вмѣшательство". Онѣ ослабляли тотъ недугъ озлобленія, который всегда гнѣздится въ мѣстахъ заключенія и овладѣваетъ людьми иногда при одной перспективѣ лишенія свободы. Въ послѣднемъ отношеніи мнѣ невольно вспоминается свиданіе съ присужденной въ 1875 году къ трехмѣсячному содержанію въ тюрьмѣ укрывательницей похищаемыхъ ея возлюбленнымъ купоновъ одного изъ большихъ кредитныхъ учрежденій, подлежавшихъ погашенію и предъявляемыхъ имъ по частямъ къ уплатѣ въ мѣняльныхъ лавкахъ. Дня чрезъ два послѣ того, какъ мой камерный товарищъ обратилъ приговоръ суда къ исполненію чрезъ полицію, ко мнѣ въ служебный кабинетъ

влетѣла раскраснѣвшаяся дама среднихъ лѣтъ, въ модномъ, но небрежномъ костюмѣ, и сильно жестикулируя начала кричать, что *это* невозможно, что *этого* никогда не будетъ, такъ какъ она живая не дастся... На мои спокойные вопросы—кто она и что ей нужно?—она объяснила, что полиція требуетъ ея явки для препровожденія въ тюрьму и отобрала отъ нея въ этомъ подписку—и все это дѣлается по моему приказу, но что она ни за что не подчинится этому *душегубству*. Я понялъ, съ кѣмъ имѣю дѣло и спросилъ: „это я—душегубъ?“ —Да, вы! возопила она и стала горько плакать, судорожно всхлипывая. Я объяснилъ ей съ возможною мягкостью, что прокуроръ приводитъ въ исполненіе приговоръ суда и является лишь передаточной инстанціей. „Но помилуйте,—говорила она прерывающимся отъ слезъ голосомъ, вѣдь *онъ* мнѣ не чужой, какъ же я могла отказать спрятать, когда *онъ* просилъ?! вѣдь я невиновата, за что же меня сажать?—Это все, вѣроятно, вашъ защитникъ объяснилъ присяжнымъ, а теперь надо подчиниться ихъ рѣшенію“...—Да не могу я, не могу,—понимаете ли, не могу! Вѣдь у меня хорошіе знакомые есть,—даже генеральша одна, — какъ же я имъ на глаза покажусь послѣ тюрьмы?!—Если ваша генеральша добрая женщина и васъ любитъ, то не отвернется, зная ваши отношенія къ тому, кто васъ посадилъ, втянувъ въ свое преступленіе, на скамью подсудимыхъ, — а если отвернется, то не стоитъ объ этомъ и жалѣть,—да и у всѣхъ, кто захочетъ васъ осуждать, матеріаломъ для этого будетъ не то, что вы сидѣли въ тюрьмѣ, а то, что васъ привело въ тюрьму.—Да! это такъ, довѣрчиво взглянувъ на меня опухшими отъ слезъ глазами, сказала она, вы повѣрите ли—*она* еще когда только слѣдствіе началось начала мнѣ спину показывать...—Ну, вотъ видите!—подчинитесь скорѣй приговору и чрезъ годъ-другой все забудется. Я обращу на васъ вниманіе двухъ дамъ—онѣ тоже—одна генеральша, а другая княжна—и онѣ спины вамъ показывать не будутъ, а пожалѣютъ васъ и о *немъ* вамъ разскажутъ, что съ нимъ, и какъ...—„Не могу я, голубчикъ прокуроръ, — воскликнула она неожиданно, положивъ мнѣ руку на плечо,—право, не могу! голубчикъ!—А вы попробуйте, сядьте, это не такъ уже ужасно, да и неизбѣжно при томъ,—сказалъ я, въ свою очередь кладя ей ласково руку на плечо, — рѣшитесь-ка, знаете какъ принимаютъ непріятное лекарство,—горько, противно, а выпить все-таки надо... сядьте, голубушка! — Такъ вы думаете, надо сѣсть? — сказала она упавшимъ голосомъ, вытирая слезы — и потомъ рѣшительно прибавила — ну хорошо! только *для васъ*!—Для душегуба? — Да, для васъ...“ улыбнулась она и вышла, съ очевидной увѣренностью, что сдѣлала мнѣ большое одолженіе...

Моя прикосновенность къ петербурскимъ мѣстамъ заключенія памятна мнѣ еще по нѣсколькимъ эпизодамъ. Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ министръ юстиціи, графъ Паленъ, поручилъ мнѣ, согласно волѣ покойнаго Государя, ознакомить съ устройствомъ и настоящимъ состояніемъ тюремныхъ помѣщеній столицы Великаго Князя Сергѣя Александровича, въ то время стройнаго, нѣсколько застѣнчиваго юношу лѣтъ восемнадцати. Предпославъ обзору продолжительную и подробную бесѣду объ общихъ задачахъ тюрьмовѣдѣнія, о системахъ тюремнаго заключенія и о типахъ тюремъ въ Западной Европѣ и Америкѣ, я условился съ Великимъ Княземъ о дняхъ, когда онъ будетъ заѣзжать за мною, чтобы ѣхать на осмотръ, о которомъ я рѣшилъ никого не предупреждать. Мы выѣзжали отъ меня обыкновенно часовъ въ 10 утра и успѣли въ теченіе недѣли осмотрѣть всѣ разнообразныя тюремныя помѣщенія Петербурга, за исключеніемъ военной и военно-морской тюремъ. Оставивъ экипажъ гдѣ-нибудь за ближайшимъ угломъ, мы шли пѣшкомъ, и Великій Князь являлся въ эти помѣщенія какъ частный человѣкъ. Какъ нарочно, я посѣтилъ многія петербургскія тюрьмы незадолго предъ этимъ съ Достоевскимъ, а потомъ съ членами японскаго посольства, между которыми находился тогда, въ скромномъ еще званіи, будущій министръ иностранныхъ дѣлъ Токузиро-Нисси. Поэтому мой приходъ въ сопровожденіи молодого офицера не возбуждалъ никакихъ вопросовъ. Въ одномъ мѣстѣ, впрочемъ, моего спутника узнали. Это было въ Литовскомъ замкѣ, внутри двора котораго, противъ воротъ, была гауптвахта, и находился военный караулъ. Дежурный часовой призналъ Великаго Князя, ударилъ въ колоколъ, вся команда выбѣжала и выстроилась, и офицеръ, приложивъ руку къ чешуѣ каски, сталъ рапортовать Сергѣю Александровичу. Вся эта церемонія, а затѣмъ уже неизбѣжное представленіе тюремнаго персонала Великому Князю заняли минутъ десять или четверть часа, и, когда мы пошли по корридорамъ тюремнаго замка, предшествуемые на нѣкоторомъ разстояніи озабоченной суетой, то все оказалось въ образцовомъ порядкѣ, который увеличивался пропорціонально времени, проводимому нами въ зданіи насильственнаго гостепріимства. Въ отдаленныхъ камерахъ арестанты оказались въ новыхъ халатахъ, и пахло уксусомъ, налитымъ на горячія плитки. А когда я въ кухнѣ потребовалъ „пробу“, то она оказалась по вкусу и приготовленію несомнѣнно принесенною изъ бракоразводнаго трактира „Роза“, помѣщавшагося наискосокъ противъ замка и дававшаго въ своихъ номерахъ пріютъ мужьямъ, продѣлывавшимъ недостойную и грязную комедію, необходимую для полученія развода. Мы посѣтили библіотеку, въ которой я въ 1871 году, по переводѣ моемъ изъ Казани,

нашелъ, между прочимъ, такую полезную и успокоительную для заключенныхъ книгу, какъ „Исторія знаменитыхъ побѣговъ изъ тюремъ“ (Les évasions célèbres, par—Bernard), изданную въ русскомъ переводѣ. Зашли мы и въ лазаретъ, гдѣ за годъ предъ тѣмъ я былъ свидѣтелемъ комической сцены. Одинъ врачъ, фамиліи котораго не помню, изобрѣтатель новаго способа переливанія человѣческой крови, просилъ разрѣшенія произвести такой опытъ надъ двумя арестантами, выразившими на то свое согласіе. Для присутствованія при этомъ опытѣ пріѣхали военный министръ Д. А. Милютинъ со своимъ высокимъ и стройнымъ адъютантомъ, въ красивой бѣлой фуражкѣ, присвоенной гвардейской тяжелой кавалеріи,—французскій военный агентъ Гальяръ и другія лица. Паціенты лежали на двухъ поставленныхъ рядомъ постеляхъ, между которыми былъ зачѣмъ-то помѣщенъ огромный тазъ съ водою. Докторъ просилъ присутствующихъ не говорить громко и не развлекать паціентовъ, предупредивъ, что всякій испугъ послѣднихъ можетъ повлечь за за собою гибельныя для послѣднихъ послѣдствія. Затѣмъ онъ вскрылъ у обоихъ вены на рукахъ и вставилъ въ нихъ трубочки, соединенныя гуттаперчевымъ каналомъ съ краномъ и съ какими-то сложными приспособленіями. И мы всѣ, при воцарившемся глубокомъ молчаніи, увидѣли, какъ кровь здоровеннаго краснощекаго парня, рѣшившагося подвергнуться опыту, стала явственно вздувать сосуды малокровнаго и истощеннаго арестанта, и какъ мало-по-малу оживился его взглядъ, а щеки стали покрываться легкимъ румянцемъ. Но вдругъ раздался трескъ, что-то задребезжало, зазвенѣло и тяжело рухнуло среди насъ. Паціенты вздрогнули и встревожились, а докторъ испуганнымъ и быстрымъ движеніемъ закрылъ кранъ и какіе-то клапаны. Опытъ не былъ доведенъ до конца. Оказалось, что спутникъ военнаго министра, изящный ротмистръ, не могъ перенести зрѣлища переливаемой крови и упалъ въ обморокъ на полъ, разбивъ при паденіи какіе-то кувшины, а бѣлая его фуражка плавно и медленно поплыла въ обширномъ тазу...

Въ другихъ мѣстахъ Великаго Князя не узнавали. Я могъ ему показать наши тюремныя помѣщенія во всей ихъ непригляднойдѣйствительности. Когда мы подошли къ зданію Коломенской части, гдѣ находилось тюремное помѣщеніе для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, приговоренныхъ на краткіе сроки и не нашедшихъ поэтому себѣ мѣста въ земледѣльческой колоніи за Охтой, то ни пристава, ни смотрителя не оказалось въ зданіи. Пришлось ихъ поджидать на крыльцѣ. Мимо насъ два городовыхъ провели мертвецки-пьянаго мужика и скрылись внутри двора. Я предложилъ Великому Князю пойти за ними, чтобы увидѣть, какъ у насъ иногда

обращаются съ пьяными, и что такое представляютъ камеры для вытрезвленія. Отворивъ на дворѣ дверь въ отвратительную и вонючую комнату нижняго этажа, мы застали пьянаго лежащимъ на спинѣ и безсмысленно мычащимъ, а надъ нимъ наклонившимся одного изъ городовыхъ, который неистово теръ и дергалъ ему уши, что составляло, будто-бы, испытанное средство противъ безчувственнаго опьяненія. Другой городовой съ философскимъ спокойствіемъ стоялъ у низенькаго окна, заявивъ мнѣ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ офицера: „А вамъ, господинъ, здѣсь быть не полагается". Вскорѣ явился приставъ, энергическій маіоръ. Онъ повелъ насъ въ камеры арестантовъ и въ школу, гдѣ былъ въ это время опытный и горячо преданный своему дѣлу учитель Песковскій. Соблюдая инкогнито Великаго Князя, я все время бесѣдовалъ съ приставомъ, предоставивъ Князю разговаривать съ Песковскимъ, при чемъ на нѣкоторые его вопросы, приставъ, чувствуя себя старшимъ въ чинѣ, отвѣчалъ довольно небрежно и свысока. Когда мы стали спускаться внизъ по довольно крутой лѣстницѣ, онъ сказалъ мнѣ, „господинъ прокуроръ, этотъ офицеръ, который съ вами,—и онъ кивнулъ головой на шедшаго сзади Великаго Князя, — желаетъ посмотрѣть мастерскія внизу: прикажете показать? — Да, господинъ приставъ, покажите, сказалъ я, —и знаете ли что: будьте немножко полюбезнѣй съ этимъ офицеромъ; онъ, конечно, чиномъ ниже васъ, но я сообщу вамъ по секрету, что это сынъ Государя Императора". Мой бѣдный маіоръ чуть не свалился кубаремъ съ лѣстницы.

Мы были въ домѣ предварительнаго заключенія, тогда только что открытомъ, — посѣтили, въ день отправленія этапной партіи, пересыльную тюрьму, въ старомъ прогнившемъ домѣ въ Демидовомъ переулкѣ, и присутствовали при тяжелыхъ сценахъ разставанія близкихъ съ уходящими, какъ говорилось въ тѣ годы „по Владимiркѣ". Когда этапная партія выстроилась, я пересмотрѣлъ статейные списки и показалъ ихъ Сергѣю Александровичу. Въ одной и той же партіи были убійцы, разбойники и фальшивые монетчики, а также высылаемые на родину за безписьменность. По разспросу нѣкоторыхъ изъ нихъ, оказалось, что причиной невысылки паспорта двумъ или тремъ, бывшимъ въ Петербургѣ при честномъ заработкѣ, было отсутствіе взятки, посланной волостному писарю. „Вотъ посмотрите,— сказалъ я Великому Князю,—что такое наша паспортная система. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря Сольскаго засѣдала комиссія, выслушавшая заявленія представителей градоначальства, министерства финансовъ и прокуратуры, а также начальниковъ адреснаго стола и сыскной полиціи о ненужности ни съ какой точки зрѣнія паспор-

товъ, объ ихъ вредной стѣснительности и дурномъ вліяніи на развитіе экономической жизни. Она проектировала уничтоженіе паспортовъ, но началась „междувѣдомственная переписка“, и весь вопросъ отложенъ въ долгій ящикъ. (увы! къ сожалѣнію, онъ и теперь, по прошествіи 40 лѣтъ послѣ окончанія трудовъ комиссіи—продолжаетъ лежать въ томъ же ящикѣ...). Взгляните, Ваше Высочество, на этихъ высылаемыхъ. Вѣдь это по всей вѣроятности вполнѣ честные люди,—во всякомъ случаѣ они производятъ такое впечатлѣніе,—и вотъ, вслѣдствіе невольнаго, быть можетъ, нарушенія „паспортной системы“, дающей столько поводовъ для разныхъ злоупотребленій, они обречены многіе дни провести въ компаніи настоящихъ злодѣевъ или порочныхъ людей и притти къ себѣ домой, разоренными, оторванными отъ честнаго труда и напитавшимися ядомъ насильственнаго и безнравственнаго сообщества“. При насъ партія двинулась въ путь на желѣзную дорогу, звеня цѣпями, сопровождаемая плачущими женщинами съ бѣдными дѣтьми на рукахъ—сѣрая движущаяся масса, подъ сѣрымъ петербургскимъ небомъ, торопливо влача свое несчастіе и позоръ средь сѣрыхъ домовъ столицы...

Чрезъ нѣсколько дней по окончаніи нашихъ поѣздокъ, министръ юстиціи озабоченно спросилъ меня, что именно я показывалъ моему высокому спутнику. Я разсказалъ. Оказалось, что нѣкоторыми высокопоставленными лицами придворнаго круга, освѣдомившимися у Сергѣя Александровича о тяжеломъ впечатлѣніи, произведеннымъ на него многимъ изъ видѣннаго, было выражено мнѣніе, что я поступилъ неправильно, упустивъ изъ виду, что надо щадить нервы Великаго Князя и не подвергать испытанію его молодую воспріимчивость. Я могъ только подивиться на такую ретроспективную программу моихъ дѣйствій въ качествѣ руководителя въ ознакомленіи съ тюрьмами въ ихъ дѣйствительномъ видѣ. Для полученія же пріятныхъ ощущеній при взглядѣ на эти учрежденія, я, шутя, предложилъ бы недовольнымъ мною обратиться въ дирекцію Императорскихъ театровъ, которая поставила бы послѣдній актъ оперы „Фаустъ“. Тамъ пребываніе несчастной Гретхенъ въ тюрьмѣ имѣетъ вокально-инструментальный характеръ и, въ концѣ концовъ, особливо послѣ апоѳеоза, тяжелаго впечатлѣнія оставить не можетъ... Чрезъ много лѣтъ, въ 1898 году, въ Москвѣ, Великій Князь, котораго я просилъ какъ Московскаго генералъ-губернатора, содѣйствовать осуществленію мысли о постановкѣ памятника великому тюремному человѣколюбцу, „святому доктору“ Ѳедору Петровичу Гаазу, вспомнилъ нашъ объѣздъ петербургскихъ мѣстъ заключенія и сказалъ мнѣ: „я много видѣлъ тяжелыхъ картинъ на своемъ вѣку, но ничто не производило на меня такого подавляющаго дѣйствія, какъ то, что

вы мнѣ показали тогда,—этого нельзя забыть!“—„Я радъ это слышать,—значитъ моя цѣль представить дѣйствительность, а не оффиціальную декорацію—была достигнута...“—„О да! и еще какъ!..“

Весьма важнымъ вопросомъ въ дѣятельности прокурорскаго надзора перваго десятилѣтія осуществленія судебной реформы, были взаимныя отношенія прокуратуры и высшей мѣстной администраціи. Судебныя установленія вошли клиномъ въ устарѣлый строй прежнихъ губернскихъ учрежденій, окаменѣлыхъ въ томъ положеніи, которое было начертано еще при Екатеринѣ II. Это былъ въ своемъ родѣ—употребляя выраженіе римскаго права — insula in flumine nata, при чемъ эта рѣка, этотъ flumen, стѣсненная въ своемъ теченіи образовавшимся островомъ и не измѣнившимися берегами, часто прекращала свое спокойное и лѣнивое теченіе и негодующе бурлила, стараясь, гдѣ возможно, затопить заставляющій ее оставлять привычное ложе островъ. Такому положенію вещей способствовала обычная несогласованность нашихъ законовъ, дававшая возможность на многія вещи въ явленіяхъ общественной жизни и на отношенія глядѣть съ совершенно противоположныхъ и въ то же время одинаково законныхъ съ формальной стороны точекъ зрѣнія. Отсюда обширное поле для всякаго рода недоразумѣній и столкновеній. Въ особенности это обнаружилось на первыхъ порахъ введенія судебной реформы въ губернскихъ городахъ. Губернаторъ, въ большинствѣ случаевъ, привыкалъ смотрѣть на себя не только какъ на высшаго представителя мѣстной административной власти, но и какъ на хозяина губерніи во всѣхъ отношеніяхъ, предъ которымъ подобострастно склонялось мѣстное общество, за исключеніемъ—да и то не всегда—губернскаго предводителя дворянства и архіерея. Онъ нерѣдко приходилъ въ гнѣвное недоумѣніе, когда подъ бокомъ у него выростала власть, мѣстные носители которой ни въ чемъ отъ него не зависѣли, и отъ которыхъ онъ могъ требовать и ожидать не повиновенія, а лишь вѣжливости и *внѣшняго* уваженія, такъ какъ *внутреннее* надо было еще заслужить. Были, конечно, и тутъ счастливыя исключенія, и мнѣ отрадно вспомнить здѣсь о ярославскомъ губернаторѣ адмиралѣ Унковскомъ, который словомъ и дѣломъ доказалъ свою преданность судебной реформѣ и, понимая ея значеніе, являлся прямодушнымъ ея защитникомъ въ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ Монарху. Не такъ поступало однако большинство сотоварищей почтеннаго адмирала по служебному положенію. Они не скупились на письменныя сообщенія въ Петербургъ о колебаніи авторитета власти со стороны чиновъ судебнаго вѣдомства, а въ личныхъ бесѣдахъ, ведомыхъ въ столицѣ, много-

значительно подчеркивали каждую шероховатость, столь свойственную новому дѣлу, возводя какую-либо личную неловкость по отношенію къ себѣ изъ области анекдота въ область вопіющаго событія или наоборотъ облекая свое собственное служебное самодурство въ форму невиннаго и только забавнаго анекдота. Положеніе министерства юстиціи при этомъ было довольно затруднительнымъ. Люди, пользовавшіеся благами новаго суда, не имѣли поводовъ и возможности выразить, чѣмъ они ему обязаны, но голоса недовольныхъ очень быстро создали вокругъ судебнаго вѣдомства атмосферу скрытаго недоброжелательства и подозрительной недовѣрчивости. Между „потерпѣвшими отъ новаго суда“ однихъ возмущала испытанная на себѣ гласность производства,—другимъ трудно было переварить равноправность на дѣлѣ, а не на словахъ—только, третьихъ раздражало то, что „судейскіе“, еще недавно столь услужливые, въ лицѣ разнообразныхъ секретарей, допускавшіе брезгливо-фамильярное съ собою обращеніе—стали „что-то такое о себѣ воображать“ и все подводить подъ несносное иго „ихнихъ законовъ“ и т. д. Недовольны были чиновники разныхъ вѣдомствъ особыми правами и преимуществами судей и тѣмъ, что за такую же службу, какую несутъ и другіе, они получаютъ гораздо большее, за исключеніемъ лишь акцизныхъ чиновъ, вознагражденіе... Зависть, облеченная въ разныя формы, не хотѣла, а быть можетъ, и не могла понять, что между работою мыслящаго и способнаго чувствовать судьи и работою столоначальниковъ разныхъ ранговъ — была громадная разница въ нравственной тяжести и что составленіе „исходящихъ“ по приказанію начальника не могло идти въ сравненіе съ необходимыми сомнѣніями при рѣшеніи матеріальной или личной судьбы человѣка. Отсюда настойчивое исканіе случаевъ, когда можно было въ печати или въ докладахъ по начальству высказать огорченіе и негодованіе на судебное вѣдомство, отсюда та бухгалтерія особаго рода, по которой *въ пассивъ* новыхъ судовъ преувеличенно крупнымъ шрифтомъ вписывались малѣйшіе промахи и неизбѣжныя ошибки, а *въ активъ* ровно ничего не писалось, несмотря на блестящіе и невозможные при старомъ судебномъ строѣ примѣры истиннаго и нелицемѣрнаго правосудія. Все это, вмѣстѣ взятое, въ концѣ семидесятыхъ годовъ нашло себѣ неожиданнаго, хотя и по другимъ мотивамъ, союзника въ Катковѣ съ его страстнымъ походомъ противъ „судебной республики“.

Понятно, что министерство юстиціи старалось, чѣмъ могло, ослабить почти съ первыхъ же дней судебной реформы враждебный натискъ и жить въ мирѣ съ администраціей, насколько это было совмѣстимо съ задачами и достоинствомъ судебнаго вѣдомства, ко-

торыя во время, мною вспоминаемое, понимались широко и согласно съ ихъ истиннымъ смысломъ. По характеру своей дѣятельности въ наибольшее дѣловое соприкосновеніе съ администраціей приходилъ прокурорскій надзоръ. По Судебнымъ Уставамъ прокурору по производству дознаній была подчинена полиція. Надзирая за нею при производствѣ слѣдствій и дознаній, онъ имѣлъ право подвергать ея чиновъ предостереженіямъ и замѣчаніямъ и могъ передавать ихъ дѣйствія на разсмотрѣніе суда; онъ предлагалъ губернскому правленію и полиціи объ исполненіи уголовныхъ приговоровъ; онъ имѣлъ право давать и не давать ходъ жалобамъ полиціи на приговоры мировыхъ судей; онъ облеченъ былъ особыми правами по дѣламъ казенныхъ управленій и по ряду дѣлъ, сопряженныхъ такъ или иначе съ прямой или косвенной дѣятельностью полиціи. Наконецъ, прокуроръ имѣлъ непосредственное отношеніе къ порядку, условіямъ и основаніямъ содержанія арестантовъ въ губернскихъ и полицейскихъ мѣстахъ заключенія. Все это содержало въ себѣ достаточно поводовъ для взаимнаго раздраженія служебнаго самолюбія и для разнаго рода столкновеній на почвѣ застарѣлой рутины, неисполненія долга, небрежности или опьянѣнія виномъ власти, бросившимся въ голову.

Судебная реформа въ Казанскомъ округѣ застала меня въ должности самарскаго губернскаго прокурора. Когда на предложеніе министра юстиціи графа Палена занять должность прокурора самарскаго окружного суда, я высказалъ желаніе быть назначеннымъ не въ Самару, а въ Казань, то графъ К. И. Паленъ, выражая свое на это согласіе, сказалъ мнѣ однако: „но вы знаете, вѣдь тамъ губернаторомъ Скарятинъ: ему новый судъ будетъ поперекъ горла, и вамъ съ нимъ будетъ очень трудно". То же самое, но только въ болѣе энергическихъ выраженіяхъ мнѣ повторили разныя лица, освѣдомленныя о казанскихъ дѣлахъ. По дорогѣ къ моему новому мѣсту служенія, на пароходѣ и по желѣзной дорогѣ, я наслушался почти легендарныхъ разсказовъ о личности и дѣйствіяхъ казанскаго губернатора, который оказывался не только всевластнымъ распорядителемъ въ своей губерніи, но даже и нѣкоторой грозой для сосѣднихъ губернаторовъ, съ которыми никогда и ни въ чемъ не хотѣлъ признать себя солидарнымъ и надъ административными мѣропріятіями которыхъ на словахъ и на дѣлѣ всячески издѣвался. Когда я пріѣхалъ къ нему съ оффиціальнымъ визитомъ, меня встрѣтилъ высокій, нѣсколько сутуловатый, пожилой человѣкъ съ сѣдою, коротко остриженною головою, большими темными усами и молодыми горящими глазами подъ густыми бровями на энергическомъ и умномъ лицѣ. Послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ, вызы-

ваемыхъ первымъ знакомствомъ, онъ сказалъ мнѣ съ недоброю улыбкой, что очень жалѣетъ, что наше знакомство будетъ такъ непродолжительно. „Почему непродолжительно? спросилъ я.—Да помилуйте! внезапно покраснѣвъ, воскликнулъ онъ. Развѣ я могу оставаться на службѣ при новыхъ судахъ? Когда я пріѣхалъ сюда много лѣтъ назадъ губернаторомъ, мнѣ на другой день нѣмецъ—полиціймейстеръ докладываетъ, что все въ городѣ благополучно, всего три *тѣль* найдено. Какія *три тѣль?* спрашиваю.—А убитыхъ, отвѣчаетъ нѣмецъ.—Какъ? говорю, три убитыхъ и это благополучно?—Да, говоритъ тотъ преспокойно—обыкновенно бываетъ больше.—Въ одинъ день?!—Да, въ одинъ день“... Вотъ, что я засталъ въ Казани! Я перемѣнилъ всю полицію, всѣхъ училъ самъ, ѣздилъ по ночамъ повѣрять посты и „натаскалъ“ своихъ такъ, что у меня первая полиція въ Россіи. Они знаютъ, что я цѣню ихъ службу, но ужъ и спуску не дамъ. Я для нихъ какъ отецъ, но отецъ строгій. И вотъ теперь новые суды, и, говорятъ, прокуроръ имѣетъ право дѣлать предостереженіе моимъ чиновникамъ и даже въ судъ ихъ тащить. Значитъ, у нихъ два начальства? и я для господина прокурора трудился? Да они меня въ грошъ ставить не будутъ! какой же я послѣ этого начальникъ губерніи? Да при такомъ порядкѣ я не могу отвѣчать за спокойствіе края. Нѣтъ, ужъ лучше въ отставку! Пусть кто-нибудь другой приспособляется къ этимъ порядкамъ, а я ужъ старъ. Покорнѣйше благодарю!—говорилъ онъ, все болѣе и болѣе разгорячаясь и энергически хлопая рукою по ручкѣ кресла.—Я молчалъ. „Вы вѣдь имѣете право давать предостереженія?“ спросилъ онъ меня, немного успокоясь, тономъ, въ которомъ звучала слабая надежда, что, быть можетъ, я его разувѣрю въ существованіи такого ужаснаго права.—Имѣю, сказалъ я.—„И будете давать?“—Буду, если къ этому представится надобность,—„Ну вотъ видите!—снова загорѣлся онъ,—какъ же намъ, мнѣ—старику и вамъ—извините меня—молодому человѣку, дѣлить власть надъ полиціей? Ужъ вы и оставайтесь, а я-съ уйду, не могу!“ И по лицу его пробѣжала легкая судорога, а глаза затуманились.—Разъ я назначенъ, я останусь, сказалъ я ему твердо,—да и вамъ, ваше превосходительство, нѣтъ никакого основанія уходить. Сколько мнѣ извѣстно, никто не отрицаетъ образцоваго состоянія вашей полиціи и той строгости, съ которой вы относитесь къ исполненію ею своихъ обязанностей. Къ этимъ обязанностямъ относится и исполненіе требованій судебной власти по дознаніямъ и слѣдствіямъ. Несомнѣнно, что вы пожелаете, чтобы разумная исполнительность полиціи проявлялась въ ея дѣятельности и въ этомъ отношеніи. Я настолько увѣренъ въ этомъ, что въ случаѣ нарушеній чинами полиціи своихъ обязанностей, буду прежде

всего сообщать объ этомъ вамъ, прося лишь увѣдомить меня о послѣдствіяхъ моего сообщенія. Вотъ если мои справедливыя обращенія къ вамъ не найдутъ себѣ удовлетворенія, и чины полиціи такимъ образомъ станутъ вмѣнять ни во что требованія судебныхъ властей, то я, конечно, буду вынужденъ прибѣгнуть къ осуществленію тѣхъ правъ, которыми меня вооружилъ законъ. Поэтому я не сомнѣваюсь, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ вами будутъ приняты мѣры, которыя, не колебля ни въ чемъ вашего авторитета, пріучатъ чиновъ полиціи къ искреннему и усердному содѣйствію судебнымъ чинамъ въ ихъ тяжеломъ и отвѣтственномъ дѣлѣ.—„Ахъ, это будетъ такъ?“ сказалъ, просвѣтлѣвъ, Скарятинъ: „вы значитъ будете писать о нарушеніи не имъ, а мнѣ, а я уже буду налагать взысканія? Ну, это дѣло другое: тутъ мы всегда можемъ столковаться: я вѣдь своимъ потачки давать не намѣренъ!“ На этомъ мы разстались. Полиція въ Казани дѣйствительно была образцовая, и въ средѣ ея былъ даже одинъ приставъ, отличавшійся выдающимися способностями по розыску слѣдовъ и доказательствъ преступленій, такъ что изъ него могъ бы выйти второй Путилинъ. Но все-таки раза два или три въ средѣ чиновъ уѣздной полиціи было допущено такое бездѣйствіе или медленность и нерадѣніе, что имѣлись на лицо побудительныя основанія къ сдѣланію предостереженія или замѣчанія. Каждый разъ я писалъ объ этомъ Скарятину съ указаніемъ, что прежде, чѣмъ сдѣлать предостереженіе или замѣчаніе, я сообщаю объ обнаруженномъ нарушеніи ему и почти немедленно получалъ отвѣтъ о наложеніи имъ на виновнаго такого дисциплинарнаго взысканія, которое далеко превосходило тѣ безобидныя увѣщанія, на которыя я былъ уполномоченъ закономъ.

Вообще надо замѣтить, что Скарятинъ, весьма ревниво относившійся къ своей власти и любившій наводить страхъ на своихъ подчиненныхъ, очень быстро призналъ въ существованіи независимаго отъ него судебнаго вѣдомства совершившійся фактъ и не только примирился съ нимъ, но и въ значительной степени ограничилъ свои самовластныя привычки, стараясь, гдѣ можно, показать, что онъ не только не противникъ, но даже другъ судебнаго вѣдомства. Онъ часто и съ большимъ интересомъ посѣщалъ судебныя засѣданія по уголовнымъ дѣламъ, не мало смущая своимъ присутствіемъ полицейскихъ чиновъ, являвшихся свидѣтелями;—въ виду нищенски скудныхъ средствъ, отпущенныхъ на внутреннее устройство суда, онъ, собиравшійся выйти по поводу открытія этого суда въ отставку, устроилъ—mirabile dictu—на свой счетъ мѣста для публики въ гражданскомъ отдѣленіи суда и обилъ его полъ сукномъ, чтобы заглушать шумъ шаговъ. Всякое законное требова-

ніе прокурорскаго надзора встрѣчало съ его стороны полнѣйшее содѣйствіе. Этому въ значительной степени способствовало—какъ это ни покажется страннымъ—только что введенное въ Казани городовое положеніе 1874 года. По этому положенію протесты представителя административной власти въ городѣ и жалобы на опредѣленія думы поступали на разрѣшеніе особаго по городскимъ дѣламъ присутствія, состоящаго подъ предсѣдательствомъ губернатора или градоначальника, изъ вице-губернатора или помощника градоначальника, управляющаго казенной палатой, предсѣдателя уѣздной земской управы, предсѣдателя мирового съѣзда, городского головы и прокурора окружного суда. Введеніе лица судебнаго вѣдомства въ составъ этого присутствія было весьма мудрою мѣрой во многихъ отношеніяхъ и ставило этого представителя въ исключительное по своему значенію положеніе. Въ дѣйствительности три члена присутствія были „казенными“ людьми и обыкновенно были одного направленія; трое другихъ были людьми выборными и такъ сказать земскими—и лишь седьмой, юристъ по профессіи, по роду и свойству своей дѣятельности не принадлежалъ ни къ той, ни къ другой группѣ, но по отношенію къ толкованію закона обладалъ между ними наибольшей компетенціей. А законъ, особливо въ виду новизны дѣла и спорнаго смысла нѣкоторыхъ статей городового положенія, на первыхъ порахъ почти постоянно требовалъ толкованія и разъясненія. Не связанный общностью службы и интересовъ ни съ казенными, ни съ земскими людьми, почти всегда дѣлившимися на два лагеря, прокуроръ своимъ голосомъ давалъ перевѣсъ той или другой сторонѣ и въ сущности являлся зачастую рѣшителемъ вопроса. Отсюда понятно, сколь цѣннымъ представлялся его голосъ губернатору, когда дѣло шло объ опротестованіи послѣднимъ постановленія Думы или когда, наоборотъ, ему хотѣлось, чтобъ постановленіе это осталось въ своей силѣ.

По отношенію къ Скарятину существовала еще одна особенность. По городовому положенію не полагалось должности секретаря особаго присутствія, и эту обязанность приходилось бы поручить кому-нибудь изъ чиновниковъ губернаторской канцеляріи. Но при Скарятинѣ эта канцелярія была сведена почти на нѣтъ, и я въ теченіе всего своего пребыванія въ Казани даже никогда не слышалъ о томъ, *кто* правитель губернаторской канцеляріи. Правителя канцеляріи—обыкновенно столь вліятельнаго, а подчасъ и зловреднаго—у энергическаго казанскаго губернатора фактически не существовало. Нетерпѣливый и рѣшительный, послѣдній все дѣлалъ самъ, начиная съ распечатыванія почты, и безвѣстные чиновники исполняли его состоявшіяся безъ всякихъ докладовъ резолюціи. Въ этомъ была его большая и рѣдкая въ то время заслуга. Поэтому открытіе засѣ-

даній новаго и пестраго по составу учрежденія застало его, такъ сказать, врасплохъ. Тогда я, живо интересуясь новымъ дѣломъ и правильной постановкой городского самоуправленія, предложилъ принять обязанности секретаря присутствія на себя, на что всѣ съ радостной готовностью согласились. Пришлось вести журналъ засѣданій и писать всѣ постановленія, изъ которыхъ многія представлялись, въ порядкѣ обжалованія въ Сенатъ. Питая къ Сенату суевѣрный страхъ, Скарятинъ очень дорожилъ этой моею дѣятельностью и готовъ былъ на всякія уступки при разногласіяхъ по преданію суду должностныхъ лицъ и по другимъ вопросамъ, въ которыхъ администрація соприкасалась съ судомъ. Онъ боялся, что я откажусь секретарствовать, на что я ему иногда намекалъ, и онъ останется въ новомъ для него дѣлѣ, какъ въ темномъ лѣсу. Къ сожалѣнію, послѣ моего отъѣзда изъ Казани, мѣстная прокуратура не оцѣнила значенія принятой мною на себя роли, да и вообще не умѣла удержать отвоеваннаго для судебнаго вѣдомства положенія и вліянія на губернатора. Скарятинъ почувствовалъ, что тѣ, кого онъ боялся, сами плохо вѣрятъ въ свою силу, а отъ добрыхъ отношеній съ ними никакой непосредственной пользы нѣтъ. Притихшія на время замашки сатрапа и плохо скрываемое презрительное недоброжелательство къ реформамъ Александра II проснулись въ немъ и развернулись столь широко, что черезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ ревизіи сенатора Ковалевскаго, онъ былъ уволенъ въ отставку и не преданъ суду за возмутительныя насилія надъ правами и вѣрованіями мѣстнаго татарскаго населенія лишь вслѣдствіе излюбленной у насъ системы поддержки авторитета власти путемъ бездѣйствія закона.

Иначе велось дѣло въ петербургскомъ столичномъ городскомъ присутствіи подъ предсѣдательствомъ петербургскаго градоначальника Ѳедора Ѳедоровича Трепова. Будучи назначенъ на эту должность въ 1866 году, онъ нашелъ петербургскую полицію въ полномъ упадкѣ. Его ближайшіе предшественники играли роль начальства, но почти не заботились о правильной организаціи полицейскаго порядка въ столицѣ и о надзорѣ за нимъ, несмотря на то, что архаическое устройство стараго городского управленія дѣлало ихъ почти полновластными хозяевами въ городѣ. Одни изъ нихъ, какъ грубоватый Галаховъ, носились по улицѣ въ сопровожденіи верхового пожарнаго солдата и, надѣвъ пожарную каску, принимали личное участіе въ тушеніи пожаровъ, внося въ него сторопь и смуту; другіе, подобно графу Шувалову, относились высокомѣрно къ своимъ сослуживцамъ и брезгали носить полицейскій мундиръ. При этомъ ни одинъ изъ нихъ не былъ подготовленъ къ этой своей дѣятельности. Вслѣдствіе этого, петербургская полиція, въ

лицѣ многихъ изъ своихъ чиновъ, дошла до крайнихъ предѣловъ распущенности и мздоимства, на что можно найти частыя указанія въ эзоповскомъ языкѣ и каррикатурахъ повременныхъ изданій, несмотря на строгость тогдашней цензуры. Для характеристики этихъ нравовъ я позволю себѣ прервать нить моихъ воспоминаній и привести факты, какъ говорится, „изъ другой оперы“.

Въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ въ Петербургѣ жилъ талантливый художникъ Рудольфъ Жуковскій. Онъ изобразилъ между прочимъ рядъ петербургскихъ типовъ, снабдивъ свои рисунки остроумными подписями и издавъ ихъ подъ названіемъ—кажется—„Петербургъ подъ карандашомъ Жуковскаго“. Онъ нарисовалъ также для „Пантеона и репертуара“, журнала, издававшагося моимъ отцомъ, для разсылки подписчикамъ, въ видѣ приложенія, двѣ картины, изображавшія разъѣздъ изъ Александринскаго и Большого театровъ, составляющія нынѣ большую библіографическую рѣдкость. На одной изъ нихъ было изображено, какъ городовой тузитъ сбитенщика, замѣшкавшагося между экипажами, а на другой—городовой везъ въ саняхъ бушевавшаго пьянаго, а такъ называемый хожалый препровождалъ „на съѣзжую“ на веревочкѣ подозрительнаго субъекта въ шинели. Цензура зачеркнула нѣкоторыя фигуры, и вмѣсто одной изъ нихъ появилось изображеніе редактора „Сѣверной Пчелы“ Булгарина, ѣдущаго въ саняхъ съ какой-то дамой. Несмотря, однако, на это мой отецъ получилъ слѣдующее письмо отъ Жуковскаго, характеризующее взгляды тогдашняго главы петербургской полиціи и окружавшую его служебную среду.

М. Г. Ѳедоръ Алексѣевичъ! Призывалъ меня Оберъ... и такъ былъ недоволенъ, что чуть было не вышелъ изъ границъ приличія, онъ почти можно сказалъ ругалъ меня въ присутствіи гражданскаго губернатора, который повидимому для того явился, чтобы на меня поглядѣть. Нажилъ я себѣ друзей! Вотъ каково у насъ! Нельзя ничего рисовать. Это такое необычайное явленіе у насъ, что Обер... ужасается, „какъ можно (говоритъ онъ) чтобы на картинкѣ возили городовые пьяныхъ, развѣ это видано гдѣ-либо? Какъ можно представлять хожалыхъ, провожающихъ на веревочкѣ воришковъ? Вы въ русской службѣ и срамите русскихъ и т. д.“ Но развѣ я тому виноватъ, что почти ежедневно случается съ живыми въ здѣшнемъ мірѣ. Я привыкъ это видѣть такъ обыкновеннымъ, что безъ всякаго умысла и безъ страха за отвѣтственность нарисовалъ. Цензура дважды разсматривала оные и окончила позволеніемъ печатать, дабы по отпечатаніи 7 экземпляровъ было представлено въ цензурный комитетъ. Я чистъ какъ Христосъ предъ Пилатомъ, а полиція хочетъ меня проглотить; я боюсь за себя, ибо я человѣкъ малень-

кій и вчера былъ похожъ на кролика въ крокодиловой пасти. Попеременно высовывались одинъ изъ-за другого неопрятные, полуобритые чиновники, съ язвительною улыбкой, съ изумленіемъ смотрѣвшіе на меня. Спаси меня Господи видѣть ихъ когда-либо вторично! Если Вы можете—разувѣрьте Обер... что эта новость очень нравится публикѣ, и что въ числѣ ея и онъ тоже публика: что же ему сердиться?..

Вашъ слуга
Р. Жуковскій.

Въ противоположность своимъ предмѣстникамъ, Треповъ прошелъ въ должности варшавскаго генералъ-полицціймейстера большую практическую школу и явился въ Петербургъ съ запасомъ богатаго опыта. Онъ очистилъ составъ полиціи, переименовалъ и обставилъ ея чиновъ прилично въ матеріальномъ отношеніи, а во главѣ своей канцеляріи поставилъ просвѣщеннаго юриста С. Ф. Христіановича—человѣка „судебнаго“ въ душѣ и гуманнаго по сердцу, который въ свою очередь сумѣлъ поручить отдѣльныя части управленія градоначальника лично выбраннымъ имъ дѣятелямъ, чуждымъ прежней рутины. Подвижной, энергичный, дѣятельный, во все входящій, доступный и участливый къ нуждамъ обращавшихся къ нему лицъ, Треповъ вскорѣ стяжалъ себѣ между простымъ народомъ чрезвычайную популярность. Очень мало подходя подъ типъ поверхностныхъ военныхъ бюрократовъ, которыхъ, къ сожалѣнію, въ то время было немало,—обязанный своимъ положеніемъ не связямъ и происхожденію, онъ умѣлъ проявлять, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, значительную независимость характера. Эти его свойства, а также довѣріе къ нему Государя и широкія милости, ему оказанныя, дѣлали его бѣльмомъ на глазу многихъ представителей служебныхъ сферъ, гдѣ господствовала праздная оффиціальная болтовня и топтаніе на мѣстѣ. Вообще, несмотря на нѣкоторые свои недостатки, это былъ живой человѣкъ среди „повапленныхъ гробовъ“, какими являлось большинство тогдашнихъ сановныхъ администраторовъ. Для квіетизма тѣхъ изъ нихъ, кому было суждено приходить съ нимъ съ служебное соприкосновеніе, онъ былъ въ своей кипучей дѣятельности своего рода явнымъ укоромъ. Inde irae! Его не любили, боялись и злословили, распуская на его счетъ разныя ядовитыя легенды, въ которыхъ, несомнѣнно, было больше Dichtung чѣмъ Wahrheit. Нельзя, однако не замѣтить, что и тамъ, гдѣ Wahrheit была безусловно противъ него, какъ, напримѣръ, въ томъ его самовластномъ беззаконіи, которое привело въ концѣ концовъ къ извѣстному процессу Засуличъ, будущій безпристрастный историкъ долженъ будетъ возстановить правильную перспективу и

поставить по меньшей мѣрѣ на одномъ ряду съ нимъ тѣхъ гораздо болѣе просвѣщенныхъ сановниковъ, къ которымъ онъ обращался за совѣтомъ, что ему въ данномъ случаѣ дѣлать, и которые или уклонились отъ возраженій, умывъ себѣ заранѣе руки въ томъ, что *имѣло* совершиться, или же, какъ онъ самъ настойчиво утверждалъ, укрѣпили его въ его злополучномъ намѣреніи.

За все время моей службы въ прокуратурѣ Треповъ относился къ судебному вѣдомству съ большимъ уваженіемъ и предупредительностью, настойчиво, а иногда и грозно требуя того же отъ своихъ подчиненныхъ. Я не могу припомнить какихъ-либо произвольныхъ дѣйствій съ его стороны по отношенію къ судебнымъ дѣламъ. При немъ было совершенно невозможно распоряженіе одного изъ его позднѣйшихъ преемниковъ, которому вино власти до такой степени ударило въ голову, что онъ, *находя*, что домовладѣлецъ Михайловъ, приговоренный мировымъ судьею къ штрафу въ двѣсти рублей съ замѣною арестомъ на два мѣсяца, можетъ воспользоваться шестинедѣльнымъ срокомъ для подачи отзыва и апелляціи, приказалъ привести этотъ приговоръ въ исполненіе въ административномъ порядкѣ, лишивъ такимъ образомъ подсудимаго принадлежавшаго ему по закону права обжалованія. Наоборотъ, въ двухъ случаяхъ, которые въ слѣдующее десятилѣтіе послѣ ухода Трепова изъ градоначальниковъ, могли бы окончиться трагически и кровопролитно, а именно при произведенныхъ студентами безпорядкахъ во дворѣ и около Технологическаго института въ 1874 году и при нападеніи рабочихъ Невскаго судостроительнаго завода на контору управленія съ ея полнымъ разгромомъ вслѣдствіе самовольнаго удержанія управляющимъ жалованья рабочимъ передъ Пасхой, ассигнованнаго распоряженіемъ правленія, Треповъ прежде всего обратился за содѣйствіемъ къ судебной власти и отдалъ себя въ полное ея распоряженіе, благодаря чему оба дѣла окончились вполнѣ закономѣрно и мирно. Я не могу также забыть той тревоги и справедливаго осужденія, съ которыми онъ относился къ раздуванію и безконечной длительности такъ называемаго Жихаревскаго политическаго дѣла, къ коему было привлечено съ лишенною основанія поспѣшностью и неразборчивостью въ цѣляхъ и средствахъ, около тысячи человѣкъ, изъ которыхъ были впослѣдствіи признаны виновными лишь 10%. По всѣмъ возникавшимъ на практикѣ вопросамъ, имѣвшимъ какое-либо отношеніе къ дѣятельности судебнаго вѣдомства, Треповъ не принималъ рѣшенія, не приславъ своего помощника генерала Козлова посовѣтоваться со мною, и былъ всегда благодаренъ за указаніе ему пути, согласнаго съ тѣмъ, что, по его любимому выраженію, „гласитъ законъ“. Я имѣю

основаніе быть убѣжденнымъ, что если бы я занималъ еще должность прокурора въ іюлѣ 1877 года, Треповъ безъ труда согласился бы отказаться отъ своего, чреватаго послѣдствіями, намѣренія, приведшаго къ процессу Вѣры Засуличъ.

У меня сохранилось нѣсколько его записокъ о томъ или другомъ видѣ помощи разнымъ несчастливцамъ, записокъ, въ которыхъ одновременно сказывалось и его участіе къ человѣческому горю, и его враждебныя отношенія съ ороографіей, подававшія поводъ его хулителямъ утверждать, будто бы онъ умѣетъ дѣлать въ словѣ, состоящемъ изъ трехъ буквъ, *четыре* ошибки (еще=ѣсчо). Среди ряда такихъ случаевъ мнѣ особенно памятно горячее участіе, принятое имъ въ бѣдной дѣвушкѣ, желавшей выйти замужъ за любимаго ею арестанта-студента, приговореннаго Сенатомъ къ ссылкѣ въ Сибирь. Высшая судебно-тюремная администрація, съ которою Треповъ былъ въ большихъ—и справедливыхъ съ его стороны—неладахъ, опираясь на разныя формальности, не разрѣшала этого брака въ Петербургѣ, а рекомендовала невѣстѣ ѣхать для этого въ городъ, гдѣ будетъ водворенъ ея женихъ, т. е. обрекала ее на долгій путь въ неопредѣленное заранѣе мѣсто, въ разлукѣ съ любимымъ человѣкомъ, въ тоскѣ и мукахъ неизвѣстности. Когда мнѣ удалось повліять на рѣшеніе вопроса въ противоположномъ смыслѣ, Треповъ выражалъ искреннюю радость и предложилъ достать новобрачной даровые билеты на желѣзную дорогу и пароходы.

Введеніе въ Петербургѣ городового положенія—на годъ позже, чѣмъ въ Казани—возлагало на градоначальника, въ качествѣ предсѣдателя особаго присутствія по городскимъ дѣламъ, новыя обязанности въ обновленномъ дѣлѣ городского самоуправленія. Поэтому, онъ очень цѣнилъ мое участіе въ особомъ присутствіи, въ виду моего знакомства съ дѣятельностью такого учрежденія еще по Казани. Вслѣдствіе сложной и обширной работы, лежащей на прокурорѣ столичнаго окружнаго суда, о моемъ секретарствѣ въ особомъ присутствіи не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что Треповъ выхлопоталъ назначеніе особаго секретаря для присутствія, человѣка весьма дѣльнаго и обстоятельнаго, г. Вырвича. Но я неуклонно посѣщалъ всѣ засѣданія и принималъ въ нихъ дѣятельное участіе, что обусловливалось не только интересомъ къ городскому самоуправленію, но и тѣмъ, что нашъ предсѣдатель смотрѣлъ на прокурора не какъ на простого члена присутствія, а какъ на юрисконсульта, обращаясь къ нему, немедленно послѣ доклада Вырвичемъ дѣла, съ предложеніемъ высказать свое заключеніе. Поэтому такое заключеніе приходилось подробно мотивировать, а для этого тщательно изучать и дѣла, и городовое положеніе, тогда еще представлявшее много вопросовъ,

не разъясненныхъ и не истолкованныхъ Сенатомъ. Треповъ оказался весьма хорошимъ предсѣдателемъ,—велъ засѣданіе быстро и дѣловито, умѣло пресѣкая развитіе той болѣзни, которою страдаютъ у насъ многіе изъ членовъ коллегій и которую я назвалъ бы „недержаніемъ словъ". Онъ ясно и вразумительно ставилъ вопросы и придавалъ разсмотрѣнію дѣла необходимый, но не всюду соблюдаемый характеръ серьезности. Такъ проработали мы вмѣстѣ первые четыре года городского самоуправленія Петербурга. Вопросы, доходившіе до присутствія за это время, имѣли важное значеніе и сами по себѣ, и по способу разрѣшенія ихъ въ Думѣ, который, будучи признанъ правильнымъ со стороны присутствія, обращался въ узаконенный обычай для всѣхъ дальнѣйшихъ подобныхъ же случаевъ.

Между такими вопросами особенно вспоминаются мнѣ — выкупъ городомъ водопроводовъ и устройство второй линіи конножелѣзныхъ дорогъ. По первому изъ нихъ, особому присутствію приходилось рѣшить, относится ли постановленіе городской Думы о выкупѣ вопроводовъ къ такимъ, для законности которыхъ необходимы двѣ трети голосовъ не менѣе половины *всего числа* гласныхъ (ст. 67 городоваго положенія 1874 года). Въ городской Думѣ такое постановленіе состоялось по простому большинству *наличныхъ* гласныхъ— и оно было опротестовано градоначальникомъ. Подробно разобравъ всѣ возраженія, могущія быть сдѣланными противъ голосованія, допущеннаго Думой, я высказался за законность ея дѣйствій—и Треповъ, не настаивая на своемъ протестѣ, согласился со мною. По второму дѣлу предстояло строго разграничить постановленіе Думой рѣшеній отъ ихъ исполненія, область дѣйствій Думы отъ области дѣйствій городской управы. Дума рѣшила не назначать торговъ на устройство второй сѣти столичной конки, а избрать изъ восьми коллективныхъ конкуррентовъ, въ собраніи своемъ, закрытой баллотировкой одного, которому и дать концессію. Противъ этого протестовалъ гласный В. И. Лихачевъ (будущій городской голова), указавшій, что по закону выборъ концессіонера долженъ принадлежать управѣ, а не Думѣ, и что избраніе въ такомъ многолюдномъ и не мотивирующемъ своихъ рѣшеній собраніи, какъ Дума, можетъ состояться подъ вліяніемъ постороннихъ соображеній. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ огласилъ три письменныхъ обязательства (промесса) отъ различныхъ конкуррентовъ, коими тѣ обязывались уплатить—въ случаѣ выдачи концессіи именно имъ—„Милостивому Государю" или просто „предъявителю обязательства" — одинъ — триста рублей чрезъ мѣсяцъ послѣ баллотировки, — другой — четыреста на другой день, а третій — шестьсотъ рублей на третій день... Къ протесту Лихачева присоединилось еще шесть гласныхъ, въ числѣ коихъ

былъ и извѣстный общественный и государственный дѣятель А. П. Заблоцкій-Десятовскій. Но Дума не вняла протесту и большинствомъ 125 голосовъ противъ 48 отдала концессію Губонину и Башмакову. На такія дѣйствія Думы одною изъ группъ конкуррентовъ—Рунцлеромъ и Безобразовымъ, получившими 86 голосовъ—была принесена жалоба въ особое присутствіе, остальные же конкурренты примирились съ постигшей ихъ неудачей, очевидно въ виду малаго количества голосовъ, поданныхъ въ ихъ пользу, колебавшагося отъ 9 до 33. Получивъ концессію, данную такимъ большинствомъ, Губонинъ и Башмаковъ съ чрезвычайной энергіей приступили къ заготовкѣ и поставкѣ необходимаго для осуществленія предпріятія матеріала, съ тѣмъ, чтобы въ самомъ непродолжительномъ времени имѣть возможность открыть движеніе по новымъ линіямъ.

Дня за два до слушанія жалобы въ особомъ присутствіи меня посѣтилъ градоначальникъ, чтобы переговорить по дѣлу второй конки и ознакомиться съ моимъ взглядомъ на дѣйствія Думы. Я сообщилъ ему, что признаю жалобу заслуживающею уваженія, такъ какъ Дума происвоила себѣ права и обязанности управы, на которой, по силѣ 72 ст. городового положенія, лежитъ приведеніе тѣмъ или другимъ способомъ, въ исполненіе рѣшеній Думы. Присвоивая себѣ исполнительныя дѣйствія и сливая въ одно постановку рѣшенія и осуществленіе его на практикѣ, Дума вышла изъ предѣловъ своей дѣятельности, точно намѣченной 55 ст. городового положенія. Масса гласныхъ, присутствующихъ въ засѣданіи Думы—едва ли можетъ, съ пользою, участвовать въ принятіи исполнительныхъ дѣйствій, требующихъ особаго навыка, опытности и спеціальнаго знакомства съ условіями предпринимаемаго дѣла. Выборъ концессіонера, безъ сомнѣнія, основанъ главнымъ образомъ на томъ довѣріи, которое онъ по своимъ знаніямъ, репутаціи, добросовѣстности и умѣнію внушаетъ избирателямъ въ виду принимаемой имъ на себя задачи. Но такая оцѣнка достоинствъ соискателя концессіи можетъ быть сдѣлана, конечно, съ большею осмотрительностью, съ меньшею поспѣшностью и при наличности подробныхъ матеріаловъ и данныхъ для сужденія—городскою управою, которая состоитъ изъ лицъ, близко знакомыхъ съ городскимъ хозяйствомъ, почтенныхъ довѣріемъ думы и отвѣтственныхъ за свои дѣйствія, если послѣдствіемъ ихъ будетъ ущербъ для матеріальныхъ интересовъ города. Въ избраніи концессіонеровъ управою должно участвовать небольшое число лицъ, изъ которыхъ каждый можетъ и даже долженъ мотивировать свое мнѣніе, дѣйствуя съ сознаніемъ не только своей нравственной, но и юридической отвѣтственности какъ предъ своими избирателями, такъ и предъ закономъ, согласно 156, 157 и 160 ст.

городового положенія. Нѣтъ сомнѣнія, что эти условія должны вызывать болѣе осмотрительный и согласный съ интересами городского дѣла образъ дѣйствій со стороны ограниченнаго количества членовъ управы, чѣмъ предоставленная Думою возможность массѣ гласныхъ, не отвѣтственныхъ за свое рѣшеніе предъ какимъ-либо опредѣленнымъ собраніемъ, дѣйствовать въ спеціальномъ вопросѣ, въ качествѣ безличной, въ виду закрытой подачи голосовъ, силы.

Не отрицая юридической правильности моего взгляда—„вамъ и книги въ руки!"—мой посѣтитель,—для нетерпѣливой и дѣятельной натуры котораго на первомъ планѣ стояло скорѣйшее достиженіе практическаго результата, и предъ которымъ уже носился образъ новенькаго вагона новой конки, которая не нынче—завтра застучитъ по многолюднымъ улицамъ столицы, весело позванивая,—доказывалъ мнѣ, что судя по числу полученныхъ голосовъ концессія и управой будетъ отдана тѣмъ же лицамъ. Такимъ образомъ, все сводится лишь къ напрасной проволочкѣ времени въ дѣлѣ, имѣющемъ принести населенію Петербурга существенную пользу. Жалобщики не представляли, по мнѣнію его, серьезныхъ гарантій въ успѣхѣ постройки второй линіи, тогда какъ Губонинъ достаточно извѣстенъ своею добросовѣстностью, опытомъ и энергіей даже и въ крупномъ желѣзно-дорожномъ строительствѣ. Я не имѣлъ основаній спорить противъ практическихъ соображеній Трепова, но находя, что въ принципіальномъ вопросѣ дѣйствія петербургской Думы должны быть безусловно правильны и не возбуждать никакихъ возраженій, такъ какъ съ нея несомнѣнно берутъ примѣръ и многія, если не всѣ, городскія Думы губернскихъ городовъ, остался при своемъ мнѣніи о необходимости отмѣнить выборы концессіонера и постановленіе Думы. Поговоривъ о разныхъ другихъ дѣлахъ, мы вышли вмѣстѣ—и тутъ глазамъ моимъ представилось одно изъ чудесъ современной моему гостю полицейской стремительной исполнительности. Хозяинъ дома въ Басковомъ переулкѣ, въ которомъ помѣщалась моя скромная квартира, затѣялъ надстройку этажа и еще съ зимы почти совершенно заставилъ подъѣздъ штабелями кирпича, оставивши лишь узкій проходъ, въ которомъ трудно было двигаться вдвоемъ, не запачкавши верхняго платья. Протесты жильцовъ оставались безъ послѣдствій. Но вотъ пріѣхалъ Треповъ и, конечно, немедленно объ этомъ было дано знать участковому приставу, который еще за годъ передъ тѣмъ, извиняясь, что запоздалъ исполненіемъ моего дѣлового порученія, показывалъ мнѣ лаконическую телеграмму градоначальника, относившуюся къ знаменитому „дѣланію весны": „убрать и сколоть снѣгъ и ледъ въ три дня. Повторять не стану. Взыскать съумѣю. Треповъ". Градона-

чальникъ пробылъ у меня около сорока минутъ, но, когда мы вышли, передъ подъѣздомъ не только не было штабелей кирпича, но даже мѣсто, гдѣ они находились, не носило никакихъ слѣдовъ ихъ пребыванія, и на немъ свободно стояла знакомая всему столичному населенію пролетка Ѳ. Ѳ. Трепова, запряженная парою лихихъ коней въ пристяжку. Я просто диву дался...

На другой или третій день я нашелъ повѣстку, приглашавшую меня въ засѣданіе присутствія на слѣдующій день не въ три, какъ это было обычно, а въ девять часовъ утра. Это былъ, какъ оказалось, первый изъ стратегическихъ пріемовъ, употребленныхъ предсѣдателемъ присутствія для того, чтобы „формалистика" не побѣдила въ засѣданіи „насущныхъ потребностей населенія". Дѣло въ томъ, что тогдашній городской голова, человѣкъ, достойный полнаго уваженія, пріѣзжая въ обычныя засѣданія, бывалъ уже утомленъ своими сложными и хлопотливыми обязанностями и, будучи слабаго здоровья, являлся крайне усталымъ и не всегда достаточно рѣчистымъ въ защитѣ постановленій Думы противъ письменныхъ протестовъ и горячей устной критики градоначальника. Но въ данномъ случаѣ желательно было, чтобы онъ умѣло и настойчиво оправдывалъ дѣйствія Думы, и онъ прибылъ въ засѣданіе свѣжій, бодрый и безъ малѣйшихъ признаковъ усталости. Градоначальникъ, приглашавшій насъ обыкновенно „быть запросто", на этотъ разъ вышелъ къ намъ въ полной генералъ-адъютантской формѣ, въ лентѣ и звѣздахъ, и на мой недоумѣвающій вопросъ громогласно объявилъ, что въ одиннадцать часовъ долженъ ѣхать съ докладомъ къ Государю Императору. Вслѣдъ затѣмъ было открыто засѣданіе, въ которомъ онъ проявилъ себя тонкимъ психологомъ. Когда я, по его предложенію, повторилъ то, что за нѣсколько дней высказывалъ ему лично, онъ обратился съ упреками къ городскому головѣ. „Вотъ видите—сказалъ онъ ему— что ваша Дума дѣлаетъ? Зачѣмъ у васъ законовъ не соблюдаютъ?! слышите, что говоритъ прокуроръ? Я съ нимъ совершенно согласенъ. Онъ говоритъ: „какъ законъ гласитъ". Только что же теперь дѣлать? Вѣдь положеніе мое очень тяжелое. Я, какъ градоначальникъ, долженъ заботиться о дешевыхъ средствахъ передвиженія для бѣднаго населенія. Губонинъ уже и рельсы готовъ класть, и парки для вагоновъ нашелъ подходящіе, и людей подыскалъ, и подвижной составъ заказалъ, а тутъ на—поди! Все можетъ на смарку пойти! И когда еще войдетъ въ дѣйствіе вторая линія—Богъ вѣсть... Вотъ сегодня часа черезъ два меня на докладѣ навѣрно спросятъ: „ну что, какъ у тебя конно-желѣзныя дороги? Скоро ли пойдутъ? Что я отвѣчу?! Останется сказать: „не могу знать, когда пойдутъ, потому что городской голова законъ проморгалъ!—Ну что скажете?"

Городской голова подробно развилъ соображенія Думы и окончилъ тѣмъ, что и при отмѣнѣ постановленія Думы городская управа все-таки предпочтетъ Губонина Рунцлеру и Безобразову. „Ну да, ну да“, одобрительно сказалъ Треповъ. „Только одна проволочка времени выйдетъ. Право, лучше жалобу оставить безъ послѣдствій, и черезъ мѣсяцъ у насъ на Литейной зазвенятъ звонки вагоновъ!— Вы какъ думаете, Александръ Александровичъ?“ Помощникъ градоначальника сказалъ, что полагаетъ оставить безъ послѣдствій. Мое мнѣніе и мнѣніе городского головы были уже извѣстны, а остальные три члена—управляющій казенной палатой, предсѣдатель губернской земской управы и предсѣдатель мирового съѣзда заявили, что согласны съ прокуроромъ. „Большинство за отмѣну!“ сказалъ, робко взглядывая на предсѣдателя, Вырвичъ. „Ахъ, господа! заговорилъ вновь послѣдній:—какъ предсѣдатель присутствія, я, конечно, согласенъ съ прокуроромъ; такъ гласитъ законъ! Но вѣдь войдите въ мое положеніе! вѣдь мнѣ, какъ градоначальнику, дороги интересы населенія“ и т. д. И онъ началъ подробно объяснять, какое подспорье этому населенію окажетъ конка, и какъ важно ее, какъ можно скорѣе, устроить. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока управляющій казенной палатой Касьяновъ, человѣкъ великаго добродушія, не заявилъ, что если положеніе его превосходительства, какъ градоначальника, обязаннаго пещись о нуждахъ города, будетъ такъ затруднительно въ случаѣ отмѣны постановленія Думы, то онъ готовъ отказаться отъ своего мнѣнія и согласенъ оставить жалобу безъ послѣдствій. „Теперь голоса поровну“, заявилъ Вырвичъ.—„Отъ вашего голоса, обратился я къ Ѳ. Ѳ. Трепову, зависитъ окончательное рѣшеніе вопроса.—„Но въ какое положеніе вы, господа, меня ставите! Вѣдь я готовъ быть съ прокуроромъ дорогой душой, но только подумайте. что я скажу, когда меня сегодня спросятъ: „ну что, какъ у тебя конки?“ Ну что я отвѣчу? Какъ объясню всю эту проволочку, отъ которой благодаря вамъ,—и онъ сурово посмотрѣлъ на городского голову—страдаетъ столица“.— „Ваше превосходительство! воскликнулъ предсѣдатель мирового съѣзда отставной полковникъ Веригинъ, на котораго картина предстоящихъ сегодня же утромъ объясненій Трепова при докладѣ, очевидно, стала производить гипнотизирующее дѣйствіе: „Ваше превосходительство! я отказываюсь отъ своего мнѣнія!“—„А-а-а, протянулъ Треповъ, густо покраснѣвъ отъ удовольствія,—такъ значитъ большинство во всякомъ случаѣ за оставленіе безъ послѣдствій?“—„Да, сказалъ я: кромѣ меня и члена губернской управы (Лихонина) всѣ за оставленіе безъ послѣдствій“. „Ну, позвольте закрыть засѣданіе—сказалъ онъ и, обращаясь ко мнѣ, спросилъ:

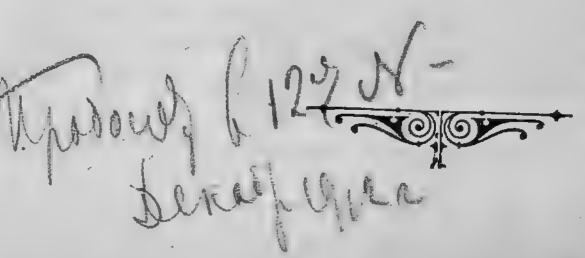
вы, конечно, подадите особое мнѣніе?—Непремѣнно!—Пожалуйста, пришлите скорѣе, мы его внесемъ въ журналъ цѣликомъ, оно не должно пропасть. Вѣдь, какъ предсѣдатель городского присутствія, я вполнѣ согласенъ съ вами, когда вы объясняете, какъ законъ гласитъ, но какъ градоначальникъ не могу согласиться на эту безполезную затяжку, при которой они—и онъ кивнулъ въ сторону городского головы — снова что-нибудь напутаютъ...“ И торопливо простившись съ нами, онъ оставилъ залъ засѣданія. Жалобщики перенесли дѣло въ I департаментъ Сената, откуда, черезъ *одиннадцать мѣсяцевъ*, послѣдовалъ указъ объ оставленіи ихъ жалобы безъ послѣдствій на томъ основаніи, что при возникновеніи въ Думѣ сомнѣній, подлежитъ ли данное дѣло вѣдомству ея или управы, разрѣшеніе этого сомнѣнія принадлежитъ Думѣ.

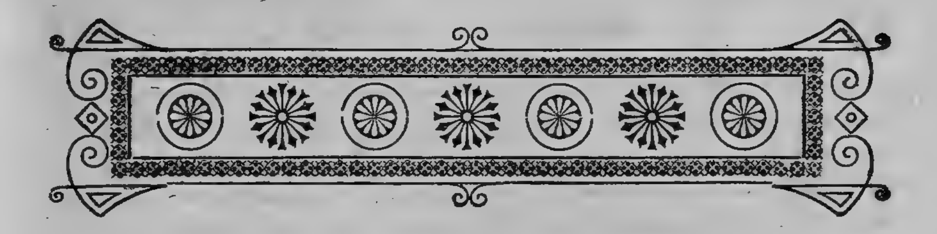
Это дѣло было единственнымъ разногласіемъ моимъ по городскимъ дѣламъ съ популярнымъ градоначальникомъ. Перелистывая старыя служебныя бумаги, я нахожу у себя письмо его отъ 6 августа 1875 года по поводу „прискорбнаго извѣстія о незамѣнимой утратѣ“, состоящей въ оставленіи мною должности прокурора. „Никто, конечно, — пишетъ мнѣ между прочимъ градоначальникъ, — не имѣлъ столько случаевъ и возможности, какъ я, видѣть и цѣнить Ваше стремленіе привить законность къ дѣятельности всѣхъ органовъ столичныхъ властей какъ общественныхъ, такъ и административныхъ“.

Городскія дѣла оставили во мнѣ и еще одно далекое воспоминаніе. Когда я перешелъ въ Петербургъ прокуроромъ, до меня стали доходить слухи, что въ особомъ присутствіи по городскимъ дѣламъ Кронштадта не все обстоитъ благополучно вслѣдствіе самодурства военнаго губернатора вице-адмирала Казакевича, нелѣпаго тщеславія городского головы Коргуева и услужливаго попустительства товарища прокурора Ш—на, человѣка мало серьезнаго и несвѣдущаго. Разсказывали, что военный губернаторъ съ высоты своего административно-морского положенія обращается грубо и надменно съ городскимъ головою, презрительно относясь къ носимому послѣднимъ штурманскому званію и дѣлая его предметомъ посмѣянія въ публичныхъ — вопреки закону — засѣданіяхъ особаго присутствія; что въ свою очередь городской голова, одержимый маніей величія, устроилъ себѣ въ городской Думѣ нѣчто въ родѣ трона подъ балдахиномъ и постоянно закрываетъ двери засѣданій для публики въ такихъ случаяхъ, когда не имѣетъ на это ни права, ни основанія; наконецъ, что секретарь Думы и особаго присутствія, человѣкъ весьма нервный и впечатлительный, вмѣшивается въ пренія и затѣмъ отказывается скрѣплять журналы, съ изложенными въ которыхъ постановленіями онъ, секретарь, не согласенъ. Я рѣшилъ

поѣхать посмотрѣть все это на мѣстѣ. То, что я увидѣлъ въ особомъ присутствіи, превзошло всякія ожиданія. Зала обширнаго помѣщенія была переполнена публикой, среди которой почему-то было много офицеровъ ластоваго экипажа. Эта публика смѣялась и громко выражала свое одобреніе разнымъ выходкамъ предсѣдателя противъ городского головы, съ которымъ военный губернаторъ говорилъ, повернувшись къ нему спиной и презрительно пожимая плечами. На секретаря, который постоянно вмѣшивался въ разсужденія, вскакивая съ мѣста, онъ покрикивалъ, вступая съ нимъ въ пререканія *по существу* обсуждаемыхъ вопросовъ. Все носило характеръ не разсмотрѣнія спорныхъ городскихъ дѣлъ, а какой-то недостойной травли городского управленія со стороны военнаго губернатора и лакействующаго передъ нимъ товарища прокурора. По окончаніи засѣданія возмущенный всѣмъ, что я видѣлъ, я объявилъ Ш—у, что онъ переводится мною въ Новую Ладогу (нѣчто въ родѣ ссылочнаго мѣста для уѣздныхъ товарищей прокурора, которые, впрочемъ, всѣ жили въ Петербургѣ), а почтенному адмиралу, который пожелалъ узнать мое мнѣніе, высказалъ свое крайнее удивленіе по поводу публичности засѣданій присутствія, поведенія публики и его отношенія къ городскому головѣ, прибавивъ, что отнынѣ я буду ѣздить лично въ каждое засѣданіе присутствія. Старый морякъ, повидимому въ дѣлахъ сухопутныхъ „немудрый судія", былъ нѣсколько сконфуженъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ мнѣ слѣдующее: „вотъ вы говорите о томъ, что не надо допускать публику. Если бы вы знали, какое у меня множество пьянствуетъ по трактирамъ! Тутъ по крайней мѣрѣ хоть часъ-другой трезвыми пробудутъ. Имъ вѣдь въ Кронштадтѣ скука смертная. А что до этого *штурмана*, то онъ другого обращенія не стоитъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ городской голова, онъ вообразилъ, что онъ китайская богородица, такъ я долженъ съ него спѣсь посбить. Да и что вы такого нашли въ моемъ съ нимъ обращеніи? Я вамъ скажу — прибавилъ онъ добродушно—что вѣдь нынче мы всѣ знали, что вы—прокуроръ—въ залѣ, такъ у насъ было еще тихо, а то обыкновенно я ихъ ругаю, они отругиваются, а ластовые мои смѣются. А что вы Ш—на взять хотите, такъ это напрасно! Онъ человѣкъ душевный и меня поддерживаетъ. Безъ него мнѣ съ Думой сладу не будетъ... Пожалуйте ко мнѣ сегодня откушать: очень обяжете"...

А. Θ. Кони.

Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова.

1807 г.

Въ 1899 г. въ „Русской Старинѣ“ въ январьской, февральской и мартовской кн. были сообщены Е. С. Шумигорскимъ части этого дневника съ 17 ноября 1825 г. включительно по 19 марта 1826 г. Нынѣ, внукъ Г. И. Вилламова, Н. А. — Вилламовъ передалъ редакціи части этого дневника, которыя и предлагаемъ вниманію читателей журнала, ввиду того особаго значенія, которое заслуживаетъ этотъ дневникъ.

Статсъ-секретарь Григорій Ивановичъ Вилламовъ (1775 † 1842) исполнялъ обязанности личнаго секретаря Императрицы Маріи Ѳеодоровны до самой ея кончины и пользовался особымъ довѣріемъ какъ Императрицы, такъ и всей царской семьи.

Онъ заслужилъ всеобщее уваженіе, былъ чуждъ придворныхъ интригъ, а при докладахъ считалъ своимъ долгомъ говорить правду.

Дневникъ написанъ по-французски; печатаемъ его въ переводѣ.

Авторъ заносилъ свои замѣтки на бумагу, какъ только его усиленныя занятія давали ему на то время.

Ред.

1 января. Вторникъ. Я поѣхалъ во дворецъ со всѣми своими оконченными серьезными работами, но успѣлъ передъ обѣдней принести только поздравленіе Императрицѣ. Полетика [1]) мнѣ говорилъ

---

[1]) Полетика Мих. Ив. (1768 † 1824) былъ секретаремъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны съ начала царствованія Императора Павла I. *Ред.*

о своемъ намѣреніи проситься въ отставку, вслѣдствіе предоставленной ему роли безъ всякаго значенія.—Правда, что роль, которую игралъ онъ, была не очень лестной, потому что всю работу и обо всемъ поручали мнѣ,а на его долю оставался докладъ по немногимъ незначущимъ бумагамъ. Кромѣ того много лицъ уже получили ленты, а ему не давали.—Я просилъ о немъ Императрицу. Она сказала, что если кто-либо изъ секретарей Государя имѣетъ ленту, то она попроситъ и для Полетики. Онъ написалъ письмо къ Императрицѣ, въ которомъ просилъ отставки, и поручилъ мнѣ передать его.

Я воспользовался временемъ обѣдни, расчиталъ балансъ доходовъ и расходовъ *Вдовьяго Дома* и пришелъ къ заключенію, что доходовъ хватитъ до 1823 года, но не далѣе.

Наконецъ въ 3 часа я былъ позванъ къ Императрицѣ, но едва сѣли мы за дѣло, какъ пришла Императрица Елисавета [1]), я воспользовался случаемъ, чтобы отложить докладъ письма Полетики, и получилъ приказаніе явиться послѣ обѣда.

Послѣ обѣда Императрица говорила мнѣ о связи Императора съ Нар. и хотя онъ проводилъ у ней дни и ночи, но она не имѣла вліянія, и ей не придавали никакого значенія въ публикѣ. Императрица спросила меня, что говорятъ объ Императрицѣ Елисаветѣ, я отвѣтилъ, что почти не говорятъ вовсе, какъ будто ее не существуетъ. Она сказала, что Императр. Елисавета безусловно умна, но имѣетъ недостатокъ: быть крайне перемѣнчивой и холодной какъ ледъ, что она конечно могла быть счастливой съ Императоромъ, который дѣлаетъ все, что она желаетъ, но Онъ обладаетъ любящимъ сердцемъ, а она очень холодна. Мы поговорили также, что слишкомъ удаляются отъ представительности, и я дозволилъ себѣ даже нѣсколько осуждать это, но она отвѣтила, что сдѣлали все возможное,чтобы заставить Императрицу Елисавету перемѣнить манеру обращенія съ публикой, но она не хочетъ и проч. Императрица спросила, измѣнилось ли мнѣніе въ публикѣ о Великомъ Князѣ Константинѣ [2]) и говорятъ ли лучше на его счетъ? Я отвѣтилъ: нѣтъ, что о немъ судятъ не одобрительно. Она сказала, что онъ умнѣе Государя, но менѣе разсудителенъ, что Императоръ сталъ лѣниться и т. д. Вообще много было говорено объ Августѣйшемъ семействѣ.

Съ этого времени было много переговоровъ и переписки съ

---

[1]) Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. См. „Русская Старина“ 1909 г. январь, 1910 г. январь, февраль, мартъ, апрѣль, май и ноябрь. *Ред.*

[2]) Великій Князь Константинъ Павловичъ.

Полетикой лично и черезъ Нелидову [1]) на счетъ условій по отставкѣ. Наконецъ Императрица выхлопотала ему: увольненіе, съ обращеніемъ содержанія въ пенсію и съ оставленіемъ за нимъ мѣста секретаря ордена св. Екатерины, ленту св. Анны, разрѣшеніе отлучаться для своихъ дѣлъ, сохраняя содержаніе по званію секретаря; такъ что 38 лѣтъ отъ роду Полетика за 20 лѣтъ службы былъ совершенно независимъ, въ орденахъ, съ имѣніемъ въ 500 душъ въ Тамбовской губерніи и пенсіей въ 4.500 рублей.

2 февраля. Получено извѣстіе о побѣдѣ нашихъ войскъ подъ командой Беннигсена [2]) надъ французами при Прейсишъ-Эйлау. Взяли 12 знаменъ; французы потеряли 1.200 убитыми и 1.200 плѣнными. Оказалось потомъ, что потери французовъ были еще больше.

16 марта. Императоръ уѣхалъ къ арміи въ $12^{1}/_{2}$ часовъ дня послѣ молебствій въ Казанскомъ соборѣ. Августѣйшая Мать старалась насколько можно разубѣдить его въ необходимости отъѣзда, изложивъ все это въ особой запискѣ, посланной къ Императору еще вчера. Она доказывала неумѣстность этой поѣздки и пребыванія въ арміи, совѣтуя ему, если онъ непремѣнно хочетъ ѣхать, то воздержаться отъ личнаго командованія и всякаго вмѣшательства въ военныя дѣйствія.

За нѣсколько дней передъ этимъ я представилъ Государю отъ имени Ея Величества уставъ для института сиротъ военныхъ, для чего испрашивалось прибавки 10.000 рублей для института и 25.000 рублей на покупку сосѣдняго дома. Военный министръ Вязмитиновъ [3]) мнѣ сказалъ, что Государь передалъ ему всѣ бумаги по этому дѣлу и просилъ: зайти къ нему для редакціи отвѣта Государя Императрицѣ и написать замѣтку относительно тѣхъ приказаній, которыя надо отдать кабинету, Военной Комиссіи, министру финансовъ и пр. Я все приготовилъ для него 18-го. Черезъ недѣлю онъ прислалъ проектъ приказовъ, которые я доложилъ Императрицѣ.

Императрица выразила желаніе не замѣщать вакансіи Полетики, но дать мнѣ свободные дни въ недѣлю. Я согласился на это условіе; и она назначила мнѣ воскресенье, среду и субботу, но въ субботу я долженъ былъ приходить, если собирался совѣтъ, что отнимало у меня время до 3 часовъ. Лишь бы она не трогала остальные данные мнѣ дни, тогда я устроюсь съ дѣлами, но кажется, этого не случится.

---

[1]) Камеръ-фрейлина Екатерина Ивановна, имѣвшая большое вліяніе въ царствованіе Императора Павла I.

[2]) Беннигсенъ гр. Леонтій Леонтьевичъ 1745 † 1826

[3]) Вязмитиновъ Сергѣй Константиновичъ 1749 † 1819.

Однажды по поводу письма княгини Дашковой [1]) и просьбы моей о перемѣнѣ одной фразы, которая могла дать понять, что какъ будто Императрица надѣется, что младшій сынъ наслѣдуетъ помимо старшаго, Императрица сказала мнѣ, что полагаетъ, что престолъ перейдетъ къ Велик. Кн. Николаю [2]), и вотъ почему она такъ близко принимаетъ къ сердцу его воспитаніе.

24 мая. Пятница. Когда было получено извѣстіе о смерти императрицы Австрійской, Императрицѣ пришла мысль выдать замужъ за императора Франца [3]) Великую Княжну Екатерину Павловну, которая не противилась этому браку, и даже, какъ мнѣ говорила Императрица, этотъ проектъ ей нравился [4]).—Многимъ приходила въ голову эта мысль, и даже оберъ-камергеръ Голицынъ писалъ объ этомъ Императрицѣ изъ Москвы. Она сообщила проектъ свой въ одномъ изъ своихъ писемъ—Государю. Она совѣтовалась по этому вопросу съ фельдмаршаломъ Салтыковымъ [5]) и графомъ Кочубеемъ [6]), и они нашли, что мысль очень хороша. Она рѣшилась написать лично Императору Францу, считая себя старшею въ его роднѣ, такъ какъ братъ Императора женатъ былъ первымъ бракомъ на сестрѣ Императрицы принцессѣ Елисаветѣ Виртембергской, и думала вести это дѣло какъ семейное. Она написала родственное письмо Императору Францу, желая узнать его согласіе, передала письмо это князю Александру Куракину [7]), уѣзжавшему на постъ посла въ Вѣну, который долженъ былъ, проѣзжая черезъ Бартенштейнъ, показать письмо Государю, а если онъ его одобритъ, то везти письмо Императору Францу, дѣлая видъ, что ему содержаніе письма неизвѣстно.

Вскорѣ послѣ отправки письма полученъ отъ Государя первый отвѣтъ и особая записка Будберга [8]). Государь указывалъ на лѣта Имп. Франца, и что онъ больной, нечистоплотный и т. д. [9]). Буд-

[1]) Екатерина Романовна (1743 † 1810). Другъ Императрицы Екатерины II, была при ней президентомъ Росс. академіи.

[2]) Вел. Князь Николай Павловичъ, впослѣдствіи Императоръ Николай I.

[3]) Францъ I императоръ Австрійскій, союзникъ Императора Александра I въ 1813 и 1814 гг.

[4]) См. „Русская Старина“ 1911 г. мартъ. Брачные проекты Вел. Кн. Екатерины Павловны и Анны Павловны.

[5]) Иванъ Петровичъ.

[6]) Гр. Кочубей Викторъ Павловичъ 1768†1834. Другъ Имп. Александра I въ первыя годы царствованія.

[7]) Кн. Александръ Борис. Куракинъ. Онъ подписалъ Тильзитскій трактатъ.

[8]) Будбергъ Андрей Яковлевичъ 1750 † 1812, министръ иностр. дѣлъ.

[9]) На эти слова В. К-ня Екатерина отвѣчала: онъ не старъ, такъ какъ ему 38 лѣтъ; если онъ грязенъ—она его вымоетъ, а если онъ былъ боленъ въ 1805 году, то выздоровѣетъ.

бергъ въ запискѣ оспаривалъ проектъ по причинамъ политическимъ, представляя какъ причину, что Россія при такомъ родственномъ союзѣ должна будетъ подчинить свои дѣйствія сообразно положенію Австріи; эта записка Будберга была крайне жалкая и слабая по содержанію. Императрица, написавъ на нее отвѣтъ, поручила мнѣ показать его графу Кочубею и фельдмаршалу Салтыкову. Первый нашелъ, что Императрица напрасно трудилась опровергать глупости г-на Будберга, не стоющія отвѣта, и если г-нъ Будбергъ такъ боится подчиненія свободы дѣйствія Россіи сообразно положенія Австріи, то почему онъ не боится того же въ отношеніи Пруссіи, почему онъ не мѣшалъ, когда хотѣли отдать Великую Княжну за одного изъ принцевъ Прусскихъ, которые не что иное, какъ дураки, капралы, даже и самый король, личность глупѣйшая и незначущая, между тѣмъ, какъ эрцъ-герцоги Австрійскіе хотя и не орлы, но хорошо воспитанные, имѣющіе здравый смыслъ и нѣкоторые даже выдающіеся. Фельдмаршалъ вполнѣ согласился съ опроверженіемъ, изложеннымъ въ запискѣ Императрицы, и записка была послана.—Сегодня получено письмо отъ Государя, въ которомъ онъ отдаетъ все это дѣло на рѣшеніе Императрицы, но находитъ необходимымъ спросить митрополита по вопросу о родствѣ, такъ какъ братъ императора Франца—Іосифъ былъ женатъ на сестрѣ Екатерины Павловны, Александрѣ. Императрица хотѣла писать митрополиту, не желая поручить переговоры Голицыну, дабы не посвящать лишнее лицо въ это дѣло, не желала также поручить переговоры и фельдмаршалу Салтыкову, потому что если она объ этомъ скажетъ императору (который очень подозрителенъ), онъ былъ бы можетъ быть недоволенъ или лучше сказать фельдмаршалъ былъ бы поставленъ въ неловкое положеніе.—Она послала меня посовѣтываться съ гр. Кочубеемъ. Кочубей нашелъ, что лучше бы было прежде переговорить черезъ кого-нибудь конфиденціально съ митрополитомъ, напр. „почему бы Императрицѣ не поручить Вамъ, совершенно частнымъ образомъ, чтобы узнать, какъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ митрополитъ, если же ему написать оффиціально, а онъ, положимъ, будетъ мнѣнія противнаго и изложитъ его въ письменномъ отвѣтѣ, тогда ничего не останется дѣлать,—на словахъ же можно объясниться“.

Императрица не согласилась съ этой мыслью, во-первыхъ, въ отношеніи меня, такъ какъ я не *православный* (!) [1]) и потому это не идетъ, а во 2-хъ, она не могла написать Государю, что она мнѣ приказала вывѣдать мнѣніе митрополита, а уже если необходимо переговорить съ нимъ, то это можно сдѣлать только посредствомъ

[1]) Je ne suis pas de la Religion!

князя Голицына [1]), но я не знаю, прибавила она, захочетъ ли князь взяться за это, будучи человѣкомъ крайне осторожнымъ. Она полагала, что если бы взялся за это фельдмаршалъ Салтыковъ, то это было бы лучше. Она мнѣ поручила отправиться къ фельдмаршалу, но такъ какъ было уже 11 часовъ вечера, а я отпустилъ свой экипажъ и не могъ путешествовать по городу въ мундирѣ со шляпой подъ мышкой (другой у меня не было), и предполагая Салтыкова уже спящимъ, то отложилъ исполненіе этого порученія до утра и заявилъ Императрицѣ, что фельдмаршалъ спитъ.

Черезъ часъ я получилъ приказаніе ѣхать къ нему въ 9 часовъ утра.

25 Суббота. Я былъ у фельдмаршала, онъ вызвался переговорить съ митрополитомъ, пригласивъ его къ себѣ, и за симъ привезти отвѣтъ въ Таврическій дворецъ. Я передалъ все Императрицѣ, и она послала меня къ фельдмаршалу просить его исполнить какъ сказано, что она будетъ его ожидать въ Зимнемъ дворцѣ до 2 или до 2½ часовъ или если онъ можетъ, то пріѣхалъ бы обѣдать въ Таврическій. Фельдмаршалъ обѣщалъ прислать отвѣтъ въ самомъ скоромъ времени.

До 2 часовъ еще Императрица сказала мнѣ, что фельдмаршалъ привезъ благопріятный отвѣтъ отъ митрополита, что онъ говорилъ съ нимъ отъ своего имени. Она поручила мнѣ сейчасъ же написать письмо къ митрополиту, несмотря на мое заявленіе, что я не въ состояніи написать подобнаго рода письмо сразу. Однако, я долженъ былъ написать, но она не одобрила его, и хотѣла, чтобы я написалъ другое въ Таврическомъ. Я обѣщалъ прислать тотчасъ послѣ обѣда въ Таврическій дворецъ, и она была довольна.

Послѣ обѣда дома я передѣлалъ письмо и пріѣхалъ въ Таврическій до возвращенія еще Императрицы отъ обѣда во внутреннія комнаты. Она сдѣлала нѣкоторыя мелкія измѣненія и послала меня показать письмо фельдмаршалу. Онъ вполнѣ одобрилъ его и посовѣтовалъ добавить еще мысль, что государственныя связи не могутъ быть обсуждаемы по тѣмъ правиламъ, которыя примѣняютъ для частныхъ лицъ. Императрица приказала добавить въ этомъ смыслѣ.

Возвратясь съ прогулки, Императрица нашла письмо готовымъ и отправила его по назначенію со своимъ камердинеромъ Кирилломъ Тимофеевымъ. Я снялъ копію съ черноваго письма для Императрицы, а подлинное сохранилъ. Императрица просила пріѣхать къ ней завтра въ 10 часовъ въ Таврическій дворецъ, куда она переѣхала на жительство сегодня.

---

[1]) Кн. Александръ Николаевичъ Голицынъ.

26 Воскресенье. Я пріѣхалъ во дворецъ съ бумагами и съ копіей со вчерашняго письма, почти въ то же мгновеніе Кирилла пріѣхалъ изъ Невскаго монастыря съ отвѣтомъ отъ митрополита. Меня позвали; отвѣтъ былъ самый благопріятный. Я долженъ былъ засѣсть въ кабинетѣ Императрицы, чтобы переписать письмо ея къ Государю съ приложеніемъ подлиннаго письма митрополита и копіи съ него. Въ письмѣ своемъ Императрица упоминаетъ о выраженномъ въ письмѣ Государя огорченіи его объ обезлѣсеніи страны. Передъ этимъ еще онъ жаловался на Беннигсена, говоря о его лукавствѣ и двоедушіи. Императрица отвѣтила, что многіе полководцы имѣли подобные пороки, но все-таки умѣли пользоваться ихъ талантами, а что Беннигсенъ уже показалъ свой и заслужилъ общее довѣріе. Она давала понять, что боится, нѣтъ ли какой интриги, и очень не оправдывала намѣренія Государя поселиться въ Тильзитѣ, совѣтуя ему лучше возвратиться сюда. Она была вполнѣ права.

Окончивъ дѣла, Императрица разрѣшила мнѣ уѣхать и не пріѣзжать завтра, если не случится чего-либо особеннаго.

27 Понедѣльникъ. Получено извѣстіе о взятіи Данцига французами.

1 іюня Суббота. Сегодня отслужено молебствіе по случаю взятія крѣпости *Анапа,* которой овладѣла флотилія подъ командой контръ-адмирала Пустошкина [1]). Было также получено извѣстіе о побѣдѣ надъ французами у Гутштадта и о взятіи этого города, но такъ какъ Государь объ этомъ не писалъ, то Императрица сказала мнѣ, что она предпочла бы служить молебенъ по этому случаю, нежели о взятіи Анапы.

Извѣстіе было получено оффиціальнымъ письмомъ отъ генерала Будберга на имя графа Салтыкова отъ 25 мая, а письмо Государя было 24 числа, дѣло было 24 мая, корпусъ маршала Нея былъ атакованъ и разбитъ, Гутштадтъ взятъ со всѣми запасами.

3 Вторникъ. Императрица показала мнѣ два письма Беннигсена: одно писанное къ Государю и пересланное Императоромъ къ ней, а другое прямо къ ней и спросила, нахожу ли я въ немъ противорѣчіе или двоедушіе. Беннигсенъ сообщаетъ Государю о дѣлахъ при Гутштадтѣ, 24 и 25 мая, въ которыхъ Ней былъ снова разбитъ, что мы взяли 2.500 плѣнныхъ, и между ними генерала Роке и проч. и говоритъ въ то же время о попыткахъ Бонапарта, возвратившагося изъ Данцига къ войскамъ 26 мая, объ обходѣ нашей арміи и выражаетъ опасеніе за наше правое крыло.

---

[1]) Пустошкинъ Семенъ Аѳанасьевичъ 1759 † 1840, адмиралъ, командиръ Черноморской эскадры.

Императоръ пишетъ въ своемъ письмѣ приблизительно слѣдующее: *вотъ къ чему привели всѣ эти великія распоряженія* или что-то въ этомъ родѣ, но вообще относится иронически и вѣроятно увлеченный недовѣріемъ и дурнымъ расположеніемъ духа онъ распечаталъ письмо Беннигсена, адресованное къ Императрицѣ, въ которомъ говорится только о нашихъ успѣхахъ. Вотъ въ этомъ Государь предполагаетъ, что онъ нашелъ доказательство фальшивости Беннигсена.

Подчеркнувъ одну фразу, онъ сдѣлалъ на поляхъ замѣтку объ этомъ предполагаемомъ двоедушіи. Онъ извиняется у Императрицы за вскрытіе письма къ ней тѣмъ, что, увидавъ ея пакетъ толще своего, онъ думалъ найти болѣе подробностей. Императрица была возмущена этимъ поступкомъ, она написала отвѣтъ, объяснивъ прекрасно Государю, какъ правильно поступилъ Беннигсенъ относительно различія или характера этихъ двухъ писемъ, остановившись въ письмѣ къ ней тамъ, гдѣ слѣдовало, т. е. описывая наши успѣхи, не говоритъ о своихъ опасеніяхъ и предвидѣніяхъ, о которыхъ онъ сообщаетъ, какъ и обязанъ, своему Государю, но которые бы были недостаткомъ скромности въ отношеніи къ Императрицѣ. Наконецъ она ему высказала немного правды, оканчивая требованіемъ, чтобы онъ вскрывалъ всѣ письма, которыя ей будетъ писать Беннигсенъ, а что она будетъ посылать (Императору) свои отвѣты Беннигсену на эти письма незапечатанными, что она и сдѣлала, отвѣчая на полученное, и благодаря Беннигсена за письмо. Беннигсена хвалитъ въ письмѣ Великій Князь Константинъ. Послѣ обѣда она послала меня къ Нелидову[1]) показать проектъ письма къ Государю; а послѣ этого я долженъ былъ ей продиктовать это письмо.

Сообщилъ Н. А. Вилламовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Братъ камеръ-фрейлины Екатерины Ивановны.

Берлинскій Конгрессъ 1878 года [1]).

(Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ) [2]).

ВСТУПЛЕНІЕ.

Еще въ Адріанополѣ, вслѣдствіе болѣзни князя В. А. Черкасскаго, я, какъ помощникъ его, вступилъ въ исправленіе должности завѣдующаго гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ дѣйствующей арміей. По смерти князя, послѣдовавшей въ Санъ-Стефано 19-го февраля 1878 г. я самостоятельно управлялъ гражданскою частью до самаго

---

[1]) Предлагаемъ вниманію читателей эту правдивую лѣтопись печальныхъ событій Берлинскаго конгресса съ искреннимъ пожеланіемъ, чтобы ничего подобнаго никогда не повторялось въ будущей исторіи Россіи. *Ред.*

[2]) Авторъ этихъ записокъ Генеральнаго Штаба генералъ-лейтенантъ Дмитрій Гавриловичъ Анучинъ род. въ 1833 г. † 1909 г. Службу началъ въ 1851 г. въ л.-гв. въ Егерскомъ полку прапорщикомъ, по окончаніи курса въ академіи генеральнаго штаба въ 1855 г. все время состоялъ въ генеральномъ штабѣ на Кавказѣ, въ главномъ управленіи генеральнаго штаба и въ Польшѣ, гдѣ въ 1867 г., уже въ чинѣ генералъ-маіора, былъ Радомскимъ губернаторомъ. Въ 1877 г. командированъ на Дунай въ дѣйствующую армію на должность помощника завѣдующаго гражданскими дѣлами при главнокомандующимъ, и, по болѣзни князя Черкасскаго, 9 февр. 1878 г., назначенъ и. д. завѣд. гражданской частью въ Болгаріи. Въ маѣ 1878 г., въ чинѣ генералъ-лейтенанта былъ командированъ на конгрессъ въ Берлинъ въ распоряженіе русскихъ уполномоченныхъ кн. Горчакова и гр. Шувалова. Въ 1879 г. онъ былъ командующимъ войсками Восточно-Сибирскаго, а затѣмъ и Иркутскаго военныхъ округовъ и генералъ губернаторомъ Восточной Сибири, откуда въ 1885 году получилъ назначеніе въ Сенатъ.

Ред.

ея упраздненія, т. е. до перехода ея въ вѣдѣніе императорскаго комиссара въ Болгаріи. Князь Дондуковъ-Корсаковъ, назначенный комиссаромъ, пріѣхалъ въ Санъ-Стефано вечеромъ 8-го мая 1878 г., я тотчасъ же сдалъ ему должность и 9-го утромъ выѣхалъ, черезъ Константинополь и Одессу, въ Петербургъ, гдѣ тогда находилась моя семья.

Въ Петербургѣ я пробылъ недѣли двѣ и 26-го мая выѣхалъ въ Варшаву, чтобы снова занять—сохраненную за мной во время войны—должность Радомскаго губернатора. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, я 20 мая представлялся Государю и Императрицѣ, а также былъ у военнаго министра. Ничто не предвѣщало мнѣ никакихъ занятій, имѣющихъ связь съ бывшей моей командировкой въ Болгарію, и я всѣ свои вещи отправилъ съ товарнымъ поѣздомъ въ Варшаву, съ такимъ разсчетомъ, чтобы ихъ могли получить и переслать въ Радомъ ко времени моего туда пріѣзда. Со мною осталось только то, что было необходимо для визита въ Варшавѣ генералъ-губернатору графу Коцебу.

27-го вечеромъ я пріѣхалъ въ Варшаву, а на другой день утромъ отправился къ генералъ-губернатору, жившему тогда въ Бельведерѣ.

Графъ Коцебу былъ очень доволенъ моему возвращенію на губернаторство и просилъ меня, въ особое для него одолженіе, ѣхать не въ Радомъ, а взять на себя управленіе Плоцкою губерніей, администрація которой была разстроена и требовала, по его выраженію, энергичнаго и умѣлаго губернатора. Дѣлая мнѣ подобное предложеніе, графъ Коцебу добавилъ, что приведеніе въ порядокъ Плоцкой губерніи дастъ мнѣ право на вниманіе начальства.

Сославшись на усталость послѣ тяжелой кампаніи и на потребность въ отдыхѣ, я отказался отъ любезнаго предложенія, замѣтивъ, что, управляя Радомской губерніей тринадцать лѣтъ, мнѣ было бы тяжело снова начинать заслуживать, въ Плоцкѣ, вниманіе, какое я считалъ уже вполнѣ пріобрѣтеннымъ въ Радомѣ, гдѣ я всѣхъ знаю, и всѣ ко мнѣ привыкли.

— „Очень жалѣю, что вы отказываетесь помочь мнѣ, я на васъ разсчитывалъ, однако, въ Радомъ, на отдыхъ, вы все-таки не поѣдете“—сказалъ графъ Коцебу.

— Почему?

— „А вотъ телеграмма, читайте“.

Телеграмма была на его имя отъ военнаго министра, увѣдомлявшаго, что послѣдовало Высочайшее повелѣніе остановить меня въ Варшавѣ и къ 1-му іюня отправить въ Берлинъ состоять, во время конгресса, въ распоряженіи уполномоченныхъ Россіи князя Горчакова и графа Шувалова.

Командировка была совершенно неожиданная, и я не могъ тотчасъ же по прочтеніи телеграммы не выразить сожалѣнія, что всѣ мои вещи въ дорогѣ, и я не могу взять съ собою имѣвшихся у меня матеріаловъ о Болгаріи. На другой день, въ понедѣльникъ я уже выѣхалъ въ Берлинъ, наскоро одѣвшись въ статское платье только на дорогу. Въ Берлинѣ, до начала конгресса у меня было еще два дня, и тамъ я надѣялся быстро пополнить свой гардеробъ.

Такимъ образомъ состоялась моя командировка на Берлинскій конгрессъ, рѣшенная въ тотъ самый день, когда я уѣзжалъ изъ Петербурга. По этой причинѣ я не участвовалъ въ тѣхъ переговорахъ и совѣщаніяхъ, которыя велись тамъ въ министерствахъ военномъ и иностранныхъ дѣлъ, и мнѣ совершенно не были извѣстны наши взгляды, рѣшенія и жертвы, на которыя мы были готовы.

Въ Берлинѣ я велъ дневникъ и ежедневно писалъ письма въ Радомъ. Письма и дневникъ взаимно дополняли другъ друга, а теперь сведены мною въ одинъ общій дневникъ съ исключеніемъ изъ него нѣкоторыхъ частныхъ подробностей, касавшихся лично меня и не относившихся до конгресса.

Въ этомъ видѣ дневникъ мой не представляетъ трактата о Берлинскомъ конгрессѣ, но есть добросовѣстная запись всего того, что я видѣлъ, и что обратило на себя мое вниманіе. Мнѣ кажется, что именно въ этомъ видѣ, какъ свидѣтельство очевидца, хотя и неигравшаго никакой вліятельной роли—онъ можетъ быть недурнымъ матеріаломъ для будущаго историка этого прискорбнаго для Россіи эпизода. Сводя письма и журналъ въ одинъ дневникъ, я ничего не прибавилъ къ написанному прежде, сохранивъ въ полной неприкосновенности то, что попало въ мои замѣтки десять лѣтъ тому назадъ. Исключеніе сдѣлано для нѣсколькихъ весьма не многочисленныхъ подстрочныхъ примѣчаній, сдѣланныхъ нынѣ.

Для болѣе удобнаго пониманія происходившаго на конгрессѣ, я предпосылаю дневнику:

во-первыхъ—объясненіе измѣненій, которыя мы хотѣли сдѣлать на Балканскомъ полуостровѣ, относящееся къ январю 1877 года, т. е. ко времени заключенія нами (11 января) конвенціи съ Австріей о предоставленіи ей занять Боснію и Герцоговину,

и *во-вторыхъ*—записку объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ Берлинскому конгрессу, показывающую, какимъ образомъ произошло его созваніе.

Кромѣ того, въ приложеніяхъ къ дневнику, между прочимъ, помѣщены:

1) текстъ Санъ-Стефанскаго договора и Берлинскаго трактата.

2) карта Балканскаго полуострова съ показаніемъ на ней границъ соотвѣтствующихъ трактатамъ 1856 г. Санъ-Стефанскому и Берлинскому,

3) рѣчь князя Бисмарка, произнесенная имъ въ Германскомъ рейхстагѣ въ январѣ 1889 г., и

4) документы, касающіеся уничтоженія порто-франко въ Батумѣ.

Что касается до лондонскаго меморандума 18 (30) мая 1878 г., то онъ помѣщенъ въ текстѣ дневника подъ днемъ 5 (17) іюня.

I.

Новое политическое раздѣленіе Балканскаго полуострова.

Предполагая изъ Болгаріи, въ ея этнографическихъ границахъ, образовать вассальное княжество Болгарское и соглашаясь на соблюденіе нейтралитета Австріей—дозволить ей занять Боснію и Герцеговину, въ правящихъ петербургскихъ сферахъ особенно озабочивались правильнымъ опредѣленіемъ границъ Черногоріи, Сербіи и Болгаріи въ тѣхъ частяхъ, гдѣ она прилегала къ землямъ албанскаго и греческаго племенъ.

Прежде всего было желательно, чтобы австрійская граница нигдѣ не переходила на правый берегъ Дрины. Но имѣя въ виду, что австрійскій кабинетъ будетъ настаивать на необходимости пріобрѣсти нѣкоторый раіонъ, обезпечивающій дорогу изъ Рагузы къ Вышеграду, на которую Россія въ принципѣ соглашалась, предполагалось, въ случаѣ крайности, сдѣлать уступку и провести линію границы, начиная отъ сліянія рѣкъ Тары и Пивы по хребтамъ горъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Дрины до деревни Стрегощины или Стрницы на Лимѣ и затѣмъ продолжать эту линію по р.升Дринѣ до сербской границы, оставляя Вышегородъ внѣ Австрійскихъ владѣній.

Опредѣляя границу Черногоріи съ юга, главнымъ образомъ имѣлось въ виду доставить княжеству способы къ независимому существованію, обезпечивъ ему вѣрное и удобное сообщеніе съ моремъ. Въ этомъ смыслѣ представлялись двѣ линіи. Первая—по рѣкѣ Баянѣ, подходившая почти къ самому городу Скутари; таковою границею вполнѣ обезпечивался бы экономическій бытъ княжества, такъ какъ единственный вѣрный выходъ къ морю представляетъ р. Баяна. Вторая—прирѣзывающая къ Черногоріи по крайней мѣрѣ единственный вѣрный портъ Антивари, такъ какъ можно было предвидѣть, что по политическимъ разсчетамъ ни Австрія, ни Италія не согласятся предоставить Черногоріи Баяну—

главную артерію сообщенія съ моремъ не только Черногоріи, но и сѣверной Албаніи.

Отъ Сербіи Черногорію предполагалось отдѣлить линіею, проведенною отъ села Стрегощинъ по р. Лиму до окрестности Преполья, затѣмъ: по хребтамъ горъ чрезъ г. Рошай, перерѣзывая хребетъ Мокра и Суха-гора, до одного изъ притоковъ албанскаго Дрина, оставляя эту рѣку на горѣ Биштрихъ и повернувъ на сѣверъ по горамъ близъ Дьякова къ хребту горъ близъ Плавы и Гусинья.

По отношеніи къ Черногоріи имѣлось въ виду таковымъ ограниченіемъ доставить княжеству кромѣ голыхъ скалъ, нѣкоторые центры торговой дѣятельности, какъ-то: Чайницу, Ташлиджуили, Плевле, Бѣлополье, Ипекъ, или Печь и Дьяконицу, а также нѣкоторыя плодородныя мѣстности, какъ-то: часть большой Призренской равнины, дабы такимъ образомъ прирѣзать на востокѣ и югѣ Черногоріи такую страну, которая бы могла сдѣлать изъ нея дѣйствительно независимое княжество и вознаградить за невозможность увеличиться на счетъ Герцеговины, что было бы, конечно, естественнѣе. Такимъ образомъ для нашихъ видовъ сохранялся съ этой стороны главный интересъ устройства прочной формаціи въ виду усиленія будущаго Хорвато-Сербскаго королевства въ Австріи.

Затѣмъ къ Сербіи отошла бы страна, лежащая за проведенною выше чертою, при чемъ естественныя границы между нею и Болгаріею—принимая во вниманіе географическія и племенныя данныя—были бы: хребетъ Шаръ-Дага, горы лежащія между Приштиной и Вранья до р. Медвѣдья, затѣмъ по рѣкамъ Пушта и Морава до старой сербской границы.

Этими чертами опредѣлялся собственно раіонъ сѣверо-западной Турціи, по которому признавалось полезнымъ имѣть общіе взгляды съ Австріею. Что касается до отдѣленія болгаръ отъ албанцевъ и грековъ, то имѣлось въ виду границы албанскаго племени—удерживая соотношеніе между географическими и племенными условіями—провести слѣдующимъ образомъ: по предполагаемой границѣ Черногоріи отъ моря до горы Биштрихъ, по границѣ Сербіи отъ этой горы до Шаръ-Дага,—по границѣ Болгаріи, слѣдуя по этому хребту до города Дибры, по Дрину до города Струга, по Охридскому озеру до монастыря Св. Наума, отъ этого монастыря черезъ равнину Горицы или Джорджа по горамъ округа Колонія до р. Вьоси (Аосъ), отъ этой рѣки, черезъ горы, къ верховьямъ р. Каламасъ и по этой рѣкѣ до моря.

Границы греческаго племени въ западной сторонѣ Балканскаго полуострова опредѣлялись затѣмъ вышеприведенною границею Алба-

ніи отъ моря до монастыря Св. Наума и затѣмъ границею Болгаріи отъ этого монастыря черезъ хребетъ горъ до озера Преспы, хребтомъ горъ между городами Флорина и Касторія до озера Острова.

Полный текстъ конвенціи съ Австріей, связавшій Россію (см. запись въ дневникѣ подъ днемъ 16 (28) іюня) неизвѣстенъ, но по поводу конвенціи, въ апрѣлѣ 1887 г., появилось много разоблаченій въ австро-венгерскихъ газетахъ. Извѣстный ex-дипломатъ Татищевъ помѣстилъ тогда же большую „*справку*" въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Когда константинопольская конференція (съ 11 (23) декабря 1876 по 8 (20) января 1877 г.) неудалась, и явилась для Россіи перспектива войны съ Турціей, тогда Россія дѣйствительно вошла въ переговоры съ Австро-Венгріей. Переговоры эти, въ которыхъ участвовалъ и авторъ „справки", носили, по его словамъ, строго „довѣрительный характеръ".

Вотъ что пишетъ г. Татищевъ:

„Призванный по служебному моему положенію принимать въ нихъ дѣятельное, хотя и подчиненное участіе, я и теперь послѣ разоблаченій „Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты" не считаю себя въ правѣ приподнимать покровъ, столько лѣтъ скрывавшій ихъ отъ непосвященныхъ взоровъ. Но я не нарушу ни долга присяги, ни профессіональной дипломатической скромности, если засвидѣтельствую, что состоявшееся въ началѣ 1877 года соглашеніе между Петербургомъ и Вѣной во многомъ и весьма существенномъ разнится отъ условій, перечисленныхъ въ статьяхъ „Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты". Если бы соглашенію этому было суждено достигнуть полнаго осуществленія, то можно смѣло ручаться, что Балканскій полуостровъ не представлялъ бы нынѣ печальнаго зрѣлища кровавыхъ смутъ, раздора и подчиненія чужеземнымъ и иновѣрнымъ вліяніямъ, а значеніе Россіи посреди его населеній на вѣки утвердилось бы на основаніяхъ широкихъ и незыблемыхъ.

„Какъ бы то ни было, но это *состоявшееся безъ участія и вѣдома Германіи* австро-русское соглашеніе быть можетъ именно потому и не было никогда приведено въ исполненіе. Вскорѣ послѣ свиданія князя Бисмарка съ графомъ Андраши, происходившаго въ Зальцбургѣ въ сентябрѣ 1877 г., тотчасъ послѣ нашихъ неудачъ подъ Плевной, вѣнскій дворъ началъ обнаруживать стремленіе освободиться отъ принятыхъ на себя предъ нами обязательствъ, а по подписаніи предварительныхъ условій нашего мира съ Турціей и вовсе отрекся отъ нихъ. Въ промежутокъ времени между санъ-стефан-

скимъ договоромъ и собраніемъ конгресса въ Берлинѣ, возобновились переговоры Петербурга съ Вѣной, но привели они лишь къ отрицательному результату. Уѣзжая на конгрессъ, графъ Андраши ограничился тѣмъ, что выразилъ нашему послу сожалѣніе, что между нимъ и нами не успѣло состояться „предварительное соглашеніе".

Съ своей стороны Pester Lloyd опубликовалъ тѣ семь пунктовъ, на основаніи которыхъ графъ Андраши обѣщалъ Россіи нейтралитетъ Австріи.

Вотъ эти пункты:

1) Ни одной великой державѣ не можетъ принадлежать исключительный протекторатъ надъ христіанскими народами Балканскаго полуострова.

2) По окончаніи войны никакіе новые порядки не будутъ установлены помимо участія великихъ державъ, гарантировавшихъ цѣлость турецкой имперіи; не должно быть даровано или навязано балканскимъ народамъ новое государственное устройство какой-либо отдѣльной державой.

3) Россія не должна присоединять къ своимъ владѣніямъ никакой территоріи на правомъ берегу Дуная.

4) Румынія не должна быть присоединена ни къ Россіи, ни къ Австріи или поставлена въ политическую зависимость отъ одной изъ этихъ державъ.

5) Россія и Австрія обязуются не создавать на Балканскомъ полуостровѣ вассальныхъ себѣ государствъ подъ управленіемъ великихъ князей русскаго Императорскаго дома или герцоговъ австрійскаго (Secundogemtur).

6) Россія не должна занимать Константинополя.

7) Не должно быть устроено на Балканскомъ полуостровѣ значительное славянское государство въ ущербъ неславянскимъ племенамъ.

II.

Переговоры о созваніи конгресса [1]).

2 (14) Января 1878 г., маркизъ Салисбюри — въ виду свѣдѣній о началѣ переговоровъ между Россіей и Турціей о мирѣ — поручаетъ лорду Лофтусу передать князю Горчакову, что всякое соглашеніе Россіи съ Турціей, нарушающее договоры 1856 и 1871 г.г.,

---

[1]) Составлено по документамъ, напечатаннымъ въ Annuaire diplomatique 1878.

должно быть договоромъ европейскимъ и пріобрѣтетъ силу только по изъявленіи на него согласія державъ, подписавшихъ Парижскій и Лондонскій трактаты.

13 (25) Января, русское правительство отвѣчало завѣреніемъ, что оно не имѣло намѣренія рѣшать отдѣльно европейскіе вопросы, относящіеся до мира.

17 (29) Января, англійское правительство, узнавъ, что турецкіе и русскіе уполномоченные установили въ Казанлыкѣ основанія для мира, передало, черезъ лорда Лофтуса, русскому правительству, что хотя эти основанія могутъ имѣть обязательное значеніе для воюющихъ сторонъ, но правительство ея величества королевы признаетъ за всѣми этими основаніями полную силу только тогда, когда они будутъ одобрены державами, подписавшими Парижскій договоръ.

18 (30) Января въ отвѣтъ на сообщеніе лорда Лофтуса, князь Горчаковъ отвѣчалъ, что принять основаніи для мира было необходимо для заключенія перемирія, но что основаніи эти должны быть считаемы прелиминарными, а не окончательными во всемъ, относящемся до Европы и что вопросы, касающіеся европейскихъ интересовъ, подлежатъ общему обсужденію съ европейскими державами.

19 (31) Января подписанъ въ Адріанополѣ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, Серверомъ и Намикомъ, протоколъ принятія предварительныхъ основаній мира и условій перемирія.

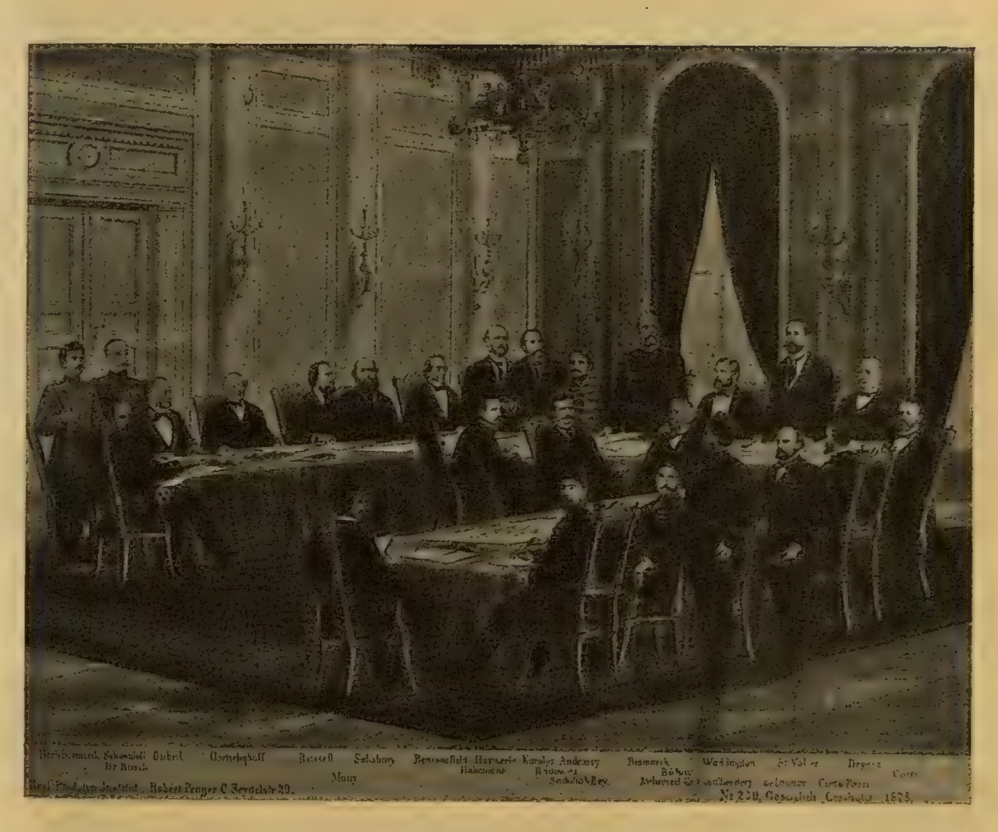
19 (31) Января въ Адріанополѣ подписаны условія перемирія.

23 Января (4 Февраля). Австрійскій посланникъ сообщилъ англійскому правительству телеграмму, приглашающую его на конференцію въ Вѣнѣ, и англійское правительство немедленно приняло это предложеніе.

24 Января (5 Февраля). Австрійское правительство передало англійскому оффиціальное приглашеніе на конференцію.

NB. Въ этомъ приглашеніи о мѣстѣ съѣзда конференціи ничего не говорится; вѣроятно на словахъ было указано на Баденъ-Баденъ.

29 Января (10 Февраля) князь Горчаковъ разослалъ посламъ въ Берлинѣ, Лондонѣ, Парижѣ, Римѣ и Вѣнѣ слѣдующую телеграмму: „Британское правительство, на основаніи донесеній своего посла въ Константинополѣ, рѣшилось воспользоваться прежде полученнымъ фирманомъ, чтобы направить часть своего флота къ Константинополю, для охраненія жизни и безопасности британскихъ подданныхъ. Другія державы приняли ту же мѣру въ отношеніи своихъ подданныхъ. Совокупность этихъ обстоятельствъ вынуждаетъ и насъ, съ своей стороны, сообразить мѣры покровительства христіанамъ, жизнь и собственность коихъ была бы угрожаема и для полученія этой воз-

Берлинскій Конгрессъ 1878 года.

можности имѣть въ виду вступленіе части нашихъ войскъ въ Константинополь".

25 Февраля (9 Марта). Австрійское правительство предложило вмѣсто конференціи въ Баденъ-Баденѣ, собраться на конгрессъ въ Берлинѣ.

Англійское правительство отвѣчало, что не встрѣчаетъ препятствій на такое измѣненіе, но: „считаетъ желательнымъ, чтобы прежде всего было установлено, что обсужденію на конгрессѣ подлежатъ всѣ вопросы, о которыхъ говорится въ мирномъ договорѣ между Россіей и Турціей, и что никакое измѣненіе въ положеніи вещей, предварительно установленное договоромъ, не будетъ почитаемо имѣющимъ силу, впредь до одобренія его европейскими державами.

28 Февраля (12 Марта). Англійское правительство сообщило австрійскому послу въ Лондонѣ графу Бейсту, что оно—прежде изъявленія окончательнаго согласія на участіе въ конгрессѣ—ожидаетъ самыхъ подробныхъ разъясненій по вопросамъ, указаннымъ въ письмѣ отъ 25 февраля (9 марта).

1 (13) Марта, англійское правительство еще болѣе развило свою мысль, сказавъ: „что прежде созванія конгресса, должно быть ясно установлено, что всѣ статьи договора между Россіей и Турціей должны быть предъявлены конгрессу не для обязательнаго ихъ принятія, а на тотъ конецъ, чтобы конгрессъ могъ признать, какія именно статьи нуждаются въ принятіи или содѣйствіи различныхъ державъ и какія этого не требуютъ".

2 (14) Марта, графъ Шуваловъ передалъ маркизу Салисбюри слѣдующую телеграмму князя Горчакова:

„Всѣ великія державы уже знаютъ, что полный текстъ прелиминарнаго договора съ Портой будетъ имъ сообщенъ немедленно по обмѣнѣ ратификацій, что не заставитъ ихъ долго ожидать. Въ то же время онъ будетъ публикованъ здѣсь [1]). Намъ нечего скрывать".

5 (17) Марта, князь Горчаковъ передалъ лорду Лофтусу слѣдующій меморандумъ:

„Въ отвѣтъ на сообщенную лордомъ Лофтусомъ депешу, которою лордъ Дерби отвѣчалъ на предложеніе графа Бейста относительно собранія въ Берлинѣ конгресса, честь имѣю повторить увѣреніе, которое уже графъ Шуваловъ былъ уполномоченъ дать правительству королевы,—а именно, что прелиминарный договоръ, заключенный между Россіей и Турціей, будетъ цѣликомъ сообщенъ великимъ державамъ предварительно собранія конгресса, и что на конгрессѣ каждая держава будетъ имѣть полную свободу мнѣній и дѣйствій".

---

[1]) Санъ-Стефанскій договоръ ратификованъ 4-го марта 1878.

6 (18) Марта, въ Лондонѣ получена депеша лорда Лофтуса, сообщавшая, что князь Горчаковъ сказалъ ему, что онъ не можетъ конечно заставить молчать кого-либо изъ членовъ конгресса, но можетъ изъявить согласіе на обсужденіе только тѣхъ частей договора, которыя затрогиваютъ европейскіе интересы.

7 (19) Марта, на запросъ по сему лорда Салисбюри, графъ Шуваловъ отвѣчалъ: „что онъ уполномоченъ представить правительству королевы, что мирный договоръ, заключенный между Россіей и Турціей, единственный, который существуетъ, ибо нѣтъ никакихъ секретныхъ обязательствъ, будетъ сообщенъ правительству королевы цѣликомъ и гораздо ранѣе собранія конгресса. Что правительства королевы, равно какъ и другихъ державъ сохранятъ полную свободу сужденія и эту самую свободу, права на которую она не отрицаетъ для другихъ, Россія требуетъ для себя. А это значило бы ограничить ее, если бы одна между всѣми державами, Россія обязана была заключить прелиминарныя обязательства“.

9 (21) Марта, лордъ Дерби отвѣчалъ, что правительство королевы не можетъ отказаться отъ ясно имъ опредѣленнаго положенія, что прежде чѣмъ оно согласится на конгрессъ, должно быть ясно установлено, что каждая статья трактата между Россіей и Турціей будетъ предъявлена конгрессу не для необходимаго ея принятія, а для того, чтобы конгрессъ могъ обсудить, какія статьи требуютъ принятія и содѣйствія со стороны другихъ державъ и какія статьи въ этомъ не нуждаются.

„Что правительство ея величества не могло допустить выражаемаго нынѣ княземъ Горчаковымъ мнѣнія, по которому свобода сужденія и дѣйствій Россіи была бы ограничена болѣе, чѣмъ всякой другой державы этимъ прелиминарнымъ соглашеніемъ.

„Что правительство его величества желаетъ знать, согласится ли русское правительство на то, чтобы сообщеніе договора цѣликомъ различнымъ державамъ было почитаемо представленіемъ договора конгрессу для того, чтобы весь договоръ, въ его отношеніяхъ къ существующимъ договорамъ, могъ быть разсматриваемъ и обсуждаемъ конгрессомъ“.

14 (26) Марта, графъ Шуваловъ написалъ лорду Дерби, что свободу сужденій и дѣйствій, которую Россія желаетъ предоставить себѣ на конгрессѣ, императорскій кабинетъ понимаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Онъ предоставляетъ другимъ державамъ свободу возбудить на конгрессѣ тѣ вопросы, которые они сочтутъ необходимымъ подвергнуть обсужденію, и предоставляетъ себѣ свободу согласиться или нѣтъ на обсужденіе этихъ вопросовъ“.

20 Марта (1 Апрѣля), маркизъ Салисбюри, выражая „что правительство ея величества глубоко сожалѣетъ о выраженномъ рѣшеніи“, разослалъ посольствамъ Великобританіи циркулярную ноту, въ которой, излагая всѣ вышеприведенные переговоры по этому вопросу, приводитъ въ концѣ критическій разборъ Санъ-Стефанскаго договора и выводитъ заключеніе о правильности требуемаго Англіей представленія его конгрессу для полнаго пересмотра.

28 Марта (9 Апрѣля), при особомъ циркулярѣ, князь Горчаковъ разослалъ русскимъ посламъ въ Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ и Римѣ—меморандумъ съ возраженіями на замѣчанія, сдѣланныя маркизомъ Салисбюри въ его циркулярѣ.

Въ циркулярѣ князя Горчакова сказано:

„Маркизъ Салисбюри говоритъ намъ только о томъ, чего англійское правительство не хочетъ, и не говоритъ намъ того, чего оно желаетъ. Мы полагаемъ, что было бы полезно, чтобы его сіятельство высказалъ это для лучшаго уразумѣнія положенія.

„Что касается до взглядовъ правительства ея британскаго величества по поводу конгресса, я могу только сослаться на систему, которой императорскій кабинетъ держался по этому вопросу.

„Онъ оффиціально сообщилъ великимъ державамъ текстъ прелиминарнаго Санъ-Стефанскаго договора съ объяснительной картой. Мы присовокупили, что на конгрессѣ—если онъ состоится—каждая изъ державъ, въ немъ участвующая, имѣетъ полную свободу сужденій и дѣйствій и того же права требовали для Россіи.

„Мы можемъ только повторить то же заявленіе“.

Въ меморандумѣ, прежде чѣмъ начать, пунктъ за пунктомъ, опроверженіе выводовъ маркиза Салисбюри, сказано:

„Санъ-Стефанскій договоръ сдѣлалъ только обязательнымъ согласіе Порты на программу реформъ болѣе полную, болѣе точную и болѣе практичную. Но самый фактъ, что Санъ-Стефанскій договоръ есть договоръ прелиминарный, указываетъ, что намѣреніемъ императорскаго кабинета было установить принципъ, не предрѣшая окончательно его примѣненіе, которое потребуетъ подробныхъ изслѣдованій, точнаго обсужденія географическихъ потребностей и соглашенія многихъ интересовъ.

„Вотъ почему многія статьи договора изложены въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, оставляющихъ мѣсто для послѣдующихъ соглашеній объ измѣненіяхъ, признанныхъ неизбѣжными“.

Заканчиваю выпискою нѣсколькихъ строкъ изъ рѣчи, произнесенной княземъ Бисмаркомъ въ началѣ февраля н. с. 1888 въ Германскомъ рейхстагѣ.

„Въ продолженіе конгресса я исполнялъ предсѣдательскія мои обязанности, по скольку это было возможно безъ нарушенія германскихъ и дружественныхъ Германіи интересовъ, приблизительно такимъ образомъ, какъ если бы я, съ позволенія сказать, былъ четвертымъ русскимъ уполномоченнымъ. (Смѣхъ). Правильно было бы, впрочемъ сказать, что я былъ третьимъ уполномоченнымъ, такъ какъ князя Горчакова я наврядъ ли могъ считать представителемъ русской политики въ томъ видѣ, какъ политика понималась дѣйствительнымъ ея представителемъ графомъ Шуваловымъ. (Смѣхъ). На конгрессѣ каждое желаніе Россіи, какое только доходило до моего свѣдѣнія, было всегда мною поддержано и осуществлено. Въ самые трудные и критическіе моменты, когда конгрессъ готовъ былъ, повидимому, разъѣхаться, я становился всегда на точку зрѣнія Россіи и, вообще, велъ себя такъ, что, по окончаніи конгресса, ласкалъ себя мыслью: „жаль, что у меня давно уже имѣется высшій изъ русскихъ орденовъ, осыпанный брилліантами, въ противномъ случаѣ, я непремѣнно получилъ бы его теперь". (Смѣхъ). Безъ шутокъ, я полагаю, что заслуживалъ поведеніемъ моимъ на конгрессѣ такой награды въ большей степени, чѣмъ это когда-либо удавалось иностранному министру. Посудите же, каково было мое удивленіе и разочарованіе, когда постепенно въ Россіи началось нѣчто въ родѣ газетной войны, направленной противъ германской политики. Оказывая поддержку русской политикѣ, мы рисковали попасть какъ-бы въ зависимость отъ Россіи. Начавшіяся изъ-за этого недоразумѣнія постепенно обострялись до угрозы войной, что и послужило для насъ причиной союза съ Австро-Венгріей".

26 іюля 1889 г.
С.-Петербургъ.

ДНЕВНИКЪ.

Вторникъ, 30-го мая 1878 г. Выѣхавъ изъ Варшавы 29 числа въ 2 ч. 30 м., по Варшавско-Бромбергской желѣзной дорогѣ (билетъ перваго класса 25 р. 53 к.), я сегодня утромъ въ 7 ч. былъ въ Берлинѣ. Изъ нашихъ уполномоченныхъ здѣсь былъ только одинъ Убри; Шуваловъ пріѣхалъ сегодня въ 6 ч. вечера, а Горчакова ожидаютъ завтра утромъ. Проѣзжая съ вокзала, замѣтилъ у подъѣздовъ разныхъ гостиницъ и посольскихъ домовъ по двѣ будки—это для часовыхъ при помѣщеніяхъ уполномоченныхъ на конгрессѣ, какъ только гость пріѣзжаетъ—являются часовые.

Остановился я въ Hôtel de Rome. Гостиница прекрасная, но

мой № 115 въ третьемъ этажѣ и всего изъ одной комнаты, правда, что на Unter den Linden и съ балкономъ. Видъ прекрасный. Гостиница какъ разъ напротивъ Hôtel de S.-Pétérsbourg и черезъ два, три дома отъ дворца кронъ-принца. Домъ № 18, изъ котораго стрѣлялъ Нобилингъ [1])—наискось, вправо, черезъ домъ отъ Hôtel Metropol. Противъ него стоитъ раненная липа—въ нее попало довольно дробинокъ. Бестія стрѣлялъ, видно, огромными зарядами.

Первый мой выѣздъ изъ гостиницы—разумѣется въ посольство. Много разъ я бывалъ въ Берлинѣ, но никогда не заходилъ въ наше посольство, занимающее прекрасный домъ (№ 7) на Unter den Linden; домъ купленъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, любившимъ называть себя, въ шутку, берлинскимъ бюргеромъ. Первое посѣщеніе этого дома произвело на меня непріятное впечатлѣніе. Толстый и очень парадный швейцаръ не понималъ ни слова по-русски и не говорилъ по-французски, а я не говорю по-нѣмецки. Впрочемъ мнѣ удалось разыскать канцелярію, ютящуюся въ крошечныхъ комнаткахъ и тамъ, знакомый мнѣ, секретарь баронъ Будбергъ, снабдилъ меня всякими справками и добрыми указаніями. Казалось бы возможно имѣть въ Берлинѣ посольскую прислугу, знающую русскій языкъ. И дипломаты-то наши не славятся особою привѣтливостью къ своимъ соотечественникамъ, а тутъ еще и привратники не понимаютъ по-русски. Въ Константинополѣ не такъ; тамъ привратникъ, остававшійся даже во время войны, говорилъ по-русски и съ видимымъ удовольствіемъ встрѣчаетъ каждаго русскаго, входящаго во дворъ нашего чудеснаго посольскаго дома въ Перѣ.

Узнавъ, что мнѣ не къ кому являться, я поспѣшилъ заказомъ фрака и пополненіемъ моего штатскаго туалета, наскоро пріобрѣтеннаго въ Варшавѣ. Приготовленіе новыхъ вещей и передѣлку имѣвшихся уже у меня обѣщали исполнить въ самый короткій срокъ.

За обѣдомъ сидѣлъ напротивъ Ристича, министра иностранныхъ дѣлъ Сербіи. Я его видѣлъ въ Плоэшти, и мы немедленно разговорились; онъ зналъ меня по фамиліи, такъ какъ въ послѣднее время мы немало переписывались съ Бѣлградомъ по поводу безобразій въ занятыхъ сербскими войсками частяхъ Болгаріи. Ристичъ очень милый собесѣдникъ. Съ нимъ какой-то молодой человѣкъ военный и старикъ со свирѣпой физіономіей. Пріѣхали они хлопотать объ отдачѣ имъ значительной полосы западной Болгаріи, а именно

---

[1]) Покушеніе Нобилинга на жизнь императора Вильгельма I было 21 мая (2 іюня) 1878 г.

округовъ Пиротъ, Трнъ, Враня и отчасти Брезникъ, а также нѣкотораго пространства къ западу отъ Виддина. По Санъ-Стефанскому договору, части эти, населенныя преимущественно болгарами, включены въ составъ княжества Болгарскаго, но по условіямъ заключеннаго съ Турціею перемирія—заняты сербскими войсками. Усилія сербовъ обратить въ свою пользу фактическое обладаніе краемъ и вызвало съ ихъ стороны массу насильственныхъ дѣйствій, по поводу которыхъ, наше гражданское управленіе при дѣйствующей арміи, вело оживленную переписку.

Отвѣчая Ристичу, я говорилъ, что въ настоящую минуту самое важное состоитъ въ томъ, чтобы поменьше славянскихъ земель оставалось туркамъ, а кому окончательно будетъ принадлежать то или другое мѣсто, сербамъ или болгарамъ, они успѣютъ разобраться со временемъ, порѣшивъ это между собою миролюбиво. Онъ не соглашался и сѣтовалъ, что Сербію обидѣли по Санъ-Стефанскому договору.

Среда, 31-го мая. Такъ какъ я назначенъ состоять въ распоряженіи князя Горчакова и графа Шувалова, то представленія мои сегодня началъ съ послѣдняго. Онъ остановился въ Hôtel Royal, гдѣ обыкновенно останавливаются дипломаты, и гдѣ въ былое время состоялся какой-то мирный договоръ. Картина, изображающая его подписаніе, виситъ въ большой комнатѣ занимаемаго Шуваловымъ отдѣленія. Въ этой же самой квартирѣ, послѣ австро-прусской войны 1866 г. Савиньи составилъ договоры съ южно-германскими государствами.

Графъ встрѣтилъ меня очень любезно, повелъ въ кабинетъ, усадилъ и прежде всего объяснилъ мнѣ, какъ состоялось мое назначеніе. На послѣднемъ засѣданіи особаго комитета, собиравшагося у Государя, Милютинъ вспомнилъ, что я только-что пріѣхалъ изъ Санъ-Стефано, и рекомендовалъ меня, какъ знающаго болгарскій вопросъ и могущаго дать всѣ необходимыя справки. Тогда же рѣшено было командировать меня въ Берлинъ. Послали за мной—говорятъ только-что выѣхалъ въ Радомъ. Затѣмъ телеграфировали въ Варшаву къ Коцебу. По дѣламъ Черногоріи командированъ генеральнаго штаба полковникъ Боголюбовъ, а по дѣламъ Сербіи—генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Бобриковъ, который, одно время, состоялъ при гражданскомъ управленіи и предназначался на должность Филиппопольскаго губернатора. Я хорошо его знаю.

Разговоръ нашъ былъ прерванъ приходомъ посла Убри и по его уходѣ возобновился. Графъ счелъ долгомъ ознакомить меня съ тѣмъ, что было сдѣлано предварительно.

По его словамъ съ англичанами состоялось частное соглашеніе

и даже подписано въ Лондонѣ секретное условіе между нимъ и маркизомъ Салисбюри [1]). Англія готова допустить для насъ всѣ выгоды отъ Санъ-Стефанскаго договора и поддержать претензіи Черногоріи и Сербіи, если мы согласимся: 1) отодвинуть границы Болгаріи отъ Эгейскаго моря; 2) раздѣлить Болгарію на двѣ части, изъ которыхъ сѣверную вполнѣ независимую съ княземъ, а южную съ генералъ-губернаторомъ, назначаемымъ по согласію Европы на 10 лѣтъ съ правами губернаторовъ въ англійскихъ колоніяхъ. На это послѣднее графъ Шуваловъ охотно согласился, потому что въ англійскихъ колоніяхъ губернаторъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ судебныя и административныя дѣла, а только можетъ противупоставить свое veto рѣшеніямъ мѣстнаго парламента; 3) по вопросу объ удаленіи турецкихъ войскъ изъ южной Болгаріи окончательнаго соглашенія не послѣдовало, но въ принципѣ Англія приняла удаленіе турецкихъ войскъ. Англія особенно настаивала на томъ, чтобы дать Турціи—какъ охранительницѣ проливовъ—средства и силу отъ нападенія со стороны болгаръ. Неопредѣлено также, какъ пойдетъ граница независимой Болгаріи, т. е. войдетъ ли въ нее санджакъ Софійскій.—„Ну, а Сливенскій?“ спросилъ я, „если окончательнаго рѣшенія не послѣдовало, то чрезвычайно важно, чтобы Сливенскій санджакъ достался Болгаріи“.—„Посмотримъ, отвѣчалъ Шуваловъ, сдѣлаемъ все, что можно“.

Англичане требуютъ гарантіи тому, что обѣ части не соединятся между собою въ одно государство, для чего и хотятъ, чтобы у султана остались средства противодѣйствовать соединенію. Вѣроятно для этого потребуютъ турецкихъ гарнизоновъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чего разумѣется Россія не желаетъ.

Заявляя подобныя требованія, англичане дали графу Шувалову четыре часа (съ 4 до 8) на размышленіе, прибавляя, что если мы на эти условія не согласимся, они не признаютъ дѣйствительнымъ ни одинъ параграфъ Санъ-Стефанскаго договора. Салисбюри лично охотно (?) соглашался на выводъ турецкихъ войскъ, но ничего будто бы не могъ подѣлать съ своими коллегами: „у васъ есть царь, отъ котораго вы получаете приказанія настоять на этомъ, а у меня—десять членовъ совѣта, единогласно рѣшившихъ не допускать дальнѣйшихъ измѣненій въ нашихъ условіяхъ“—сказалъ Салисбюри Шувалову. Послѣ такого отвѣта, Шуваловъ ѣздилъ къ

---

[1]) Это графъ Шуваловъ говорилъ о протоколѣ, подписанномъ въ Лондонѣ 18 (30) мая 1878 г. и сдѣлавшемся вскорѣ извѣстнымъ, благодаря нескромности газеты „Globe“. См. далѣе запись подъ 8 (20) іюня.

тѣмъ изъ министровъ, которые наиболѣе сочувствовали христіанамъ, и тогда удалось рѣшить дѣло въ принципѣ.

На конгрессѣ, какъ думаетъ Шуваловъ, главный бой ожидается: 1) по вопросу о выводѣ турецкихъ войскъ изъ южной Болгаріи; 2) о границахъ и 3) съ Австріей объ увеличеніи Черногоріи.

Завтра 1-ое засѣданіе собственно для открытія занятій конгресса и устройства его бюро. Князь Бисмаркъ обѣщалъ начать разсмотрѣніе Санъ-Стефанскаго договора не по статьямъ, а съ наиболѣе важнѣйшихъ вопросовъ, т. е. съ границъ Болгаріи; о чемъ уже состоялось наше соглашеніе съ Англіей. Этимъ избѣгаютъ необходимости начать дѣло Черногоріей, стоящей въ 1-й ст. договора. Обсужденіе ея границъ могло сразу подать поводъ къ схваткѣ съ Австріей. Графъ Шуваловъ полагаетъ, что, на первомъ засѣданіи, рѣшено будетъ вопросъ о границахъ передать въ особую комиссію изъ состоящихъ при уполномоченныхъ венныхъ чиновъ.

— Въ этой комиссіи придется работать и вамъ съ вашими товарищами, сказалъ мнѣ Шуваловъ, оканчивая нашу бесѣду.

Боже мой, что же это мы дѣлаемъ! Черезъ нѣсколько недѣль послѣ подписанія Санъ-Стефанскаго договора, по собственному почину, по крайней мѣрѣ безъ видимаго на насъ давленія, мы отказались отъ совсѣмъ приготовленнаго уже военнаго занятія отданныхъ намъ частей Македоніи, т. е. въ сущности отреклись отъ нея совершенно, а теперь рѣжемъ по живому Болгарію на двѣ части и, вмѣсто прекраснаго самостоятельнаго княжества, хотимъ создать пару какихъ-то недоносковъ! Да вѣдь это возвращеніе къ результатамъ Константинопольской конференціи! Это почти то, что англичане гарантировали намъ еще въ іюнѣ прошлаго года, когда мы еще не переходили Дуная. Изъ-за чего же пролито столько дорогой русской крови; зачѣмъ же брошено столько денегъ и на долгое время подорвано благосостояніе Россіи! А честь нашего имени, а самолюбіе нашей доблестной арміи—все, все попирается и топчется въ грязь.

Отъ недомыслія ли это или въ самомъ дѣлѣ мы слабы и наткнулись на непреодолимую силу? Объ этомъ надо было подумать прежде и не начинать войны напрасно.

Отъ графа Шувалова отправился къ Убри, который чрезъ нѣсколько минутъ разговора повелъ меня представить князю Горчакову.

Пройдя нѣсколько комнатъ нижняго этажа, мы повернули направо и вошли въ просторную, свѣтлую галлерею, выходящую окнами во дворъ. Прямо передъ дверями, лицемъ къ нимъ, въ большихъ съ высокою спинкою креслахъ сидѣлъ канцлеръ. Онъ былъ въ какомъ-то неказистомъ пальто, широкихъ спальныхъ сапогахъ и шапкѣ на головѣ. Онъ велъ оживленный разговоръ съ двумя статскими и двумя восточными человѣками. Первые были—итальянскій посланникъ графъ де-Лонэ и старшій совѣтникъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ баронъ Жомини, а послѣдніе—черногорцы Божидаръ Петровичъ, воевода и предсѣдатель черногорскаго сената, и воевода Станко Радоничъ, адъютантъ князя Николая и мой старый знакомецъ по походу 1877—1878 г.

При нашемъ входѣ, графъ де-Лонэ всталъ и, откланявшись, вышелъ, а Убри представилъ меня Горчакову. Онъ протянулъ мнѣ руку, говоря: „извините, не могу вставать, но, несмотря на мою болѣзнь, въ мои руки снова отдали интересы Россіи".

Я проговорилъ, что въ его рукахъ эти интересы, безъ сомнѣнія, будутъ обезпечены по возможности, и что онъ поможетъ Россіи выйти изъ ея затруднительнаго положенія.

— Очень радъ новымъ силамъ, сказалъ Горчаковъ.

Прерванный нашимъ появленіемъ разговоръ шелъ о притязаніяхъ Австріи урѣзать границы Черногоріи, значительно расширенныя по Санъ-Стефанскому договору. Присутствіе итальянскаго посла мѣшало разъяснить недоразумѣніе. Наканунѣ, Станко-Радоничъ показывалъ Жомини полученную имъ изъ Цетинье телеграмму, въ которой говорилось, что князь Николай желаетъ удержать за собою Антивари au dessus de tout. Жомини понялъ, что для этого онъ готовъ сдѣлать всевозможныя уступки. Оказалось же, что уступать ничего не хотятъ, кромѣ нѣкотораго уширенія скотопрогонной дороги; самая депеша къ Радоничу была совершенно частная.

Говорили по-французски, но потомъ, когда Божо Петровичъ произнесъ нѣсколько словъ по-русски, Горчаковъ сказалъ: „вотъ и прекрасно, будемъ говорить по-русски, это болѣе подобаетъ бесѣдѣ русскаго канцлера съ черногорцами".

Горчаковъ совѣтовалъ черногорцамъ быть умѣренными и не заявлять на первыхъ же порахъ, что Черногорія будетъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать Антивари.

— „Если такъ вамъ понравилось Антивари, то отдайте Австріи за это хотя Спицу".

— Съ удовольствіемъ, да жаль, что она и безъ того австрійская.

— „Австрія хочетъ, продолжалъ Горчаковъ, чтобы путь, оставленный для Турціи, между Сербіей и Черногоріей, былъ расширенъ,

надо ее удовлетворить по возможности. Пусть обѣ стороны отойдутъ aux pics".

— Это невозможно, отвѣчаетъ Божо-Петровичъ, именно въ этомъ направленіи лежатъ уступаемыя намъ пахотныя земли (terres orables), а горъ нѣтъ.

— Да, и зачѣмъ вамъ новыя земли, вѣдь я васъ, черногорцевъ знаю, вы разбойники и всѣхъ жителей мусульманъ вырѣжете, а имущество ихъ заграбите.

Бѣдные черногорцы судорожно улыбаются.

— Право, не спорьте съ Австріей, развяжитесь съ ней: она покровительствуетъ теперь Сербіи, вы и отдайте сербамъ Подгорицу.

Всѣ мы въ замѣшательствѣ переглянулись. Убри прошепталъ: „опять онъ заговаривается".

Замѣтилъ это Горчаковъ и спрашиваетъ:

— „Въ чемъ же дѣло?"

— Нельзя отдать Подгорицу, она лежитъ на противуположной границѣ.

— „А нельзя отдать Подгорицу, такъ отдайте Спужъ".

— Спужъ еще дальше въ глубь страны, замѣтилъ кто-то.

— „Что-нибудь надо отдать, сказалъ канцлеръ, я слабъ въ географіи этихъ мѣстъ. Pour moi n'existent que les grandes lignes".

Затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, Горчаковъ разсказывалъ разные анекдоты изъ прежнихъ своихъ сношеній съ Черногоріей и между прочимъ о томъ, какъ онъ будучи простымъ chargé d'affaires въ Вѣнѣ, при Николаѣ Павловичѣ, противъ его разрѣшенія, но съ цѣлью извлечь бывшаго владыку Петра II изъ подъ вліянія западныхъ интригъ, далъ ему паспортъ въ Россію. „Это было въ первый, но не въ послѣдній разъ, что я не послушалъ приказаній изъ Петербурга. Я далъ себѣ это удовольствіе и почувствовалъ его прелесть".

— „Вы, Божидаръ Петровичъ, persona grata въ Вѣнѣ; здѣсь и женщины всѣ обожаютъ васъ, устройте же такъ, чтобы подѣйствовать на Андраши".

Убри замѣтилъ, что Божо Петровичъ свое вліяніе на женщинъ относитъ къ красотѣ своего костюма и совѣтовалъ ему употребить его въ дѣло, ухаживая за М-е Андраши.

— „Будьте милы, повторилъ Горчаковъ, прощаясь съ черногорцами; не идти же за васъ въ драку съ Австріей".

— Обѣщайте, что не выловите всю рыбу въ Адріатикѣ, прибавилъ Убри.

— Nous sommes comme des vers de terre, сказалъ Станко Радоничъ.

Старческая болтовня Горчакова, его похвальбы, поразительное

незнаніе самыхъ общеизвѣстныхъ фактовъ, произвели на меня удручающее впечатлѣніе. Стало стыдно смотрѣть на Божо и Радонича, что думаютъ они о насъ и нашемъ представителѣ. Что говорилъ Горчаковъ до нашего прихода, въ присутствіи итальянскаго посланника!

И это нашъ первый уполномоченный и въ его дряблыя руки, „снова—какъ онъ самъ говорилъ—отданы интересы Россіи". Кто поможетъ ей многострадальной?

Невеселыя думы волновали меня дорогою сюда изъ Варшавы, но все-таки и въ голову не приходило ничего подобнаго лондонскому протоколу и болтовнѣ выжившаго изъ ума Горчакова [1]).

А при первомъ взглядѣ на Горчакова, я было нашелъ его сегодня пресимпатичнымъ старикомъ. Онъ просто позорящая Россію развалина.

Въ два часа пріѣзжали ко мнѣ: генералъ Бобриковъ и полковники Боголюбовъ и Даллеръ; послѣдній нашъ военный агентъ здѣсь. Даллеръ обѣщалъ узнать, слѣдуетъ ли завтра представляться кронъ-принцу. Къ коменданту и военному министру мнѣ ѣхать ненужно; у перваго Даллеръ распишется за меня, когда поѣдетъ туда съ Бобриковымъ и Боголюбовымъ, а второй не имѣетъ здѣсь того значенія, какъ у насъ.

Бобриковъ разсказалъ намъ пренепріятный случай, бывшій съ нимъ въ канцеляріи нашего посольства. Недобившись ничего путнаго отъ швейцара, онъ, снявъ пальто, вошелъ въ канцелярію. Былъ онъ въ статскомъ платьѣ. „Только-что, говорилъ онъ, сдѣ-

---

[1]) Привожу здѣсь разсказъ объ одномъ курьезномъ случаѣ, бывшемъ въ прошломъ году въ Плоэштахъ. Онъ разсказанъ мнѣ Н. П. Игнатьевымъ, я считаю его вполнѣ вѣроятнымъ и подтверждающимъ только что сказанное выше о нашихъ дипломатахъ. Въ Плоэшти, къ пріѣзду туда Государя, собралось немало болгаръ, явившихся съ разными политическими заявленіями. Въ это время на совѣщаніи въ высочайшемъ присутствіи, рѣшено было отвергнуть предложеніе англичанъ, предлагавшихъ за отказъ нашъ отъ перехода за Дунай, понудить Турцію къ устройству автономной Болгаріи къ сѣверу отъ Балканъ. Особенно сильно и убѣдительно говорили за южную Болгарію Игнатьевъ и князь Черкасскій. Послѣ совѣщанія, баронъ Жомини, встрѣтивъ Игнатьева, говоритъ ему: „что это вы, Н. П., все толкуете о южной Болгаріи, когда сами болгары не думаютъ о ней".—„Кто вамъ говорилъ объ этомъ?"—„Геровъ". Это былъ нашъ вице-консулъ въ Филиппополѣ, болгаринъ родомъ и большой патріотъ.—„Такъ Геровъ не хочетъ Филиппополь?, спрашиваетъ Игнатьевъ.—„Нѣтъ, Филиппополь-то онъ желаетъ, но ничего не говоритъ то южной Болгаріи". И такъ Жомини не зналъ, что Филиппополь къ югу отъ Балканъ.

лалъ два шага въ комнату, какъ какой-то бѣлобрысый господинъ вскочилъ со стула, прошелъ мимо меня къ выходной двери и позвалъ къ себѣ швейцара. Тотъ явился. „Опять впускаете въ канцелярію всѣхъ безъ доклада?" закричалъ молодой человѣкъ. „Сколько разъ я приказывалъ вамъ, прежде чѣмъ впускать, спрашивать, можно ли принять просителя". Не давъ швейцару оправдываться, я обратился къ строгому дипломату „позвольте, я не проситель и не желаю имѣть съ вами никакого дѣла. Я пріѣхалъ на время конгресса состоять при уполномоченныхъ; вошелъ же сюда, чтобы узнать, пріѣхали ли, и гдѣ остановились канцлеръ и графъ Шуваловъ. Очень жалѣю, что при первомъ же шагѣ въ посольствѣ меня встрѣчаютъ такъ нелюбезно, чтобы не сказать больше. Меня зовутъ генералъ Бобриковъ". Дипломатъ засуетился, отрекомендовался секретаремъ посольства б. Б... и разсыпался въ извиненіяхъ. Я сказалъ: „мнѣ нужны не извиненія, а справка". [1])

Завтра большой обѣдъ у кронъ-принца, заступающаго теперь Императора. Всѣмъ быть въ полной парадной формѣ и военнымъ въ военной. Мое приглашеніе попало къ Бобрикову, а гр. Шуваловъ, не видя его въ числѣ присланныхъ ему билетовъ, просилъ посла истребовать билетъ и мнѣ, полагая, что о моемъ назначеніи не было извѣстно здѣсь. Однако въ канцеляріи посольства мнѣ сказали, что обо мнѣ уже напечатано въ нѣмецкихъ газетахъ какъ о лицѣ, состоящемъ при нашихъ уполномоченныхъ.

Каковъ же итогъ сегодняшняго дня?

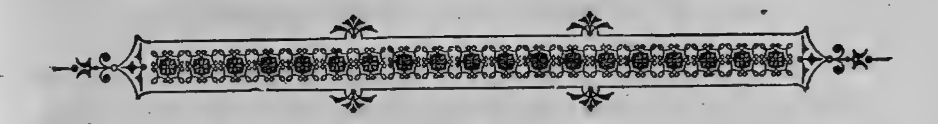
Видѣлъ всѣхъ трехъ нашихъ уполномоченныхъ, говорилъ съ ними, и дѣло наше стало представляться мнѣ въ большемъ еще туманѣ, чѣмъ прежде. Подробной инструкціи, разъясняющей взгляды Россіи и точно опредѣляющей то, чего она желаетъ—кажется нѣтъ. Сами уполномоченные, какъ видно, не спѣлись между собою и смотрятъ врозь. Судя по словамъ Шувалова, онъ, кажется, считаетъ себя за главное лицо, а Горчаковъ—декорація. Впрочемъ это первое мое впечатлѣніе. Горчаковъ только хвастается, болтаетъ и разсказываетъ нелѣпые анекдоты, а Шуваловъ говоритъ—сегодня у *меня* соберемся; вы состоите *при мнѣ*; *мнѣ* обѣщалъ Бисмаркъ и проч.

Сообщила А. С. Анучина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Объ этомъ событіи редакція предполагаетъ вскорѣ напечатать интересную статью Г. И. Бобрикова.

Къ исторіи Отечественной войны 1812 года.

Послѣдняя попытка Наполеона начать мирные переговоры съ Императоромъ Александромъ во время занятія Москвы французскими войсками [1]).

Наполеонъ отправилъ Императору Александру письмо, въ которомъ предлагалъ начать мирные переговоры.

Письмо было отправлено съ задержаннымъ въ Москвѣ отставнымъ гвардіи капитаномъ Яковлевымъ. Какъ извѣстно, Яковлевъ не былъ представленъ Государю, и на письмо не послѣдовало никакого отвѣта. Наканунѣ отправленія письма съ Яковлевымъ, Наполеонъ послалъ за начальникомъ уцѣлѣвшаго отъ пожара Воспитательнаго дома Тутолминымъ. Наполеонъ велѣлъ Тутолмину донести обо всемъ Государю и сказалъ, что отправляемаго чиновника пропуститъ черезъ аванпосты. И этотъ способъ сближенія съ Императоромъ остался тщетнымъ: на донесеніе Тутолмина не послѣдовало отвѣта".

Описаніе войны 1812 года. Михайловскій-Данилевскій. Томъ V. Глава III-ья, стр. 47-ая.

Передъ занятіемъ непріятельскими войсками Москвы, сохранная казна московскаго опекунскаго совѣта, а также находящіеся въ воспитательномъ домѣ воспитанники, по повелѣнію Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ числѣ прочихъ казенныхъ учрежденій, были отправлены въ Казань, какъ мѣсто наиболѣе безопасное.

Для надзора и охраны зданій воспитательнаго дома, въ Москвѣ были оставлены чиновники во главѣ съ главнымъ надзирателемъ Тутолминымъ. Вскорѣ послѣ занятія Москвы, Наполеонъ прислалъ къ Тутолмину повелѣніе (7-го сентября), чтобы онъ, избравъ изъ среды оставшихся при немъ чиновниковъ могущаго исполнить важное порученіе, командировалъ къ нему въ Кремлевскій дворецъ. Въ числѣ оставшихся чиновниковъ былъ комиссаръ крестовой палаты Рухинъ, который состоялъ при Тутолминѣ переводчикомъ, такъ какъ нѣкоторыя зданія Воспитательнаго дома были заняты непріятельскими войсками.

---

[1]) Найдено въ фамильныхъ бумагахъ автора статьи. *Ред.*

Тутолминъ, избравъ комиссара Рухина, какъ старшаго по службѣ и знающаго иностранные языки, командировалъ его въ Кремлевскій дворецъ въ канцелярію Наполеона. Явившись во дворецъ, Рухинъ былъ приведенъ къ Мюрату, послѣ нѣкотораго допроса онъ получилъ отъ Мюрата незапечатанныя депеши, писанныя на французскомъ языкѣ, съ приказаніемъ доставить ихъ лично въ руки Императора Александра. Мюратъ приказалъ ему явиться на другой день въ канцелярію за полученіемъ паспорта на проѣздъ въ Петербургъ. Возвратившись изъ дворца, комиссаръ Рухинъ представилъ полученныя отъ Мюрата депеши Тутолмину, какъ непосредственному своему начальнику. Депеши содержали донесеніе Мюрата: „—...что бѣдствія Москвы и ея жителей происходятъ, собственно, отъ самихъ обитателей, а не отъ французскихъ войскъ. Императоръ Наполеонъ для сохраненія города и богатствъ жителей не уклонится отъ заключенія мира". Тутолминъ, прочитавъ донесеніе Мюрата, для возстановленія правды и истинныхъ причинъ бѣдствія жителей, написалъ личное донесеніе Императору Александру и Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ. Это донесеніе вмѣстѣ съ донесеніемъ Мюрата онъ приказалъ Рухину доставить въ собственныя Ихъ Императорскихъ Величествъ руки. Свое донесеніе и паспортъ, выданный имъ Рухину на проѣздъ въ Петербургъ, Тутолминъ запечаталъ своей печатью. Благодаря этой разсѣянности, комиссаръ Рухинъ, по дорогѣ въ Петербургъ, былъ принятъ за французскаго шпіона. Это обстоятельство сильно задержало донесеніе Мюрата и Тутолмина.

На слѣдующій день (8-го сентября) комиссаръ Рухинъ, при выѣздѣ изъ Москвы на заставѣ по предъявленіи паспорта, выданнаго Мюратомъ, получилъ по повелѣнію Наполеона 20 червонцевъ и обѣщаніе: „что если исполнитъ въ точности возложенное на него порученіе, и Императоръ Александръ изъявитъ согласіе на заключеніе мира, то со стороны Императора французовъ будетъ дана ему большая денежная награда и мѣсто при дворѣ его—если онъ пожелаетъ перейти въ французское подданство".

Въ случаѣ неудачи обѣщана была гибель семейству его, которое оставалось въ Москвѣ и списокъ котораго былъ доставленъ Мюрату. Конвоированный французскими драгунами, Рухинъ доѣхалъ до ст. Черная грязь—гдѣ были аванпосты русской арміи. Приведенный къ начальнику казачьяго отряда генералу Иловайскому и предъявивъ ему паспортъ, выданный Мюратомъ, онъ былъ признанъ за французскаго шпіона и посаженъ подъ караулъ. Чтобы вызвать у него сознаніе и узнать причину его поѣздки, Иловайскій не давалъ ему никакой пищи. Продержавъ нѣсколько дней подъ арестомъ и не получивъ сознанія, Иловайскій отправилъ его подъ сильнымъ

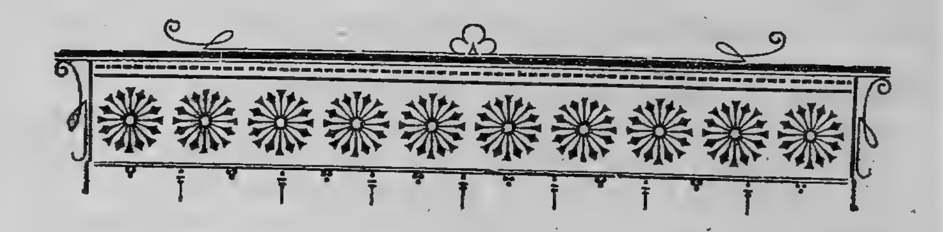
конвоемъ въ село Подсолнечное къ графу Винценгероде, съ донесеніемъ, что, по его мнѣнію, задержанный чиновникъ Рухинъ французскій шпіонъ. Графъ Винценгероде, получивъ донесеніе Иловайскаго, объявилъ арестованному, что будетъ держать его подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не назоветъ дѣйствительнаго имени своего или не представитъ депешъ. За отказомъ выдать депеши Рухинъ послѣ тщательнаго обыска былъ опять посаженъ подъ стражу— вещи и повозка его были также тщательно обысканы, но депеши, зашитыя въ воротникѣ мундира, найдены не были.

Для того, чтобы вынудить у арестованнаго сознаніе или получить депеши, Винценгероде не приказалъ давать ему никакой пищи. Паспортъ, выданный Мюратомъ на имя чиновника Воспитательнаго дома, Рухина, былъ отосланъ Винценгероде въ Петербургъ въ собственную Ея Величества канцелярію, для удостовѣренія, находится ли на службѣ въ Московскомъ Воспитательномъ домѣ чиновникъ Филиппъ Рухинъ. На четвертый день, когда арестованный вслѣдствіе голода впалъ въ болѣзненное состояніе—было получено изъ Петербурга повелѣніе Императора Александра—„немедленно прислать находящагося подъ арестомъ чиновника Рухина“. Арестованному была дана пища, и онъ подъ сильнымъ конвоемъ съ фельдъегеремъ былъ отправленъ въ Петербургъ. По дорогѣ въ Петербургъ, въ селѣ Пешки, гдѣ былъ назначенъ отдыхъ, собравшаяся толпа крестьянъ, услыша, что задержанъ французскій шпіонъ, хотѣла разбить избу и убить арестованнаго. Недостаточный конвой не могъ разогнать возбужденной толпы, и начальникъ отряда князь Голицинъ принужденъ былъ допустить крестьянъ видѣть арестованнаго и путемъ распросовъ убѣдиться въ своей ошибкѣ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, арестованный былъ немедленно доставленъ къ графу Аракчееву, который разспрашивалъ его про дорогу и оставилъ у себя обѣдать. Въ 11 часовъ вечера въ каретѣ Аракчеева и подъ конвоемъ онъ былъ доставленъ во дворецъ, гдѣ графомъ Аракчеевымъ былъ представленъ Государю Императору и Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которымъ онъ и имѣлъ счастье вручить привезенныя депеши. Императрица Марія Ѳеодоровна приказала выдать комиссару Рухину 300 рублей на обмундировку съ повелѣніемъ—„не носить мундира и хранить въ тайнѣ содержаніе депешъ“.

Какъ извѣстно, на депеши Мюрата не послѣдовало отвѣта—такъ окончилась вторая и послѣдняя попытка Наполеона начать мирные переговоры съ Императоромъ Александромъ во время занятія Москвы.

К. Р.

Дневникъ академика В. П. Безобразова.

1886.

Петербургъ, 17 ноября. Нездоровъ и никуда не выхожу, кромѣ Сената.

19 ноября. Пріѣхали въ $11\frac{1}{2}$ ночи В. К. Константинъ Константиновичъ и Дмитрій Константиновичъ. Константинъ Константиновичъ былъ пораженъ моимъ повѣствованіемъ о политическомъ положеніи Россіи въ болгарскомъ вопросѣ, о томъ, какъ Россія компрометирована дѣйствіями Каульбарса, какъ грозна для насъ коалиція Австріи, Англіи, Италіи, какъ унизительна для насъ необходимость вернуть Каульбарса и т. д.

В. К. Константинъ Константиновичъ говорилъ В. К. Сергѣю Александровичу, что не спалъ цѣлую ночь отъ моихъ рѣчей.

Всѣ они здѣсь совершенно спокойны относительно нашихъ иностранныхъ дѣлъ и какъ-будто ничего не знаютъ.

Константинъ Константиновичъ говоритъ, что провелъ съ Государемъ 24 часа (на дежурствѣ) „et qu 'il était tout à fait serein". Я говорю: „mais il se gouverne". Онъ: „mais il est impossible de se gouverner à un tel point".

21 ноября. Былъ у В. К. Константина Константиновича и В. К. Елизаветы Маврикіевны. Показывали мнѣ младенца Іоанна. Дѣтская устроена по-царски—6 комнатъ въ русскомъ древнемъ вкусѣ (въ родѣ музея) со всѣми возможными усовершенствованіями (особая комната для ваннъ, для мытья и т. д.).

22 ноября. Былъ сегодня у В. К. Сергѣя и Павла Александровичей. Они поражены моими рѣчами о болгарскомъ вопросѣ. Пребываютъ въ полномъ убѣжденіи, что все обстоитъ благополучно. Судя

по Вел. Князьямъ Государь не чувствуетъ никакого аффронта. Меня называютъ агитаторомъ, что я мрачно смотрю (какъ же иначе смотрѣть?).

С. А.: Я донесу на васъ Государю, что вы распространяете здѣсь такія свѣдѣнія. Я: Сдѣлайте милость, я только и желаю сказать Государю то, что я знаю, если никто не говоритъ ему правды.

Когда я сказалъ Вел. Князьямъ, что Россія никогда не была въ такомъ унизительномъ положеніи относительно Европы, какъ теперь, и что мнѣ жаль Государя, они замѣтили: „Вотъ, видите, какія вы ужасныя вещи говорите!“.

23 ноября. Вчера былъ у Леера въ военномъ кругу. Возмущенъ тѣмъ, что слышалъ. Военные и ничего не понимаютъ въ нашемъ политическомъ положеніи и заражены шовинизмомъ—даже Лееръ. Изумляются такъ же, какъ и Вел. Князья, что я говорю, что мы унижены. Каульбарса возводятъ въ герои. Но сегодня успокоился. У меня былъ Мордвиновъ (всегда разумный) и другіе пріятели. Всѣ они въ одинъ голосъ со мною смотрятъ на нашъ позоръ вслѣдствіе нашихъ дѣйствій въ Болгаріи и дѣйствій Каульбарса.

27 ноября. Всѣ эти дни, что я здѣсь, чувствую себя хуже, чѣмъ когда-либо въ этомъ скверномъ городѣ. Эта всеобщая апатія, это всеобщее отступленіе среди самой кризисной и постыдной для Россіи эпохи (насъ выгнали изъ Болгаріи!) совсѣмъ подавляетъ меня. Единственное возможное *молчать!* Петербуржцы самые умные, считаютъ это величайшей мудростью. Молчать мнѣ трудно, когда я вижу все это лакейство и всю ложь, и я ужасно страдаю. Говорить—только непріятности, пользы никакой. Попробовалъ высказать у Леера въ маленькомъ кружкѣ мое мнѣніе о нынѣшнемъ растлѣніи Лицея. На меня донесли директору Лицея, а онъ формально, оффиціально и дерзко требуетъ отъ меня доказательствъ моихъ словъ—данныхъ. Какія же можно ему дать данныя, когда онъ самъ лучше всѣхъ долженъ все знать. Одинъ въ полѣ не воинъ. Всѣ это знаютъ, всѣ родители жалуются, а никто ничего ему не говоритъ. Преступникъ въ Россіи тотъ, кто рѣшается говорить, что онъ думаетъ.

28 ноября. Былъ сегодня въ Гатчинѣ (по случаю пріѣзда). Императрица была особенно любезна, какъ всегда. Разспрашивала о подробностяхъ моего путешествія, была ли со мной Оля и проч. Когда я сказалъ, что вслѣдствіе свадьбы долженъ былъ сократить свое пребываніе въ Берлинѣ, то она замѣтила: „mais qu'est ce qu'il y a d'interessant à Berlin après l' Italie“. Я отвѣчалъ напрямикъ, не подумавъ о куртизанствѣ „Mais j'aime les Allemands, j'ai

beaucoup d'amis à Berlin" (и тутъ, раздумавъ о моей неловкости), прибавилъ: „du reste pour mes occupations j'a vais besoin de voir les savants de Berlin". Хотя представляющихся сегодня было мало, Государь принялъ меня вмѣстѣ съ другими, но былъ очень любезенъ. Разспрашивалъ подробно о моихъ разъѣздахъ особенно по Россіи. Я объяснилъ, что мои разъѣзды по Россіи нужны для III т. „Народнаго Хозяйства" и это сочиненіе очень читается за границей, потому что всѣ публикуемыя свѣдѣнія о Россіи за границей пристрастны и тенденціозны. Онъ спросилъ: „Вы будете продолжать ваши поѣздки по Россіи въ будущемъ году". Я: „если Ваше Величество разрѣшите, я бы очень желалъ". На это взглядъ одобренія. Я объяснилъ, что для Европы эта книга имѣетъ значеніе, когда Государь замѣтилъ, что трудно писать 2 текста (русскій и французскій). Въ заключеніе Онъ сказалъ: „желаю вамъ успѣха, очень важно, чтобы за границей были безпристрастныя свѣдѣнія о Россіи".

5 декабря. Всѣ эти дни былъ нездоровъ. Грустно, какъ слабѣютъ мои физическія силы; подходитъ старость и работать по-прежнему будетъ нельзя, а желаніе работать сильнѣе, чѣмъ когда-либо, такъ какъ другого утѣшенія въ жизни нѣтъ. 29 ноября былъ на вечерѣ у Вешнякова, а 1 декабря (воскресенье) у меня собралось не мало. Всего болѣе меня поражаетъ по пріѣздѣ сюда, что всѣ безъ изъятія значительные и находящіеся у дѣлъ люди до самыхъ высшихъ порицаютъ нашу болгарскую политику и миссію Каульбарса. Но почему же они не говорятъ этого Государю? Онъ остается совсѣмъ изолированнымъ. Даже самъ Гирсъ громко порицаетъ; говорятъ, онъ откровенно объявляетъ на вопросы иностранныхъ дипломатовъ, что ничего не знаетъ, что распоряжается самъ Государь. Недоволенъ также и Каульбарсъ: тотъ хочетъ оккупаціи и войны. Отчего же никто не говоритъ откровенно Государю? Оправдываютъ себя тѣмъ, что Онъ ни съ кѣмъ не говоритъ. Пустяки! Съ министрами же говоритъ.

Все это лакейство и больше ничего. Не хотятъ говорить непріятнаго. Только льстятъ и лгутъ. Вотъ до чего могутъ довести рабство и крайній абсолютизмъ.

Курьезно такъ же, какъ высшіе должностные люди мрачно смотрятъ на настоящее и даже будущее Россіи (напр. мой пріятель, К., говорившій мнѣ, что Россія въ будущемъ должна распасться, а онъ каждый день можетъ быть назначенъ министромъ, хотя и теперешняя его должность равносильна министерской. Несмотря на мой пессимизмъ (только относительно настоящаго и ближайшаго будущаго) я подлѣ нихъ крайній оптимистъ.

Могутъ ли государственные люди дѣйствовать плодотворно, когда они не воодушевлены никакими идеалами, даже надеждами? Они и работаютъ, какъ маніаки, для жалованія и почетныхъ отличій.

Можетъ ли успѣшно дѣйствовать подобный государственный механизмъ, въ которомъ всѣ дѣйствующія лица работаютъ противъ своихъ убѣжденій, только машинально исполняя приказанія, которымъ они открыто не сочувствуютъ и не имѣя никакихъ передъ собой нравственныхъ цѣлей, даже сознанія честно исполненнаго долга (ибо это не честное исполненіе долга). Такого другого государственнаго механизма нѣтъ въ Европѣ, даже у Франціи и Турціи. И вотъ положеніе наше въ Европѣ!.. Можетъ ли оно быть сильно на дипломатической почвѣ—при умственномъ ничтожествѣ нашихъ государственныхъ людей. Единственная наша сила *солдатъ*, т. е. буквально матеріальная сила и наша территоріальная осѣдлость.

5 декабря. Сейчасъ былъ у меня Великій Князь Дмитрій Константиновичъ по случаю моей болѣзни. Никто не знаетъ, будетъ ли война и никто ничего не понимаетъ. Онъ говоритъ, что Государь держитъ Гирса, который просился неоднократно вонъ и ни отъ кого не скрываетъ, что несогласенъ съ Государемъ въ иностранныхъ дѣлахъ. Государь держитъ его только потому, чтобъ не имѣть затрудненія назначить на его мѣсто и чтобъ оно было занято.

8 декабря. Обѣдалъ вчера у Грейга: бюро экономистовъ и нѣкоторые ихъ члены (въ томъ числѣ Вышнеградскій—левъ дня). Очень непріятное впечатлѣніе произвело на меня это собраніе сановниковъ и высшихъ должностныхъ лицъ.

Какая пустота и какое ничтожество!

Всего хуже неискренность, самый мелкій оппортунизмъ (не сказать ничего идущаго въ разрѣзъ съ господствующимъ въ сферахъ теченіемъ). Съ каждымъ изъ нихъ можно говорить только въ отдѣльности: тогда они говорятъ совсѣмъ другое, и напротивъ только порицаютъ. Самъ Грейгъ, при всей своей талантливости, весьма легкомысленъ, пробавляется гладкими фразами, считаетъ, что все знаетъ, хотя все знаетъ поверхностно (подобно своему пажескому образованію),—кромѣ садоводства. Легкомысліе и сгубило его (когда онъ былъ министромъ финансовъ).

Все-таки всѣхъ честнѣе Тернеръ. Онъ говоритъ осторожно, но никогда не лжетъ.

12 декабря. 10 дек. былъ 1-й экономическій обѣдъ, я дѣлалъ сообщеніе о моемъ путешествіи. Было много народа и было весело—ничего особеннаго. Обѣдали въ первый разъ въ новой залѣ Донона.

Вчера я ѣздилъ неудачно въ Царское, чтобы видѣть В. К. Сергѣя Александровича, и видѣлъ его нѣсколько секундъ—онъ ѣхалъ

въ Петербургъ. Я тронутъ, какъ онъ меня любитъ и желаетъ чаще видѣть. Онъ серьезно недоволенъ, что я отказался быть у него вчера и завтра по случаю засѣданій Сената и Академіи.

На обратномъ пути встрѣтилъ веселую компанію герцога Евгенія Максимиліановича Лейхтенбергскаго, возвращавшагося со своимъ обществомъ съ охоты.

13 декабря. Обѣдалъ вчера въ Царскомъ Селѣ у В. К. Сергѣя Александровича. Очень было gemüthlich. Бесѣда была совсѣмъ задушевная и семейная, но нѣтъ ничего особеннаго, что можно бы записать. Они настроены на миръ, о войнѣ, кажется, никто не думаетъ, хотя и неудивительно, что Государь не расположенъ вести войну изъ-за Болгаріи. Но тогда зачѣмъ было затѣвать всю исторію, посылать Каульбарса?

17 декабря. Общее положеніе дѣлъ крайне тягостно; всѣ это сознаютъ, хотя немногіе рѣшаются высказаться. Мы все дальше и дальше подвигаемся по пути жесточайшей реакціи.

Но всего тягостнѣе—это роль Каткова. Онъ опять пріѣхалъ сюда, чтобы ворочать дѣлами. Очень серьезно высокостоящіе люди говорятъ по поводу всякаго слуха и всякаго назначенія: „этого нельзя, этотъ человѣкъ будетъ непріятенъ Каткову“ или наоборотъ и т. д. Это puissance occulte, ужасающая, и если бы этотъ человѣкъ былъ благороденъ, а у него нѣтъ другого mobile'а, кромѣ страсти къ властолюбію! Всѣ министры даже и его партіи оскорблены, но ничего не могутъ сдѣлать, такъ крѣпки отношенія Каткова къ Государю. Онъ открыто ругается и надъ правительствомъ, и надъ министрами. Всего любопытнѣе, что все невыносимое положеніе основано на недоразумѣніи. Государь не имѣетъ никакой лично привязанности къ Каткову: Онъ его слишкомъ мало и недавно знаетъ, но Онъ видитъ *независимаго выразителя мыслей Россіи, неподкупный органъ общественнаго мнѣнія.* И считаетъ своимъ долгомъ его слушать, любя Россію и не вѣря министрамъ. Онъ просто не знаетъ, что Катковъ самый ненавистный и наименѣе популярный въ Россіи человѣкъ, а его приверженцы крошечная кучка людей, большею частью, если даже не исключительно *непочтенныхъ* или глупыхъ. И эта кучка разсѣется, какъ только онъ лишится фавора, который привлекаетъ къ нему людей. Несмотря на это положеніе и на необычайный талантъ Каткова, у „Москов. Вѣд.“ наименѣе подписчиковъ изъ всѣхъ газетъ и никто не рѣшается объяснить это Государю и освободить Его отъ этого заблужденія. Онъ ни съ кѣмъ не говоритъ, кромѣ министровъ.

Ужасно думать посреди этой реакціи, что самъ себя переживаешь. Уже говорятъ о возстановленіи откуповъ. Частные банки разрушатся

посредствомъ казенныхъ (Дворянскій банкъ). Послѣднее особенно чувствительно для меня.

Думали ли мы въ 1859 г.,—работая съ Н. Милютинымъ въ коммиссіи земскихъ банковъ, что такъ скоро настанетъ ломка всей нашей работы и мы такъ скоро вернемся къ старому, единогласно осужденному всѣми лучшими людьми того времени—да и нынѣшняго?

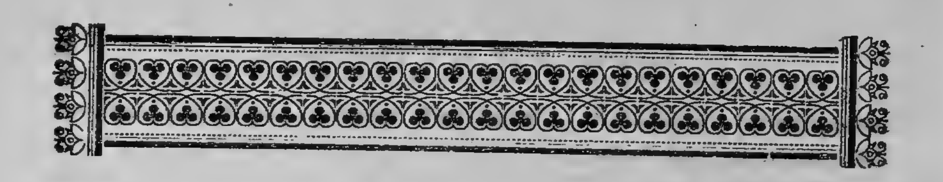
23 декабря. Какъ-то скопилось около меня много горя и къ тому же хвораю. Переживаю опять тяжкую эпоху жизни. Съ замужествомъ Оли, которое рѣшено на этихъ дняхъ, я вступаю опять въ жестокій кризисъ моей жизни. Молю Бога и уповаю на Него, что переживу этотъ кризисъ такъ же благополучно, какъ переживалъ прежніе. Оглядываясь назадъ передъ близкимъ наступленіемъ 59 года жизни, не вижу въ ней много счастья въ прошедшемъ. Но не для счастья мы здѣсь живемъ.

27 декабря. Сегодня я испыталъ у В. К. Сергѣя и Павла Александровичей мои обычныя впечатлѣнія при дворахъ. Павелъ В. К. Александровичей ужасно запоздалъ отвѣтомъ Президенту Академіи объ его избраніи въ почетные члены. Какихъ затрудненій стоило уговорить его пріѣхать въ годовое собраніе, такъ же и В. К. Сергѣя Александровича.

Сообщ. М. В. Безобразова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма Г. Р. Державина къ Е. И. Горихвостовой [1]).

I.

Милостивая Государыня моя
Елисавета Ивановна!

Пріятельское письмо ваше отъ 14 сего мѣсеца и при немъ копію съ Атестата Г-на Бередникова я получилъ.—Благодарю васъ, что вы обо мнѣ помните.—Что же касается до вашего Собинки, то слава Богу отъ музъ онъ получилъ Аттестатъ, а отъ невѣсты руку, то чего же лучше? По рукамъ да и на пиръ; но послѣ куды и что и чѣмъ прокормить земную Грацію? ибо небесныхъ можно потчивать мечтами, то не зная состоянія его родителя я сказать ничего не могу, ибо съ таковыми свидѣтельствами много кое-кого по бѣлому свѣту шатается. Пожелавъ вамъ впрочемъ и сестрицамъ вашимъ вожделеннаго здравія и всякаго благоденствія съ истиннымъ моимъ почтеніемъ пребываю

вашъ
Милостивая Государыня
покорнѣйшій слуга
Гавріилъ Державинъ.

Августа 26 дня
1815 года.
С. Званка.

1. Елизавета Ивановна Горихвостова, тихвинская дворянка, изъ рода предводителя мѣстныхъ ополченій смутной эпохи—Степана

[1]) Найдены въ недавно разысканныхъ И. П. Мордвиновымъ бумагахъ академика Я. И. Бередникова.

Горихвостова,—принимала большое участіе въ судьбѣ Якова Ивановича Бередникова, впослѣдствіи извѣстнаго русскаго археографа. Состоя въ близкомъ знакомствѣ съ Г. Р. Державинымъ, она нерѣдко посылала послѣднему для отзыва литературные опыты своего молодого любимца, „собинки",—какъ добродушно подтруниваетъ Гавріилъ Романовичъ. (О посылкѣ стиховъ см. письмо Державина къ Е. И. Г. 2 декаб. 1812 г. въ „Русск. Архивѣ" 1910 г., № 4, стр. 566).

Елизавета Ивановна скончалась въ преклонномъ возрастѣ дѣвицею. Тихвинскіе старожилы разсказываютъ, что она задохлась въ дыму пожара ея родового дома въ 50-хъ годахъ и погребена въ мѣстномъ женскомъ монастырѣ. Могилы ея мы, однако, здѣсь не нашли.

2. Вотъ этотъ аттестатъ, писанный на бумагѣ съ гербомъ 1814 г. „цѣною въ рубль".

— Объявитель сего Новгородской губерніи Города Тихвина купца Ивана Тимофѣева сына Бередникова сынъ Яковъ Ивановъ Бередниковъ же, 1813 года іюня съ 18 дня, находился при императорскомъ Казанскомъ университетѣ вольнымъ слушателемъ профессорскихъ и адъюнктскихъ Лекцій, и выслушалъ Курсъ теоретической и практической Философіи, съ отличнымъ вниманіемъ и успѣхами, посѣщалъ эстетическія и ѳеоріи словесности Лекціи; и оказалъ въ оныхъ успѣхи отличные, слушалъ лекціи латинской словесности въ теченіи двухъ лѣтъ съ большимъ прилежаніемъ и успѣхомъ, слушалъ курсъ политической экономіи и пріобрѣлъ въ оной хорошіе успѣхи, равно слушалъ Статистику Россійской Имперіи съ таковымъ же успѣхомъ и былъ всегда внимателенъ, кончилъ курсъ исторіи всеобщей, слушалъ ариѳметику, алгебру и геометрію, слушалъ право уголовное Россіи, уголовное судопроизводство и часть гражданскаго съ отличнымъ прилежаніемъ и похвальнымъ вниманіемъ, слушалъ Лекціи о естественномъ и римскомъ правѣ съ похвальнымъ прилежаніемъ и успѣхами, велъ себя всегда хорошо; нынѣ по поданному отъ него Якова Бередникова прошенію уволенъ отъ университета, въ чемъ и дано ему сіе свидѣтельство изъ правленія Императорскаго Казанскаго университета, за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ печати. Іюля 8 дня 1815 года. Ректоръ Иванъ Браунъ. (Документа № 1173).

3. Бередникову въ эту пору было 22 года. Въ его бумагахъ не сохранилось даже и намека о личности той, которую Державинъ называетъ „земною Граціею".—Бередниковъ женился крайне необычно уже на 38 году жизни на крѣпостной дѣвушкѣ, выкупленной имъ на волю. Родственники жены до сихъ поръ проживаютъ въ слободѣ Стрѣтиловѣ подъ Тихвиномъ.

4. Сестры Е. И. Г.—Екатерина Ивановна (род. 24 іюня 1767 г., ск. 8 февр. 1836 г.) и Варвара Ивановна (род. 4 марта 1775 г., ск. 17 іюля 1831 г.)—погребены на паперти Успенскаго собора въ Тихвинскомъ Большомъ монастырѣ.

II.

Милостивая Государыня моя

Елисавета Ивановна!

Письмо ваше отъ 20-го ноября съ приложеніями получилъ. Павла Ивановича Кутузова нынѣ здѣсь находящагося буду лично просить о покровительствѣ Г-на Бередникова. Касательно его сочиненій что мнѣ вамъ сказать? Оно хорошо, но мысли объ Идилліяхъ извѣстны всѣмъ и собраны оны или выписаны изъ другихъ Авторовъ, которые писали о семъ родѣ Буколическихъ Сочиненій. Идиллія должна быть проста, естественна, чиста слогомъ и занимательна завязкою. По симъ правиламъ, ежели бы онъ сочинилъ собственную свою, то-бы я вамъ сказалъ хороша-ли она или дурна.—А какъ онъ дѣлаетъ только разборъ Броннеровыхъ идиллій и того еще не докончалъ, то и не можно о семъ трудѣ его рѣшительно что бы вамъ сказать. А какъ онъ не одинъ разъ уже занимался таковыми разборами Одъ, Басенъ, а нынѣ и Идиллій, то и пусть его занимается таковыми разборами. Они докажутъ его ученость или чтеніе, остроту ума и вкусъ, а притомъ и безпристрастіе, ежели только въ полной мѣрѣ соблюдетъ онъ, что однако трудно, ибо разныя головы разно судятъ.—Между тѣмъ прошу спросить его, какая разница между идилліей и эклогой, ибо они и то и другое составляютъ родъ Буколической поэзіи?—Мы слава Богу здоровы и дождались любезнаго намъ ИМПЕРАТОРА съ драгоцѣннымъ гостинцемъ, то есть съ общимъ миромъ, съ чѣмъ и васъ сердечно поздравляемъ. Онъ вчерась изволилъ пріѣхать въ вожделенномъ здравіи. Дарья Алексѣевна вамъ и любезнымъ вашимъ сестрицамъ кланяется.

Пребываю съ почтеніемъ

вашъ
Милостивая Государыня моя
покорнѣйшій слуга
Гавріилъ Державинъ.

3 декабря
1815 года
С.-Петербургъ.

1. Павелъ Ивановичъ Кутузовъ—кураторъ Московскаго университета, куда съ 6 сентября 1815 г. перешелъ Бередниковъ.

2. Броннеръ, Францискъ-Ксаверій, нѣмец. поэтъ, род. 23 дек. 1758 г. въ Гохштетѣ на Дунаѣ, гдѣ отецъ его былъ работникомъ на кирпичномъ заводѣ. Съ юныхъ лѣтъ отличался своими дарованіями. Въ 1769 г. поступилъ пѣвчимъ въ іезуитскій коллегіумъ въ Диллингенѣ; кончивъ ученіе принялъ, подъ именемъ Бонифація, монашество въ Бенедиктинскомъ монастырѣ. Усердно занимался самообразованіемъ и поэзіей; писалъ главнымъ образомъ пастушескія и рыбацкія идилліи, подражая Геснеру, который впослѣдствіи издалъ сочиненія Броннера. (1787—1794 г.). Монашеская жизнь ему, наконецъ, надоѣла, онъ убѣжалъ изъ монастыря и въ 1784 г. подъ именемъ Іоанна Винфрида поселился сначала въ Базелѣ, а потомъ въ Цюрихѣ. Его уговорили вступить въ другой монастырь въ Аугсбургѣ, но и отсюда Броннеръ вновь убѣжалъ въ Швейцарію. Былъ учителемъ въ Аарау; во время революціи былъ во Франціи.

Въ 1810 г. Броннеръ былъ приглашенъ профессоромъ педагогики въ Казанскій университетъ. Въ 1817 г. вновь возвратился въ Аарау; въ 1820 г. принялъ протестантство: съ 1830 г. состоялъ кантональнымъ секретаремъ, архиваріусомъ и библіотекаремъ; подъ конецъ жизни ослѣпъ и умеръ въ 1850 году.—Автобіографія Броннера въ 3-хъ том. напечатана въ Цюрихѣ 1795—1797 г.—О дѣятельности его въ Казанскомъ ун. см. *Васильевъ А.*—Броннеръ и Лобачевскій. Два эпизода изъ жизни первыхъ профессоровъ Казанскаго университета. Казань. 1893. 8⁰. 15 стр.

Бередниковъ, пребывая въ Казани, вѣроятно слушалъ Броннера и былъ знакомъ съ его жизнью и сочиненіями.

3. Дарья Алексѣевна, урожденная Дьякова,—вторая супруга Державина.

III.

Милостивая Государыня моя
Елисавета Ивановна!

Пріятное письмо ваше отъ 1-го сего Генваря, въ которомъ вы насъ поздравляете съ новымъ годомъ съ удовольствіемъ получилъ и въ соотвѣтствованіе онаго съ тѣмъ же васъ отъ искренности моей поздравляю, желая препроводить оный вамъ въ здравіи, въ мирѣ и во всякомъ благоденствіи.—Николай Николаевичъ Леонтьевъ жительствуетъ нынѣ въ нашемъ домѣ и мы часто говоримъ объ васъ.—

О Бередниковѣ я съ кураторомъ Университета Кутузовымъ говорилъ и онъ отозвался мнѣ, что писалъ въ Москву и во всемъ его велѣлъ удовлетворить. Впрочемъ пребываю съ истиннымъ почтеніемъ

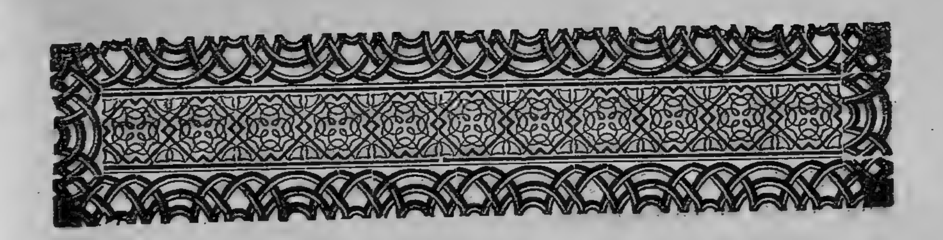
вашъ
Милостивая Государыня моя
покорный слуга
Гавріилъ Державинъ.

Генваря 10 дня
1816 года
СП.Бургъ.

Упоминаемый въ письмѣ Н. Н. Леонтьевъ,—вѣроятно сынъ Николая Михайловича, плѣненнаго при Цорндорфѣ, и внукъ извѣстнаго украинскаго генералъ-губернатора (1741—1753) Михаила Ивановича Леонтьева.

И. П. Мордвиновъ.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XIV.

Настоящая глава перенесетъ читателя съ береговъ Эгейскаго моря въ страну пирамидъ и финиковой пальмы.

Такая внезапная смѣна декораціи находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что не въ моей власти было тогда повернуть крылатое колесо богини случая въ ту или иную сторону. Впрочемъ, обойдемся на этотъ разъ безъ философіи, и я лучше разскажу здѣсь, какъ и что произошло вскорѣ послѣ знаменательнаго въ моей жизни событія, описаннаго выше.

Въ началѣ шестой недѣли Элиме передала мнѣ секретно письмо, въ которомъ я прочла удивительную для себя новость: далеко отъ Хіоса, въ глубинѣ одного изъ восточныхъ санджаковъ Малой Азіи, въ своемъ родовомъ чифликѣ умеръ отецъ моего Тафти, и послѣдній спѣшилъ туда безотлагательно: „мы разстаемся на время,—писалъ онъ между прочимъ:—и я умоляю небо сохранить тебя для моего блаженства“...

Тѣмъ лучше,—думалось мнѣ въ эгоизмѣ любви:—вотъ уже одного барьера нѣтъ на пути къ нашему счастію.

Однако, моя подруга устроила дѣло такъ, что оно въ концѣ концовъ стало всеобщимъ достояніемъ, и скучающія затворницы гаремовъ, съ пылкой энергіей, обсуждая предстоявшее событіе, волновались не менѣе, чѣмъ въ моменты луннаго затменія.

Но хуже всего было то, что вздорные слухи эти не задержались только въ стѣнахъ турецкихъ жилищъ, а перекинулись въ другіе кварталы Хіоса и подняли на ноги греческое духовенство. Тогда, чтобы предупредить дальнѣйшія осложненія вокругъ моей

злополучной особы, рѣшено было на нѣсколько мѣсяцевъ отправить меня въ Южную Францію къ родственникамъ Marie, въ замокъ маркиза d'Antin, семья котораго интересовалась мною и звала къ себѣ, чтобы познакомиться.

Съ воплями безумнаго отчаянія, задыхаясь въ потокахъ слезъ, бросилась я къ ногамъ Marie, но смогла только крикнуть: „не разлучайте насъ, не разлучайте—я умру, умру!..“ И мнѣ, дѣйствительно, казалось, что жизнь улетала отъ всего моего существа.

Дорогая, незабвенная тетушка—священная память о ней всегда озаряла мой жизненный путь свѣтлымъ лучомъ надежды: она поняла тогда чуткимъ сердцемъ жгучія страданія молодой, пылкой души и протянула ей свои нѣжныя ручки.

Но каждому извѣстна логика любви: чѣмъ больше обращаются къ разсудку, тѣмъ ярче вспыхиваетъ страсть. Такъ было и со мной. Когда мнѣ говорили, напримѣръ, что раньше, чѣмъ свалиться въ пропасть, слѣдовало бы размѣрить и разсчитать шаги свои, или же рисовали мрачными красками душевныя качества моего кумира, то я возражала, что готова даже смерть принять отъ него и что характеръ его измѣнится подъ вліяніемъ горячей любви, которая все можетъ побѣдить на свѣтѣ.

Мои стоны и слезы терзали окружавшихъ меня—даже Али, по его же признанію, не спалъ ночей отъ горькихъ думъ. Путешествіе во Францію какъ-то само по себѣ не удалось, и всѣ мы съ мучительнымъ напряженіемъ искали выхода изъ невозможнаго положенія; но не совсѣмъ-то легко было его найти!..

Какъ вдругъ своенравной богинѣ судьбы пришла вдругъ фантазія перекинуть меня въ другую колею, что давало моимъ близкимъ нѣкоторые шансы направить ходъ событія въ противоположную сторону, и вотъ почему такъ случилось.

Къ праздникамъ католической Пасхи въ нашъ прохладный, цвѣтущій Хіосъ пріѣхала изъ огненной Африки подышать свѣжимъ воздухомъ интересная личность, которая заслуживаетъ, чтобы разсказать о ней здѣсь. Это была воспитательница дочери египетскаго хедива, знаменитаго въ исторіи прорытія Суэзскаго канала Измаила-паши, Полина Розьеръ де-Мулине изъ очень знатнаго рода французской аристократіи.

Когда умеръ въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ ея отецъ, не оставивъ дѣтямъ ничего кромѣ графской короны и долговъ, то молодая, гордая дѣвушка не растерялась, не пала духомъ, а твердо и безповоротно рѣшила принести себя въ жертву долга и поддержать блескъ имени въ лицѣ своего единственнаго брата, виконта де-Розьеръ, служившаго въ гвардіи Наполеона III.

Россію считали всегда обѣтованной землей для каждаго, желавшаго набить свой карманъ нашими варварскими рубликами, а потому и героиня этой главы остановилась на той же мысли.

Благодаря любезному содѣйствію нашего посольства въ Парижѣ она была приглашена въ Петербургъ наставницей дѣтей всесильнаго тогда министра, графа А—га и прожила у него, кажется, два или три года. Свое жалованье Полина отправляла брату; но что оно значило для шикарнаго офицера Второй Имперіи?

Въ тѣ времена обаяніе Франціи на берегахъ Нила такъ ярко отражалось въ правящихъ кругахъ и въ народныхъ массахъ, что даже золото Англіи, всегда покорявшее міръ, значительно теряло тогда въ своемъ удѣльномъ вѣсѣ при погруженіи въ Суэзскій каналъ. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что главнымъ выразителемъ такого преклоненія являлся самъ вице-король Египта, Измаилъ-паша. Въ особенности онъ боготворилъ императрицу Евгенію, которая въ его понятіяхъ олицетворяла собой идеалъ совершенства на землѣ.

Золотистые волосы прекрасной государыни сводили его съ ума и въ честь ея влюбленный хедивъ перекрасилъ весь персоналъ своего чрезвычайно густо населеннаго гарема въ рыжеватыхъ блондинокъ [1]).

Къ тому времени, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь, яркая звѣзда фатальной Евгеніи, этой „Нильской сирены", какъ называла ее молва, уже закатилась и угасла на политическомъ горизонтѣ міра; но въ сердцѣ Измаилъ-паши она еще долго свѣтилась, мерцая, подобно убѣгавшей отъ земной орбиты кометѣ.

У хедива было много дѣтей, что не казалось удивительнымъ при наличіи въ стѣнахъ громаднѣйшаго дворца Гизерэ 600 женъ и наложницъ. Только глава этой необъятной семьи любилъ больше другихъ маленькую Энзели. До 10 лѣтняго возраста дѣвочка оставалась на рукахъ своей матери-черкешенки, купленной случайно въ Константинополѣ, у еврея, торговавшаго невольницами съ Кавказа.

И вотъ однажды, прихотью судьбы, Энзели, рожденная отъ рабыни, стала вдругъ принцессой крови!

Впрочемъ, такова значитъ сила „кесмета" на Востокѣ, гдѣ даже султаны, эти калифы Ислама, были по преимуществу сыновьями матерей-рабынь, и гдѣ также не рѣдко можно встрѣтить пашей, полководцевъ, министровъ, купленныхъ въ дни ихъ юности на базарахъ Стамбула или Каира.

---

[1]) Наполеонъ III и Евгенія пріѣзжали въ Египетъ для открытія Суэзскаго Канала въ 1869 году.

Маленькую дикарку взяли изъ гарема, помѣстили въ отдѣльномъ павильонѣ дворца и совершили такимъ образомъ надъ ней метаморфозу въ стилѣ сказокъ Шехеразады.

Но этимъ не ограничились: хедивъ задумалъ еще дать своей любимой дочери настоящій европейскій обликъ, и тогда по его мысли цѣлый штатъ иностранокъ окружилъ экзотическую принцессу для преподаванія ей научныхъ знаній, искусствъ и языковъ, а въ Парижъ было командировано довѣренное лицо съ порученіемъ во что бы то ни стало пріискать даму изъ самаго высшаго круга общества, которая согласилась бы за огромное жалованье взять на себя весь трудъ по воспитанію Энзели.

Братъ Полины, вращаясь постоянно въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, узналъ также объ этомъ и написалъ сестрѣ въ Петербургъ, убѣждая ее не терять случая, а хлопотать за себя.

Благодаря могущественной протекціи графа Ага, пожелавшаго устроить судьбу обѣднѣвшей аристократки, Измаилъ-паша съ величайшей охотой, чтобы только сдѣлать пріятное всесильному министру Россійской Имперіи, остановилъ свой выборъ на ней.

Какъ воспитательница, она чрезвычайно нравилась хедиву, и онъ осыпалъ ее такими цѣнными подарками, что блестящему виконту съ того времени весьма недурно жилось на свѣтѣ.

Чтобы выручить моихъ родныхъ изъ затрудненій, созданныхъ инцидентомъ, разсказаннымъ выше, она предложила имъ взять меня погостить у нея мѣсяцъ, другой, а затѣмъ передъ наступленіемъ іюньской жары и „хансина“ [1]) привезти обратно въ Хіосъ.

Здѣсь не могло быть и выбора, а потому въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ дней апрѣля, когда уже не говорятъ о равноденственныхъ буряхъ, мы обѣ, Полина и я, усѣлись въ быстроходный пакетботъ французской компаніи „Messagerie Maritime“ и отплыли въ царство Фараоновъ.

Глава XV.

Воспитанница Полины де Розьеръ 15 лѣтняя Энзели была уже замужемъ второй годъ и даже имѣла ребенка. Но по непреклонной волѣ отца, а также супруга, принца Али, образованіе ея, тѣмъ не менѣе, продолжалось въ томъ же духѣ и еще въ болѣе строгомъ порядкѣ для усовершенствованія въ премудростяхъ западной цивилизаціи.

---

[1]) Песочный вѣтеръ: дуетъ съ іюня до сентября, губительно дѣйствуетъ на пріѣзжихъ.

Однако, какъ тотъ, такъ и другой даже не подозрѣвали, чего это стоило гувернанткамъ и наставникамъ капризной и чрезвычайно лѣнивой принцессы, которая дѣлала все, лишь бы отравить ихъ существованіе. Но приходилось молчать, такъ какъ платили слишкомъ хорошо.

Когда доложили Энзели о моемъ пребываніи въ аппартаментахъ Полины, то она выразила желаніе немедленно познакомиться со мной.

Нѣсколько свитскихъ „фрейлинъ" по обычаю египетскаго церемоніала явились ко мнѣ, чтобы сопровождать къ ея высочеству.

То были арабки изъ племени бедуиновъ сѣверной Африки; но по внѣшнему виду онѣ скорѣе напоминали раскрашенныхъ куколъ лубочнаго издѣлія Европы, чѣмъ уроженокъ тропика; шиньоны и локоны золотисто-рыжеватаго цвѣта еще болѣе приближали ихъ къ этому сходству—только глаза большіе, черные и нѣжные, какъ у газели, свидѣтельствовали о расѣ. Отсюда я поняла, что тѣнь „Нильской сирены" по-прежнему витала надъ сердцемъ Измаилъ-паши.

И такъ, я отправилась съ визитомъ къ принцессѣ.

Сначала меня вели по сквознымъ галлереямъ, безконечно длиннымъ и обставленнымъ удивительной роскошью, вполнѣ отвѣчавшей нашимъ представленіямъ о великолѣпіи убранства восточнаго стиля: диваны, вышитые золотыми арабесками, отоманки, крытыя парчей, богатѣйшіе ковры, мягкіе, какъ пухъ, не одна сотня лампъ и фонариковъ въ люстрахъ изъ чистѣйшаго серебра, подушки, шитыя жемчугомъ, столики и принадлежности для куренія наргиле, украшенные настоящими драгоцѣнными камнями—однимъ словомъ, достаточно сказать, что мы находились въ предѣлахъ гарема вице-короля Египта, и мнѣ объяснили, что эта часть необъятнаго Гизерэ служила мѣстомъ отдыха его гуріямъ въ жаркіе часы дня.

И дѣйствительно, когда я осмотрѣлась, то замѣтила нѣсколько рыжихъ, молодыхъ женщинъ, валявшихся на мягкихъ подушкахъ въ тѣни колоннады: однѣ сладко дремали, лѣниво потягиваясь, другія—курили папиросы или наргиле.

Вдругъ сразу, точно по командѣ, мы остановились: на встрѣчу намъ шла пожилая турчанка благородной осанки, привѣтливо улыбаясь:

— Мать хедива,—шепнула Полина, и я присѣла передъ знатной особой. Она что-то сказала въ ласковомъ тонѣ по моему адресу, движеніемъ руки, унизанной по локоть браслетами, предлагая слѣдовать дальше.

По пути мнѣ передали о ней много интересныхъ подробностей,

которыя заслуживаютъ вниманія читателя; но такъ какъ это не соотвѣтствуетъ программѣ настоящей главы, то я ограничиваюсь пока краткой характеристикой женщины, уже отмѣченной на страницахъ исторіи Египта, такъ какъ вся просвѣтительная дѣятельность знаменитаго вице-короля была тѣсно связана съ ея именемъ: тогда говорили, что онъ ничего не предпринималъ безъ указаній и мудрыхъ совѣтовъ матери. Сюда еще можно добавить, что она интересовалась политикой, читала европейскую литературу и принимала горячее участіе въ дѣлахъ управленія государствомъ.

Спутницы мои „придворныя дамы", кстати надо замѣтить, въ большинствѣ купленныя на мѣстныхъ рынкахъ или привезенныя изъ Стамбула, изнемогая отъ духоты въ своихъ бархатныхъ трэнахъ „à la Eugénie", увлекли меня дальше, въ садъ, окружавшій дворцы Гизерэ, гдѣ я увидѣла всѣ чудеса экваторіальной флоры; но мнѣ было не до того: знойное дыханіе огненнаго неба Африки давало себя знать и казалось уже, что нашему странствованію не будетъ конца.

Затѣмъ, мы повернули въ прелестную аллею вѣковыхъ сикоморъ, подъ сѣнью которыхъ мнѣ стало вдругъ почти холодно.

Еще нѣсколько минутъ пути, и вотъ изъ зелени гранатовыхъ деревьевъ, выступая на площадку яркаго газона, точно картинка въ панорамѣ, обрисовался дивный кіоскъ, несравненный образчикъ мавританскаго зодчества. Весь облицованный голубыми эмальированными кирпичами, съ колонками и ажурными балкончиками изъ бѣлаго мрамора, висѣвшими въ пространствѣ надъ водой Нила, катившаго мимо него свои мутныя волны, онъ казался издали фантастическимъ сочетаніемъ кружева и воздушныхъ линій—такова была иллюзія жилища египетской принцессы. По широкой лѣстницѣ мы взошли наверхъ и углубились въ длинную анфиладу салоновъ. Каждаго, вѣроятно, какъ и меня, поразилъ бы контрастъ съ тѣмъ, что я видѣла уже въ большомъ гаремѣ: тамъ безраздѣльно царилъ только Востокъ, его изящныя формы и поэзія стиля, а здѣсь—шаблонная роскошь Запада и комфортъ европейца. Такая дисгармонія по сравненію съ наружнымъ видомъ зданія производила довольно комичное впечатлѣніе. Да и вообще, какъ замѣчено мною, мусульмане склонны вѣрить, что наши моды и фабричныя издѣлія приближаютъ ихъ къ истинной цивилизаціи.

— Пожалуйста, не забудьте, о чемъ я просила васъ, Eugénie,— напомнила мнѣ Полина: — она непремѣнно будетъ жаловаться на свою горькую долю, а вы утѣшьте ее, скажите, что въ Россіи, также, какъ и вездѣ у европейскихъ народовъ, женщины высшаго круга, даже замужнія, всегда заняты чѣмъ-нибудь полезнымъ

для ума и сердца — прямо наказаніе Божье съ этимъ лѣнивымъ звѣрькомъ!...

— Хорошо, хорошо!—отвѣтила я:—а еще что говорить?..

Но въ тотъ моментъ одна изъ фрейлинъ распахнула двери въ интимные аппартаменты принцессы и знакомъ предложила мнѣ войти первой, какъ требовалось въ данномъ случаѣ по этикету мусульманскаго гостепріимства.

Я сдѣлала шагъ впередъ; но озадаченная тѣмъ, что пришлось увидѣть, остановилась, не рѣшаясь итти дальше: посреди комнаты, на пушистомъ коврѣ, вся обложенная атласными подушками лежала, закутанная въ бѣлую кисею, маленькая, худенькая женщина, къ удивленію моему не рыжая, а прелестная брюнетка и, потягиваясь въ сладкомъ far niente, грызла конфетку. У изголовья этой феи въ позѣ глубокаго унынія стояла длинная, тощая дама, преподавательница англійской литературы, какъ я поняла тотчасъ же. Съ выраженіемъ отчаянія въ глазахъ и прижимая къ сердцу какую-то исписанную тетрадку, она умоляла свою лѣнивую ученицу перевести на французскій языкъ нѣсколько строчекъ изъ Байрона, заданныхъ мѣсяцъ тому назадъ.

— Ахъ, да оставьте меня, наконецъ, въ покоѣ съ вашими дурацкими писаками!—запальчиво вскрикнула принцесса, и туфля съ ея ножки перелетѣла черезъ голову англичанки. Гордая дочь Альбіона только повернулась на каблукахъ и моментально исчезла.

— Вотъ и „русская Eugénie“ — не такъ ли?—сказала Энзели, протягивая мнѣ руки въ драгоцѣнныхъ браслетахъ до плечъ: — садитесь рядомъ со мной—будемъ друзьями! Вы носите имя прекраснѣйшей женщины въ мірѣ! Какая вы бѣленькая и розовая—счастливая, благодатная страна, гдѣ родятся такія! Мнѣ очень хотѣлось бы туда уѣхать, а иначе здѣсь я совсѣмъ почернѣю отъ горя—о! моя жизнь одно терзаніе. И принцесса расплакалась, какъ дитя. Слезы градомъ катились по ея смуглому личику, еще не испорченному косметиками, она вся дрожала въ припадкѣ глубокаго возмущенія, жалобно повторяя:—Ахъ, эти ужасныя англичанки—какъ я ненавижу ихъ! Ну, какое мнѣ дѣло хотя бы до Байрона или Шекспира какого-то? Мало ли сумасшедшихъ людей на свѣтѣ! Еще французскіе романы можно читать съ удовольствіемъ, а то, напримѣръ, какъ одинъ чудакъ [1]) сидѣлъ подъ деревомъ, и вдругъ упало яблочко на землю—что же тутъ интереснаго? Хорошо вамъ смѣяться,—обиженно проговорила она, замѣтивъ мою невольную улыбку: — у васъ, ко-

---

[1]) Ньютонъ.

нечно, замужнія женщины дѣлаютъ, что хотятъ, и не готовятъ уроки, точно маленькія дѣвочки...

— О, нѣтъ, принцесса, вы ошибаетесь!—возразила я, уклоняясь немного отъ истины, чтобы поддержать Полину, которая находилась здѣсь же къ великой досадѣ ея воспитанницы, мы постоянно учимся и въ молодые и старые годы, всегда работаемъ, читаемъ, пишемъ и насъ также принуждаютъ заниматься по цѣлымъ днямъ...

— Какъ! да неужели? Ахъ, бѣдныя, несчастныя созданія — учиться по цѣлымъ днямъ! перебила Энзели, лишая меня, такимъ образомъ, удовольствія блеснуть передъ ней краснорѣчіемъ и похвалиться, кстати, нашей цивилизаціей: — а я думала, что русскія дамы ровно ничего не дѣлаютъ, когда выходятъ замужъ, — продолжала она съ полнѣйшимъ разочарованіемъ въ тонѣ голоса: — ну, значитъ Россія дѣйствительно варварская страна!..

Но мнѣ даже не пришлось возражать, какъ бы хотѣлось: вдругъ послышались тревожные звонки въ сосѣднихъ комнатахъ и галлереяхъ, окружавшихъ дворецъ-кіоскъ, топанье множества ногъ, гортанные, рѣзкіе выкрики на арабскомъ языкѣ: „Хедивъ! Хедивъ!“ и пріемная, гдѣ мы находились, стала наполняться толпою одалисокъ, причисленныхъ къ гарему принца Али.

Всѣ онѣ были одѣты въ красныя, шелковыя туники, подхваченныя золотыми пряжками на бокахъ и плечахъ.

— Хедивъ! Хедивъ!—повторяли гуріи, размѣщаясь вдоль стѣнъ и у дверей, какъ полагалось согласно церемоніалу.

Энзели вскочила на ноги, чтобы итти навстрѣчу; но Измаилъ-паша быстрыми шагами уже приближался къ намъ. Ему казалось не болѣе 45 лѣтъ; фигура у него была довольно полная, лицо круглое съ бородкой à la franco, глаза небольшіе, черные, очень выразительные, а въ общемъ онъ имѣлъ видъ и манеры человѣка, рожденнаго для власти.

— А! вотъ какая она „mademoiselle Eugénie“ — Voyons! — сжимая мнѣ руку въ отвѣтъ на мой почтительный реверансъ, оживленно заговорилъ вице-король и вдругъ мечтательно, съ оттѣнкомъ грусти добавилъ:—eh bien! eh bien! régnez donc sur les bords du Nil...

Очевидно, мое имя воскресило призракъ „другой Eugénie“, безраздѣльно царившей въ душѣ этого знаменитаго въ исторіи Египта государя.

Здѣсь я прерываю разсказъ о странѣ фараоновъ.

Глава XVI.

Въ дни моего пребыванія у Египетской принцессы я не теряла времени даромъ: благодаря удобствамъ почтовыхъ отправленій изъ дворца Хедива въ Константинополь, а главное отсутствію домашняго контроля, мнѣ удалось завязать переписку съ Мидхатъ-пашою. Тогда звѣзда его уже восходила надъ затуманенной густыми облаками чертой политическаго горизонта, освѣщая ему путь къ славѣ и могуществу — такъ, по крайней мѣрѣ, онъ самъ чистосердечно вѣрилъ этому.

Однажды, еще въ началѣ нашего знакомства, онъ сказалъ мнѣ какъ бы шутя: „если полюбите турка, берите меня сватомъ — не раскаетесь".

Въ своемъ дѣйствительно сказочномъ превращеніи онъ не забывалъ старой дружбы, и я не ошиблась, когда довѣрила ему съ полнѣйшей откровенностью всю исторію моей любви.

Къ 15 числу мая Полина де-Розьеръ привезла меня обратно въ Хіосъ больную, измученную тропической жарой въ Каирѣ.

Тафти почему-то медлилъ своимъ возвращеніемъ, и я не имѣла о немъ рѣшительно никакихъ извѣстій съ момента его отъѣзда въ далекій санджакъ Малой Азіи. Такъ проходило время, наполняя мою душу жестокимъ уныніемъ, тѣмъ болѣе, что приходилось симулировать еще веселое настроеніе и благоразуміе.

Наступило 30 мая, роковой, знаменательный день или, выражаясь правильно, новая страница, вписанная Мидхатъ-пашою въ исторію современной Турціи.

Послѣ обѣда Marie и я сидѣли въ пріятномъ dolce far niente у окна въ столовой, любуясь вѣчно прелестной, ненаглядной панорамой Эгейскаго моря. Дядя также находился здѣсь, а секретарь его, Артуръ Триконъ, читалъ намъ вслухъ только что прибывшія изъ Константинополя газеты, по столбцамъ которыхъ тянулась все та же неизмѣнная, безконечно нудная сказочка „про бѣлаго бычка": le général Ignatieff, le knout, le cosaque, la vodka, l'ispravnik и площадная ругань по адресу Черняева—дальше этого не шло, такъ какъ, вѣроятно, сэру Элліоту, руководившему тогда турецкой прессой, не хватало просто фантазіи придумать еще что-нибудь.

— Ахъ, Боже мой!—вспыхнула Marie—да у меня начинается оскомина—развѣ тамъ, за предѣлами Хіоса ничего нѣтъ, кромѣ памфлетовъ на Россію?! Ну, какъ не надоѣло людямъ толковать все объ одномъ и объ одномъ...

Какъ будто въ отвѣтъ на ея сѣтованія раскатился ударъ пушки,

за нимъ другой, третій, и началась канонада со всѣхъ бастіоновъ крѣпости, дѣйствительно возвѣщая что-то новое, необычайное.

— Что такое! что такое! — волновались мы и не находили объясненія: заглянули въ календарь—никакого праздника или иного торжества у мусульманъ!

— Вафиръ-бей!—доложила прислуга, и къ намъ вошелъ съ пакетомъ въ рукахъ личный секретарь губернатора. Вотъ точная копія съ документа, адресованнаго тогда всѣмъ консуламъ: „Par la volonté de Dieu et du peuple le sultan Abdul-Azis est détroné, et Sa Majesté Impériale le sultan Murad V monta au trône Ottoman. Midhat“ [1]).

Прежде чѣмъ откланяться, Вафиръ-бей передалъ дядѣ еще и другое посланіе неоффиціальнаго характера: въ немъ заключалась просьба Кіамиль-паши пожаловать завтра, 31 мая, вмѣстѣ съ женой и племянницей въ Конакъ на раутъ съ танцами. Вслѣдъ за подписью стояло: „магометанскія дамы примутъ также участіе и будутъ помѣщены въ закрытыхъ ложахъ на хорахъ, чтобы любоваться оттуда зрѣлищемъ праздника“.

— Нечего сказать, прогрессъ,—шутилъ Артуръ:—смотрѣть черезъ рѣшетки, какъ веселятся гуяры—vivat либеральному пашѣ!

— Однако, какъ же намъ одѣться? — спрашивала Marie: — я положительно не могу сообразить—ужъ очень мудреная задача: „турецкій балъ“?

И мы принялись обсуждать вопросъ со всѣхъ его сторонъ. Но не прошло и часу, какъ въ нашей пріемной уже собрались почти всѣ дамы изъ европейскаго общества для рѣшенія той же задачи.

Тогда открыли засѣданіе подъ авторитетнымъ предсѣдательствомъ моей тетушки, и начались пренія.

Большинство разсуждало такъ: обыкновенный визитный нарядъ и неудобно и выходило какъ-то не парадно, тѣмъ болѣе въ присутствіи турчанокъ, которыя непремѣнно объяснили бы это недостаткомъ должнаго почтенія къ высокому торжеству. Бальное „декольте“— еще того хуже, возражали другія и, наконецъ, дружными усиліями единогласно подошли къ слѣдующему: надѣть платье хотя и съ открытымъ лифомъ, но шею и плечи задрапировать кружевомъ или буфами изъ газа, а на рукахъ имѣть перчатки по локоть. Такимъ образомъ получалась иллюзія: и парадно, какъ слѣдовало тому быть, и не зазорно для щепетильной совѣсти правовѣрныхъ.

---

[1]) Волею Божьей и народа султанъ Абдулъ-Азисъ лишенъ престола, а Е. И. В. султанъ Мурадъ V восшелъ на тронъ Оттомановъ. Мидхатъ.

На слѣдующій день, 31 мая, послѣ заката солнца Марiе и я, закутанныя въ легкіе бурнусы и сопровождаемыя кавасомъ, подъѣхали верхами на своихъ арабскихъ скакунахъ ко дворцу паши. Иллюминація уже горѣла, съ валовъ цитадели пускали ракеты, на плацу шумѣли солдаты и матросы, забавляясь военными играми съ оглушительной пальбой.

На лѣстницѣ у входа въ пріемную со мной раскланялся одинъ изъ знакомыхъ офицеровъ, и я спросила его:

— Вы рады, что у васъ новый султанъ?

— Если будетъ платить намъ жалованье,—улыбаясь отвѣтилъ онъ,—то конечно, пошли ему Аллахъ многіе годы царствованія.

Мы вошли въ ярко освѣщенный залъ съ прелестной колоннадой и обширными хорами, замаскированными деревянными рѣшетками. Хозяинъ дома, окруженный толпою военныхъ, встрѣтилъ насъ чрезвычайно любезно; но было какъ-то странно для европейскаго глаза отсутствіе хозяйки и ея привѣта.

Послѣ взаимныхъ рукопожатій и поздравленій я обратилась къ амфитріону съ такимъ вопросомъ:

— Какъ поживаетъ ваша супруга и милая Элиме—надѣюсь, что онѣ... На этомъ мнѣ пришлось остановиться: Кіамиль-паша слишкомъ замѣтно смутился и, чтобы уклониться отъ необходимости разговаривать со мной, громко сказалъ, стоявшему тутъ же Ніязи-эфенди, начальнику крѣпостного гарнизона:

— Прошу васъ, займитесь mademoiselle и представьте ей кавалеровъ—она желаетъ танцовать...

Тогда я вспомнила, хотя и поздно, что нарушила, такимъ образомъ, одно изъ главнѣйшихъ правилъ хорошаго тона турецкой вѣжливости, по которому спрашивать мусульманина въ присутствіи другихъ мужчинъ о здоровьѣ его жены значило нанести ему прямо оскорбленіе.

Эфенди предложилъ мнѣ опереться на его руку, и мы отошли подальше.

Съ невольнымъ любопытствомъ я стала осматриваться. Мѣстные тузы, милліонеры-греки, также явились на раутъ, но, вѣроятно, не столько по сочувствію къ перевороту—имъ и при Абдулъ-Азисѣ жилось весьма недурно — сколько по чисто коммерческимъ разсчетамъ, такъ какъ все равно и при новомъ режимѣ слѣдовало быть въ ладахъ съ представителями власти.

Зато жены этихъ королей биржи вполнѣ использовали случай блеснуть роскошью нарядовъ и драгоцѣнныхъ уборовъ.

Роль кавалеровъ по преимуществу исполняли молодые купчики, порхая вокругъ дамъ и стараясь казаться настоящими dandy въ

своихъ черныхъ сюртукахъ европейскаго покроя—обыкновенно мы привыкли ихъ видѣть за прилавками или же у пакгаузовъ въ грязныхъ зуавкахъ, въ широчайшихъ шароварахъ и туфляхъ на босую ногу.

Левантинцы, вѣчно занятые своими интригами и политикой, бродили за колоннадой, оживленно бесѣдуя о злобѣ дня.

Вдоль стѣнъ жались красныя фески: то были турки стараго закала, чиновники суда, администраціи, таможни и другимъ вѣдомствъ, питавшіе глубокое отвращеніе къ новымъ порядкамъ, и съ унылымъ видомъ посматривали на свои перчатки, какъ бы спрашивая себя: „ну, для чего этотъ маскарадъ?"

Офицеры также составляли отдѣльныя группы, не смѣшиваясь съ европейской публикой.

Раздались звуки вальса—пары закружились.

— Allons, mademoiselle, имѣю честь просить васъ на туръ вальса—mille million de bombardes.

Читатель, непремѣнно, подумаетъ, что такъ говорилъ одинъ изъ матросовъ съ какого-нибудь французскаго военнаго корабля?—нѣтъ! передо мной, изгибаясь въ „граціозныхъ позахъ", стоялъ нѣкто Григораки Кундури, краса и гордость греческаго квартала, кумиръ дамъ и дѣвицъ, сынъ богача-торговца оливковымъ масломъ.

Это былъ пустой малый, безъ всякаго почти образованія, не знавшій другихъ нарѣчій кромѣ своего родного „галика", но тѣмъ не менѣе онъ пользовался завидной репутаціей вполнѣ „цивилизованнаго молодого человѣка и прекраснаго лингвиста", вѣроятно потому, что каждое предложеніе своей рѣчи на греческомъ языкѣ онъ неизмѣнно начиналъ восклицаніемъ: „allons"! иногда, впрочемъ, для разнообразія, tiens! и заканчивалъ всегда обязательно цѣлымъ каскадомъ тѣхъ почти непереводимыхъ характерныхъ „словечекъ", которыми такъ богатъ лексиконъ французскихъ рабочихъ, солдатъ и моряковъ.

— Tiens! mademoiselle,—продолжалъ Кундури, вы, надо полагать, morbleu, весьма огорчены инцидентомъ съ Абдулъ-Азисомъ? Ventre-saint-gris, enfer et damnation! Прекрасный пассажъ для генерала Игнатьева, par les cornes du diable, nom de nom!

— Почему?—рѣзко отвѣтила я,—не все-ли равно для меня, кто царствуетъ въ Турціи...

— Sapristi! tonnerre de Dieu!—воскликнулъ онъ и широко развелъ руками:—tiens! tiens! что слышу я? но вѣдь это означаетъ переходъ „вліяній" къ Англіи, а вы, pardon за выраженіе, получаете длинный, длинный носъ! Sac à papier! Corbleu!

Не сдерживая глубокаго отвращенія, я повернула ему спину, что

было тотчасъ же замѣчено его поклонницами, и на меня стали коситься.

— Ахъ, какъ милъ! какъ уменъ! захлебываясь отъ умиленія, говорили между собой дамы, но такъ, чтобы и я слышала:—вотъ кому быть министромъ или губернаторомъ! а краснорѣчіе—Демосѳенъ! о! Григораки пойдетъ далеко!

И дѣйствительно, какъ было не восхищаться, когда при всѣхъ своихъ „плѣнительныхъ" достоинствахъ Хіосскій донъ-жуанъ еще такъ хорошо ругался на французскомъ языкѣ.

Ровно въ 11 часовъ насъ пригласили въ столовую.

Мы размѣстились вокругъ столовъ, прекрасно сервированныхъ. Только виноградное вино отсутствовало, такъ какъ мусульмане его не пьютъ, и вмѣсто него предлагали лимонадъ.

Мужчины занялись политикой, а дамы сплетнями. Офицеры и чиновники, не принимая ни малѣйшаго участія въ политическихъ дебатахъ, угощали насъ. Кіамиль-паша также не садился и внимательно слѣдилъ за порядкомъ.

Моя сосѣдка, Харикля Скараманга, шепнула мнѣ:

— Я была на хорахъ—Элиме просила вамъ сказать, что ждетъ васъ завтра же къ себѣ по очень важному дѣлу...

Я поняла. Тогда мнѣ показалось, что все измѣнилось вокругъ: комната наполнилась розовыми лучами, крикливые голоса пѣли дивную мелодію—даже Кундури преобразился въ очень симпатичнаго человѣка.

— Allons donc! надо поздравить хозяина—кто скажетъ рѣчь, mille million de bombardes!—на этотъ разъ мнѣ очень понравилась любимая прибаутка французскихъ матросовъ: я даже улыбнулась „прекрасному" Григораки.

— Позвольте мнѣ?—заговорилъ, приближаясь къ пашѣ, представительной наружности господинъ, элегантно одѣтый. Звали его Христофоромъ Карава; онъ служилъ директоромъ мѣстнаго банка, всегда находился въ курсѣ международныхъ пертурбацій и могъ предсказывать грядущія событія по биржевому курсу бумагъ. Такихъ неоспоримыхъ качествъ было совершенно достаточно, чтобы за нимъ установилась репутація „тонкаго дипломата", и съ его авторитетнымъ мнѣніемъ считался дѣловой кругъ Хіосскихъ коммерсантовъ.

Наполнивъ стаканъ лимонадомъ, онъ поднялъ его высоко и обратился къ почтенному собранію съ такимъ „нравоученіемъ":

— Господа! настоящее торжество знаменуетъ собой побѣду свѣта и правды надъ тьмою и лукавствомъ. Радость народа, съ которымъ мы сожительствуемъ подъ однимъ небомъ, подъ сѣнью одного

трона—также и наша радость, залогъ общаго благополучія. Однимъ словомъ, поздравимъ себя: генералъ Игнатьевъ сѣлъ на мель— многія лѣта новому Падишаху!!!

— Zito Mourad! Zito!—вопили греки: vivat! вторили европейскіе пришельцы и только тѣ, кого непосредственно касалось историческое событіе, всѣ находившіеся здѣсь турки, ничего не кричали, загадочно улыбаясь и переглядываясь между собой.

Когда было произнесено имя нашего посла, мой дядя порывисто всталъ и немедленно удалился изъ столовой. Губернаторъ бросился за нимъ вдогонку. Сконфуженные офицеры стали также выходить.

— Какая дерзость!—наклоняясь ко мнѣ, прошепталъ Хассанъ-Эфенди—въ присутствіи русскаго консула—наши всѣ возмущены!..

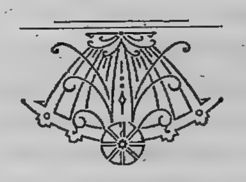
— О, конечно, нисколько не сомнѣваюсь!—отвѣтила я, глотая слезы.

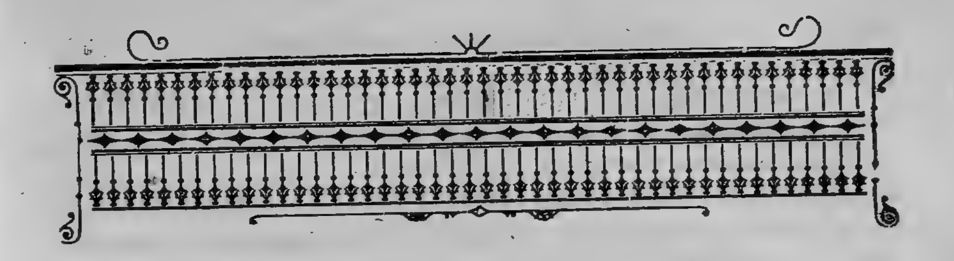
Добрый старикъ видимо смутился, заморгалъ глазами, точно собираясь плакать, и добавилъ:

— Никто, какъ Аллахъ:—все написано имъ прежде начала вѣковъ въ книгѣ судебъ...

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

(Наброски по неизданнымъ матеріаламъ).

Вмѣсто предисловія.

Кому принадлежитъ честь составленія первой подробной біографіи Чернышевскаго?

Несомнѣнно, первымъ изслѣдователемъ этого вопроса, поставившимъ собираніе матеріала на должную высоту,—былъ преподаватель саратовскаго епархіальнаго училища, Флегонтъ Васильевичъ Духовниковъ. Его статья „Николай Гавриловичъ Чернышевскій“ („Русская Старина“, 1890, IX) была *первымъ* серьезнымъ трудомъ, сообщившимъ массу провѣренныхъ свѣдѣній о жизни великаго писателя. Покойный изслѣдователь задумалъ дать полную біографію Н. Г., для чего собралъ массу матеріала путемъ записи разныхъ разсказовъ о жизни Чернышевскаго, слышанныхъ часто отъ лицъ, близкихъ къ Николаю Гавриловичу. Біографія задумана была широко; авторъ думалъ дать освѣщеніе той среды, въ которой родился, росъ и жилъ Чернышевскій; Духовниковъ старался отмѣтить тѣ вліянія, которыя сказались на Чернышевскомъ, и, преслѣдуя иногда цѣли апологетическія, старается защитить Николая Гавриловича отъ нападеній его враговъ, искажавшихъ часто факты изъ жизни писателя и пускавшихъ про него сплетни не только въ обществѣ, но и въ литературѣ.

Въ свое время (1890 г.) Духовниковъ напечаталъ только начало статьи; печатать продолженіе ему не удалось: цензура придралась къ либеральному предмету статьи и, хотя для книжекъ „Русской Старины“ часть статьи была уже набрана,—пришлось отказаться

отъ ея печатанія. Эта часть работы Духовникова, имѣющая въ себѣ массу новыхъ данныхъ, напечатана въ „Русской Старинѣ“ въ 1910—11 годахъ. Покойный изслѣдователь жизни Чернышевскаго не далъ вполнѣ законченнаго труда. Трудъ его обрывается на разсказѣ о событіяхъ—до ареста Николая Гавриловича. Но въ матеріалахъ, собранныхъ Духовниковымъ, есть масса свѣдѣній, могущихъ дать богатѣйшій матеріалъ для описанія дальнѣйшей жизни и дѣятельности писателя. Флегонтъ Васильевичъ не могъ ихъ обработать, вѣроятно причиной этому были слѣдующія обстоятельства: Духовниковъ видѣлъ, что при цензурныхъ условіяхъ того времени (1890-ые годы) нечего было и думать о напечатаніи всего изслѣдованія; къ тому же, и недугъ Ф. В-ча (чахотка) не давалъ благопріятныхъ условій для литературной работы. Матеріалы остались неразработанными. Можетъ быть, они и не всѣ сохранились. Это—тѣ самыя рукописи, которыя разыскивалъ В. Е. Вѣтринскій, авторъ нѣсколькихъ статей о Чернышевскомъ.

Благодаря любезности Маріи Викторовны, вдовы Ф. В. Духовникова (по второму браку — Шмелевой), я получилъ возможность вполнѣ использовать эти черновыя записки покойнаго изслѣдователя. Оказалось, что далеко не весь собранный матеріалъ былъ использованъ Флегонтомъ Васильевичемъ. Нашлась масса въ высшей степени интересныхъ свѣдѣній, пополняющихъ то, что мы уже знаемъ о Чернышевскомъ. По мѣрѣ силъ, я обработалъ этотъ матеріалъ. Во многихъ частяхъ мой разсказъ не полонъ,—это объясняется недостаткомъ матеріала; иногда въ бумагахъ Духовникова тотъ или другой разсказъ не имѣетъ конца, иногда одинъ и тотъ же разсказъ встрѣчается въ нѣсколькихъ редакціяхъ. При изложеніи, я, понятное дѣло, выбиралъ редакцію наиболѣе полную и дополнялъ ее варіантами изъ другихъ мѣстъ матеріаловъ. Кое-что пришлось опустить (о лицахъ живущихъ, главнымъ образомъ, — объ Ольгѣ Сократовнѣ—вдовѣ Н. Г. Чернышевскаго).

Нѣкоторыя (очень немногія) свѣдѣнія заимствованы мной изъ личныхъ воспоминаній другихъ лицъ о Чернышевскомъ; архивъ саратовской консисторіи тоже не былъ оставленъ безъ вниманія.

Въ заключеніе приношу благодарность М. В. Шмелевой за разрѣшеніе пользоваться матеріалами и Г. Г. Дыбову за содѣйствіе при работѣ.

I. Родители.—Пыпины.—Дѣтство.

Отецъ Н. Г. Чернышевскаго, Гавріилъ Ивановичъ, священникъ Сергіевской (Нерукотворенно-Спасской) церкви г. Саратова, въ молодости умѣлъ писать стихи [1]).

---

[1]) Вотъ канва для его біографіи.

1803. 9. V. Поступилъ въ пензенскую семинарію, гдѣ и кончилъ курсъ.

1812. 17. IV. Опредѣленъ въ ту же семинарію преподавателемъ греческаго языка.

1814. 15. V. Опредѣленъ сеніоромъ той же семинаріи.

1816. 18. XII.—Учитель піитическаго класса (тамъ же).

1817. Библіотекарь (тамъ же).

1818. 24. VI. Рукоположенъ во священника Нерукотворенно-Спасской церкви г. Саратова.

1819. Опредѣленъ увѣщателемъ подсудимыхъ по саратовскимъ присутственнымъ мѣстамъ.

1820. I. 20. Опредѣленъ учителемъ въ саратовское уѣздное училище въ высшее отдѣленіе по греческому языку съ соединенными съ нимъ предметами.

— Въ томъ же году—законоучитель въ саратовскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ.

1822. 19. II. Опредѣленъ инспекторомъ саратовскихъ уѣзднаго и приходскихъ духовныхъ училищъ.

1822. Назначенъ довѣреннымъ лицомъ со стороны духовенства при ежемѣсячныхъ испытаніяхъ въ Законѣ Божіемъ и священной исторіи въ саратовскомъ народномъ училищѣ.

1824. Объявлена благодарность за ревизію.

1825. Произведенъ въ протоіереи.

1826. Опредѣленъ присутствующимъ въ саратовскомъ духовномъ правленіи.

— Получена благодарность за отличное прохожденіе училищныхъ должностей.

1828. 26. V. Гавріилъ Ивановичъ—благочинный по г. Саратову.

— 12. X. За отличные успѣхи, оказанные Г. И. по званію депутата со стороны духовной въ увѣщаніи раскольниковъ и по другимъ дѣламъ, до старообрядцевъ касающимся, награжденъ бархатной фіолетовой скуфьею.

— 30. XII. Назначеніе членомъ саратовской духовной консисторіи.

1830. 29. VIII. Уволенъ, по своему желанію, отъ училищныхъ должностей.

1832. Опредѣленіе членомъ строительной комиссіи по постройкѣ архіерейскаго дома.

1833. Пожалованъ фіолетовой камилавкой.

— 16. XII. Назначеніе благочиннымъ женскаго монастыря.

1835. 23. IV. Объявлена благодарность отъ преосвященнаго Іакова за открытіе мѣстожительства бѣглаго священника (изъ пензенской епархіи), Архангельскаго, исправлявшаго требы у раскольниковъ и за содѣйствіе полиціи въ поимкѣ его.

По своему характеру—это былъ очень скромный человѣкъ. Никогда и ни предъ кѣмъ не хвалился онъ своими знаніями и своимъ положеніемъ въ обществѣ. Гавріилъ Ивановичъ отличался честностью: жилъ почти исключительно на доходы своей церкви, считавшейся въ городѣ аристократической. Хотя Г. И. и не отказывалъ себѣ ни въ чемъ,—покупалъ, напр., цѣнныя книги, но никогда не бралъ взятокъ съ духовенства, какъ членъ консисторіи, подобно другимъ членамъ, нажившимъ громадныя состоянія взятками. Напротивъ, онъ даже помогалъ бѣднымъ изъ духовенства какъ деньгами, такъ и одеждой. Н. С. Соколовъ [1]) опровергаетъ П. И. Мельникова [2]), считавшаго Гавріила Ивановича взяточникомъ, нажившимъ себѣ большое состояніе; Соколовъ говоритъ, что Чернышевскій нажилъ только домъ на свои доходы, но и это не вѣрно: домъ нажитъ тестемъ, и принадлежалъ женѣ Гавріила Ивановича, Евгеніи Егоровнѣ (другой домъ пошелъ въ приданое за Александрой Егоровной (Пыпиной). О честности его говоритъ и производство (1825) въ протоіереи за *отлично-усердную* службу и *примѣрно-честное* поведеніе; въ 1837 г. ему, какъ члену строительной ко-

---

1837. Командировка въ Средне-Никольскій монастырь для принятія его въ епархіальное вѣдомство, по обращеніи изъ раскола.

14. V. Получилъ наперсный крестъ.

Въ томъ же году—благодарность отъ синода за труды по постройкѣ архіерейскаго дома и сбереженіе при этомъ суммъ.

1842. Опредѣленъ благочиннымъ мужского Спасо-Преображенскаго монастыря.

1843. 18. XI. Уволенъ отъ присутствованія въ консисторіи за неправильную запись незаконнорожденнаго сына маіора Протопопова, Якова, родившагося черезъ мѣсяцъ послѣ брака; при этомъ, епархіальнымъ архіереемъ предоставлено Гавріилу Ивановичу занимать при богослуженіи (архіерейскомъ) то же мѣсто, которое онъ занималъ, будучи членомъ консисторіи; 1850 указомъ синода (15. VII), это дѣло велѣно не считать препятствующимъ на будущее время къ награжденію знаками отличія.

1844. 14, XI. Командировка въ Вольскъ въ саратовскій батальонъ военныхъ кантонистовъ для изысканія средствъ, могущихъ болѣе благопріятствовать обращенію евреевъ изъ кантонистовъ, гдѣ вмѣстѣ съ законоучителемъ и обращено имъ 15 человѣкъ такихъ, которые своимъ вліяніемъ останавливали прочихъ обращаться въ христіанство.

1852. Получилъ орденъ Анны 3-ей степени.

1856. 29, VIII. Перемѣщенъ каѳедральнымъ протоіереемъ, при оставленіи благочиннымъ.

1857. 17. IV. Полученіе ордена Анны 2-й степени.

1858. Награжденъ палицей.

[1]) Расколъ въ саратовскомъ краѣ. Саратовъ. 1888, т. I.

[2]) Матеріалы для исторіи хлыстовской и скопческой ересей. „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, 1873. I. отд. V.

миссіи, была объявлена благодарность синода за труды по постройкѣ архіерейскаго дома и *сбереженіе* въ пользу казны денегъ.

Проповѣди Г. И. говорилъ безъ тетрадки. Ему пришлось составить описаніе обращенія иргизскихъ раскольническихъ монастырей, хранящееся теперь въ библіотекѣ саратовской семинаріи [1]).

Дома, у Чернышевскихъ выписывались, между прочимъ, „Московскія Вѣдомости", разъ какъ-то Г. И. прекратилъ выписку,—не прошло и двухъ недѣль, какъ нашего любителя чтенія забрала скука, и онъ послалъ деньги въ редакцію. Изъ духовныхъ журналовъ Г. И. выписывалъ „Христіанское Чтеніе".

Интересно отмѣтить, что Гавріилъ Ивановичъ прекрасно зналъ колокола всѣхъ саратовскихъ церквей. По долгу благочиннаго, онъ долженъ былъ слѣдить за своевременнымъ звономъ въ церквахъ; и, вотъ, бывало, сидитъ онъ на крылечкѣ своего дома, и слушаетъ, какъ звонятъ. Въ случаѣ какихъ упущеній—онъ уже знаетъ, гдѣ именно опоздали.

Мать Николая Гавриловича, какъ женщина болѣзненная, имѣла вялый, пришибленный видъ; это отразилось на внѣшности и ея сына, Николая. Больную (женскою болѣзнью), ее никто не видѣлъ веселой; больше она лежала. Поэтому, въ хозяйствѣ ее часто замѣняла ея сестра, Александра Егоровна; она же принимала и гостей, приходившихъ въ отсутствіе Гавріила Ивановича.

Когда родился Н. Г., о. Гавріилъ записалъ въ метрикѣ своей церкви.

Часть первая о рождающихся.

№	Число рожденія.	У кого кто родился.	Число крещенія.	Кто воспріемники.
86	Іюль 12	Сей церкви Протоіерея Гавріила Ивановича Чернышевскаго сынъ Николай.	13	Протоіерей Θеодоръ Стефановичъ Вязовскій, Пензенской Семинаріи Профессоръ Г. Магистръ Василій Сергѣевичъ Воронцовъ, вдова протоіерейша Пелагія Иванова Голубева.

Крестилъ вышеозначенный протоіерей Вязовскій съ причтомъ сей церкви

(Метрическая книга г. Саратова за 1828 годъ, Саратовской Нерукотворенно-Спасской церкви) [арх. Саратовск. духовн. консисторіи].

---

[1]) Теперь этой рукописи тамъ нѣтъ. Она издана свящ. Д. Александровымъ въ „Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ", 1900, № 6.

Большое вліяніе на Николая Гавриловича имѣла его двоюродная сестра, Любовь Николаевна. Она играла на фортепьяно; Н. Г. увлекся игрой, и занимался въ дѣтствѣ музыкой до тѣхъ поръ, пока Любовь Николаевна не вышла замужъ, а вмѣстѣ съ нею исчезло изъ дома и фортепьяно.

„Николай Гавриловичъ", говорилъ дьяконъ Сергіевской церкви, Я. Ѳ. Алфіоновъ-Подольскій, „вышелъ весь въ отца. Г. И. далъ ему во всемъ полную волю: что хотѣлъ Николай, то и дѣлалъ; зналъ отецъ, что ничего дурного онъ не сдѣлаетъ, и точно, не дѣлалъ. Обычно въ другихъ семействахъ, что какъ отецъ изъ дома,— и дѣти вмѣсто того, чтобы учиться, пойдутъ играть. А Н. Г. все сидитъ надъ книгой или за газетой.

Бывало, придешь и скажешь: „Вѣрно, занятная книжка, что читаете?".

— „Занятная, говоритъ, отецъ дьяконъ".

— „Вы бы поиграли".

— „Да, я и поиграю".

Другіе товарищи столько времени играютъ, сколько онъ читаетъ. Вотъ, онъ какой былъ маленькимъ.

Играть тоже лютый какой былъ! Да, развѣ это зазорно? Тутъ не отъ кого было набраться дурныхъ примѣровъ: товарищи-то всѣ — хорошіе, да сановные. К. П. Трудкинъ могъ бы быть впослѣдствіи губернаторомъ, Аргамаковы, Александръ, Иванъ и Тимофей Умновы, В. Д. Чесноковъ—самый закадычный другъ Николая Гавриловича, — всѣ вышли въ хорошіе люди. И въ играхъ-то онъ необыкновенный былъ. Другіе-то шалятъ, мѣшаютъ другимъ, а онъ во время игры никого не обидитъ.

Разъ Н. Г. гонялся за павлиномъ по двору, чтобы перо изъ хвоста выдернуть. Тотъ осердился, да клювомъ такъ хватилъ его, что выхватилъ мясо. А то катался онъ по двору, да накатился на колъ,—ему и распороло подбородокъ. Шрамъ на подбородкѣ остался у Чернышевскаго на всю жизнь. А разъ у портного Бердникова вывѣску съ гвоздей сорвалъ и бросилъ на землю; хотѣлъ было разломать ее, да Александръ Николаевичъ (Пыпинъ) остановилъ. Озорникъ былъ!

По наружности онъ тщедушный былъ, волосы рыжіе, золотистаго цвѣта, лицо бѣлое.

А какъ къ отцу—матери почтителенъ былъ! Но и они не какъ другіе обращались съ нимъ: пальцемъ никогда не трогали, да и не за что было. Между собой это были настоящіе друзья. Поэтому, очень хотѣлось потомъ родителямъ, чтобы сынъ поступилъ на

службу въ Саратовѣ, когда кончитъ ученье въ Петербургѣ. И впослѣдствіи Н. Г. сдѣлалъ это для нихъ.

Я ходилъ къ нему и, какъ старшій, пилъ чай въ отдѣльной комнатѣ".

Ближайшими родственниками Чернышевскихъ были Пыпины. Это семейство было прекрасное, особенно мать, преумная, претактичная и разсудительная особа. Здѣсь каждый членъ семьи зналъ и исполнялъ свое дѣло. Отецъ добывалъ деньги; жена его, Александра Егоровна, заботилась о мужѣ и дѣтяхъ, при чемъ своего мужа она не допускала до хозяйства, находя это обременительнымъ для мужа. Она старалась возможно лучше обставить ему жизнь. Въ ея же рукахъ было и все хозяйство Чернышевскихъ; оба семейства даже обѣдали вмѣстѣ, хотя и жили въ разныхъ домахъ.

Александра Егоровна со всѣми обращалась въ высшей степени гуманно. Но особенно бросалось въ глаза воспитаніе дѣтей. Никогда не говорила она при дѣтяхъ того, что бы могло оказать на нихъ вредное вліяніе. Когда дѣти учились въ гимназіи, — тамъ много творилось такого, что заставляло о себѣ говорить, и А. Е. иногда съ жаромъ разсуждала съ знакомыми о гимназической жизни. Если во время такого разговора входилъ сынъ-гимназистъ,—разговоръ немедленно переводился на другую тему.

„При дѣтяхъ нельзя говорить. Они меня такъ любятъ, что каждое мое мнѣніе о людяхъ для нихъ не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Они могутъ пересказать другимъ, могутъ смотрѣть моими глазами на этихъ лицъ, а этого — не дай Боже" говорила она!

Имѣя много своихъ дѣтей, учившихся въ гимназіи, и принимая участіе въ дѣтяхъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, которыя (дѣти) учились въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ Саратова, она знала порядки почти всѣхъ учебныхъ заведеній города въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. На ея глазахъ открылись почти всѣ эти заведенія, она пережила многихъ начальниковъ ихъ; поэтому, Александра Егоровна вполнѣ могла судить о нихъ, тѣмъ болѣе, что дѣти ея, всегда находя у ней чисто-материнскій пріемъ, передавали ей свои горести и находили въ ней свою постоянную утѣшительницу. По большей части, горе дѣтей сводилось къ тому, что „наказали больно".

„За что!" спроситъ мать.

И мальчикъ разсказывалъ часто цѣлую исторію, иногда очень не рекомендующую начальствующихъ лицъ въ учебныхъ заведеніяхъ.

Саратовское духовенство, знавшее Александру Егоровну, отно-

силось къ ней съ почтеніемъ и уваженіемъ за ея природный умъ и доброе, сердечное отношеніе къ тѣмъ, которые чѣмъ-нибудь себя запятнали. Она почти всегда умѣла находить извиненіе тому или другому проступку.

Добрыми же качествами отличались и остальные члены этого семейства.

Отецъ, Николай Дмитріевичъ, человѣкъ простой, чиновникъ, постоянно занятый службой, отличался остроуміемъ. Гавріилъ Ивановичъ особенно цѣнилъ въ этой семьѣ ея религіозность, религіозность не фарисейскую, которой отличаются многіе, а истинную. Сергіевскую церковь, гдѣ служилъ Г. И., они называли *нашей*. Каждый праздникъ въ придѣлахъ этой церкви былъ праздникомъ и Пыпиныхъ. Поэтому, время многихъ событій въ семьѣ опредѣлялось (и опредѣляется, писалъ Ф. В. Духовниковъ въ 1890-хъ гг.) этими престольными праздниками. Н. Д., отецъ семейства неизмѣнно посѣщалъ эту церковь и въ глубокой старости (въ 1890-хъ годахъ ему было около 90 лѣтъ), хотя и при посредствѣ другихъ.

Дѣти особенно любили играть въ учителя. Въ игрѣ принимали участіе Умновы, Аргамаковы, Пыпины и Николай Гавриловичъ. Директоромъ бывалъ обычно Н. Г., который и руководилъ играми. Дѣти постарше изображали изъ себя инспектора и учителей, а помладше—учениковъ. На этихъ играхъ дѣти изощряли свое остроуміе, здѣсь же учились читать и писать. Дѣти всѣ выучились читать сами: азбукъ у нихъ въ рукахъ не бывало. Въ то время, какъ ихъ старшая сестра, Любовь Николаевна, училась читать,—другія дѣти прислушивались къ чтенію и присматривались къ письму, а иногда обращались къ ней за разъясненіями. Такъ незамѣтно для родителей выучились читать и писать всѣ дѣти Пыпиныхъ, а съ ними и Николай Гавриловичъ.

Дѣти любили складывать слова и находить буквы по „Московскимъ Вѣдомостямъ".

— „Мамочка, *такъ* эта буква читается? А это *такая* буква? А все слово такъ-ли читается?

— „Мамочка! Послушайте, какъ я прочелъ слово," обращается разъ сынъ при гостяхъ.

— „Будетъ читать, Петя, положи газету и играй", говоритъ мать. Мальчуганъ неохотно исполняетъ приказаніе.

— „Что вы, Александра Егоровна, не покажете ему? Видите, какъ ему хочется читать?" обращаются къ ней знакомые.

— Для дѣтей чтеніе теперь тоже лакомство или игра. Но если ихъ не останавливать, то они будутъ читать до утомленія, и

тогда охота къ чтенію у нихъ пропадетъ. Вотъ, почему я и запрещаю имъ долго читать“

У дѣтей Пыпиныхъ былъ своеобразный методъ взаимнаго обученія,—тотъ самый ланкастерскій методъ, который господствовалъ въ школахъ того времени, съ тѣмъ только отличіемъ, что въ школѣ этотъ методъ вводилъ учитель, а въ семействѣ Пыпиныхъ къ нему привела дѣтская любознательность.

Большимъ удивленіемъ для родителей было, когда ихъ сынъ, Саша, легъ внизъ животомъ на полъ и написалъ мѣломъ: *Пыпинъ*. Но ни однимъ словомъ не высказали они своего удивленія при дѣтяхъ, хотя послѣ и порадовались за сына.

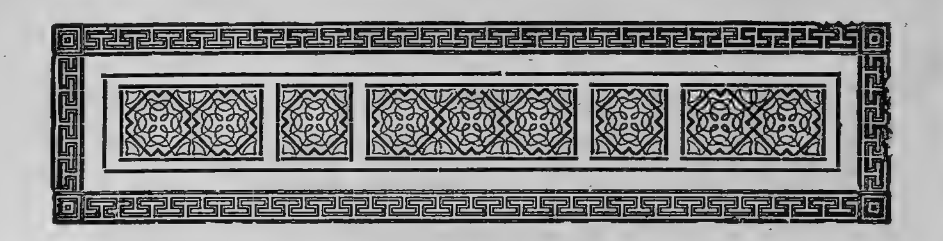
Въ своихъ играхъ дѣти любили острить и разсуждать, напр., о томъ, сколько бы процентовъ можно получать въ годъ, если бы Адамъ положилъ въ банкъ копѣйку.

Старшій сынъ, напуганный кѣмъ-то въ дѣтствѣ, на всю жизнь остался ненормальнымъ; онъ пользовался особеннымъ вниманіемъ и уходомъ въ семьѣ.

А. А. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Встрѣча съ И. А. Гончаровымъ.

Въ 1881 г. я вмѣстѣ съ своими двумя сестрами проводила лѣто на Рижскомъ взморьѣ, въ Дуббельнѣ. Мы жили на Маріенбадской (теперь Гончаровской) улицѣ, на маленькой отдѣльной дачкѣ, недалеко отъ кургауза тогдашняго Aktienhaus, куда часто ходили по вечерамъ послушать хорошій берлинскій оркестръ, погулять по парку и по морскому берегу.

Во второй половинѣ іюня кто-то сказалъ намъ, что въ Дуббельнѣ живетъ и тоже часто бываетъ въ паркѣ Акціенгауза Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Мы, конечно, загорѣлись желаніемъ увидѣть хоть издали знаменитаго писателя. Имя Гончарова было однимъ изъ нашихъ любимыхъ именъ въ литературѣ. Кто изъ нашего поколѣнія еще въ дѣтствѣ не зачитывался увлекательными страницами *Фрегата-Паллады*? А дальше шло знакомство съ *Обыкновенной Исторіей*, которая своимъ изображеніемъ побѣды житейской прозы надъ мечтами и иллюзіями молодости оставила въ юной душѣ такое раздумчиво-меланхолическое чувство, — затѣмъ съ печальной судьбой несноснаго, но все же милаго Ильи Ильича Обломова и со всѣмъ соннымъ бытомъ обломовщины. А наконецъ *Обрывъ*! Какъ манилъ онъ наше воображеніе еще на школьной скамьѣ! Подъ какимъ строгимъ интердиктомъ держали эту книгу институтскія власти! Когда же, при болѣе гуманныхъ и свободолюбивыхъ вѣяніяхъ, внесенныхъ въ институтскія стѣны новой инспекціей, она была разрѣшена, по крайней мѣрѣ для воспитанницъ выпускного класса, и стояла, доступная имъ, на полкахъ библіотеки, то и тогда ее отнимала у читающихъ безпощадная начальническая

рука. Съ тѣмъ большимъ энтузіазмомъ глотали мы *Обрывъ* потомъ, на свободѣ!..

Марка Волохова намъ было трудно простить автору. Воспитанныя преимущественно на чтеніи англійскихъ романовъ съ ихъ добродѣтельными и корректными героями и совершенно далекія отъ реальной жизни, мы отнеслись къ этому образу съ полнымъ непріязни недоумѣніемъ. Фигура Райскаго, интересная и симпатичная, часто возбуждала, какъ это и должно было быть по замыслу романа, смѣшанную съ жалостью досаду. Но женскіе образы *Обрыва*, какое высокое художественное наслажденіе доставляли они и какъ дороги становились читателю! Несравненная бабушка Татьяна Марковна, восхитительная въ своей наивной прелести Мареинька, такъ напоминающая бѣлоснѣжный, душистый ландышъ, но еще болѣе Вѣра, вся обвѣянная такой чарующей и такой царственной красотой. Одинъ молодой человѣкъ изъ кружка нашихъ знакомыхъ, отличавшійся тонкимъ вкусомъ и ярко выраженнымъ литературнымъ дарованіемъ, каждый годъ, точно совершая какое-то священнодѣйствіе, перечитывалъ съизнова *Обрывъ* и называлъ это: ходить на свиданіе съ Вѣрой.

Мы стали всюду разыскивать И. А. Гончарова, но никакъ не могли найти лица, отвѣчающаго тому представленію, какое мы о немъ имѣли по знакомымъ намъ фотографіямъ его нѣсколько бюрократическаго типа. Потерявъ надежду встрѣтить писателя, мы рѣшили, что извѣстіе объ его пребываніи въ Дуббельнѣ есть не что иное, какъ ложный слухъ, и что Гончаровъ и не думалъ пріѣзжать на Рижскій штрандъ.

Іюнь подходилъ къ концу. 24-го въ залѣ Акціенгауза давался большой вечерній концертъ, на которомъ были и мы. По окончаніи его одинъ изъ нашихъ Дуббельнскихъ знакомыхъ быстро подошелъ къ намъ и съ оживленіемъ сказалъ: „Гончаровъ здѣсь и сидитъ на верандѣ, направо отъ входа“. Мы устремились туда.

Дѣйствительно, на указанномъ мѣстѣ сидѣлъ за столикомъ, рядомъ съ молодой еще дамой, невысокаго роста старичокъ, въ которомъ мы сразу узнали черты И. А. Гончарова.

Теплая волна читательской благодарности нахлынула на меня. Обыкновенно застѣнчивая, немного даже дикая, я, въ внезапномъ порывѣ, смѣло подошла къ Ивану Александровичу и отъ лица всѣхъ русскихъ женщинъ стала выражать ему восторженную признательность за дивныя художественныя произведенія, подаренныя имъ русской литературѣ, и въ особенности за плѣнительные женскіе образы, созданные его геніальной кистью.

При моемъ приближеніи Иванъ Александровичъ сейчасъ же

всталъ; легкая тѣнь неудовольствія скользнула по его лицу. Но когда онъ услышалъ мою безъискусственную рѣчь и искренніе звуки моего голоса, дрожавшаго отъ волненія, его прекрасный лобъ разгладился, и привѣтливо засіяли его большіе голубые глаза.

„Сударыня", съ старомодной любезностью сказалъ онъ, когда я умолкла, „сегодня я именинникъ, и ваше привѣтствіе лучшій вѣнокъ, какой я могъ бы получить въ этотъ день".

Онъ пожелалъ узнать, кто я, сказалъ нѣсколько милыхъ словъ и моимъ сестрамъ и познакомилъ насъ съ сидѣвшей возлѣ него дамой, его давнишней пріятельницей, москвичкой, какъ и мы. Узнавъ, что нашъ отецъ былъ профессоръ московскаго университета, онъ съ теплотой отозвался о своей alma mater и о Москвѣ, въ которой давно уже не бывалъ, съ сожалѣніемъ упомянулъ о томъ, что нездоровье помѣшало ему въ предъидущемъ году пріѣхать на Пушкинскія празднества, пріуроченныя къ открытію памятника поэту.

Мы откланялись Ивану Александровичу и, обласканныя его добрымъ взглядомъ, пошли домой, радостныя и умиленныя вдвойнѣ, наслаждаясь теплымъ іюньскимъ вечеромъ и мягкимъ плескомъ волнъ о прибрежный песокъ. Не разъ послѣ этого встрѣчали мы И. А. Гончарова то въ паркѣ, во время музыки, то гуляя въ тихіе вечера на плажѣ, когда море свѣтилось нѣжными перламутровыми переливами, или пламенѣло, принимая въ свою глубь красный дискъ заходящаго солнца. И всегда И. А. узнавалъ насъ, и самъ вступалъ въ разговоръ съ нами.

Онъ любилъ Рижское взморье, часто проводилъ здѣсь лѣто и, перебывавъ на всевозможныхъ заграничныхъ морскихъ купаньяхъ, все-таки находилъ, что нигдѣ нѣтъ тянущагося на такое далекое пространство плажа, какъ здѣсь, такого мелкаго устланнаго тонкимъ пескомъ, дна, такой цѣлебной по своему составу воды. Нѣкоторую досаду возбуждали въ немъ здѣсь строгая регламентація дамскихъ и мужскихъ часовъ для купанья. Ему случалось иногда забыть, что въ такой-то часъ мужчинамъ запрещается ходить по берегу; онъ шелъ гулять, и вдругъ его прогонялъ грозный окрикъ: Jetzt ist es Damenstunde!

Иванъ Александровичъ видимо сторонился общества и искалъ уединенія, такъ что по большой части мы встрѣчали его одного. Иногда онъ прогуливался съ талантливымъ петербургскимъ педагогомъ Соколовымъ, занявшимъ впослѣдствіи видный постъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и рано умершимъ. Привѣтливо, какъ съ хорошей знакомой, раскланивался И. А. съ жившей это лѣто въ Дуббельнѣ извѣстной юристкой, А. М. Евреиновой, впо-

слѣдствіи основательницей и редакторомъ журнала „*Сѣверный Вѣстникъ*“. Но собесѣдниковъ, съ которыми онъ могъ бы, по-дружески, что называется, душу отвести, у Ивана Александровича какъ-будто не было, и онъ съ сожалѣніемъ вспоминалъ объ А. Ѳ. Кони, въ обществѣ котораго провелъ здѣсь же, въ Дуббельнѣ, предыдущее лѣто, и съ жаромъ говорилъ о мягкой деликатности и рѣдкой чуткости Анатолія Ѳедоровича.

Какъ и мы, Иванъ Александровичъ жилъ на отдѣльной дачѣ, съ тремя дѣтьми своего умершаго слуги, которыхъ всюду возилъ за собой, трогательно о нихъ заботясь. Старшей дѣвочкѣ было лѣтъ 11, младшей 9 или 8, мальчикъ былъ, кажется, еще меньше. Всѣ трое весело рѣзвились на кругу, въ компаніи другихъ дѣтей. Помню какъ сейчасъ тоненькія фигурки въ красныхъ платьицахъ и бѣлокурыя головки этихъ двухъ дѣвочекъ, особенно умильное личико младшей, когда старичекъ-писатель любовно шутилъ съ ней, называя ее въ видѣ ласки „лягушенкомъ“. Мать сиротъ жила при нихъ и прислуживала Ивану Александровичу. „Иногда мнѣ курочку изжаритъ“, сказалъ онъ какъ-то, выражая свое неудовольство нѣмецкой кухней.

Мы предлагали позаняться съ дѣтьми, но оказалось, что онъ самъ ежедневно занимается съ ними русскимъ языкомъ и ариѳметикой и читаетъ имъ Евангеліе, а музыкѣ дѣвочки ходили учиться къ m-me Веденисовой, той дамѣ, съ которой мы его видѣли въ первый разъ. Съ удовольствіемъ, но безъ малѣйшаго слѣда тщеславія или кичливости разсказывалъ намъ Иванъ Александровичъ какъ въ Петербургѣ Высочайшія Особы балуютъ дѣтей, дарятъ имъ куклы и другія игрушки.

Какъ извѣстно, Гончаровъ далъ этимъ сиротамъ законченное образованіе, старшую дѣвочку помѣстилъ въ консерваторію и сдѣлалъ впослѣдствіи всѣхъ троихъ наслѣдниками своего состоянія.

О своихъ произведеніяхъ Иванъ Александровичъ говорилъ неохотно; мы это замѣтили и остерегались его разспрашивать. Какъ разъ въ 1881 г. вышли въ свѣтъ его „*Четыре Очерка*“, въ послѣднемъ изъ которыхъ „*Лучше поздно чѣмъ никогда*“ онъ высказалъ о своей литературной дѣятельности все то, что желалъ и что находилъ нужнымъ сказать. И ничего почти новаго онъ къ этому и не добавилъ въ своихъ бесѣдахъ съ нами, но иногда какъ бы пересказывалъ отдѣльныя мѣста статьи, такъ напр. свой пріѣздъ на родину послѣ долголѣтняго отсутствія и нахлынувшій тогда на него потокъ дорогихъ воспоминаній. Съ тихой нѣжностью говорилъ онъ о своей матери, многими чертами которой воспользовался при изображеніи бабушки въ „*Обрывѣ*“, вызывалъ

предъ нами образъ своей старушки-няни, кроткаго, смиреннаго и самоотверженнаго существа, всю жизнь свою положившаго за другихъ, и съ грустью указывалъ на то, какъ много такихъ существованій проходитъ у насъ незамѣченными и неоцѣненными. Упоминалъ И. А. и о своей статьѣ о Бѣлинскомъ, о томъ, какъ она возникла изъ письма къ А. Н. Пыпину, говорилъ о своей горячей привязанности къ великому критику. Заходила рѣчь и о кругосвѣтномъ плаваніи И. А. на фрегатѣ „*Паллада*", и здѣсь онъ болѣе всего оживлялся. Вообще же въ ту пору И. А. Гончаровъ (ему было въ то время 69 лѣтъ) производилъ такое впечатлѣніе, точно онъ навсегда отошелъ отъ писательской дѣятельности. Любимое чтеніе его составляли описанія путешествій, и намъ онъ тоже совѣтовалъ читать побольше подобныхъ книгъ. Стиховъ, по его словамъ, онъ совсѣмъ не читалъ послѣдніе годы и вообще мало интересовался новѣйшими писателями и поэтами. Говоря это, не уступалъ ли онъ, можетъ быть, лишь внушенному такой душевной деликатностью желанію уклониться отъ необходимости выражать передъ собесѣдниками свое мнѣніе о тѣхъ или другихъ дѣятеляхъ новѣйшей изящной литературы?

Изъ своихъ современниковъ онъ болѣе всего восхищался могучимъ талантомъ Писемскаго, хотя и сожалѣлъ о недостаточной художественности его формы, и особенно горячими похвалами осыпалъ его „*Плотничью артель*". У Достоевскаго выдвигалъ на первый планъ „*Записки изъ мертваго дома*".

Старшая моя сестра жаловалась иногда Ивану Александровичу на нѣсколько пугавшую ее во мнѣ склонность къ энтузіазму и чрезмѣрный, по ея мнѣнію, культъ героевъ „Jetez de l'eau froide, jetez del'eau froide, какъ говорятъ французы", шутливо отвѣчалъ онъ на это.

„Писатели,—писатели такіе же люди, какъ и всѣ,—такъ и надо смотрѣть на нихъ", сказалъ онъ какъ-то въ другой разъ. „Ну, Тургеневъ другое дѣло,—у него ужъ такая фигура! А вотъ меня такъ очень часто принимали за голландскаго купца [1])!"

Но уже совсѣмъ другой тонъ, тонъ благоговѣнія слышался въ его голосѣ, когда онъ говорилъ о Пушкинѣ, котораго считалъ своимъ учителемъ. И. А. разсказывалъ, какъ юношей онъ видѣлъ однажды великаго поэта въ церкви; Пушкинъ стоялъ прислонившись къ ко-

---

[1]) „Постнымъ масломъ пахнетъ", замѣчалъ иногда И. А. Гончаровъ, когда ему приходилось выслушивать черезчуръ восторженные, какъ ему казалось, отзывы о его произведеніяхъ.

лоннѣ, задумчивый, сосредоточенный. Другой разъ онъ встрѣтилъ его въ книжномъ магазинѣ.

И. А. Гончаровъ былъ искренно и глубоко религіозенъ. Помню съ какой задушевностью передавалъ онъ намъ содержаніе своей бесѣды съ священникомъ православной церкви въ Дуббельнѣ (своимъ внѣшнимъ обликомъ напоминавшимъ Николая чудотворца, какъ его обыкновенно изображаютъ) на тему одной изъ его проповѣдей.

Музыку Иванъ Александровичъ слушалъ съ удовольствіемъ, но не всякую. Сладкіе звуки Россини легко и свободно вливались въ его душу, нѣжа и лаская ее. Но музыка болѣе серьезнаго, трагическаго, такъ сказать, характера въ эти годы уже утомляла, порой даже раздражала его нервы.

Чуть не съ отчаяніемъ говорилъ онъ о петербургскихъ квартирахъ, гдѣ нѣтъ возможности спастись отъ фортепіанныхъ упражненій консерваторокъ. Что было бы съ нимъ теперь въ эпоху царства граммофоновъ!

Иногда въ разговорѣ съ нами И. А переносился мыслью къ своей жизни за границей, особенно въ Парижѣ, къ парижскимъ театрамъ со всѣмъ ихъ своеобразнымъ строемъ, съ продажей апельсиновъ и мороженаго въ антрактахъ, съ нарядными и учтивыми уврёзами.

Некультурность русской жизни сравнительно съ заграничной глубоко огорчала его. „У насъ не посторонятся передъ женщиной, находящейся въ почтенномъ положеніи", говорилъ онъ, „предъ женщиной, которой въ древнемъ Римѣ именно это положеніе давало право на особенное вниманіе и почетъ. У насъ ребенка, который упалъ и плачетъ, не поторопятся поднять".

Несмотря на нѣкоторую замкнутость натуры И. А. Гончарова, на его способность съеживаться и прятаться отъ взоровъ, казавшихся ему любопытными и назойливыми, на его несомнѣнное родство съ noli me tangere въ растительномъ мірѣ, чѣмъ-то удивительно мягкимъ и благожелательнымъ вѣяло отъ всего его существа.

Помню, услыхавъ какъ-то въ разговорѣ, что мы были наканунѣ на вечерѣ въ Акціенгаузѣ, онъ спросилъ: „И молодые люди были съ вами любезны?" Простыя слова, но ихъ милая, отеческая интонація до сихъ поръ звучитъ въ моихъ ушахъ.

Не могу, съ другой стороны, вспомнить безъ улыбки одинъ маленькій инцидентъ, очень характерный для Ивана Александровича. Къ нашей компаніи нерѣдко присоединялась одна молодая дама изъ Маіоренгофа. Мы познакомились съ ней случайно, въ дорогѣ. Съ очень эффектной наружностью, высокая и стройная, она, отчасти вслѣдствіе своего полунѣмецкаго происхожденія, отчасти какъ провинціалка, была нѣсколько эксцентрична въ своихъ туалетахъ и

немножко жеманна и манерна. Однажды мы сидѣли въ паркѣ съ И. А., слушая музыку; съ нами была и эта дама, сидѣвшая немного поодаль. Вдругъ, въ антрактѣ, изящно перегнувшись къ писателю, она громко спрашиваетъ его: „Monsieur Гончаровъ, вы женаты?“ Надо было видѣть, какой испугъ отразился на лицѣ милаго старичка! Онъ поднялъ обѣ руки и, какъ-бы отмахиваясь отъ какого-то страшнаго призрака, энергично запротестовалъ: „Нѣтъ, нѣтъ! Никого! Никогда!“

Кромѣ матери, И. А. въ бесѣдахъ съ нами никогда не касался никого и ничего, имѣвшаго отношенія къ его личной жизни.

. . . .

Между тѣмъ лѣто проходило. Весело справили въ Акціенгаузѣ ежегодный праздникъ рижскаго пѣвчевскаго общества *Баянъ*—съ подписнымъ обѣдомъ, пѣніемъ и застольными рѣчами. Гончаровъ не присутствовалъ на этомъ торжествѣ. Вскорѣ послѣ того мы узнали, что онъ уже назначилъ день для отъѣзда своего пароходомъ въ Петербургъ, но собирается уѣхать украдкой, чтобъ избѣжать всякихъ проводовъ. Наканунѣ назначеннаго имъ дня (это было въ концѣ іюля) я, съ записной книжкой въ рукахъ, подкараулила его при выходѣ его послѣ обѣда изъ кургауза, чтобъ проститься съ нимъ и попросить его написать въ моей книжкѣ свое имя. Размашистымъ почеркомъ, заполнивъ всю страничку, онъ написалъ нѣсколько любезныхъ словъ, прося при воспоминаніи Дуббельна вспоминать немного и о немъ.—Здѣсь я видѣла его въ послѣдній разъ.

Къ Новому Году я послала ему въ Петербургъ поздравительное письмо, при чемъ рѣшилась попросить у него на память его фотографическую карточку. Письмо я адресовала въ редакцію „Вѣстника Европы“. Вскорѣ пришелъ отвѣтъ отъ И. А. Гончарова, помѣченный 8-мъ января 1882 г., и съ указаніемъ его адреса: Моховая, домъ № 3.

И. А. выражалъ сожалѣніе, что не можетъ исполнить моей просьбы и прислать мнѣ свой портретъ: у него остались только бракованные экземпляры, которые онъ намѣревался уничтожить. Въ ожиданіи же того времени, когда онъ соберется пойти сняться къ фотографу, онъ посылалъ мнѣ свою визитную карточку съ фотографіей въ миніатюрѣ, сдѣланную когда-то въ Парижѣ и случайно уцѣлѣвшую въ его портфелѣ въ одномъ экземплярѣ. Очень тронутый по его словамъ, моимъ вниманіемъ, И. А. и меня просилъ принять его искреннія поздравленія съ Новымъ Годомъ и изъ всѣхъ своихъ желаній мнѣ всякаго блага выбиралъ и посылалъ мнѣ самое лучшее, по его мнѣнію, желаніе: чтобъ я и мои сестры нашли „прекрасныхъ, достойныхъ насъ мужей“.

Должна признаться, что это главное пожеланіе Ивана Александровича, которое онъ высказывалъ намъ и раньше, въ Дубельнѣ, далеко не польстило мнѣ тогда и показалось даже узкобуржуазнымъ. Не о томъ тогда мечталось, совсѣмъ не то носилось въ воображеніи. Но теперь, черезъ 30 лѣтъ, перечитывая эти пожелтѣвшія отъ времени строки, начертанныя старческой рукой, я нахожу такъ понятнымъ, что И. А. Гончаровъ, такъ хорошо знавшій жизнь съ ея подводными камнями и обрывами и самъ, въ своемъ одинокомъ существованіи, лишенный семейнаго тепла и уюта, именно счастливый бракъ считалъ самымъ надежнымъ оплотомъ противъ холода, царящаго въ пустынѣ міра, и противъ всякихъ грозъ и бурь океана жизни. Недаромъ заставляетъ онъ въ своемъ романѣ бабушку Татьяну Марковну отдать Вѣру подъ защиту простого, но такого хорошаго и честнаго человѣка, какъ Тушинъ.

Я, конечно, поспѣшила выразить Ивану Александровичу свою горячую благодарность за письмо и карточку, но кажется именно въ этотъ разъ имѣла неосторожность упомянуть о проскользнувшихъ въ широкую публику слухахъ, будто онъ пишетъ новый большой романъ, и о нашихъ радостныхъ ожиданіяхъ. Боюсь, что это произвело непріятное впечатлѣніе на И. А. Гончарова, такъ тщательно оберегавшаго отъ постороннихъ свои литературные планы. Новаго романа мы такъ и не дождались. По газетнымъ извѣстіямъ и по частнымъ свѣдѣніямъ, у Ивана Александровича въ это время уже начала развиваться болѣзнь глазъ, грозившая ему полной потерей зрѣнія, и вообще здоровье его все болѣе и болѣе разстраивалось. Лишь въ самомъ концѣ 80-хъ годовъ появился въ *„Нивѣ“* рядъ его высоко-художественныхъ, проникнутыхъ мягкимъ юморомъ очерковъ подъ общимъ заглавіемъ *„Слуги“*. Вскорѣ послѣ того, въ *„Вѣстникѣ Европы“* мы прочли *„Нарушеніе воли“*.

Подъ впечатлѣніемъ изложеннаго здѣсь завѣщанія И. А. Гончарова долго не рѣшалась я занести на бумагу свои воспоминанія о немъ. Но появившіяся за послѣднее время въ печати нѣкоторыя статьи, рисующія его холоднымъ, черствымъ эгоистомъ, разсѣяли мои колебанія.

По всей вѣроятности эти бѣглыя замѣтки покажутся читателямъ блѣдными и неинтересными, но мнѣ думается, что онѣ все-таки могутъ внести лишній штрихъ въ характеристику И. А. Гончарова и, можетъ быть, окажутся не совсѣмъ безполезными для его біографовъ.

Въ печальные для меня годы, наступившіе вскорѣ послѣ моей встрѣчи съ знаменитымъ писателемъ,—годы тяжелаго недуга, горь-

кихъ сомнѣній и разочарованій,—воспоминаніе объ его свѣтлой и глубоко-гуманной личности поддерживало и нравственно укрѣпляло меня, и это чувство вылилось въ неудачномъ по формѣ, но искреннемъ стихотвореніи къ нему, какъ къ учителю родной страны, своей великой душой провидѣвшему ея пробужденіе. Тогда я этого стихотворенія не послала. Но спустя нѣсколько лѣтъ, когда я достигла нѣкотораго душевнаго равновѣсія, принявъ страданіе и найдя скромный, но доступный для себя трудъ, я написала Ивану Александровичу о томъ, что мнѣ пришлось пережить за эти годы, и вложила въ конвертъ стихи. Получилъ ли онъ мое письмо, прочелъ ли его, не знаю. Это было, кажется, года за два до его кончины.

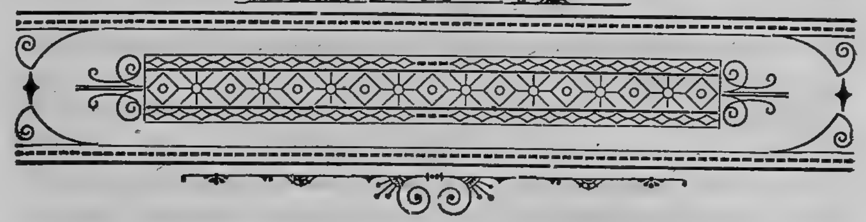
. . . .

Я сказала въ началѣ своихъ воспоминаній, что трудно было простить Гончарову Марка Волохова съ точки зрѣнія неопытныхъ институтокъ. Еще сильнѣй и по гораздо болѣе глубокимъ причинамъ негодовали за этотъ образъ на автора болѣе зрѣлые люди среди современниковъ Гончарова и ближайшихъ къ нему поколѣній.

Но творецъ *Обломова* и *Обрыва* былъ и остается не только живымъ и яркимъ бытописателемъ своей страны, въ извѣстныя эпохи ея жизни, но сильнымъ художникомъ и тонкимъ психологомъ. Съ теченіемъ времени то, что оскорбляло и больно задѣвало многихъ изъ насъ въ образѣ Марка Волохова, сгладится и забудется, а непріятно поражавшее и коробившее насъ увлеченіе Вѣры этой грубой фигурой явится, можетъ быть, для будущихъ читателей лишь мастерскимъ воплощеніемъ той жизненной загадки, которая вѣками не находитъ себѣ разрѣшенія, и которую въ такихъ неувядаемыхъ чертахъ изобразилъ Шекспиръ въ шуткѣ Оберона надъ Титаніей.

В. Спасская.

Встрѣчи и столкновенія.

Л. Н. Толстой.

Произошло мое столкновеніе съ нимъ по слѣдующему поводу. Марксъ пріобрѣлъ у Толстого право перваго печатанія его романа за полистный гонораръ (самъ авторъ затруднялся въ точности опредѣлить размѣры своего романа), далеко превышавшій гонораръ, когда-нибудь уплаченный за такое большое произведеніе писателю русскимъ издателемъ. Но что значило право перваго печатанія? Кажется, на этотъ счетъ сомнѣнія быть не могло, а между тѣмъ на дѣлѣ оказалось, что мы съ Марксомъ не уяснили себѣ точнаго значенія этого термина, т. е. того, за что собственно уплачивался цѣлый капиталъ.

Предполагалось, что „Нива" отпечатаетъ романъ, и что затѣмъ онъ станетъ общественнымъ достояніемъ, такъ какъ Толстой отказался отъ права собственности на произведенія, написанныя имъ послѣ 1881 г. Въ сущности, значитъ, дѣло сводилось къ тому, что „Воскресеніе" появится въ „Нивѣ" раньше, чѣмъ въ другихъ повременныхъ изданіяхъ, но насколько раньше—это не могло быть опредѣлено, потому что не было извѣстно, сколько времени продолжится его печатаніе въ самой „Нивѣ" тѣмъ болѣе, что романъ самимъ авторомъ не былъ оконченъ или окончательно обработанъ. Во всякомъ случаѣ одно было ясно: романъ не долженъ былъ появиться въ другихъ изданіяхъ раньше, чѣмъ въ „Нивѣ", потому

что въ противномъ случаѣ не за что было платить деньги, да еще такія значительныя.

Но какъ только „Нива“ приступила къ печатанію, тотчасъ же выяснилось, что мы живемъ въ „странѣ неожиданностей“: „Воскресеніе“ стало появляться въ другихъ изданіяхъ раньше, чѣмъ въ „Нивѣ“. Я имѣю въ виду не то, что эти изданія начали перепечатывать романъ, не выжидая его окончанія, т. е. тотчасъ по появленіи отдѣльныхъ главъ въ „Нивѣ“; я хочу сказать, что отдѣльныя главы появились въ другихъ изданіяхъ раньше, чѣмъ въ самой „Нивѣ“.

Чтобы понять этотъ повидимому неправдоподобный фактъ, надо знать технику печатанія журналовъ. При тогдашнемъ огромномъ тиражѣ „Нивы“ на отпечатаніе всего количества экземпляровъ требовалось не мало времени, особенно если нежелательно было прибѣгать къ ночнымъ работамъ, которыя обходятся гораздо дороже. Вслѣдствіе того, что даже самыя усовершенствованныя машины (ротаціонныя) могли печатать въ часъ не болѣе 3.000—5.000 экз. съ иллюстраціями, а экземпляровъ газеты 10.000—30.000, нумеръ „Нивы“ получался позже, чѣмъ нумеръ газеты. Я самъ, живя напримѣръ въ Крыму, получалъ „Ниву“ на 7—9 день, а соотвѣтственный нумеръ газеты на 3—5 день. Другими словами нумеръ газеты съ перепечаткою романа Толстого получался во многихъ мѣстахъ значительно раньше нумера самой „Нивы“. Такимъ образомъ оказывалось, что деньги за право перваго печатанія были уплачены даромъ.

Конечно, это не могло бы случиться, если бы русскіе издатели и редакторы были по большей части (ну какъ бы мягче выразиться?)—люди .. щепетильные въ вопросахъ чужой собственности. Но въ данномъ случаѣ это предположеніе не оправдалось, и такимъ образомъ „Воскресеніе“ появлялось во многихъ изданіяхъ гораздо раньше, чѣмъ въ соотвѣтствующемъ нумерѣ „Нивы“.

Какъ только это положеніе дѣлъ выяснилось, я съѣздилъ къ Толстому въ Москву, увѣренный, что онъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, сдѣлаетъ все, отъ него зависящее, чтобы оградить интересы довѣреннаго мнѣ журнала, такъ какъ онъ конечно не согласится нарушить простого правила честности, не позволяющаго брать большія деньги за мнимыя услуги или за вещь мало стоящую.

Я пріѣхалъ къ Толстому не во время. Лакей во фракѣ и въ перчаткахъ доложилъ мнѣ, что „его сіятельство изволятъ почивать послѣ обѣда“, но что „вечеркомъ они меня вѣроятно примутъ“. Оставивъ карточку, я и заѣхалъ вечеромъ и дѣйствительно былъ немедленно принятъ. Софія Андреевна въ то время была больна и, сколько помню, въ Москвѣ не находилась.

Я не стану передавать моего длиннаго разговора съ Толстымъ, потому что не обладаю завидною памятью людей, которые по прошествіи многихъ лѣтъ могутъ передавать слово въ слово свою бесѣду съ знаменитостями. Но ходъ бесѣды я твердо помню и нѣкоторыя фразы Толстого тогда же записалъ. Все это здѣсь и изложу, отмѣтивъ вкратцѣ, какое впечатлѣніе на меня лично произвела наружность знаменитаго писателя.

Я зналъ, что увижу 70-лѣтняго старца чусто-русскаго облика, въ русской рубахѣ, некрасиваго (недаромъ Толстой уже въ молодости приходилъ въ отчаяніе отъ своего „широкаго носа, толстыхъ губъ и маленькихъ сѣрыхъ глазъ)", и тѣмъ не менѣе, когда я его увидѣлъ воочію, я внутренно не могъ не воскликнуть: „да онъ настоящій мужичекъ!" и добавить, уловивъ выраженіе его глазъ: „и мужичекъ себѣ на умѣ". Когда я по приглашенію Толстого сѣлъ и выразилъ ему сожалѣніе, что мнѣ по цензурнымъ условіямъ приходится кое-что вычеркивать изъ его романа, Толстой воскликнулъ:

— Странно! Первый мой цензоръ былъ Ростиславъ и послѣдній мой цензоръ опять Ростиславъ.

Я понялъ, что онъ намекаетъ на извѣстнаго Ростислава Фадѣева и на меня, и мнѣ очень хотѣлось разспросить Толстого, какую изъ его вещей, напечатанныхъ въ 1852 г., собственно цензировалъ или просматривалъ герой сраженій при Башкадыкларѣ и Курукдарѣ, когда русскіе еще умѣли побѣждать втрое сильнѣйшаго врага (18.000 русскихъ разбили 60.000 турокъ), и знаменитаго автора „Вооруженныхъ силъ Россіи", но я отъ этого воздержался, зная, что занятой человѣкъ дорожитъ временемъ. Между тѣмъ для біографіи Толстого было бы очень интересно выяснить, какія отношенія существовали между Толстымъ и Фадѣевымъ, съ которымъ онъ могъ встрѣчаться на Кавказѣ въ теченіе трехъ лѣтъ.

Я прямо приступилъ къ изложенію своего дѣла. Но Толстой меня слушалъ такъ сказать однимъ ухомъ, и когда я уже готовъ былъ формулировать мою просьбу, онъ вдругъ совершенно неожиданно прерывалъ меня комплиментами, отъ которыхъ, помню, мнѣ становилось очень неловко. Такъ въ первый разъ онъ меня прервалъ замѣчаніемъ, что я—цензоръ очень искусный. „Выкинете одно-два слова—анъ, смотришь:—спасли цѣлую страницу"—пояснилъ онъ, лукаво улыбаясь, и началъ приводить нѣкоторыя примѣры. Я слушалъ Толстого съ большимъ интересомъ. Меня поражала ясность его ума и то, какъ онъ великолѣпно понималъ цензурныя требованія: хоть прямо посади его редакторомъ газеты или журнала и положись на него, какъ на каменную гору—не подведетъ. Я эту мысль и высказалъ Толстому. Онъ разсмѣялся.

— Нашли цензора,—возразилъ онъ.—Тутъ нужна политика. А какой я политикъ—правду люблю.

Я опять вернулся къ дѣлу. Но Толстой снова не далъ мнѣ договорить, замѣтивъ что онъ—постоянный мой читатель, во многомъ мнѣ сочувствуетъ, но во многомъ со мною и не соглашается, и началъ разсуждать о служебной роли искусства по поводу моей критики на его статью: „Что такое искусство?“ Я понятно не возражалъ. Прошло уже около часа, и я рѣшился наконецъ прямо попросить Толстого положить конецъ недобросовѣстности издателей. Тутъ Толстой меня спросилъ, чего же я собственно хочу? Я ему пояснилъ, что романъ—его собственность, и что поэтому онъ одинъ можетъ рѣшительно воспротивиться его перепечатыванію. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что готовъ помѣстить въ „Нивѣ“ и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ письмо, въ которомъ онъ попроситъ не перепечатывать его романа до его окончанія и выяснитъ фальшивое положеніе, въ которое его ставятъ по отношенію къ издателю „Нивы“ лица, перепечатывающія его романъ. Я только что хотѣлъ возразить, что такое письмо врядъ-ли къ чему-нибудь приведетъ, какъ Толстой всталъ, схватился руками за спину и воскликнулъ:

— Ахъ, если бы вы знали, какая ужасная болѣзнь—старость!

Я освѣдомился о состояніи его здоровья. Онъ снова сѣлъ и началъ распространяться о цѣломъ рядѣ болѣзненныхъ ощущеній, которыхъ онъ раньше никогда не испытывалъ, а теперь испытываетъ все чаще и чаще. Я далъ ему высказаться во всѣхъ подробностяхъ и опять вернулся къ дѣлу, сказавъ, что только судебные скорпіоны могутъ заставить нѣкоторыхъ издателей воздержаться отъ перепечатыванія. Толстой мнѣ возразилъ, что я, можетъ быть, и правъ, но что онъ не можетъ дѣйствовать сообща съ „Нивою“ въ этомъ дѣлѣ. „Во-первыхъ,—сказалъ онъ:—всякій судъ мнѣ противенъ, а во-вторыхъ—это значило бы до нѣкоторой степени признать мое право собственности на произведенія, написанныя послѣ 1881 г., а я отъ этого права отказался и слову моему ни живой, ни мертвый не измѣню“.

— Не настаивайте, пожалуйста,—прибавилъ онъ.

Я, дѣйствительно, болѣе не настаивалъ, щадя спокойствіе знаменитаго писателя, и уѣхалъ. Журналы и газеты продолжали перепечатывать романъ, а мы съ Марксомъ молчали, уважая безкорыстіе писателя, отказавшагося отъ значительныхъ матеріальныхъ выгодъ, и утѣшаясь тѣмъ, что не нарушили подъ старость его покоя.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ я вспомнилъ энергичную фигуру Толстого и внушительный его тонъ, когда онъ меня увѣрялъ, что навсегда отказался отъ права собственности на сочиненія, написанныя послѣ

1881 г., вспомнилъ по поводу его духовнаго завѣщанія и невольно спросилъ себя, чему же вѣрить: тогдашнему его заявленію или теперешнему завѣщанію? Примирить ихъ, къ сожалѣнію, не было возможности.

С. П. Боткинъ.

Это было въ 1871 г. Я тогда сильно заболѣлъ, работая по 14 часовъ въ день. Печаталъ ученый трудъ, читалъ лекціи государственнаго права, готовился къ магистерскому экзамену. Мой домашній врачъ, милѣйшій Д. Н. Шульговскій, не зналъ, чѣмъ мнѣ помочь, посовѣтовалъ консиліумъ и привезъ мнѣ Боткина. Добросовѣстность знаменитаго діагноста, помню, меня поразила. Что онъ только не продѣлывалъ со мною въ теченіе часа: постукивалъ, выслушивалъ, клалъ на спину, клалъ и на животъ, кололъ и острымъ, и тупымъ концомъ булавки, заставлялъ бѣгать по комнатѣ, ходить съ закрытыми глазами по половицѣ, разспрашивалъ меня обо всѣхъ обстоятельствахъ моей жизни, очень интересовался моими родителями и родственниками какъ въ восходящей, такъ и въ боковыхъ линіяхъ, заставлялъ меня смотрѣть себѣ то на лобъ, то на подбородокъ, а я конечно продѣлывалъ все это очень добросовѣстно, потому что вѣрилъ въ непогрѣшимость его приговора, вѣрилъ, что причина моей болѣзни будетъ раскрыта и устранена.

Наконецъ, вогнавъ меня въ седьмой потъ, онъ повидимому самъ усталъ и вмѣстѣ съ Шульговскимъ удалился въ другую комнату. Тамъ они долго совѣщались, и затѣмъ Боткинъ мнѣ сообщилъ, что надо уѣхать изъ Петербурга, лучше всего на родину, заниматься, отнюдь не утомляясь, физическимъ трудомъ, а отъ умственной работы совершенно отказаться и что тогда, быть можетъ, я поправлюсь. Я его поблагодарилъ и хотѣлъ вручить ему 25 рублей (эту цифру назначилъ Шульговскій, какъ установленную для боткинскихъ консиліумовъ того времени), но Сергѣй Петровичъ рѣшительно отказался ихъ принять, какъ онъ выразился, отъ коллеги, т. е. отъ профессора, словомъ очаровалъ меня своею добросовѣстностью и любезностью.

Но больше всего меня конечно интересовала моя болѣзнь. Изъ совѣтовъ Боткина я уже видѣлъ, что болѣзнь у меня серьезная, но я все-таки не зналъ, чѣмъ собственно страдаю. Просвѣтилъ меня на этотъ счетъ Шульговскій: Боткинъ у меня нашелъ болѣзнь мозжечка. Впослѣдствіи выяснилось, что онъ домашнимъ въ при-

сутствіи же Шульговскаго прямо заявилъ, что я могу еще протянуть годика два-три, но для этого непремѣнно долженъ отказаться отъ всякой умственной работы. Можно себѣ представить, какъ этотъ суровый приговоръ долженъ былъ сразить близкихъ мнѣ людей. Горе и страхъ, ими извѣданные, были тѣмъ болѣе жестоки, что... послѣ этого приговора я въ теченіе сорока лѣтъ усиленно работалъ головой и не только не умеръ, но живъ до сихъ поръ. Много требовалось самоувѣренности, чтобы въ такой темной области, какъ болѣзни мозжечка, произнести рѣшительный приговоръ тѣмъ болѣе, что и болѣзни-то мозжечка никакой не было. На это мнѣ тогда же указалъ пользовавшій меня неоднократно скромный врачъ Іогансонъ, рѣшительно заявившій, что никакіе авторитеты міра его не убѣдятъ въ томъ, что у меня болѣзнь мозжечка. И дѣйствительно, я съ полгода отдохнулъ въ Швейцаріи и вернулся въ Россію сравнительно здоровымъ.

Самоувѣренность Боткина сказалась и въ знаменитомъ инцидентѣ съ Наумомъ Прокофьевымъ. Когда въ Петербургѣ разнеслась вѣсть, что Боткинъ открылъ въ своей клиникѣ чумнаго больного, переполохъ произошелъ всеобщій. Это было въ 1878 г. Чума появилась тогда сперва въ Ветлянкѣ, а затѣмъ и въ Черноярскомъ уѣздѣ. Прошло 50 лѣтъ со времени послѣдней чумной эпидеміи въ Европѣ, и вдругъ азіатская гостья опять пожаловала. Можно себѣ представить, какъ всѣ испугались. Паника была такъ велика, что наши бумаги стремительно упали, а это грозило дальнѣйшимъ разстройствомъ нашихъ финансовъ, уже и безъ того сильно пострадавшихъ отъ только-что оконченной войны съ Турціей.

Я былъ въ то время друженъ съ однимъ изъ ординаторовъ Боткина, и онъ мнѣ разсказалъ, что, присутствуя при изслѣдованіи Наума Прокофьева, рѣшился высказать свое сужденіе, прямо заявивъ Боткину, что бубоны у дворника не чумные, а сифилитическіе. Боткинъ вспылилъ и рѣзко ему отвѣтилъ, что онъ, Боткинъ — не ученикъ, а учитель, и что учиться не ему, а другимъ. Вслѣдъ затѣмъ однако и такой опытный врачъ, какъ профессоръ Н. Ф. Здекауэръ, подтвердилъ, что у Наума Прокофьева просто люэсъ. Такимъ образомъ о появленіи чумы въ Петербургѣ не могло быть и рѣчи, и для меня окончательно выяснилось, что либо Боткинъ страдаетъ невѣроятнымъ самолюбіемъ, не позволяющимъ ему сознаться въ своей ошибкѣ, либо тутъ замѣшана политика, т. е. желаніе напугать правительство и заставить его принять рѣшительныя мѣры для очистки нашихъ городовъ и деревень. Эта послѣдняя мысль находила себѣ подтвержденіе и въ словахъ многочисленныхъ друзей Боткина, которые съ таинствен-

нымъ видомъ намекали на то, что дѣло конечно не въ ошибкѣ, а въ желаніи добиться улучшенія санитарныхъ условій Россіи, а можетъ быть и чего-нибудь поважнѣе (разумѣй: дальнѣйшаго ослабленія правительства, позиція котораго была уже такъ сильно поколеблена берлинскимъ конгрессомъ). Словомъ, получился какъ бы одинъ изъ первыхъ симптомовъ позднѣйшей тактики одной изъ политическихъ партій и при томъ необыкновенно глупый, потому что нельзя было ослабить правительство выдуманнымъ случаемъ появленія чумы въ Петербургѣ, а іезуитское правило, что въ политикѣ все дозволено: и обманъ, и ложь невольно вызвало во всякомъ честномъ человѣкѣ чувство гадливости. Все это я изложилъ въ тогдашнихъ моихъ газетныхъ статьяхъ, и на этой почвѣ разыгралось мое столкновеніе съ Боткинымъ.

Для самого Боткина однако случай съ Наумомъ Прокофьевымъ прошелъ безнаказанно. Одни дѣйствительно усмотрѣли въ его грубой ошибкѣ шахматный ходъ, другіе простили ему эту ошибку въ виду его заслугъ—словомъ, дѣло обошлось для него благополучно, и онъ еще болѣе десяти лѣтъ пользовался и славою выдающагося діагноста, и всѣмъ, что съ нею связано.

А. Н. Пыпинъ.

Стоило только взглянуть на Александра Николаевича при первой съ нимъ встрѣчѣ, чтобы воскликнуть: „Вотъ типъ мягкаго, добраго человѣка!“ И тѣмъ не менѣе у меня было съ нимъ столкновеніе, правда, мимолетное, но было. Когда? На рубежѣ XIX и XX в.

Вотъ какъ произошло это торжественное событіе. Мы засѣдали вмѣстѣ въ одномъ изъ учрежденій, милостиво надѣляющихъ литературную братію пенсіями, пособіями, а то и вспомоществованіями на рождественскаго гуся. Да, надъ этимъ „рождественскимъ гусемъ“ принято смѣяться, а между тѣмъ онъ представляетъ очень печальный фактъ. Значительная сумма, которою располагаютъ благотворительныя литературныя учрежденія, достигающая ежегодно 90.000 р., расходится по мелочамъ (раздаются пособія въ 3 и даже 2 рубля), а когда надо придти на помощь настоящему литератору, то средствъ обыкновенно недостаетъ, и ассигнуются пенсіи, которыхъ не хватило бы на прокормленіе мелкаго чиновника и даже простого рабочаго. Пенсіи заслуженнаго стараго литератора обыкновенно, вдвое, втрое, а то и въ четверо меньше жалованія какого-нибудь подпоручика. И все это происходитъ вслѣдствіе необычайной отзывчивости или доброты лицъ, вершающихъ дѣла о пособіяхъ или пенсіяхъ. Если ихъ разжалобитъ судьба человѣка, они тотчасъ спѣшатъ

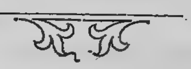
ему на помощь, и такимъ образомъ по мелочамъ расходятся суммы, которыя при другихъ обстоятельствахъ вполнѣ могли бы удовлетворить нужду истинныхъ литературныхъ работниковъ. Вотъ на этой-то почвѣ и произошло мое столкновеніе съ Александромъ Николаевичемъ.

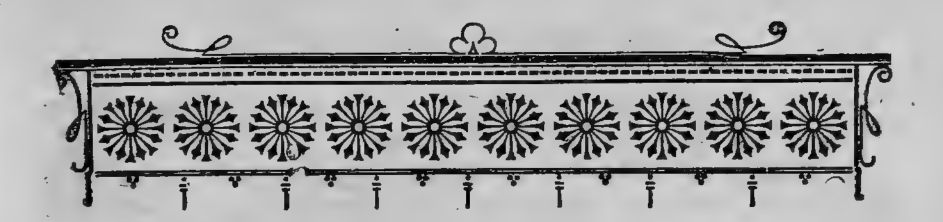
Изъ собранныхъ мною свѣдѣній выяснилось, что литераторы, не имѣющіе почти никакого литературнаго ценза, получаютъ пенсіи; получаютъ пенсіи и литераторы, зарабатывающіе отъ 2—4.000 рублей въ годъ, и что родственники знаменитыхъ поэтовъ тоже получаютъ пенсіи почти высшаго оклада, несмотря на то, что у нихъ въ Петербургѣ доходные каменные дома. Все это меня такъ удивило, что я не могъ не высказаться по этому поводу... Фактъ, что люди съ значительнымъ литературнымъ заработкомъ получаютъ пенсіи, какъ будто нѣсколько смутилъ добрѣйшаго Александра Николаевича, но все-таки онъ нашелъ для нихъ какое-то извиненіе и вслѣдъ затѣмъ, какъ бы желая усилить свою аргументацію, которая ему самому очевидно не казалась достаточно убѣдительною, рѣшительно возсталъ противъ моей мысли, что домовладѣлецъ можетъ обойтись безъ пенсіи.

— Да что такое петербургскій домовладѣлецъ въ настоящее время?—возразилъ онъ.—По большей части—простой управляющій, не получающій иногда даже жалованья.

Я конечно не оспаривалъ Александра Николаевича и рискнулъ только замѣтить, что человѣкъ, имѣющій доходный каменный домъ, все-таки обезпеченнѣе человѣка, не имѣющаго дома. Родственница знаменитаго поэта была лишена пенсіи и очень сѣтовала на это, рѣшительно недоумѣвая, откуда теперь брать ежемѣсячно 40 рублей на булавки дочери, а добрѣйшій Александръ Николаевичъ мягко упрекалъ меня за то, что я такъ неумолимъ къ людямъ съ недостаточнымъ литературнымъ цензомъ, къ заслуженнымъ, но обезпеченнымъ литераторамъ и къ племянникамъ знаменитыхъ поэтовъ.

Р. Сементковскій.

М. И. Драгомировъ, командующій войсками.

(Изъ отрывочныхъ воспоминаній).

Въ декабрьской 1911 года книжкѣ „Русской Старины“ окончено начатое въ апрѣльской книжкѣ 1910 года помѣщеніе соединенной въ одну статью, серіи замѣтокъ, частью касающихся воспоминаній о Мих. Ив. Драгомировѣ, а больше содержащихъ въ себѣ воспроизведеніе устно—передававшихся имъ, воспоминаній его самого объ австро-прусской войнѣ 1866 года.

Приступая теперь къ печатанію продолженія той серіи замѣтокъ въ видѣ воспроизведенія воспоминаній о покойномъ, какъ „о командующемъ войсками“, считаю нелишнимъ высказать нѣсколько небольшихъ замѣчаній.

Съ перваго взгляда кажется, что статья та въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ будто нѣсколько грѣшитъ относительно характера самой выборки фактовъ и пригодности ихъ для передачи въ печать; по временамъ, при чтеніи статьи казалось, будто „кое-что въ ней не соотвѣтствуетъ заглавію“.

Но все это могло казаться только при допущеніи нѣкоторой щепетильности и порождаемой ею мнительности; во всякомъ случаѣ все выбранное изъ пространныхъ записей и втиснутое въ ту статью, вполнѣ отвѣчаетъ намѣченной въ главныхъ чертахъ передъ составленіемъ ея задачѣ:

во-первыхъ, дать возможную характеристику М. И. Драгомирова въ дополненіе ко всему тому, что объ этомъ крупномъ человѣкѣ, полководцѣ, учителѣ и военномъ писателѣ уже появилось и еще неминуемо будетъ появляться въ разнообразныхъ источникахъ:—въ различныхъ

отзывахъ своихъ какъ объ людяхъ, такъ и о событіяхъ онъ несомнѣнно и самъ немало обрисовывается;

во-вторыхъ сообщить въ самой несложной формѣ, хотя часть того, что онъ, въ простыхъ житейскихъ воспоминаніяхъ, разсказывалъ изъ своей жизни о моментѣ, считавшемся имъ самимъ крайне важнымъ,—именно о времени, проведенномъ имъ въ такой военной средѣ, которая въ высшей степени серьезно, удачно и умѣло работала надъ доведеніемъ всѣхъ отраслей своей спеціальности до всесторонняго совершенства и въ этомъ отношеніи, въ теченіе полувѣка, сдѣлала громадные успѣхи, именно къ тому моменту;

и, въ-третьихъ выставить то, что, хотя бы и въ такихъ его воспоминаніяхъ, имъ самимъ считалось поучительнымъ для средняго военнаго, какъ онъ говорилъ, немудрящаго, но обладающаго большой сметкой читателя вообще, а спѣшащаго набрать побольше разнообразныхъ житейскихъ свѣдѣній—въ особенности.

Предлагаемая новая выборка записей, также какъ и только-что законченная, не претендуетъ на воспроизведеніе полной картины командованія этого выдающагося генерала войсками; изъ всего содержащагося въ записяхъ выбирается и передается вниманію читателей кое-что характеризующее его и могущее, лишь въ нѣкоторой степени, восполнить представленіе о немъ, объ его дѣятельности, а также о назидательности его сношеній съ войсками и „съ военными людьми“.

Источникомъ къ составленію предлагаемой замѣтки, кромѣ записей моихъ, послужили мои же оставшіяся у меня въ памяти воспоминанія о томъ, что довелось мнѣ слышать и видѣть тогда и послѣ, а отчасти и теперь.

* * *

25 іюня 1882 года въ Петергофѣ Императоръ Александръ III, утромъ, возвратившись съ панихиды, которая, по установившемуся съ 1855 года порядку, всегда служилась и служится въ этотъ день въ Царской семьѣ по случаю годовщины со дня кончины Императора Николая I,—узналъ отъ прибывшаго изъ Петербурга съ обычнымъ докладомъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Дмитрія Андреевича Толстого, что получено отъ московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова оффиціальное донесеніе о внезапной кончинѣ генералъ-адъютанта Мих. Дм. Скобелева. Слезы показались въ свѣтлыхъ очахъ Государя; онъ задалъ графу нѣсколько вопросовъ по поводу этого печальнаго извѣстія и тотчасъ же приказалъ назначить въ тотъ же день въ два часа служеніе панихиды по этомъ генералѣ, командовавшемъ до послѣднихъ дней своихъ 4-мъ армейскимъ корпусомъ.

Среди дня, тихо передавались изъ устъ въ уста неопредѣленные

и безсвязные разсказы о подробностяхъ этой, особо загадочной, какъ тогда же говорили, смерти, послѣдовавшей въ старой гостиницѣ „Дюссо“, при очень странной обстановкѣ. Тогда же появилось извѣстіе о томъ, что въ Москвѣ сложилось и облетѣло городъ предположеніе о насильственности этой смерти.

Позднѣе къ этимъ сообщеніямъ присовокуплялись самыя разнообразныя добавленія, варіаціи и версіи, среди которыхъ проскальзывали отдаленные намеки на то, будто бы въ Москвѣ дознано, что бѣлаго генерала умышленно умертвили какія-то двѣ женщины.— Еще глуше, съ большою таинственностью, на женщинъ тѣхъ взводилось обвиненіе въ томъ, что въ преступныхъ дѣйствіяхъ своихъ онѣ явились прямыми исполнительницами подосланнаго изъ Германіи подкупа,—во что бы то ни стало покончить такъ или иначе съ этимъ ненавистнымъ для сосѣдей, русскимъ народнымъ героемъ. Можно сказать, въ нѣсколько минутъ набѣжала и увеличивалась, какъ катящійся комъ снѣга, громадная масса слуховъ, частью созданныхъ или передѣланныхъ изъ простыхъ предположеній тутъ же на мѣстѣ, но больше привезенныхъ изъ столицы и въ томъ поѣздѣ, съ которымъ прибылъ графъ Дм. Андр. Толстой и съ другими, прибывавшими вообще въ тотъ день изъ Петербурга утренними поѣздами.

Большая часть, ходившихъ съ перваго дня, слуховъ о подробностяхъ кончины М. Д. Скобелева такъ и осталась неопровергнутою.

* * *

Къ вечеру того дня въ Петергофѣ начали ходить отрывочные толки о томъ, что Государь рѣшилъ, на освободившуюся вакансію командира 4-го армейскаго корпуса, назначить генералъ-адъютанта Мих. Ив. Драгомирова, занимавшаго тогда должность начальника Николаевской академіи генеральнаго штаба; добавляли, будто бы Государь приказалъ немедленно же по поводу этого запросить — согласенъ ли Мих. Ивановичъ принять назначеніе?

Врядъ ли однако ясно передававшіеся толки объ этомъ имѣли вообще какое-либо основаніе; все указывало на то, что они были попросту праздно измышлены. Военный министръ генералъ Ванновскій въ тотъ день въ Петергофъ не пріѣзжалъ;—во всякомъ случаѣ, до появленія толковъ, его не было во дворцѣ; ни съ кѣмъ кромѣ его Государь о такихъ дѣлахъ говорить не имѣлъ ни обычая, ни нужды, какъ и не было вообще надобности торопиться съ дѣломъ замѣщенія должности командира 4-го армейскаго корпуса.

Слухи однако упорно держались, разносились и разростались.

Вѣроятнѣе всего то, что они были созданы лично кѣмъ-либо такимъ, въ чьемъ воображеніи гнѣздилось понятіе о важности замѣщенія именно должности командира 4-го корпуса, — „корпусъ

скобелевскій" не можетъ оставаться ни одного дня безъ замѣстителя; тутъ путались представленія о личности командира съ понятіемъ о важности поста имъ занимавшагося.

Лица, близкія къ генералъ-адъютанту Петру Семеновичу Ванновскому, выносили отъ него лишь спокойное сообщеніе о томъ, что еще никто и рѣчи не поднималъ ни о 4-мъ корпусѣ, ни о М. И. Драгомировѣ, ни о комъ-либо иномъ, слѣдовательно предполагать, а тѣмъ болѣе утверждать, о предстоящемъ назначеніи кого бы то ни было нѣтъ никакихъ основаній.

Отъ лицъ же, имѣвшихъ сношенія съ М. И. Драгомировымъ, слышно было, что ему лично еще до сихъ поръ и въ голову не приходило о возможности такого назначенія его; народиться такая мысль могла у кого бы то ни было даже и наверху, но во-первыхъ скорѣе праздно созрѣла внизу, а во-вторыхъ, если явилась наверху, то, какъ онъ думаетъ и твердо убѣжденъ,—во всякомъ случаѣ „не въ Государевыхъ предначертаніяхъ она создалась".

При этомъ М. И. высказывалъ, что самъ онъ никакихъ предположеній ни за, ни противъ не считалъ бы нужнымъ высказывать, но въ душѣ имѣетъ такое убѣжденіе, что назначеніе это не состоится даже и въ томъ случаѣ, если распространеніе слуховъ о немъ держится на какихъ-либо вѣскихъ, въ отношеніи источника, основаніяхъ.

Въ то время у М. И. были очень натянутыя, лишь нескоро впослѣдствіи, сгладившіяся отношенія съ П. С. Ванновскимъ; разбираясь въ томъ, что у послѣдняго могло бы явиться отдаленное намѣреніе провести такое назначеніе, М. И. говорилъ: „военный министръ могъ бы пожелать удаленія моего изъ столицы, но при всемъ томъ, какъ онъ на меня смотритъ, какъ ко мнѣ въ душѣ относится,—быть можетъ даже съ явнымъ, а главное, для него самого яснымъ, недоброжелательствомъ, — онъ не позволитъ себѣ углубиться въ какую „бы то ни было мелочность, ни при какихъ обстоятельствахъ не дастъ воли низменному вожделѣнію вообще, а въ частности не позволитъ себѣ даже оказать стремленіе „подложить мнѣ свинью". „Правда, кадетскимъ фельдфебелемъ онъ остался до сей поры быть можетъ больше, чѣмъ я, но вообще чистота и непорочность Петра Семенова [1]) остается для меня внѣ всякихъ сомнѣній".

М. И. Драгомировъ зналъ П. С. Ванновскаго вообще по службѣ въ Петербургѣ, гдѣ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ они могли не только просто встрѣчаться, но быть знакомыми и имѣть соприкосновенія между собой: П. С. занималъ тогда должности, сначала начальника офицерской

---

[1]) Такъ многіе нерѣдко называли П. С. Ванновскаго, выставляя этимъ то, что былъ онъ чисто русскій человѣкъ.

стрѣлковой школы, потомъ директора Павловскаго кадетскаго корпуса, и затѣмъ начальника І-го военнаго Павловскаго училища; Мих. Ив., состоя профессоромъ Никол. Академ. генер. штаба, былъ постоянно приглашаемъ къ чтенію лекцій въ различныхъ военноучебныхъ заведеніяхъ. — Главнымъ же образомъ ихъ знакомство закрѣпилось въ Кіевѣ: тамъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, М. И. Драгомировъ занималъ должность начальника штаба округа при команд. войсками генералъ-адъютантѣ Козляниновѣ, когда П. С. Ванновскій командовалъ 33-ею, а потомъ 12 пѣх. дивиз.—Взаимное положеніе ихъ было въ то время таково, что они не только могли имѣть соприкосновенія, но не разъ имѣли и столкновенія.

* * *

Такъ или иначе толки о назначеніи М. И. въ Минскъ на должность командира 4 арм. корпуса шли всюду въ перебивку съ разборомъ того, на сколько это явится возможнымъ и желательнымъ съ общей точки зрѣнія, пріятнымъ самому М. И., и подходящимъ со стороны той обстановки, которая создавалась этимъ назначеніемъ въ случаѣ, если бъ оно состоялось.—Въ этомъ дѣлѣ, кромѣ лица, котораго оно непосредственно и болѣе всего касалось, т. е.—кромѣ самого М. И., очень многіе брались всесторонне судачить, непрошенно рѣшая на разные лады за него, и жизненную и служебную сторону этого вопроса, во всякомъ случаѣ, представлявшаго наибольшую важность именно для него.

Въ служебномъ отношеніи, дѣльно или нѣтъ, но все же праздно, выставляли вопросъ о лишнемъ подчиненіи, которое создавалось для генерала Драгомирова, въ случаѣ назначенія его корпуснымъ командиромъ; какъ начальникъ академіи, онъ знаетъ надъ собой лишь военнаго министра, положеніе же корпусного командира таково, что М. И. съ назначеніемъ на эту должность пріобрѣталъ промежуточнаго и близкаго начальника надъ собой въ лицѣ командующаго войсками округа; сопоставляя личность въ высшей степени щепетильнаго и „отчасти“ своенравнаго М. И. Драгомирова съ личностью командующаго войсками, говорили: хорошо теперь, въ данную минуту, это генералъ Э. И. Тотлебенъ [1]); за нимъ имѣется все такое, что Мих. Ивановичу можетъ безусловно дать возможность признавать его авторитетъ; тѣ же праздные говоруны, непрошенно взявшіе на себя обсуждать за Мих. Ивановича, находили въ этомъ отношеніи довольно значительный минусъ лишь съ той стороны, что уже давно Драгомировъ „отучился быть въ отвѣтѣ у нѣмца“; но

[1]) Въ то время команд. войсками Виленскаго военнаго округа, виленскій, ковенскій и гродненскій генералъ-губернаторъ.

это еще онъ какъ-нибудь смогъ бы претерпѣть; а случись завтра такая перемѣна, при которой доведется ему подпасть подъ начало какого-нибудь безголоваго крыла,—что можетъ выйти изъ этого?— и ума не приложить. Правда, проникнутый со школьной скамьи дисциплиной, онъ, конечно, не позволитъ себѣ, ни при какихъ условіяхъ, какъ бы то ни было нарушить порядокъ подчиненія, или продѣлать противъ поставленнаго надъ нимъ начальства что-либо неподходящее, но что онъ будетъ при этомъ переживать, какъ будетъ это переносить—одному Богу вѣдомо,—а потому, и помимо его воли, можетъ возникнуть какая угодно неожиданность. Эти и подобные разговоры сыпались при разборѣ служебной стороны дѣла.

Касаясь разбора стороны житейской, говорили, что нѣтъ разсчета Мих. Ивановичу перебираться съ большой семьей изъ столицы въ Минскъ и устраиваться тамъ въ такую минуту, когда воспитаніе и военное образованіе сыновей его требовало, по ихъ возрасту, непремѣннаго наблюденія съ его стороны и веденія этого дѣла на его глазахъ. — Не такой человѣкъ Мих. Ив., добавлялось къ этому, чтобы изъ-за личныхъ или изъ-за равныхъ личнымъ — семейныхъ обстоятельствъ, могъ онъ отказаться отъ чего-либо вызывавшагося силою служебной необходимости; но онъ самъ, по мнѣнію той же молвы, не могъ не сознавать, что отъ переѣзда въ Минскъ имѣлъ бы онъ право быть избавленнымъ, не Богъ вѣсть какъ далеко, могло уже быть время назначенія его на постъ командующаго войсками и слѣдовательно вскорѣ могъ предстоять новый переѣздъ, сопряженный съ новой ломкой и съ новымъ переустройствомъ его дома.

Такъ разбирали въ подробностяхъ слухъ, въ сущности кѣмъ-то пущенный, а затѣмъ поддержанный и быть можетъ, повторяю, не имѣвшій рѣшительно никакого основанія.

До Мих. Ивановича многое изъ этой переборки доходило въ отрывкахъ; онъ повидимому этимъ не смущался, относился къ этому спокойно, говорилъ, что все это вздорная, нестоющая вниманія, „болтовня“, но въ душѣ, вѣроятно, разбирался въ этомъ не безъ нѣкотораго волненія.

* * *

Недѣли двѣ или болѣе бродили въ военномъ мірѣ разнообразные, по большей части, несуразные толки объ этомъ вопросѣ; занималъ онъ всѣхъ, конечно больше всего съ той стороны, кто будетъ отличенъ назначеніемъ на мѣсто бѣлаго генерала? являлось также чрезвычайно интереснымъ для многихъ оставленіе Драгомировымъ академіи ген. штаба и кромѣ того, — а это немало обостряло вопросъ, — кто замѣститъ самого Мих. Ив. по должности начальника

академіи? — толки готовили на это мѣсто многихъ; больше всего указывали на выглядывавшаго тогда изъ-за Мих. Ив., извѣстнаго глубокоученаго генерала Леера, замѣчательнаго и незамѣнимаго стратега.

Наконецъ, когда „болтовня" достигла высшихъ предѣловъ и начала уже утомляться, ей разомъ положилъ предѣлъ, неожиданно вышедшій Высочайшій по военному вѣдомству приказъ, коимъ на мѣсто Скобелева былъ назначенъ начальникъ 14 пѣхотн. дивизіи г.-л. Петрушевскій.

Онъ состоялъ во время войны подъ начальствомъ М. И. въ должности командира бригады въ той дивизіи, именовавшейся „драгомировскою", съ М. И. пришелъ на Шипку, замѣстилъ М. И. послѣ его раненія и, оставаясь во главѣ дивизіи все время „спокойной"— по мнѣнію и по донесеніямъ Радецкаго,—стоянки лицомъ къ лицу со врагомъ,—былъ утвержденъ въ должности.—Генералъ Драгомировъ цѣнилъ какъ строевыя, такъ и боевыя его способности и заслуги и ставилъ его вообще среди генераловъ очень высоко. Судя по толкамъ, которые не замедлили народиться тотчасъ послѣ 11-го іюля—дня выхода приказа,—назначеніе этого генерала въ Минскъ состоялось не безъ „вліятельнаго вмѣшательства и искуснаго вліянія" М. И. Драгомирова.

Тогда же молва догадалась поставить себѣ же самой замѣчаніе,— она заговорила о томъ, чего не вспомнила, изобрѣтая возможность назначенія М. И.: она забыла о томъ, что М. И. никоимъ образомъ не могъ быть выбраннымъ къ командованію корпусомъ, такъ какъ, хотя прошло къ тому времени уже около пяти лѣтъ съ момента полученія имъ раны на Шипкѣ, но рана та была настолько сложная и тяжкая, что, по состоянію здоровья М. И., въ зависимости отъ хода лѣченія ее, ему въ то время нельзя было и подумать сѣсть на коня; если бы молва могла объ этомъ напречь память и раскинуть умомъ, то никакой каши со спѣшнымъ назначеніемъ М. И. въ Минскъ не заварилось бы.—Мих. Ив., выразивши съ самаго начала ясно и опредѣленно, что назначеніе это ни въ какомъ случаѣ не состоится,—безъ всякаго сомнѣнія, имѣлъ при этомъ въ виду именно состояніе своего здоровья и ходъ лѣченія раны; это можно съ достовѣрностью думать и сказать, онъ не проронилъ слова объ этомъ доводѣ несомнѣнно потому, что могла кому-нибудь придти на умъ вздорная мысль объ его желаніи отговориться болѣзнью, опереться на нее для того, чтобы избѣжать назначенія; въ этомъ опредѣленно сказался щепетильный военный человѣкъ, смотрѣвшій крайне серьезно на дѣло службы и всего касавшагося ея!

* * *

Семь лѣтъ послѣ того М. И. оставался на посту начальника академіи генеральнаго штаба.—Въ 1888 году, 15 іюля въ день празднованія 900-лѣтія крещенія Руси, въ Кіевѣ, при объѣздѣ войскъ, разставленныхъ въ улицахъ города по случаю праздничнаго „Владимірскаго“ парада,—скончался на конѣ отъ солнечнаго удара команд. войсками кіевскаго военнаго округа генералъ-адъютантъ Александръ Романовичъ Дрентельнъ.

Поднялись снова большіе, не менѣе страстные и горячіе толки о томъ, кто явится замѣстителемъ его.—Крупный былъ человѣкъ Александръ Романовичъ и замѣнить его было не легко тѣмъ болѣе, что, по заведенному издавна порядку, постъ командующаго войсками кіевскаго военнаго округа былъ соединенъ съ постомъ кіевскаго, волынскаго и подольскаго генералъ губернатора.

Многихъ прочили на это мѣсто: молва предсказывала упраздненіе харьковскаго военнаго округа и перемѣщеніе генералъ-адъютанта Ѳ. Ѳ. Радецкаго изъ Харькова въ Кіевъ; 30-го сентября состоялось это перемѣщеніе, но должность генералъ-губернатора въ Кіевѣ не была замѣщена и долго еще потомъ оставалась свободною.

Нѣкоторое время прочили на это мѣсто, выказавшаго уже давно свои недюжинныя способности вообще, генералъ-адъютанта Свистунова, бывшаго долгое время начальникомъ штаба кавказскаго военнаго округа при Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, а затѣмъ управлявшаго неменьшее число лѣтъ Терскою областью и состоявшаго наказнымъ атаманомъ Терскаго казачьяго войска.

Помощникомъ командующаго войсками кіевскаго военнаго округа въ послѣднее время при А. Р. Дрентельнѣ состоялъ артиллеріи генералъ-лейтенантъ Максимъ Антоновичъ баронъ Таубе, б. командиръ 2-ой батареи гв. конной артиллеріи, потомъ командиръ Новороссійскаго драгунскаго полка, блестящій начальникъ Николаевскаго кавалерійскаго училища, 3 кавал. дивизіи, 5 кав. див. и 12-го армейскаго корпуса, человѣкъ, вполнѣ отвѣчавшій серьезному характеру и строго дѣловымъ требованіямъ службы А. Р. Дрентельна. Этого образованнаго и дѣльнаго генерала тоже называли, какъ возможнаго замѣстителя А. Р—ча; онъ оставался послѣ него временно исполн. его должность командующаго войсками въ теченіе долгаго промежутка времени до штатнаго замѣщенія ея назначеніемъ Ѳ. Ѳ. Радецкаго, при чемъ командовалъ войсками, какъ вполнѣ опытный, толковый и полезный начальникъ. Вслѣдъ за назначеніемъ М. И. Драгомирова Таубе былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Степнымъ и командующимъ войсками Сибирскаго военнаго округа и наказнымъ атаманомъ Сибирскаго казачьяго войска. Года два тому назадъ онъ скончался на 85 году жизни, пробывъ лѣтъ десять чле-

номъ Государственнаго Совѣта, рядомъ съ бар. Таубе называли его предмѣстника по должности командира 2-й батареи гв. конн. артиллеріи,—генералъ-адъютанта А. С. Костанда,—въ то время помощника главнокомандующаго Вел. Кн. Владиміра Александровича: подлые языки увѣряли, что онъ самъ себя прочилъ и, по обыкновенію, самъ о себѣ распускалъ слухи.—Онъ тогда-же былъ назначенъ команд. войсками московскаго военнаго округа на мѣсто ген.-ад. графа А. И. Бреверна де-Лагарди.

Затѣмъ, по указаніямъ молвы, въ кандидаты на замѣщеніе достойнѣйшаго Александра Романовича проскользнулъ было, зашумѣвшій въ то время своими способностями и талантами,—почему его и начали прочить чуть-ли не на каждую открывавшуюся высшую должность,—генералъ-лейтенантъ Н. И. Бобриковъ,—тогдашній начальникъ штаба петерб. военнаго округа при главнокомандующемъ Великомъ Князѣ Владимірѣ Александровичѣ.

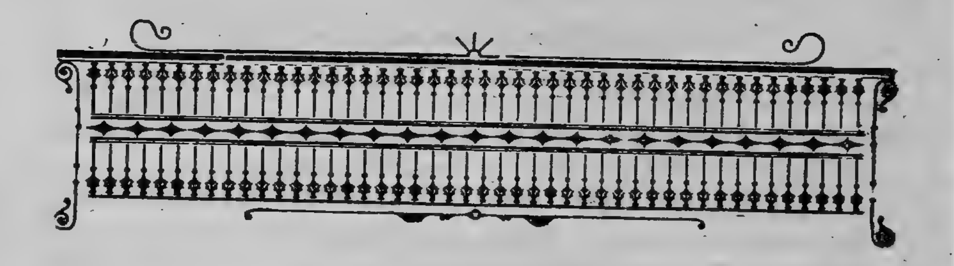
Все это прошло, а самое дѣло однако затянулось; кружки, создававшіе и выпускавшіе молву, утомились; событіе, свершившееся 18-го октября того года въ Боркахъ, отодвинуло на нѣкоторое время всякіе разговоры о чемъ бы то ни было;—случившеюся черезъ полгода кончиной министра внутр. дѣлъ графа Д. А. Толстого задержались разсужденія о замѣщеніи поста генералъ-губернатора въ Кіевѣ, и лишь лѣтомъ 1889 года послѣдовало назначеніе въ Кіевъ двухъ лицъ, такъ какъ замѣна, чудной памяти, Александра Романовича однимъ лицомъ оказалась невозможною;—генералъ-губернаторомъ въ маѣ мѣсяцѣ, уже послѣ назначенія въ должность министра внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретаря Ив. Ник. Дурново,—былъ переведенъ въ Кіевъ изъ Иркутска графъ Алексѣй Павловичъ Игнатьевъ, а на постъ командующаго войсками округа, волею Государя Императора, былъ избранъ генералъ-адъютантъ Мих. Ив. Драгомировъ, о чемъ приказъ по военному вѣдомству состоялся 11-го іюля.

Отпуская его въ Кіевъ, Государь очень милостиво, въ крайне лестныхъ выраженіяхъ, говорилъ съ нимъ о предстоявшей ему дѣятельности и обо многомъ другомъ, а затѣмъ, прощаясь съ нимъ, сказалъ, что съ отмѣннымъ довѣріемъ возлагаетъ полныя надежды на него въ дѣлѣ предстоящаго командованія войсками ввѣряемаго ему округа, а главное „въ дѣлѣ ихъ воспитанія, образованія и самой серьезной подготовки къ доблестной боевой службѣ“.

Вполнѣ довольный и въ высшей степени ободренный, отправился М. И. къ своей новой службѣ, которую затѣмъ привелось ему нести въ неусыпныхъ трудахъ болѣе пятнадцати лѣтъ и отъ которой оторвала его тяжкая болѣзнь, свалившая его и положившая конецъ его днямъ.

А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Наполеонъ на островѣ св. Елены [1]).

15 октября 1815 г. „Белерофонъ", историческій корабль, на которомъ Наполеонъ I былъ отправленъ въ изгнаніе, присталъ къ скалистымъ берегамъ маленькаго острова, затеряннаго среди безбрежнаго океана, гдѣ великому плѣннику союзныхъ державъ суждено было провести послѣднія, тяжелыя шесть лѣтъ его жизни.

Угрюмый видъ возвышавшихся изъ воды черноватыхъ, обнаженныхъ скалъ, перерѣзанныхъ глубокими оврагами, производилъ мрачное, безотрадное впечатлѣніе. Въ единственномъ на островѣ городкѣ— Джемсъ-Таунѣ, расположенномъ въ глубокомъ оврагѣ, надъ которымъ нависли тяжелыя скалы, было около полутораста домовъ, построенныхъ изъ мѣстнаго камня, довольно чистенькихъ на видъ, но лишенныхъ всякихъ удобствъ. Вблизи отъ города находился загородный домъ генералъ-губернатора, окруженный обширнымъ садомъ, съ великолѣпной растительностью; тутъ были деревья и кустарники, привезенные изъ Европы, Азіи, Африки и Америки, которые благодаря тщательному уходу росли и цвѣли великолѣпно. Высокія цѣпи горъ защищали эту единственную, болѣе здоровую часть острова отъ гибельныхъ для растительности жаркихъ юго-западныхъ вѣтровъ.

Въ домѣ генералъ-губернатора останавливались обыкновенно болѣе или менѣе знатные путешественники, посѣщавшіе островъ, Наполеону не было оказано этой любезности, ему не было предложено остановиться въ домѣ, гдѣ бы онъ могъ жить въ пріятной

[1]) Frédéric Masson. Autour de Saint Hélène. Paris 1909. 2 t.
Napoléon en exil. Par le docteur Barry E. O'Meara. Paris 1897. 4 t.

обстановкѣ вдали отъ любопытныхъ взоровъ до тѣхъ поръ, пока ему не приготовили собственное помѣщеніе.

Для Наполеона и его приближенныхъ была отведена самая нездоровая, безводная мѣстность, на плоской вершинѣ одной изъ горъ, на высотѣ около 2 т. футовъ надъ уровнемъ моря. Мѣстность эта, называется—Лонгвудъ,—съ глинистой, липкой почвой была постоянно окутана туманомъ, сквозь которой лишь изрѣдка проглядывало солнце; дождь лилъ тутъ почти непрерывно семь—восемь мѣсяцевъ въ году; хорошая погода продолжалась не болѣе одного или полутора мѣсяцевъ и всегда была перемѣнчива; дувшій постоянно, насыщенный парами, жаркій юго-восточный вѣтеръ уничтожалъ всякую растительность. Лихорадка, дизентерія и болѣзни дыхательныхъ путей свили себѣ въ этой мѣстности прочное гнѣздо и поражали въ особенности пріѣзжихъ европейцевъ, изъ коихъ ни одинъ не могъ выжить тамъ долго.

Въ этомъ, самомъ отдаленномъ и самомъ нездоровомъ изъ англійскихъ владѣній, жизнь была тягостна всякому европейцу; тѣмъ болѣе она должна была быть въ тягость тому, кто былъ на вѣки прикованъ къ этой мрачной скалѣ, былъ лишенъ свободы, за кѣмъ ежечасно, денно и нощно слѣдили часовые, разставленные на всѣхъ скалахъ, на всѣхъ, самыхъ узенькихъ, самыхъ крутыхъ недоступныхъ тропинкахъ.

Живя въ домѣ съ полусгнившимъ паркетомъ, съ ветхими стѣнами, въ которомъ хозяйничали крысы и который походилъ на жалкую лачугу, страдая то отъ тропической жары, то отъ проливныхъ дождей, одѣтый въ старый поношенный охотничій костюмъ, обутый въ непривычные для него жесткіе крестьянскіе башмаки, лишенный возможности совершать необходимыя для его здоровья прогулки, которыя вскорѣ стали ему въ тягость вслѣдствіе постояннаго надзора, которому онъ подвергался внѣ дома, Наполеонъ находилъ отраду только въ книгахъ.

Единственнымъ его развлеченіемъ было чтеніе. Когда изъ Европы получался ящикъ съ новыми книгами, онъ самъ поспѣшно распаковывалъ его, забрасывалъ полъ книгами и съ жадностью принимался за чтеніе, просиживая за нимъ далеко за полночь. Развлеченіемъ служили ему также бесѣды съ докторомъ О'Меара, единственнымъ врачомъ, къ которому онъ питалъ довѣріе и который ему нравился своими манерами, умѣньемъ держать себя и знаніемъ италіанскаго языка.

Съ нимъ онъ бесѣдовалъ, не стѣсняясь, о лицахъ его окружавшихъ, о всѣхъ мелкихъ событіяхъ повседневной жизни, ему онъ изливалъ чувства горечи и обиды, вызванныя въ немъ враждебнымъ

и суровымъ отношеніемъ къ нему генералъ-губернатора и тѣми безцѣльными и ненужными ограниченіями и стѣсненіями, отъ которыхъ страдала его гордость. Съ нимъ онъ вспоминалъ о выдающихся событіяхъ своего царствованія и о лицахъ, игравшихъ при немъ главную роль.

О'Меара, съ самаго пріѣзда на островъ Св. Елены, сталъ записывать эти бесѣды, и такъ какъ онѣ становились все болѣе и болѣе интимны, то и его дневникъ пріобрѣлъ съ теченіемъ времени выдающееся значеніе и интересъ. Переписавъ свои замѣтки начисто, докторъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, пересылалъ ихъ въ Англію, гдѣ онѣ были обнародованы имъ послѣ смерти Наполеона.

Первое время разговоръ заходилъ чаще всего объ Англіи, взявшей на себя по отношенію Наполеона роль тюремщицы. Бывшій императоръ считалъ большой ошибкой со стороны этой державы ея участіе въ континентальныхъ войнахъ.

„Если бы вы проиграли сраженіе при Ватерлоо, сказалъ онъ однажды доктору О'Меара, въ какомъ положеніи очутилась бы Англія? Цвѣтъ ея молодежи погибъ бы; ибо ни одному человѣку, не исключая самого Веллингтона, не удалось бы спастись". На возраженіе, что Веллингтонъ рѣшилъ покинуть поле битвы не иначе какъ мертвымъ, Наполеонъ отвѣчалъ:

„Онъ не могъ отступить; онъ былъ бы уничтоженъ со своей арміей, если бы вмѣсто пруссаковъ подошелъ Груши", и я до сихъ поръ не понимаю, какимъ образомъ это оказались пруссаки. Если бы они не подошли, то англійская армія была бы уничтожена; она уже среди дня понесла рѣшительное пораженіе; но судьбѣ было угодно, чтобы Веллингтонъ выигралъ сраженіе. Я не могъ себѣ представить, что онъ атакуетъ насъ, такъ какъ если бы онъ отступилъ какъ слѣдовало къ Антверпену, то мнѣ пришлось бы имѣть дѣло съ арміей въ три или четыре тысячи человѣкъ, которые шли на меня. Разъединить англійскія и прусскія войска было величайшей глупостью; они должны были оставаться вмѣстѣ, и я не могу понять, почему ихъ разъединили. Со стороны Веллингтона было безуміемъ дать мнѣ сраженіе въ такомъ мѣстѣ, гдѣ въ случаѣ пораженія, погибло бы все его войско; ибо отступленіе было для него невозможно; у него былъ въ тылу лѣсъ, куда вела одна дорога. Его войско было бы разбито на-голову. Къ тому же онъ далъ застигнуть себя врасплохъ; это была большая ошибка. Ему слѣдовало начать кампанію въ началѣ іюня, ибо ему конечно было извѣстно, что я предполагалъ атаковать его. Онъ могъ все потерять, но ему повезло; такъ было суждено, и люди будутъ превозносить все, что онъ сдѣлалъ. Мое намѣреніе было атаковать и истребить англичанъ,

я зналъ, что послѣдствіемъ этого будетъ смѣна министерства. Негодованіе, вызванное тѣмъ, что по его винѣ погибло сорокъ тысячъ человѣкъ,—цвѣтъ англійской арміи, вызвало бы такой взрывъ народнаго негодованія, что министерству бы не уцѣлѣть. Англійскій народъ сказалъ бы: „какое намъ дѣло, кто сидитъ на французскомъ престолѣ, Людовикъ или Наполеонъ? мы довольно страдали. Это не наше личное дѣло, пускай устраиваются какъ хотятъ“ и заключилъ бы со мною миръ. Саксонцы, баварцы, бельгійцы, виртембергцы присоединились бы ко мнѣ. Безъ Англіи коалиція была немыслима. Русскіе съ своей стороны заключили бы миръ, и я остался бы на престолѣ. Миръ былъ бы проченъ; ибо что могла бы сдѣлать Франція послѣ заключенія Парижскаго договора? Можно ли ея было бояться?“

„Таковы были соображенія, продолжалъ онъ, побуждавшія меня атаковать англичанъ. Я разбилъ пруссаковъ. До полудня, побѣда была на моей сторонѣ. Могу сказать, что все было въ моихъ рукахъ; но случай или судьба рѣшили иначе. Словъ нѣтъ, англичане сражались храбро, этого никто не можетъ отрицать; но они все-таки могли быть разбиты.

„Ведя войну на континентѣ, Питтъ своей политикой едва не разорилъ Англію“.

На замѣчаніе, что по мнѣнію нѣкоторыхъ политиковъ, если бы Англія не продолжала войну, то она была бы разорена и сдѣлалась бы французской провинціей, Наполеонъ возразилъ. „Напротивъ, объявивъ войну Франціи, Англія дала послѣдней возможность до того расширить въ мое управленіе свои завоеванія, что я сдѣлался императоромъ чуть не всего міра; не будь войны, этого бы не случилось“.

Разговоръ перешелъ на оккупацію Мальты. „За два дня до того, какъ лордъ Витвортъ уѣхалъ изъ Парижа,—сказалъ Наполеонъ, министерству и приближенныхъ ко мнѣ лицамъ предложили тридцать милліоновъ франковъ, обѣщая признать меня королемъ Франціи, если я соглашусь уступить Англіи Мальту“.

„Впрочемъ война была неминуема, хотя бы вопроса о Мальтѣ и не существовало“.

Англійскихъ моряковъ Наполеонъ считалъ настолько выше французскихъ, насколько послѣдніе были выше испанскихъ. На замѣчаніе, что французы не могли бы никогда быть хорошими матросами, вслѣдствіе своей подвижности и своего легкомыслія, и что они никогда не стали бы безропотно блокировать цѣлыми годами порты, подобно тому какъ англичане блокировали Тулонъ, терпя непогоду и всяческія лишенія.

„Я съ этимъ не согласенъ,—возразилъ Наполеонъ,—но я не

думаю, чтобы они могли быть такими хорошими матросами, какъ англичане. Море принадлежитъ вамъ; ваши матросы настолько превосходятъ нашихъ, насколько голландцы превосходили нѣкогда англичанъ".

Объ императрицѣ Жозефинѣ Наполеонъ вспоминалъ всегда съ самымъ теплымъ чувствомъ. Во время обезоруженія парижскихъ секцій, 13-го вандемьера 1795 г., „ко мнѣ явился—разсказывалъ онъ—мальчикъ лѣтъ двѣнадцати или тринадцати и умолялъ возвратить ему шпагу его отца, бывшаго республиканскаго генерала. Я такъ былъ тронутъ этой милой просьбой, что приказалъ отдать ему шпагу. Этотъ мальчикъ былъ Евгеній Богарне. Увидавъ шпагу, онъ зарыдалъ. Я былъ такъ тронутъ его поступкомъ, что осыпалъ его похвалами. Нѣсколько дней спустя его мать пришла благодарить меня. Я былъ пораженъ ея наружностью и еще болѣе ея умомъ. Это первое впечатлѣніе усиливалось съ каждымъ днемъ. Вскорѣ я вступилъ съ нею въ бракъ".

Говоря о франмасонахъ, Наполеонъ называлъ ихъ глупцами (un tas d'imbéciles), которые собираются вмѣстѣ, чтобы вкусно поѣсть и выполнить нѣкоторые смѣшные обряды. При всемъ томъ, они дѣлаютъ время отъ времени добрыя дѣла, говорилъ онъ. Во время революціи и въ послѣднее время, они содѣйствовали умаленію могущества папы и вліянія духовенства. „Когда народъ не сочувствуетъ правительству, всѣ тайныя общества стремятся повредить ему". Онъ покровительствовалъ франмасонамъ „только потому, что они были враждебны папѣ". На вопросъ, допустилъ ли бы онъ когда-нибудь снова іезуитовъ во Францію, Наполеонъ отвѣчалъ:

„Никогда; это опаснѣйшее изо всѣхъ сообществъ; оно сдѣлало болѣе зла, нежели всякое иное общество. По ученію іезуитовъ, ихъ генералъ выше всѣхъ монарховъ; онъ властитель міра; всѣ его приказанія должны исполняться, какъ бы они ни были противозаконны, какъ бы они ни были преступны. Всякій поступокъ, какъ бы ужасенъ ни былъ, если онъ сдѣланъ по приказанію ихъ генерала, есть заслуга въ ихъ глазахъ. Нѣтъ, нѣтъ, я никогда не согласился бы, чтобы въ моихъ владѣніяхъ существовало общество, подчиненное неизвѣстному мнѣ человѣку, живущему въ Римѣ. Я ни за что не хотѣлъ бы имѣть frati. Достаточно священниковъ для того, кто въ нихъ нуждается, нѣтъ надобности въ монастыряхъ, наполненныхъ канальями, которые только ѣдятъ, молятся и совершаютъ преступленія".

На замѣчаніе своего собесѣдника, что можно опасаться какъ бы священники и іезуиты не пріобрѣли большого вліянія въ Европѣ, Наполеонъ отвѣчалъ:

„Это весьма возможно. Протестанты подвергались раньше такимъ же притѣсненіямъ, какъ евреи; они не могли пріобрѣтать землю, я уравнялъ ихъ въ правахъ съ католиками. Императоръ Александръ могъ разрѣшить въѣздъ іезуитовъ въ Россію, такъ какъ его политика имѣла цѣлью привлечь въ свою варварскую страну людей просвѣщенныхъ, къ какой бы сектѣ они ни принадлежали; къ тому же они не опасны въ Россіи, такъ какъ они исповѣдутъ другую вѣру. Тѣмъ не менѣе, они будутъ вести себя такъ, что онъ будетъ вынужденъ изгнать ихъ [1])“.

Однажды зашла рѣчь о полякахъ, служившихъ въ арміи Наполеона, которые были ему преданны.

„Да, воскликнулъ Наполеонъ, они были преданы мнѣ! Понятовскій сопровождалъ меня во время египетскаго похода; я произвелъ его въ генералы. Большая часть моей старой польской гвардіи, изъ видовъ политики, употребляется въ настоящее время на службу Императоромъ Александромъ. Это—храбрая нація, она дастъ хорошихъ солдатъ. Они лучше французовъ переносятъ стужу сѣверныхъ странъ“.

„Комендантъ Данцига говорилъ мнѣ, что въ зимнее время года, когда термометръ показывалъ восемнадцать градусовъ ниже нуля, французовъ нельзя было заставить стоять на часахъ, тогда какъ поляки не страдали отъ холода“.

„Понятовскій, — продолжалъ онъ, — человѣкъ благородный, въ высокой степени храбрый и честный. Я хотѣлъ посадить его на польскій престолъ, если бы мнѣ удалось одержать въ Россіи побѣду“.

Неудачу своего похода въ Россію Наполеонъ приписывалъ главнымъ образомъ „преждевременному морозу и пожару Москвы.

„Я находился въ нѣскольких дневныхъ переходахъ позади арміи, разсказывалъ онъ, сравнивалъ температуру за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ; сильные морозы никогда не наступали раньше 20 декабря, двадцать дней позже нежели они начались въ тотъ годъ. Когда я былъ въ Москвѣ, тамъ было нуль градуса мороза, и французы переносили его легко, но во время похода термометръ упалъ до восемнадцати градусовъ; почти всѣ лошади погибли. Я потерялъ ихъ тридцать тысячъ въ одну ночь. ришлось Пбросить почти всю артиллерію, состоявшую въ то время изъ пятисотъ орудій; не было возможности увезти ни аммуницію, ни провіантъ. За неимѣніемъ лошадей мы не могли произвести

---

[1]) Предсказаніе это сбылось; іезуитовъ, какъ извѣстно, изгнали изъ Россіи въ 1820 г.

рекогносцировку, или выслать кавалерійскій разъѣздъ, чтобы опознать дорогу. Солдаты теряли разумъ и гибли во время сумятицы. Ихъ пугало самое пустяшное обстоятельство. Четыре или пять человѣкъ могли нагнать панику на цѣлый батальонъ. Вмѣсто того чтобы держаться вмѣстѣ, они бродили по одиночкѣ, ища огня. Тѣ, коихъ посылали на развѣдки, спѣшили обогрѣться въ домахъ. Они разбѣгались и легко попадали въ руки непріятеля. Другіе ложились на землю и засыпали; у нихъ начинала сочиться изъ носа кровь, и они умирали во снѣ. Такимъ образомъ погибли тысячи. Особенно пострадала кавалерія; изъ сорока тысячъ человѣкъ спаслась едва одна тысяча. Не будь пожара, мой планъ увѣнчался бы успѣхомъ. Я провелъ бы въ Москвѣ зиму".

„Въ этомъ городѣ было около сорока тысячъ человѣкъ; это были все рабы. Я хотѣлъ дать имъ волю, я уничтожилъ бы въ Россіи крѣпостное право и дворянство. Это создало бы мнѣ огромную и сильную партію. Я заключилъ бы миръ въ Москвѣ, или пошелъ бы на слѣдующій годъ на Петербургъ".

„Александръ отлично зналъ это и поэтому отослалъ свои брилліанты, всѣ свои драгоцѣнности и суда въ Англію. Не будь этого пожара, я одержалъ бы полную побѣду. Я нанесъ имъ большое пораженіе при Москвѣ рѣкѣ; я атаковалъ съ девяносто тысячнымъ войскомъ русскую армію, численностью въ 200 тысячъ и нанесъ ей рѣшительное пораженіе [1]). Семьдесятъ тысячъ русскихъ осталось на полѣ битвы. Они имѣли наглость увѣрять, что они выиграли сраженіе, хотя я продолжалъ наступленіе на Москву. Два дня спустя я былъ въ прекрасномъ городѣ, гдѣ было достаточное количество запасовъ на два года; ибо въ Россіи всегда запасаютъ все нужное до наступленія морозовъ; запасные магазины были переполнены всякимъ добромъ".

„Дома мѣстныхъ жителей были снабжены всѣмъ необходимымъ; изъ нихъ большинство оставило своихъ слугъ, которые могли намъ служить. Многіе домовладѣльцы оставили записки, въ которыхъ просили французскихъ офицеровъ, если они поселятся въ ихъ домахъ, пощадить мебель и прочія ихъ вещи; они писали, что оставили все, что могло намъ понадобиться, выражали надежду вернуться черезъ нѣсколько дней; и говорили, что тогда они будутъ рады ви-

---

[1]) Въ сраженіи при Бородино у русскихъ было 103 т. регулярнаго войска, 7 т. казаковъ и 10 т. ополченцевъ, всего 120 т., а силы французовъ доходили до 130 т. У русскихъ выбыло изъ строя 40 т., у французовъ 35—40 т. В. Т.

дѣть насъ. Изъ дамъ нѣкоторыя остались въ городѣ; онѣ знали, что въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ жителямъ не было причинено оскорбленій. Они надѣялись на скорое заключеніе мира. Мы надѣялись отдохнуть на зимнихъ квартирахъ и одержать побѣду весною".

„Два дня спустя послѣ нашего прихода вспыхнулъ пожаръ. Вначалѣ это не казалось особенно тревожнымъ; думали, что виною были солдаты, зажигавшіе костры слишкомъ близко къ домамъ, которые были почти сплошь деревянные. Это обстоятельство огорчило меня и я отдалъ строгое приказаніе слѣдить за ними полковымъ и прочимъ командирамъ. На слѣдующій день пожаръ увеличился, хотя не внушалъ еще серьезныхъ опасеній. Однако боясь, чтобы онъ не дошелъ до насъ, я отправился верхомъ и отдалъ строгое приказаніе тушить огонь. На слѣдующій день поднялся сильный вѣтеръ, и пожаръ распространился съ ужасающей быстротой".

„Сотни несчастныхъ, подкупленныхъ съ этой цѣлью, разсѣялись по разнымъ кварталамъ города и пряча подъ плащами фитили, поджигали дома съ подвѣтренной стороны; это было нетрудно, такъ какъ дома были построены изъ горючаго матеріала. Это обстоятельство и сильный вѣтеръ парализовали всѣ наши попытки потушить огонь. Я самъ едва не погибъ въ немъ. Чтобы подать примѣръ, я бросился въ пламя, и у меня обгорѣли волосы и брови; платье обгорѣло у меня на спинѣ. Всѣ усилія были напрасны, такъ какъ была испорчена большая часть насосовъ, которыхъ было около тысячи; изъ нихъ почти ни одинъ не оказался годнымъ къ употребленію. Несчастные, нанятые Растопчинымъ, бѣгали во всѣ стороны и своими факелами зажигали вновь огонь; имъ не мало помогалъ вѣтеръ. Этотъ ужасный пожаръ истребилъ городъ почти до тла. Я ожидалъ всего, но только не этого. Ударъ былъ неожиданный: кто могъ думать, что народъ станетъ поджигать свою столицу? Нѣкоторые изъ жителей также употребляли всѣ усилія, чтобы потушить пожаръ; при этомъ погибло нѣсколько человѣкъ. Они приводили къ намъ многихъ поджигателей съ ихъ факелами; мы ихъ никогда не могли бы узнать среди черни. Я приказалъ разстрѣлять человѣкъ двѣсти этихъ несчастныхъ. Не случись этого злополучнаго пожара, я имѣлъ бы для арміи все необходимое: прекрасныя зимнія квартиры, разнообразные съѣстные припасы, кампанія слѣдующаго года рѣшила бы все. Или Александръ заключилъ бы миръ, или я былъ бы въ Петербургѣ".

„Я заставилъ бы Россію заключить миръ, согласный съ интересами Франціи. Мнѣ слѣдовало оставить Москву пять дней раньше. Многіе генералы были въ кроватяхъ, когда все уже было объято пламенемъ. Я самъ оставался въ Кремлѣ до тѣхъ поръ, пока я не

былъ окруженъ пламенемъ. Огонь охватилъ китайскіе и индійскіе магазины и нѣсколько складовъ масла и спирта, которые воспламенились. Тогда я переѣхалъ въ загородный домъ, принадлежавшій Императору Александру, приблизительно въ одной верстѣ отъ Москвы; можно судить о томъ, какъ сильно было пламя, если я скажу, что со стороны Москвы едва можно было дотронуться руками до стѣнъ и оконъ этого дома; до того они были горячи.

Это было цѣлое море огня; снопы яркаго пламени, колеблящагося подобно волнамъ, вздымались къ пылающему небу и низвергались въ огненный океанъ. Это было самое величественное, самое великолѣпное и самое ужасное изъ видѣнныхъ мною когда-либо зрѣлищъ".

Вспоминая о Блюхерѣ, Наполеонъ отозвался о немъ какъ о человѣкѣ очень храбромъ,—un bon sabreur. „Онъ похожъ на быка, говорилъ Наполеонъ, который бросается впередъ, закрывъ глаза, и не видитъ опасности. Онъ сдѣлалъ тысячу ошибокъ и, не случись непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, я могъ бы не одинъ разъ взять въ плѣнъ его самого и большую часть его арміи. Онъ упрямъ, неутомимъ, ничего не боится и очень преданъ своей странѣ. Но какъ генералъ, это бездарность. Припоминаю, что въ мою бытность въ Пруссіи, онъ послѣ сдачи обѣдалъ за моимъ столомъ. Всѣ считали его человѣкомъ самымъ зауряднымъ".

Говоря объ англійскизъ солдатахъ Наполеонъ замѣтилъ, что они храбры: „англійскіе офицеры люди, вообще честные, говорилъ онъ, но я не считаю ихъ способными выполнить трудные маневры. Мнѣ кажется, что подъ моимъ начальствомъ они были бы способны на все, хотя я еще не знаю ихъдостаточно хорошо, чтобы сказать это положительно. Я имѣлъ по этому поводу разговоръ съ Бингамомъ; хотя онъ со мною не согласенъ, но я того мнѣнія, что съ ними слѣдовало бы обращаться иначе. Вмѣсто кнута я хотѣлъ бы дѣйствовать на нихъ, возбуждая въ нихъ чувство чести и соревнованія. Я бы производилъ, какъ я это дѣлалъ во Франціи, въ офицеры, всякаго солдата, если онъ отличился. Послѣ сраженія, я созывалъ обыкновенно офицеровъ и солдатъ и спрашивалъ ихъ: кто изъ васъ отличился? гдѣ храбрецы? Я производилъ въ офицеры всѣхъ, кто умѣлъ хорошо читать и писать, а безграмотнымъ я велѣлъ учиться, до тѣхъ поръ, пока они не усваивали грамоту, и тогда я ихъ производилъ. Чего бы не сдѣлала англійская армія, если бы каждый солдатъ могъ надѣяться быть генераломъ, если онъ отличится въ бою? Конечно, англійскій солдатъ стоитъ по развитію не ниже солдатъ прочихъ націй, у которыхъ не примѣняется унизительнаго наказанія кнутомъ. Все уни-

жающее человѣка должно быть отмѣнено. Я хотѣлъ бы достигнуть того, чтобы слово солдатъ считалось почетнымъ для того, кто имъ называется. Я сдѣлалъ бы въ Англіи то, что я сдѣлалъ во Франціи: гдѣ я поощрялъ образованныхъ молодыхъ людей, сыновей купцовъ, дворянъ, безъ различія сословій итти въ солдаты, и двигалъ ихъ по заслугамъ; я бы замѣнилъ кнутъ заключеніемъ въ тюрьму, на хлѣбъ и на воду и презрѣніемъ товарищей. Quando il soldato é awilito e disonorato colle fruste, poco gli preme la gloria e l'onore della sua patria [1])".

„Можетъ ли быть въ человѣкѣ какое-нибудь чувство чести, когда его наказываютъ кнутомъ въ присутствіи товарищей? Онъ теряетъ всякую любовь къ родинѣ и готовъ сражаться такъ же точно и противъ нея, если противникъ заплатитъ ему больше. Когда австрійцы владѣли Италіей, они тщетно старались сдѣлать изъ итальянцевъ хорошихъ солдатъ: итальянцы дезертировали тотчасъ послѣ набора, а, если имъ приходилось итти противъ непріятеля, разбѣгались при первомъ выстрѣлѣ. Невозможно было сформировать изъ нихъ ни одного полка".

„Когда я завоевалъ Италію и началъ вербовать солдатъ, австрійцы смѣялись надо мною, и говорили, что это мнѣ не удастся, что они не разъ пытались это дѣлать, и что не въ характерѣ итальянцевъ драться и быть хорошими солдатами. Однако я набралъ нѣсколько тысячъ итальянцевъ, и они сражались такъ же храбро, какъ французы, и никогда не покидали меня, даже въ несчастьи. Какая была тому причина? Я уничтожилъ введенное австрійцами наказаніе кнутомъ и палкою, я подвигалъ способныхъ солдатъ; изъ ихъ числа было нѣсколько генераловъ. Я замѣнилъ страхъ и кнутъ чувствомъ чести и соревнованіемъ".

На вопросъ, каково его мнѣніе о сравнительномъ достоинствѣ русскихъ, пруссаковъ и нѣмцевъ, Наполеонъ сказалъ: „Солдаты измѣнчивы: одинъ день они храбры, другой день—трусы. Русскіе, на моихъ глазахъ, дѣлали чудеса храбрости подъ Эйлау; въ ту минуту они всѣ были герои; на берегу Москвы, засѣвъ въ окопы, откуда имъ не было выхода, „они допустили, чтобы я съ 90 тысячами разбилъ ихъ 150 тысячъ. Подъ Іеной и въ другихъ битвахъ этой кампаніи, пруссаки бѣжали такъ трусливо, какъ бараны; а послѣ они дрались храбро. Мое мнѣніе таково, что въ данный моментъ прусскій солдатъ стоитъ выше австрійскаго. Французскіе

---

[1]) Когда солдатъ униженъ и обезчестенъ тѣлеснымъ наказаніемъ, его мало трогаетъ слава и честь страны.

кирасиры были лучшей кавалеріей въ мірѣ, съ ними легко было прорвать пѣхоту. Индивидуально, нѣтъ кавалериста, который бы стоялъ выше мамелюка; но мамелюки не могутъ дѣйствовать массой. Казаки превосходны, какъ партизаны, а поляки прекрасные уланы".

Изъ австрійскихъ генераловъ наилучшій „принцъ Карлъ, хотя онъ дѣлалъ массу ошибокъ. Что касается Шварценберга, то онъ не способенъ командовать и шестью тысячами".

Заговоривъ объ осадѣ Тулона, Наполеонъ припомнилъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ взялъ въ плѣнъ генерала О'Гара. „Я могу сказать, присовокупилъ онъ, что я взялъ его въ плѣнъ собственноручно. Я соорудилъ замаскированную батарею съ 8 двадцати четырехъ дюймовыми орудіями и четырьмя мортирами, съ цѣлью атаковать фортъ Мальбуске, занятый англичанами; батарея была окончена вечеромъ, и я рѣшилъ повести атаку на слѣдующее утро. Въ то время, какъ я отдавалъ приказанія въ другомъ пунктѣ, пріѣхало нѣсколько депутатовъ національнаго конвента. Они брали иногда на себя обязанность руководить военными дѣйствіями; эти дураки дали батареѣ приказаніе открыть огонь; это было исполнено. Замѣтивъ это, я подумалъ, что англійскій генералъ атаковалъ батарею и, вѣроятно, возьметъ ее, такъ какъ я не успѣлъ еще сдѣлать всѣхъ нужныхъ распоряженій, чтобы поддержать ее. Дѣйствительно, О'Гара, боясь что открытый съ батареи огонь заставитъ его войско отойти изъ Мальбуске, и что я могу овладѣть фортомъ, командовавшимъ надъ рейдомъ, рѣшился атаковать меня. Онъ сдѣлалъ вылазку и овладѣлъ батареей и линіями окоповъ, возведенными мною слѣва. (Тутъ Наполеонъ набросалъ на бумажкѣ планъ расположенія батарей). Правые окопы были взяты неаполитанцами. Въ то время, какъ они забивали орудія, я подошелъ, никѣмъ незамѣченный, съ тремя—четырьмя стами гренадеръ, пройдя черезъ узкій проходъ, поросшій оливковыми деревьями, примыкавшій къ батареѣ, и открылъ страшный огонь по войскамъ О'Гара. Изумленные англичане думали въ первый моментъ, что неаполитанцы, занимавшіе окопы справа, приняли ихъ за французовъ и стали кричать: „Эти канальи неаполитанцы стрѣляютъ въ насъ (въ то время англійскіе солдаты относились къ неаполитанцамъ съ величайшимъ презрѣніемъ). О'Гара вышелъ изъ батареи и направился къ намъ. Онъ былъ раненъ однимъ сержантомъ въ руку; такъ какъ я стоялъ у входа въ траншеи, то я его схватилъ за одежду и толкнулъ въ толпу моихъ солдатъ; я думалъ, что это полковникъ. Когда его уводили, онъ воскликнулъ, что онъ главнокомандующій англійскихъ войскъ. Онъ думалъ, что его убьютъ, такъ какъ Конвентъ приказалъ не щадить

англичанъ. Я подбѣжалъ къ нему и не позволилъ солдатамъ обижать его. Онъ очень плохо говорилъ по-французски; видя, что онъ думаетъ, что его убьютъ, я всячески старался его успокоить, я приказалъ тотчасъ сдѣлать ему перевязку и оказывать ему всевозможное уваженіе".

„Неаполитанцы, продолжалъ Наполеонъ, величайшіе канальи въ мірѣ. Мюратъ погубилъ меня, пойдя съ ними противъ австрійцевъ. Когда объ этомъ узналъ старикъ Фердинандъ, онъ расхохотался и сказалъ, на своемъ жаргонѣ, что неаполитанцы будутъ служить Мюрату такъ же, какъ они служили ему, когда Шампіоне, съ десятью тысячами французовъ разсѣялъ ихъ сто тысячъ, какъ барановъ. Я запретилъ Мюрату дѣйствовать; такъ какъ по возвращеніи моемъ съ острова Эльбы, между мною и... было рѣшено, что если я уступлю ему Италію, *то онъ не примкнетъ къ коалиціи противъ меня.* Я это обѣщалъ и сдержалъ бы слово, но нелѣпый Мюратъ, несмотря на данное мною приказаніе, пошелъ въ Италію со своей канальей, гдѣ его разбили въ пухъ и прахъ. Этимъ были разрушены всѣ мои планы и договоры. Мюратъ дважды измѣнялъ мнѣ и разорялъ меня. Первый разъ, когда онъ бросилъ меня и присоединился съ шестьюдесятью тысячами къ союзникамъ, заставивъ меня этимъ держать въ Италіи тридцать тысячъ человѣкъ, которые мнѣ были такъ нужны въ иномъ мѣстѣ. Не сдѣлай Мюратъ этого рискованнаго шага, русскіе бы отступили, такъ какъ они не хотѣли идти далѣе, если бы Австрія не примкнула къ коалиціи; англичане остались бы одни и охотно согласились бы заключить со мною миръ". Наполеонъ присовокупилъ, что онъ всегда былъ не прочь заключить миръ съ Англіей.

„Пусть ваши министры говорятъ, что хотятъ, сказалъ онъ, я всегда былъ готовъ заключить миръ. Въ то время какъ умеръ Фоксъ, все предвѣщало повидимому скорое заключеніе мира. Будь лордъ Лаудердаль болѣе чистосердеченъ, миръ и былъ бы заключенъ, за два мѣсяца до начала прусской кампаніи я велѣлъ передать ему, что ему слѣдовало склонить своихъ соотечественниковъ къ заключенію мира со мною, такъ какъ я черезъ два мѣсяца овладѣлъ Пруссіей, ибо хотя Пруссія, въ союзѣ съ Россіей, могла противустоять мнѣ, но она одна не была въ состояніи этого сдѣлать; русскіе могли подойти не ранѣе какъ черезъ три мѣсяца, а мнѣ было извѣстно, что пруссаки намѣревались защищать Берлинъ, вмѣсто того, чтобы отступить, въ ожиданіи подкрѣпленій изъ Россіи; въ такомъ случаѣ я уничтожилъ бы ихъ армію и взялъ бы Берлинъ раньше, чѣмъ могли подойти русскіе; затѣмъ, безъ труда я могъ разбить послѣднихъ. Потому я совѣтовалъ лорду Лаудердалю вос-

пользоваться моимъ предложеніемъ и заключить со мною миръ ранѣе, нежели пруссаки, которые были лучшими друзьями Англіи на континентѣ, не были разбиты. Я думаю, что послѣ этого сообщенія, онъ дѣйствовалъ искренно и писалъ вашимъ министрамъ совѣтуя имъ заключить миръ, но они не согласились на это, полагая, что у короля прусскаго было сто тысячъ челолѣкъ, что я могъ понести пораженіе, и что это будетъ началомъ моей гибели. Возможно: иной разъ одно сраженіе рѣшаетъ все; нерѣдко случается, что на исходъ сраженія вліяютъ самыя пустяшныя обстоятельства. Но событія показали, что я не ошибся: я одержалъ побѣду при Іенѣ, и Пруссія была въ моихъ рукахъ. Послѣ Тильзита и Эрфурта, вашимъ министрамъ было послано за подписью моей и Императора Александра письмо, съ предложеніемъ заключить миръ съ Англіей; но они не пожелали принять и это предложеніе“.

Наполеонъ показалъ доктору слѣды двухъ ранъ, изъ нихъ одна оставила глубокій шрамъ подъ лѣвымъ колѣномъ; она была получена имъ, во время перваго италіанскаго похода. Хирурги считали ее вначалѣ столь серьезной, что думали произвести ампутацію ноги. Будучи раненъ, Наполеонъ, по его словамъ, всегда держалъ это въ тайнѣ, чтобы не обезкураживать своихъ солдатъ. Вторая рана, полученная имъ при Экмюлѣ, была на большомъ пальцѣ ноги.

„При осадѣ Акра, къ моимъ ногамъ упала бомба, брошенная Сиднеемъ Смитомъ, разсказывалъ Наполеонъ. Два солдата, стоявшіе подлѣ меня, схватили меня и крѣпко обняли, одинъ спереди, другой сзади и защитили меня своимъ тѣломъ отъ бомбы, которая разорвалась и обдала насъ пылью. Мы упали всѣ трое въ воронку, которую она образовала; одинъ изъ солдатъ былъ раненъ. Я произвелъ обоихъ солдатъ въ офицеры. Одинъ изъ нихъ потерялъ впослѣдствіи ногу подъ Москвою, и былъ комендантомъ Венсена, когда я уѣхалъ изъ Парижа. Когда русскіе потребовали отъ него сдачи крѣпости, онъ отвѣтилъ, что онъ сдастъ ее тогда, когда они возвратятъ ему ногу, потерянную имъ подъ Москвою“ [1]).

„Нѣсколько разъ въ жизни, продолжалъ императоръ, я былъ обязанъ спасеніемъ солдатамъ и офицерамъ, которые бросались впередъ, когда мнѣ угрожала неминуемая опасность. Когда я шелъ на Аркольскій мостъ, мой адъютантъ, полковникъ Мюнронъ кинулся впередъ и защитилъ меня своимъ тѣломъ; онъ былъ раненъ вмѣсто меня, и упалъ замертво къ моимъ ногамъ; его кровь брызнула мнѣ

---

[1]) Рѣчь идетъ о генералѣ Доменилѣ (Daumesnil).

въ лицо. Онъ пожертвовалъ жизнью, чтобы спасти меня. Я думаю, никто не видѣлъ столько преданности со стороны солдатъ, какъ я. Несмотря на всѣ превратности судьбы, ни одинъ солдатъ, умирая, не жаловался на меня. Истекая кровью, они восклицали: *да здравствуетъ Императоръ!*".

Однажды разговоръ зашелъ объ Аустерлицкомъ сраженіи. Наполеонъ замѣтилъ, что король прусскій до сраженія примкнулъ къ коалиціи противъ него.

„Объ этомъ сообщилъ мнѣ Гаугвицъ, сказалъ онъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совѣтывалъ мнѣ заключить миръ. На это я отвѣтилъ: Исходъ предстоящаго сраженія рѣшитъ все. Я надѣюсь выиграть его, и, въ такомъ случаѣ, я предпишу миръ, сообразный моимъ видамъ. Въ настоящую минуту я не буду ничего слушать".

„Событія вполнѣ оправдали мое ожиданіе; я одержалъ столь рѣшительную побѣду, что я имѣлъ возможность поставить условія, какія мнѣ были желательны". Гаугвицъ думалъ, что Пруссія никогда не будетъ играть первой роли (giocare il primo ruolo) въ дѣлахъ континента; что это второстепенная держава, и что она должна и дѣйствовать какъ таковая. Если бы я понесъ пораженіе, то я надѣялся, что Пруссія не примкнетъ открыто къ союзникамъ, такъ какъ въ ея интересахъ было естественно заботиться о сохраненіи равновѣсія въ Европѣ, а этого не могло бы быть, если бы она присоединилась къ державамъ, кои усилились бы вслѣдствіе моего пораженія. При томъ, сейчасъ возникли бы зависть и подозрительность, и союзники не имѣли бы довѣрія къ королю прусскому, который измѣнилъ имъ".

„Я отдалъ Ганноверъ пруссакамъ, продолжалъ онъ, чтобы поссорить ихъ съ Англіей и вызвать войну, которая закрыла бы для нея континентъ. Король прусскій былъ настолько простодушенъ, чтобы повѣрить, что онъ могъ сохранить эту провинцію и остаться въ мирѣ съ Англіей. Затѣмъ, онъ, какъ безумный, объявилъ мнѣ войну, подстрекаемый къ тому королевой, принцемъ Лудвигомъ и массой молодыхъ людей, убѣдившихъ его въ томъ, что Пруссія достаточно сильна, даже безъ помощи Россіи. Онъ скоро тяжкимъ опытомъ убѣдился въ противномъ".

На вопросъ, что бы онъ сдѣлалъ, если бы король Прусскій присоединился со своей арміей къ войскамъ союзниковъ, до Аустерлицкаго сраженія, Наполеонъ отвѣтилъ: „О, это совершенно измѣнило бы дѣло".

Онъ хвалилъ короля Саксонскаго, говоря, что это человѣкъ въ высокой степени храбрый, превозносилъ короля Баварскаго за его

доброту и искренность; про короля Виртембергскаго замѣтилъ, что онъ способенъ, но характера тяжелаго.

„Александръ и король Виртембергскій люди въ высшей степени способные“, сказалъ онъ.

О своемъ братѣ, Іосифѣ, онъ отозвался какъ о человѣкѣ прекраснаго характера. „Его добродѣтели и таланты пригодны для частной жизни, къ которой онъ предназначенъ природой. Онъ слишкомъ добръ, чтобы быть великимъ человѣкомъ, у него нѣтъ ни малѣйшаго честолюбія. Онъ очень похожъ на меня наружностью, но гораздо красивѣе меня, очень образованъ, но это не то, что нужно монарху, онъ также не въ состояніи командовать арміей“.

Затѣмъ онъ охарактеризовалъ Моро и другихъ генераловъ.

„Моро, сказалъ онъ, прекрасный дивизіонный генералъ, но не способенъ командовать большимъ отрядомъ. Имѣя сто тысячъ человѣкъ, Моро разбросалъ бы свою армію въ разные пункты, усѣялъ бы дороги солдатами и достигъ бы не болѣе того, что онъ могъ бы сдѣлать съ тридцатью тысячами. Онъ не умѣлъ пользоваться ни численностью своихъ войскъ, ни позиціей. Спокойный и хладнокровный во время сраженія, онъ былъ скорѣе способенъ командовать войскомъ въ пылу сраженія, нежели составить предварительную диспозицію. Его часто видѣли на полѣ битвы курящимъ трубку. Моро былъ не злой отъ природы; онъ былъ весельчакъ. Но у него не было характера. Имъ вертѣла жена и другая креолка, его невѣстка. Участіе, принятое имъ, вмѣстѣ съ Пишегрю и Жоржемъ, въ заговорѣ и конецъ его карьеры, когда онъ сражался противъ своей родины, обезчестили его на вѣки. Какъ генералъ, Моро былъ несравненно ниже Дезэ, Клебера и даже Сульта. Изо всѣхъ генераловъ, бывшихъ подъ моей командою, способнѣе всѣхъ были Дезэ и Клеберъ, въ особенности Дезэ; Клеберъ любилъ славу постолько, посколько она доставляла ему богатства и утѣхи. Дезэ, напротивъ, любилъ славу самое по себѣ и презиралъ все остальное. Онъ только и мечталъ о войнѣ и славѣ. Богатство и удовольствія были для него ничто; онъ даже не думалъ о нихъ. Это былъ маленькій человѣчекъ, мрачной наружности, ростомъ чуть меньше меня, одѣтый всегда небрежно; иногда даже въ рваной одеждѣ. Онъ презиралъ удовольствія и удобства жизни. Нѣсколько разъ, въ Египтѣ, я дарилъ ему полное походное снаряженіе, но онъ тотчасъ все растеривалъ. Завернувшись въ плащъ, онъ ложился на лафетъ и спалъ такъ же хорошо, какъ на перинѣ. Комфортъ не имѣлъ въ его глазахъ никакой цѣны. Онъ былъ прямъ и честенъ во всѣхъ своихъ поступкахъ; арабы прозвали его *справедливый султанъ*. Природа

надѣлила его качествами выдающагося генерала. Потеря Клебера и Дезэ была незамѣнима для Франціи. Если бы Клеберъ былъ живъ, англійская армія погибла бы въ Египтѣ".

„Ланнъ, въ то время какъ я познакомился съ нимъ, былъ un ignorantaccio (невѣжда). Онъ былъ очень плохо образованъ. Впослѣдствіи онъ выработался; изъ него вышелъ бы первоклассный опытный боевой генералъ. Онъ участвовалъ въ пятидесяти отдѣльныхъ сраженіяхъ и во ста болѣе или менѣе значительныхъ стычкахъ. Онъ обладалъ вѣрнымъ и проницательнымъ взглядомъ, и умѣлъ быстро воспользоваться обстоятельствами. Вспыльчивый и несдержанный въ выраженіяхъ даже въ моемъ присутствіи, онъ былъ мнѣ очень преданъ. Въ порывѣ гнѣва, онъ никому не позволялъ дѣлать ему замѣчанія; когда онъ былъ озлобленъ, не всегда можно было даже говорить съ нимъ. Какъ генералъ, онъ стоялъ несравненно ниже Массены и Сульта".

„Массена былъ человѣкъ выдающихся способностей. Тѣмъ не менѣе его диспозиціи передъ сраженіемъ были обыкновенно никуда не годны, но когда вокругъ него начинали падать люди, тогда онъ начиналъ дѣйствовать съ той разсудительностью, какую ему слѣдовало обнаружить съ самаго начала. Окруженный мертвыми и умирающими, осыпаемый градомъ пуль, которыя сметали вокругъ него все, Массена оставался всегда самимъ собою. Онъ отдавалъ приказанія и дѣлалъ диспозиціи съ величайшимъ хладнокровіемъ и величайшей разсудительностью. Вотъ la vera nobilita di sangue. Про него говорили, что онъ начиналъ дѣйствовать осмотрительно только тогда, когда было видно, что исходъ сраженія будетъ для него неблагопріятенъ, и это правда. Онъ былъ большой мошенникъ, вступалъ постоянно въ сдѣлки съ поставщиками и комиссіонерами арміи. Я говорилъ ему нѣсколько разъ, что если онъ броситъ свои постыдныя спекуляціи, то я подарю ему 900 тысячъ франковъ или милліонъ; но онъ такъ къ этому привыкъ, что не могъ не вмѣшиваться въ эти грязныя денежныя дѣла. Солдаты ненавидѣли его за это и нѣсколько разъ бунтовали противъ него. И все-таки, по тогдашнимъ обстоятельствамъ это былъ неоцѣнимый человѣкъ".

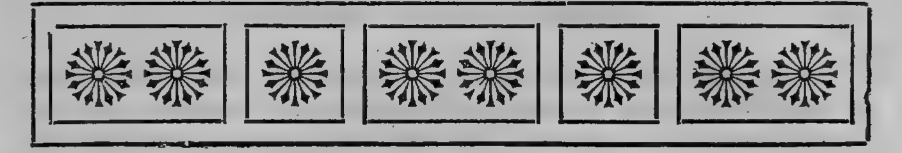
„Пишегрю былъ репетиторомъ въ Бріеннѣ и преподавалъ мнѣ математику, когда мнѣ было десять лѣтъ. Онъ отлично зналъ эту науку. Какъ генералъ, Пишегрю — человѣкъ выдающихся дарованій, несравненно выше Моро, хотя онъ не сдѣлалъ ничего особенно замѣчательнаго".

На просьбу высказать свое мнѣніе объ Императорѣ Александрѣ, Наполеонъ сказалъ:

„Онъ былъ одаренъ болѣе богато, нежели оба его союзника. Онъ пылокъ, честолюбивъ, любитъ быть популярнымъ. Его слабость— считать себя знающимъ военное дѣло, самое пріятное для него— это слышать себѣ похвалу въ этомъ отношеніи, хотя всѣ военныя дѣйствія, коими онъ руководилъ самъ, считаются ошибочными и неудачными. Въ Тильзитѣ, Александръ и король прусскій были поглощены разговорами о новой формѣ для гусаръ и драгунъ; они пресерьезно обсуждали вопросъ о томъ, къ какой пуговицѣ долженъ быть прицѣпленъ орденъ. Мы ежедневно катались всѣ трое вмѣстѣ; Императору Александру и мнѣ часто случалось пустить лошадь въ галопъ и оставить короля прусскаго далеко позади насъ“.

Сообщ. В. Тимощукъ.

Страницы изъ годовъ моей жизни.

После ухода Өеоктистова въ 1896 г. нѣсколько мѣсяцевъ продолжалось междуцарствіе. Газеты указывали на многихъ кандидатовъ и между прочимъ на Адикаевскаго, всегдашняго аспиранта на должность начальника главнаго управленія по дѣламъ печати. Рядили и гадали до тѣхъ поръ, пока не узнали, что на этотъ важный постъ назначенъ никому неизвѣстный дѣлопроизводитель военнаго министерства и бывшій адвокатъ нѣкій Соловьевъ.

Неожиданное назначеніе это поразило всѣхъ какъ громомъ. Откуда взялся онъ и какія имѣетъ данныя, чтобы стать во главѣ учрежденія, блюдущаго за направленіемъ всероссійской прессы? Вскорѣ стало всѣмъ извѣстно, что этотъ дѣлопроизводитель креатура всемогущаго оберъ-прокурора Св. Синода Побѣдоносцева, и что назначеніе его послѣдовало по протекціи и указанію послѣдняго. Выяснилось между прочимъ и то, что Соловьевъ заслужилъ благорасположеніе своего высокаго покровителя тѣмъ, что онъ, будучи талантливымъ художникомъ-миніатюристомъ, угодилъ ему рисунками своими и заставками въ византійскомъ стилѣ къ тексту Священнаго Писанія, за что тотъ и обѣщалъ ему первое видное мѣсто по министерству внутреннихъ дѣлъ, а такъ какъ не знали тогда кого назначить на открывшуюся вакансію начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, то долго не размышляя, и назначили на этотъ постъ этого иллюстратора духовныхъ изданій. Ходила кромѣ того по Петербургу цѣлая легенда по поводу этого необычайнаго назначенія. Разсказывали, напримѣръ, что оно было результатомъ переговоровъ по телефону Побѣдоносцева съ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, акціи котораго сильно пошатнулись при Дворѣ. Первый обѣщалъ устроить послѣднему милостивую аудіенцію подъ

условіемъ назначенія любезнаго ему кандидата. Отъ какихъ, подумаешь, случайныхъ чиновничьихъ комбинацій зависитъ подчасъ многое сюрпризное на Руси! Но чтобъ не слишкомъ кидалось въ глаза такое экстраординарное назначеніе и такой чрезвычайный служебный скачекъ—отъ дѣлопроизводителя на должность III-го класса съ правами товарища министра, придумали назначить Соловьева сверхштатнымъ членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, исправляющимъ обязанности начальника этого управленія, подъ каковымъ титуломъ онъ и пребывалъ во все время своего начальствованія, вплоть до увольненія и назначенія своего въ члены совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, что воспослѣдовало въ 1900 г.

Принявъ за правило какъ можно рѣже мозолить собой свѣтлыя очи начальства, я подносилъ себя въ Петербургъ только въ тѣхъ экстраординарныхъ случаяхъ, когда оно мѣнялось. Въ такихъ случаяхъ, я считалъ своею обязанностью воспользоваться предоставленнымъ мнѣ правомъ начальника отдѣльной части совершать паломничество въ сѣверную Пальмиру, какъ для того, чтобы себя показать тому, отъ котораго я буду зависѣть, такъ и посмотрѣть на него самаго, а главное—узнать его взглядъ на наше гибкое и неустойчивое дѣло. Воспользовавшись поэтому назначеніемъ новаго начальника, а вмѣстѣ съ тѣмъ желая побывать на бывшихъ въ 1896 г. двухъ выставкахъ—всемірной въ Берлинѣ и всероссійской въ Нижнемъ-Новгородѣ,—я взялъ отпускъ и послѣ совершенія заграничнаго путешествія, прибылъ въ Петербургъ и явился къ своему новому принципалу.

Еще не видя и не слыша его, я по настроенію въ канцеляріи главнаго управленія и по разсѣяннымъ и отрывочнымъ фразамъ управляющаго ею Адикаевскаго, а главное по его походкѣ, безъ труда догадался, что курсъ у нихъ стоитъ на пониженіи. Всегда развязный, не въ мѣру краснобайствующій, наставительно тонирующій и ходившій съ развалецомъ при прежнихъ начальникахъ и особенно при Ѳеоктистовѣ, Адикаевскій сталъ теперь неузнаваемъ. Куда дѣвалось былое орлиное величіе его! „Да это не Иванъ Петровичъ", пишетъ Гоголь о правителѣ канцеляріи въ своихъ „Мертвахъ душахъ", говоришь, глядя на него: Иванъ Петровичъ выше ростомъ, а этотъ низенькій и худенькій; тотъ говоритъ громко, баситъ и никогда не смѣется, а этотъ чортъ знаетъ что: пищитъ птицей и все смѣется. Подходишь ближе глядишь—точно Иванъ Петровичъ! Эхе-хе! думаешь себѣ"... Эхе-хе! подумалъ и я себѣ, глядя на нашего Василія Семеновича, да это уже не тотъ Прометей, который былъ въ послѣдній мой пріѣздъ! Когда бывало этотъ верт-

лявый звѣздоносецъ въ накладкѣ летаетъ по канцеляріи словно на лыжахъ, это было вѣрнымъ признакомъ для меня, что тамъ, за притворенной дверью недосягаемаго святилища, у завѣтнаго письменнаго стола, не забранная имъ въ лапы и не подпавшая подъ его вліяніе фигура, и наоборотъ, если онъ фордыбачился и заносился, то это означало, что онъ властвуетъ во всю, и что начальникъ пляшетъ по его дудкѣ. Не знаю какъ для другихъ, но для меня, рѣдко наѣзжавшаго и вступавшаго въ верховное судилище наше на Театральной улицѣ, нашъ неувядаемый и безсмѣнный вершитель былъ всегда точнѣйшимъ барометромъ господствующаго въ извѣстный моментъ настроенія въ высшихъ сферахъ и, глядя на его maniére d'être, я почти безошибочно могъ опредѣлить степень силы давленія въ этихъ сферахъ. Разговоръ нашъ съ нимъ начинался обыкновенно такъ:

— Что скажете и какая цѣль вашего прибытія?

— Пріѣхалъ представиться новому начальнику и узнать какого мы должны теперь держаться направленія.

— Какое тамъ направленіе! Оно все то же, что было и какъ будетъ: запрещайте и запрещайте—вотъ вамъ и все направленіе!

И вслѣдъ за симъ онъ, по обыкновенію своему, начиналъ словно заведенный будильникъ трещать разную белиберду, не имѣющую никакого значенія и не примѣнимую къ дѣлу, а я терпѣливо выслушивалъ канцелярскія наставленія его до момента появленія въ дверяхъ дежурнаго курьера отъ начальника съ приглашеніемъ пожаловать къ нему. Такъ оно было и на сей разъ.

Войдя въ достопамятный начальническій кабинетъ и взглянувъ на поднявшуюся мнѣ навстрѣчу высокую фигуру новаго начальника, я прежде всего поразился его наружностью. Мнѣ тотчасъ припомнился Р—ій, очень мѣтко опредѣлившій наружность Соловьева.

И въ самомъ дѣлѣ—вся наружность покойнаго Соловьева не выражала ничего привлекательнаго: коротко остриженный, сѣдой, весь бритый, съ сумрачно поглядывавшими косыми глазами, онъ производилъ скорѣе отталкивающее впечатлѣніе, хотя въ манерѣ говорить и обращеніи его не было ничего грознаго и суроваго. Его косой глазъ далъ поводъ Черниговцу сказать въ эпиграммѣ на него:

Не составляетъ и вопроса
Что на печать онъ смотритъ косо!

Пригласивъ меня сѣсть и задавъ мнѣ нѣсколько банальныхъ вопросовъ о положеніи цензурнаго дѣла въ Одессѣ, онъ вдругъ обратился ко мнѣ съ неожиданнымъ вопросомъ, какъ я предполагаю

ѣхать въ Одессу обратно—прямо изъ Петербурга, или черезъ Москву? На отвѣтъ мой, что я имѣю намѣренье проѣхать черезъ Москву, чтобы побывать на всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ, онъ, словно обрадовавшись, сказалъ мнѣ:

— И прекрасно! Я хочу поручить вамъ передать кое-что московскому цензурному комитету отъ моего имени.

— Слушаюсь,—говорю и напрягаю свое вниманіе, чтобы должнымъ образомъ уразумѣть и выслушать начальническое приказаніе.

— Скажите имъ тамъ, пожалуйста, чтобы они ничего не пропускали браннаго о тещахъ.—Это подрываетъ семейные устои и вообще не годится... Такъ имъ и скажите отъ меня.

Я думалъ, что я ослышался, и когда онъ замѣтилъ, что физіономія моя выражаетъ полное недоумѣніе, онъ еще разъ повторилъ:

— Такъ и скажите, чтобы о тещахъ ничего дурного не пропускали.

Когда, ошеломленный слышаннымъ, я вышелъ отъ него въ пріемную, мнѣ навстрѣчу попался мой хорошій пріятель И. М. Литвиновъ, занимавшій тогда должность цензора драматическихъ сочиненій.

— Ну что, какъ понравился вамъ нашъ новый принципалъ? спросилъ онъ меня, замѣтя вѣроятно мою смущенную физіономію, и когда я ему передалъ про порученіе о тещахъ, онъ комически схватился за голову и воскликнулъ:

— Батюшки! А я вчера еще пропустилъ французамъ въ Михайловскій театръ цѣлыхъ двѣ пьесы, гдѣ тещъ раздѣлываютъ подъ орѣхъ! Да, батенька, добавилъ онъ,—такихъ экземпляровъ у Побѣдоносцева въ запасной кладовой его имѣется еще не мало..

Что оставалось мнѣ дѣлать? Пріѣзжаю въ Москву и преподношу порученное мнѣ Соловьевымъ тогдашнему предсѣдателю цензурнаго комитета, тайному совѣтнику Веніамину Яковлевичу Ѳедорову, человѣку, весь вѣкъ свой прослужившему въ вѣдомствѣ цензуры и, можно сказать, съѣвшему собаку въ этомъ дѣлѣ.

— Да вы, А. Е., не шутите? спрашиваетъ онъ меня, нахмуривъ брови.

— Наисеріознѣйшимъ образомъ заявляю вамъ объ этомъ, В. Я., отвѣчаю, а самъ думаю: ну, какъ Соловьевъ откажется потомъ отъ своихъ словъ, и я въ дуракахъ останусь!..

— Въ такомъ случаѣ пожалуйте къ намъ завтра въ комитетъ—кстати засѣданіе у насъ назначено на завтра—и заявите намъ объ этомъ оффиціально.

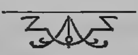
Въ назначенный на другой день часъ являюсь—nolens-volens—въ московскій цензурный комитетъ и тамъ, послѣ того, что Ѳедо-

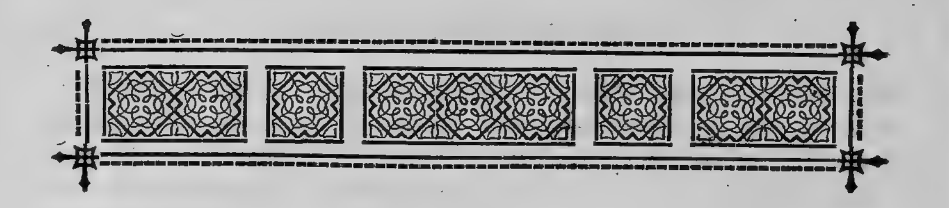
ровъ перезнакомилъ меня съ членами онаго и усадилъ подлѣ себя, торжественно, по его приглашенію, заявляю о возложенномъ на меня высшею властью нашею порученіи. Нечего и говорить, что эффектъ моего заявленія былъ сногсшибательный: болѣе сдержанные изъ г.г. цензоровъ уткнулись носомъ въ столъ, желая скрыть душившій ихъ смѣхъ, а другіе, болѣе экспансивные въ проявленіи своихъ чувствъ, въ томъ числѣ и будущій начальникъ нашъ князь Шаховской, сидѣвшій послѣднимъ за столомъ засѣданій, безцеремонно разразились гомерическимъ смѣхомъ. Одинъ только почтенный предсѣдатель комитета сохранилъ полное самообладаніе и, давъ утихнуть волненію, пресеріознѣйшимъ образомъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ну, а на счетъ тестей вамъ ничего не было поручено передать намъ?..

Исполнивъ съ полною добросовѣстностью мою миссію, я уѣхалъ изъ Москвы. Долженъ, однако, по правдѣ сказать, что меня неотвязчиво преслѣдовала все та же мысль—что, если Соловьевъ да откажется отъ своихъ словъ? и я внутренно бранилъ себя, что не заручился отъ него письменнымъ документомъ на этотъ счетъ. Вскорѣ однако я получилъ вполнѣ успокоившее меня письмо отъ двоюроднаго брата моего, московскаго цензора Н. В. Егорова, о которомъ я уже говорилъ по поводу исторіи его съ кн. Вяземскимъ. Онъ писалъ мнѣ, что порученіе мое о тещахъ произвело фуроръ во всѣхъ образованныхъ слояхъ общества, особенно въ кругу пишущей московской братіи: вездѣ разсказывали о проѣзжемъ одесскомъ цензорѣ, привезшемъ такой раритетъ изъ Петербурга. По счастью вскорѣ послѣ того пріѣхалъ въ Москву и самъ Соловьевъ, повторившій дословно комитету сказанныя мною слова, и, такимъ образомъ, всякое сомнѣніе на счетъ вѣрности передачи его мысли благополучно для меня подтвердилось.

Анатолій Егоровъ.

Николай Михайловичъ Пржевальскій.

(Родился 31 марта 1839 г., умеръ 20 октября 1888 г.).

Непремѣнный секретарь Императорской Академіи Наукъ К. С. Веселовскій, въ засѣданіи Академіи 29 декабря 1886 года, въ торжественной рѣчи, между прочимъ, сказалъ: ...„Есть счастливыя имена, которыя довольно произнести, чтобы возбудить въ слушателяхъ представленіе о чемъ-то великомъ и общеизвѣстномъ. Таково имя Пржевальскаго... Имя Пржевальскаго будетъ отнынѣ синонимомъ безстрашія и энергіи въ борьбѣ съ природою и людьми и беззавѣтной преданности наукѣ“...

„Гордиться заслугами предковъ пріятно и составляетъ нравственную обязанность потомковъ, пишетъ другой непремѣнный секретарь Академіи Наукъ, Н. Ѳ. Дубровинъ [1]), но переносить ихъ заслуги на себя, прикрываться ихъ блескомъ — едва-ли справедливо. Когда однажды, въ присутствіи Наполеона, многіе маршалы стали хвастаться своею родовитостью, Ней сказалъ: „у меня нѣтъ знаменитыхъ предковъ, *но я самъ буду хорошимъ предкомъ*“. То же самое могъ сказать и Николай Михайловичъ, личныя заслуги котораго были поводомъ къ разъясненію происхожденія рода Пржевальскихъ“.

Пржевальскіе ведутъ свой родъ отъ запорожскаго казака Карнилы Анисимовича Паровальскаго, поступившаго въ польскую службу и принявшаго впослѣдствіи фамилію Пржевальскаго. Въ красномъ полѣ дворянскаго герба, пожалованнаго Стефаномъ Баторіемъ въ 1581 году ротмистру казачьихъ войскъ Карнилѣ Пржевальскому,

---

[1]) Н. М. Пржевальскій. Біографическій очеркъ. С.-Петербургъ. 1890.

изображенъ натянутый лукъ съ направленною вверхъ стрѣлою, а въ шлемѣ три страусовыхъ пера.

Дѣдъ [1]) Николая Михайловича воспитывался въ іезуитской школѣ въ Полоцкѣ, но до окончанія курса бѣжалъ изъ училища и перешелъ въ православіе, принявъ имя Кузьмы Ѳомича. Единственный сынъ этого послѣдняго, Михаилъ Кузьмичъ, женившійся на дочери помѣщика Смоленской губерніи, Еленѣ Алексѣевнѣ Каретниковой—есть отецъ Николая Михайловича. Михаилъ Кузьмичъ, будучи слабаго здоровья, оставилъ военную службу въ чинѣ поручика и вскорѣ послѣ женитьбы основался на житье въ той же Смоленской губерніи и уѣздѣ, въ имѣніи „Отрадномъ", рядомъ съ родовымъ гнѣздомъ своей жены. Въ Отрадномъ Николай Михайловичъ провелъ годы самой ранней молодости.

Михаилъ Кузьмичъ скончался на 42 году жизни, когда его старшему сыну Николаю—впослѣдствіи знаменитому путешественнику, было всего семь лѣтъ. Оставшись вдовою въ молодые годы, Елена Алексѣевна принялась сама за воспитаніе дѣтей и хозяйство. У Николая Михайловича было двое братьевъ, Владиміръ и Евгеній [2]). Дѣти пользовались большой, разумной свободой. „Росъ я въ деревнѣ дикаремъ, говоритъ Николай Михайловичъ; воспитаніе было самое спартанское; я могъ выходить изъ дому во всякую погоду".

Съ раннихъ лѣтъ дѣтей стали учить грамотѣ: Николаю Михайловичу было четыре—пять лѣтъ, когда, 1-го декабря, „въ память св. пророка Наума, чтобы наука шла на умъ", посадили его за первый урокъ. Братъ Владиміръ прислушивался къ урокамъ Николая и четырехъ лѣтъ уже выучился читать; тогда рѣшили учить ихъ вмѣстѣ, и оба брата не разлучались до окончанія гимназическаго курса.

Блестящія способности и феноменальная память скоро сдѣлали Николая Михайловича однимъ изъ первыхъ учениковъ Смоленской гимназіи. Съ наступленіемъ каникулъ и съ возвращеніемъ въ Отрадное, оба брата помѣщались съ дядею Павломъ Алексѣевичемъ,—ихъ первымъ воспитателемъ и другомъ—въ отдѣльномъ флигелѣ.

---

[1]) Пра-пра-пра-прадѣдъ, Григорій Корниловичъ, пра-пра-прадѣдъ, Лаврентій Григорьевичъ, пра-прадѣдъ, Мартынъ Лаврентьевичъ и прадѣдъ, Ѳома Мартыновичъ, ничѣмъ особеннымъ себя не заявили, и кто изъ нихъ и когда принялъ католичество—неизвѣстно.

[2]) В. М. Пржевальскій впослѣдствіи талантливый юристъ и выдающійся присяжный повѣренный; умеръ въ 1900-мъ году. Нынѣ здравствующій, генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ, Е. М. Пржевальскій около сорока лѣтъ состоялъ преподавателемъ математики и механики въ Александровскомъ военномъ училищѣ, въ Москвѣ.

Сюда приходили они только ночевать, проведя весь день или на рыбной ловлѣ, или на охотѣ. Двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ Николай Михайловичъ убилъ первую лисицу и, полный восторга, принесъ ее матери. Имѣя же всего шестнадцать лѣтъ, онъ уже окончилъ курсъ въ гимназіи и, какъ человѣкъ впечатлительный и энергичный, подъ впечатлѣніемъ геройскихъ подвиговъ защитниковъ Севастополя, рвался на войну.

Однако, какъ ни стремился Николай Михайловичъ поступить въ военную службу, какъ ни казалась она ему привлекательною, но когда приходилось отрываться отъ родного уголка, отъ того, что съ раннихъ лѣтъ было свято, дорого и мило, тогда онъ невольно почувствовалъ тоску и неизвѣстное будущее стало его безпокоить.

„Наконецъ, говоритъ Николай Михайловичъ, наступила роковая минута. Меня позвали къ матери; я вошелъ въ залъ. У большого образа теплилась лампада, а на колѣняхъ предъ нимъ, съ горячими слезами, молилась мать моя. Въ углу стояла няня, нѣсколько дворовыхъ, и всѣ плакали. „Станьте здѣсь и молитесь", обратилась ко мнѣ и брату мать. Мы молча исполнили ея приказаніе. Глубокая тишина водворилась въ комнатѣ, изрѣдка прерываемая тяжкими вздохами. Наконецъ, мать встала и взяла образъ; я подошелъ къ ней.—„Да сохранитъ тебя Господь Богъ во всей твоей жизни", сказала она и начала благословлять. Этой минуты не вынесла моя переполненная душа. Долго сдерживаемыя слезы разомъ брызнули изъ глазъ, и я зарыдалъ какъ ребенокъ"...

Служба въ полку велась очень плохо, никто и ничего не дѣлалъ. На юнкеровъ не обращали вниманія, но съ солдатами обращались жестоко. Офицеры вели жизнь разгульную и проводили время среди картъ и пьянства. Поступившему въ полкъ новичку трудно было не поддаться общему теченію, но если ему это удавалось, то онъ заслуживалъ общее уваженіе среди товарищей-пьяницъ. Такъ Николай Михайловичъ разсказываетъ объ одномъ изъ своихъ ротныхъ командировъ, который заставлялъ его пить, но получивъ отказъ говорилъ:

— Изъ тебя, братъ, прокъ будетъ.

— Онъ не нашъ, говорили другіе офицеры—а только среди насъ.

„Прослуживъ пять лѣтъ въ арміи, пишетъ Пржевальскій, потаскавшись въ караулъ и по всевозможнымъ гауптвахтамъ и на стрѣльбу со взводомъ, я, наконецъ, ясно сознаґъ необходимость измѣнить подобный образъ жизни и избрать болѣе обширное поприще дѣятельности, гдѣ бы можно было тратить трудъ и время для разумной цѣли. Однако, эти пять лѣтъ не пропали для меня даромъ.

Не говоря уже о томъ, что они измѣнили мой возрастъ съ 17 на 22 года, и что въ продолженіе этого періода въ моихъ понятіяхъ и взглядѣ на жизнь произошла огромная перемѣна,—я хорошо понялъ и изучилъ то общество, въ которомъ находился".

Тогда же онъ рѣшилъ избрать другой путь, болѣе правильный, и поступить въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Усиленно готовясь къ экзамену, но въ то же время не желая лишить себя самаго высокаго удовольствія, Николай Михайловичъ отправлялся на охоту, проводя все свободное время въ окрестности Кременца.

„Великолѣпная панорама, говоритъ Пржевальскій, представлялась съ вершины этихъ горъ, когда весною, во время разлива, всѣ низменности около рѣки были покрыты водою... Когда я отправился на горы полюбоваться оттуда на весенній разливъ, и когда предо мною, какъ широкое зеркало, открылась затопленная версты на двѣ въ ширину долина, теряющаяся въ безконечной дали, тогда невольный трепетъ пробѣжалъ по моимъ нервамъ, и это былъ трепетъ безотчетнаго восторга. Великолѣпіе картины еще болѣе дополняло заходившее солнце, блѣдные лучи котораго отражались на свѣтлой поверхности водъ".

Въ маѣ 1863 года, съ началомъ польскаго возстанія, всѣмъ офицерамъ старшаго курса въ академіи было предложено, что если кто изъ нихъ желаетъ, не ѣздивши на съемку, отправиться въ Польшу, тотъ будетъ выпущенъ на льготныхъ основаніяхъ, съ правами второго разряда. Въ числѣ первыхъ желающихъ былъ и Пржевальскій, рѣшившійся возвратиться въ свой полкъ. Въ іюлѣ 1863 года онъ былъ произведенъ въ поручики и назначенъ полковымъ адъютантомъ.

Пользуясь своимъ вліяніемъ на офицеровъ, Николай Михайловичъ однажды спасъ одного изъ полковыхъ товарищей отъ суда, за опрометчивую растрату послѣднимъ казенныхъ денегъ.

„Милостивые государи! писалъ Н. М. Пржевальскій; товарищъ нашъ поручикъ К., при сдачѣ должности полкового квартирмистра, оказался виновнымъ въ растратѣ... и долженъ поплатиться своею службою. Но дѣло это еще не безвозвратно, еще отъ насъ зависитъ спасти или погубить его... Неужели мы будемъ хладнокровно смотрѣть, когда товарищъ нашъ надѣнетъ солдатскую шинель и съ горькими упреками и проклятіемъ будетъ вспоминать ту минуту, когда мы сдѣлали его квартирмистромъ? Нѣтъ, мы не допустимъ этого, мы покажемъ, что общество нашего полка руководствуется иными, болѣе широкими принципами. Мы выручимъ К. Тогда каждый изъ насъ, съ полнымъ сознаніемъ величія и благородства своего поступка, можетъ съ гордостью сказать: „я спасъ своего товарища; я сдѣлалъ святое, честное дѣло".

Это письмо-воззваніе спасло офицера, спасло его семью и честь полка.

Свои періодическіе отпуска Н. М. Пржевальскій неизмѣнно проводилъ въ Отрадномъ, среди любимой имъ охоты и серьезнаго изученія зоологіи и ботаники. Чѣмъ болѣе онъ углублялся въ эти занятія, тѣмъ сильнѣе имъ овладѣвала мысль о путешествіи сначала въ Африку, но затѣмъ, по зрѣломъ обсужденіи, въ Азію, командировка въ которую казалась возможной при его служебномъ положеніи. Жажда знаній могла быть удовлетворена только въ какомъ-нибудь научномъ центрѣ, и Николай Михайловичъ рѣшился съѣздить въ Варшаву, чтобы похлопотать о поступленіи въ только что открытое тогда юнкерское училище. Желаніе его исполнилось: въ Варшавѣ онъ встрѣтился съ товарищами по академіи, которые ему помогли, въ декабрѣ 1864 года, быть назначеннымъ взводнымъ офицеромъ въ училище и вмѣстѣ съ тѣмъ преподавателемъ исторіи и географіи.

Пржевальскій былъ прекрасный лекторъ: говорилъ громко, ясно и увлекалъ юнкеровъ цитированіемъ на память обширныхъ выдержекъ изъ самыхъ блестящихъ представителей науки. Система поблажки любимчиковъ у него совершенно отсутствовала. На всѣ докучливыя моленія о прибавкѣ балловъ онъ отвѣчалъ юнкерамъ: „не буду ли я вамъ, юноши, смѣшенъ и жалокъ послѣ такой уступки?... Вспомните прекрасныя слова: „я знаю одинъ народъ—человѣчество, одинъ законъ—справедливость“.

Настольными книгами Николая Михайловича были „Картины природы“ Гумбольдта, „Азія“ Риттера и другія. На пріобрѣтеніе научныхъ сочиненій по своей спеціальности онъ затрачивалъ почти всѣ свободныя деньги. Вставалъ онъ рано, ложился также не поздно, за исключеніемъ субботъ—вечеровъ, когда собирались у него товарищи, офицеры генеральнаго штаба, офицеры юнкерскаго училища, студенты естественнаго факультета, профессора. Возникавшіе вопросы и обмѣнъ мыслей по естественной исторіи оживляли Николая Михайловича; онъ всегда старался захватить иниціативу разговора и стать во главѣ бесѣдующихъ. Обнаруживая громадную начитанность, онъ въ то же время умѣлъ обобщать и подчеркивать характерныя особенности. Онъ увлекался и своею рѣчью увлекалъ другихъ. „Ваше письмо, писалъ ему одинъ изъ товарищей много лѣтъ спустя, какъ нѣкогда ваше присутствіе имѣетъ что-то такое, что будитъ душу, требуетъ оглядки. Вы были мнѣ близки, какъ человѣкъ, возлѣ котораго всегда глубже чувствовалось, шире думалось“.

Природа съ ея красотами манила къ себѣ Пржевальскаго по-

стоянно, и мысль о путешествіи воскресала въ немъ съ прежней силой. Счастье улыбнулось ему: въ 1867 году онъ ѣдетъ въ Иркутскъ и получаетъ двухлѣтнюю служебную командировку въ Уссурійскій край; сверхъ того Сибирскій отдѣлъ географическаго общества поручаетъ ему описать флору и фауну и собрать зоологическую и ботаническую коллекцію.

Въ спутники себѣ Пржевальскій взялъ въ Иркутскѣ юношу Ягунова, ученика-топографа.

Итакъ, завѣтное желаніе Николая Михайловича исполнилось. Новая обстановка произвела на него сильное впечатлѣніе, и Сибирь его поразила: — „дикость, ширь, свобода безконечно мнѣ понравились“, говоритъ Николай Михайловичъ.

Особенный интересъ и наблюденіе Пржевальскаго, теперь уже путешественника, привлекли къ себѣ картины по Амуру, тамъ, гдѣ хвойные лѣса исчезаютъ, а являются лиственные самыхъ роскошныхъ размѣровъ; гдѣ къ европейскимъ породамъ: дубу, липѣ и клену, примѣшивается грецкій орѣхъ и пробковое дерево.

„Когда я, писалъ Николай Михайловичъ, въ первый разъ видѣлъ все это, то мнѣ живо представилась картина тропическаго лѣса: эти высокоствольныя деревья съ густыми вершинами напоминали собой пальмы, а вьющійся виноградникъ—ліаны тропическаго пояса. Какъ-то странно видѣть это смѣшеніе формъ сѣвера и юга, которыя сталкиваются здѣсь какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ царствѣ. Въ особенности поражаетъ видъ ели, обвитой виноградникомъ, или пробковое дерево и грецкій орѣхъ, растущіе рядомъ съ кедромъ и пихтой. Охотничья собака отыскиваетъ вамъ медвѣдя или соболя и тутъ же рядомъ можно встрѣтить тигра, не уступающаго въ величинѣ и силѣ обитателю джунгловъ Бенгаліи. И торжественное величіе здѣшней природы не нарушается присутствіемъ человѣка, развѣ изрѣдка пробредетъ звѣроловъ или раскинетъ свою юрту кочующій дикарь, но тѣмъ скорѣе дополнитъ, нежели нарушитъ, картину дикой дѣвственной природы....“

Чуть свѣтъ путешественники обыкновенно вставали, наскоро напившись чаю, отправлялись въ дальнѣйшій путь, а съ наступленіемъ вечера останавливались, просушивали собранныя растенія, препарировали птицъ и заносили въ дневникъ обо всемъ видѣнномъ въ теченіе дня.

Помимо экскурсій за птицами, Николай Михайловичъ охотился и за звѣрями и успѣшнѣе всего, изъ крупныхъ, за медвѣдями, при чемъ, однажды столкнулся съ такимъ гигантомъ, который своими размѣрами превосходилъ всѣхъ видѣнныхъ и добытыхъ кѣмъ-либо въ Восточной Сибири. „Будучи пробитъ первою пулею, пишетъ

Пржевальскій, на разстояніи сорока шаговъ, въ грудь на вылетъ, и ободренный вѣроятно еще тѣмъ, что я былъ одинъ, этотъ медвѣдь съ ревомъ бросился на меня. По счастью въ штуцерѣ оставался заряженнымъ другой стволъ и, быстро вскинувъ къ плечу свое ружье, я рѣшился подпустить чудовище какъ можно ближе, такъ какъ здѣсь уже сталъ вопросъ: быть или не быть. Конечно, это было дѣло нѣсколькихъ мгновеній, но эти мгновенья не изгладятся изъ моей памяти цѣлую жизнь, и черезъ много лѣтъ все такъ же ясно, какъ въ ту минуту, я буду помнить эту оскаленную пасть, кроваваго цвѣта языкъ и громадные зубы... Когда медвѣдь приблизился на разстояніе четырехъ шаговъ, я спустилъ курокъ, и разъяренный звѣрь, съ прострѣленнымъ черепомъ, словно снопъ, рухнулся на землю..."

Послѣ сибирскихъ тундръ и озеръ, Николай Михайловичъ особенно восхищался величіемъ Японскаго моря. „Присядешь, бывало, говоритъ онъ, на вершинѣ утеса, заглядишься на синѣющую даль моря и сколько различныхъ мыслей заroится въ головѣ! Воображенію рисуются далекія страны, съ иными людьми и съ иною природою, тѣ страны, гдѣ царствуетъ вѣчная весна, и гдѣ волны того же самаго океана омываютъ берега, окаймленные пальмовыми лѣсами. Казалось, такъ бы и полетѣлъ туда стрѣлою, посмотрѣть на всѣ эти чудеса, на этотъ храмъ природы, полный жизни и гармоніи...

„Погрузите затѣмъ мысль въ туманную глубину прошедшихъ вѣковъ, и океанъ является передъ нею еще въ большемъ величіи. Вѣдь онъ существовалъ и тогда, когда ни одна растительная или животная форма не появлялась на нашей планетѣ, когда и самой суши еще было немного! На его глазахъ и, вѣроятно, въ его же нѣдрахъ, возникло первое органическое существо! Онъ питалъ его своею влагою, убаюкивалъ своими волнами! Онъ давнишній старожилъ земли; онъ лучше всякаго геолога знаетъ ея исторію, и развѣ только немногія горныя породы старѣе маститаго океана!..."

Въ январѣ 1870 года Н. М. Пржевальскій прибылъ въ Петербургъ, а въ мартѣ сдѣлалъ сообщеніе въ географическомъ обществѣ, охарактеризовавъ строеніе Уссурійскаго края и его климатъ, флору, фауну и, наконецъ, его инородческое населеніе.

Окончивъ затѣмъ описаніе „путешествія въ Уссурійскій край", Николай Михайловичъ обратился въ совѣтъ географическаго общества съ просьбою исходатайствовать ему разрѣшеніе отправиться въ сѣверныя окраины Китая и преимущественно въ мало извѣстныя страны верхняго теченія Желтой рѣки въ земли ордосовъ и Куку-норъ.

Предложеніе Пржевальскаго было принято съ большимъ сочув-

ствіемъ, и вице-предсѣдатель географическаго общества графъ Литке съ своимъ преемникомъ П. П. Семеновымъ помогли осуществленію экспедиціи.

„Въ началѣ ноября 1870 года, пишетъ Пржевальскій, прокативъ на почтовыхъ черезъ Сибирь, я и мой молодой спутникъ Михаилъ Александровичъ Пыльцовъ, прибыли въ Кяхту, откуда должно было начаться наше путешествіе по Монголіи и сопредѣльнымъ ей странамъ внутренней Азіи“. Въ январѣ же 1871 года путешественники совершаютъ переходъ на верблюдахъ поперекъ монотонной монгольской пустыни. „Вообще Гоби, говоритъ Николай Михайловичъ, своимъ однообразіемъ производитъ на путешественника тяжелое, подавляющее впечатлѣніе. По цѣлымъ недѣлямъ сряду передъ глазами являются одни и тѣ же образы—то неоглядныя равнины, отливающіяся желтоватымъ цвѣтомъ высохшей травы, то черноватыя изборожденныя скалы, то пологіе холмы, на вершинѣ которыхъ иногда рисуется силуэтъ быстроногаго дзерена. Мѣрно шагаютъ тяжело навьюченные верблюды, идутъ десятки, сотни верстъ, но степь не измѣняетъ своего характера, а остается, по-прежнему, угрюмой и непривѣтливой“...

Познакомившись съ Пекиномъ, съ членами русскаго посольства, заручившись китайскимъ паспортомъ, Н. М. Пржевальскій стремится въ самые дикіе, неизслѣдованные уголки. „Возьмите карту, писалъ онъ одному изъ друзей, и тамъ, гдѣ на ней едва черкнуто штрихами возлѣ города Нинъ-ся, тамъ высится громадный Алашаньскій хребетъ“. Въ этихъ горахъ Николай Михайловичъ проводитъ съ экспедиціей нѣсколько недѣль и какъ истый натуралистъ цѣлыми днями охотится съ ружьемъ за плечами. „Взобравшись на высокую вершину, говоритъ Пржевальскій, съ которой открывается далекій горизонтъ на всѣ стороны, чувствуешь себя свободнѣе и по цѣлому часу любуешься панорамою, которая разстилается подъ ногами. Громадныя, отвѣсныя скалы, запирающія мрачныя ущелья или увѣнчивающія собою вершины горъ, также имѣютъ много прелести въ своей оригинальной дикости. Я часто останавливался въ такихъ мѣстахъ, садился на камень и прислушивался къ окружающей меня тишинѣ. Она не нарушалась здѣсь ни говоромъ людскихъ рѣчей, ни суматохою обыденной жизни. Лишь изрѣдка,—воркованье каменнаго голубя и пискливый крикъ клушицы... проползетъ по отвѣсной стѣнѣ краснокрылый стѣнолазъ, или, наконецъ, высоко изъ-подъ облаковъ, съ шумомъ спустится къ своему гнѣзду грифъ, а затѣмъ, по-прежнему, кругомъ все станетъ тихо и спокойно... А тамъ внизу, на востокѣ, узкою лентою блеститъ рѣка, и словно алмазы сверкаютъ многочисленныя озера; къ западу — широкою полосою

уходятъ изъ глазъ сыпучіе пески пустыни, на желтомъ фонѣ которыхъ, подобно островамъ, пестрѣютъ зеленѣющіе оазисы глинистой почвы. Такая панорама очаровательна! Она доставляетъ истинное наслажденіе, миритъ со всѣмъ окружающимъ и увлекаетъ въ міръ поэтическій, чистый и безстрастный“ [1]).

Крайняя ограниченность матеріальныхъ средствъ экспедиціи и раіонный паспортъ китайскаго правительства вынуждали нашего путешественника возвратиться въ Пекинъ и потерять черезъ это немало времени.

„Съ глубокимъ сокрушеннымъ сердцемъ, говорилъ Николай Михайловичъ, я долженъ былъ на этотъ разъ повернуть назадъ въ Пекинъ. Тяжелое чувство скорби понятно лишь человѣку, подошедшему къ порогу своихъ стремленій и не имѣющему возможности переступить его... Пекинская жизнь—это точь-въ-точь—Николаевская на Амурѣ. Разница лишь та, что вмѣсто водки пьютъ шампанское, такъ какъ всѣ чиновники получаютъ огромное содержаніе. Я безъ отвращенія не могу вспомнить объ этомъ городѣ, въ которомъ и теперь привелось прожить цѣлый мѣсяцъ. Дай Богъ, чтобы это было въ послѣдній разъ во всей моей жизни“.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что Н. М. Пржевальскій, въ свое путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ, при зимнихъ пребываніяхъ въ Николаевскѣ или Владивостокѣ, велъ большую игру въ карты, притомъ игралъ хорошо и счастливо, но товарищей никогда не допускалъ въ свою партію, а обыкновенно игралъ съ мѣстными купцами и морскими офицерами. Коммерческая игра, которая иногда устраивалась у Николая Михайловича на квартирѣ, весьма часто переходила въ азартную. Хозяинъ дома всегда понтировалъ и игралъ смѣло и ставилъ на карту по 200 и по 300 рублей. „Игралъ онъ, говоритъ М. П. Степановъ, чрезвычайно счастливо и почти не зналъ проигрыша; при выигрышѣ тысячи рублей всегда прекращалъ игру, и никогда не имѣлъ при себѣ болѣе пятисотъ рублей“. Деньги хранились у М. П. Степанова, которому было настрого запрещено выдавать ихъ во время игры, несмотря ни на какія просьбы; — запрещеніе строго исполнялось.

— Я играю, говорилъ Пржевальскій—для того, чтобы выиграть себѣ независимость, и дѣйствительно достигъ своей цѣли.

Впослѣдствіи, уѣзжая изъ Николаевска, онъ бросилъ свои карты въ Амуръ.

— Съ Амуромъ, сказалъ онъ при этомъ, прощайте и амурскія привычки.

Такимъ образомъ, выигранный капиталъ, около пятнадцати ты-

[1]) Монголія и страна тангутовъ, т. I, 120.

сячъ рублей, какъ нельзя болѣе кстати пригодился на первое центрально-азіатское путешествіе. И на этотъ разъ Николай Михайловичъ позаимствовалъ изъ собственнаго фонда на снаряженіе новой экскурсіи въ восточный Нань-Шань и далѣе черезъ Куку-Норъ въ Тибетъ, такъ какъ казенныхъ трехъ-четырехъ тысячъ рублей, съ натяжкой полученныхъ въ Пекинѣ, хватило лишь на осуществленіе первоначальныхъ монгольскихъ плановъ экспедиціи. Личный составъ экспедиціи значительно измѣнился. Вмѣсто двухъ казаковъ, оказавшихся ненадежными и тосковавшими по родинѣ, были присланы изъ Урги два новыхъ, прекрасныхъ и усердныхъ—Чебаевъ и Иринчиновъ. Вскорѣ Николай Михайловичъ сблизился съ ними самою тѣсною дружбою и обходился какъ съ родными братьями, дѣлившими вмѣстѣ труды и опасности, горе и радости.

Прекраснымъ обновленнымъ караваномъ Пржевальскій, по оставленіи Пекина и Алашаня, вступилъ въ Гань-су. Богатая природа восточнаго Нань-Шаня дѣйствовала на душу впечатлительнаго путешественника самымъ благотворнымъ образомъ: въ общеніи съ природой онъ радовался какъ ребенокъ. Голубая окраска прозрачнаго неба, дикія скалы, дѣвственные лѣса Гань-су ласкали его взоръ постоянно, въ особенности при стоянкѣ въ окрестности горы Сади-Саруксумъ, считавшейся самою высшею точкою одного изъ Тэтунгскихъ хребтовъ, куда взобрался Николай Михайловичъ пѣшкомъ, и откуда открылась чудная панорама.

„Я первый разъ въ жизни, говоритъ онъ, находился на подобной высотѣ, впервые видѣлъ подъ своими ногами гигантскія горы, то изборожденныя дикими скалами, то оттѣненныя мягкою зеленью лѣсовъ, по которымъ блестящими лентами извивались горные ручьи. Сила впечатлѣнія была такъ велика, что я долго не могъ оторваться отъ чуднаго зрѣлища, долго стоялъ, словно очарованный, и сохранилъ въ памяти этотъ день, какъ одинъ изъ счастливѣйшихъ въ цѣлой жизни...

„Но, торопясь сборами въ палаткѣ, я позабылъ взять съ собою зажигательныхъ спичекъ и никакъ не могъ добыть огня выстрѣлами изъ штуцера, такъ что долженъ былъ отложить свое измѣреніе до другого раза. Черезъ день я опять взошелъ на Сади-Саруксумъ, на этотъ разъ уже со всѣми принадлежностями кипѣнія. „Ну, гора, сейчасъ твоя тайна будетъ открыта“, сказалъ я, устроивъ свой кипятильникъ—и черезъ нѣсколько минутъ зналъ, что Сади-Саруксумъ вздымается на 13.600 футовъ надъ уровнемъ моря. Однако, такая высота еще не захватываетъ здѣсь снѣговой линіи, и я видѣлъ маленькіе кусочки льдистаго снѣга лишь подъ скалами, въ мѣстахъ, укрытыхъ отъ солнечныхъ лучей“.

Между тѣмъ провинція Гань-су, въ которой находились путешественники, была объята мятежнымъ движеніемъ дунганъ. Разбойничьи партіи бродили по всей странѣ, несмотря на то, что большая часть городовъ была занята китайскими войсками. Слѣды дунганскаго истребленія встрѣчались на каждомъ шагу. Деревни, попадавшіяся очень часто, всѣ были разорены, вездѣ валялись человѣческіе скелеты и нигдѣ не было видно ни одной живой души.

Смѣлость Пржевальскаго и полное игнорированіе имъ разбойниковъ скоро расположили къ нему мѣстныхъ обитателей, въ особенности же проходящій въ тихомолку монгольскій караванъ, съ которымъ Николаю Михайловичу удалось направиться въ желаемомъ направленіи—къ Тибету... „Мы шли, говоритъ Н. М. Пржевальскій, тою самою тибетскою дорогою, по которой въ теченіе одиннадцати лѣтъ не осмѣлился пройти ни одинъ караванъ богомольцевъ, собирающихся обыкновенно сотнями для подобнаго путешествія. Насъ четырехъ разбойники боялись больше, чѣмъ всѣхъ китайскихъ войскъ въ совокупности и избѣгали встрѣчи. Во время стоянки у Чойбзэна все было покойно, но лишь только мы откочевали въ горы, какъ опять появились дунгане, и разбои начались по-прежнему“.

Вскорѣ затѣмъ одна изъ завѣтныхъ цѣлей экспедиціи была достигнута! То, о чемъ недавно еще мечталось, теперь превратилось уже въ осуществленный фактъ! Правда, такой успѣхъ былъ добытъ цѣною многихъ испытаній, но тѣмъ обаятельнѣе чувствовался восторгъ у нашихъ путешественниковъ, передъ счастливыми взорами которыхъ открывался величественный бассейнъ Куку-нора, ласкавшій слухъ гуломъ темно-голубыхъ волнъ...

По мѣрѣ того какъ экспедиція подвигалась вглубь Центральной Азіи, стоустная молва опережала ее съ разсказами о необыкновенныхъ людяхъ. Туземцы говорили, что это полу-боги, не боящіеся разбойниковъ дунганъ, что они заговорены отъ пуль, вооружены небывалыми ружьями и, въ случаѣ нападенія, по повелѣнію главнаго, является тысяча невидимыхъ людей и сражаются за него. Вѣра въ Пржевальскаго была огромная. Отъ желающихъ предсказаній не было отбоя. Къ Николаю Михайловичу приходили узнавать не только о судьбѣ дальнѣйшей жизни, но также о пропавшей скотинѣ, потерянной трубкѣ и т. п.; один тангутскій князекъ серьезно добивался узнать средство, черезъ которое можно заставить его безплодную жену имѣть хоть нѣсколько дѣтей...

За Цайдамомъ, путешественники поднялись на тибетское нагорье, гдѣ ихъ вскорѣ застигли суровые морозы. „Глубокая зима, пишетъ Николай Михайловичъ, съ сильными морозами и бурями, полное лишеніе всего, даже самаго необходимаго, наконецъ, различныя

другія трудности—все это день въ день изнуряло наши силы. Жизнь наша была, въ полномъ смыслѣ, борьба за существованіе, и только сознаніе научной важности предпринятаго дѣла давало намъ энергію и силы для успѣшнаго выполненія своей задачи".

Въ трескучіе морозы и леденящіе вѣтры сидѣть на лошади бывало невозможно, а идти пѣшкомъ, да еще съ оружіемъ, очень трудно при томъ разрѣженномъ воздухѣ, который былъ въ нагорьѣ: „малѣйшій подъемъ кажется очень труднымъ, чувствуется одышка, сердце бьется очень сильно, руки и ноги трясутся, по временамъ начинается головокруженіе и рвота". Къ этому надо прибавить, что путешественники не мылись и не перемѣняли бѣлье: одну и ту же рубашку они носили дней по двадцати-тридцати и болѣе, потому что вымыть ее было и негдѣ, и некому. Предшествовавшее странствованіе совершенно уничтожило одежду—она была покрыта заплатами, а къ изношеннымъ голенищамъ сапогъ подшивали куски шкуръ разныхъ животныхъ, и въ такихъ ботинкахъ щеголяли наши путешественники въ самые сильные морозы.

Весною, 1873 года, экспедиція отправилась черезъ Цайдамъ обратно въ Гань-су. Часть лѣта путешественники провели въ знакомомъ хребтѣ Алашаньскомъ, гдѣ въ одно прекрасное время чуть не лишились всѣхъ своихъ научныхъ сокровищъ отъ неожиданнаго горнаго потока. „Глухой шумъ, говоритъ Николай Михайловичъ, еще издали возвѣстилъ намъ приближеніе этого потока, масса котораго увеличивалась съ каждою минутою. Мигомъ глубокое дно нашего ущелья было полно воды, мутной, какъ кофе, и стремившейся по крутому скату съ невообразимою быстротою. Огромные камни и цѣлыя груды меньшихъ обломковъ неслись потокомъ, который съ такою силою билъ въ боковыя скалы, что земля дрожала, какъ бы отъ вулканическихъ ударовъ. Среди страшнаго рева воды слышно было, какъ сталкивались между собою и ударялись въ боковыя ограды огромныя каменныя глыбы. Изъ менѣе твердыхъ береговъ и съ верхнихъ частей ущелья вода тащила цѣлыя тучи мелкихъ камней и громадными массами бросала ихъ то на одну, то на другую сторону своего ложа. Лѣсъ, росшій по ущелью, исчезъ—всѣ деревья были вырваны съ корнемъ, переломаны и перетерты на мелкіе кусочки... Еще минута, еще лишній футъ прибылой воды—наши коллекціи, труды всей экспедиціи погибли бы безвозвратно... Спасти ихъ нечего было и думать при такомъ быстромъ появленіи воды; впору было только самимъ убраться на ближайшія скалы. Бѣда была такъ неожиданна, такъ близка и такъ велика, что на меня нашелъ какой-то столбнякъ: я не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ и, будучи лицомъ къ лицу съ страшнымъ несча-

стіемъ, еще сомнѣвался въ его дѣйствительной возможности... Но счастіе и теперь выручило насъ. Впереди нашей палатки находился небольшой обрывъ, на который волны начали бросать камни и вскорѣ нанесли ихъ такую груду, что она удержала дальнѣйшій напоръ воды. И мы были спасены".

Теперь оставался послѣдній періодъ путешествія. Истомленные физически, наши путешественники дѣлали усиленные переходы по пустынѣ Гоби, въ пескахъ которой чуть не погибли отъ зноя и безводія...

Особенно памятно было въ этомъ отношеніи 19-е іюня. Выступивъ отъ озера Далай-дабасу, путешественники направились по дорогѣ къ хребту Ханъ-ула. По словамъ проводниковъ, предстоялъ переходъ верстъ въ 25, на протяженіи которыхъ были два колодца въ разстояніи восьми верстъ другъ отъ друга. Первый колодецъ былъ дѣйствительно найденъ въ указанномъ мѣстѣ, и путешественники, напившись сами и напоивъ животныхъ, двинулись далѣе въ полной увѣренности встрѣтить скоро и второй колодецъ. Увѣренность была такъ велика, что одинъ изъ казаковъ предложилъ вылить изъ ведеръ запасную воду, чтобы не возить ее даромъ, но Николай Михайловичъ запретилъ это дѣлать, словно предчувствуя, что она будетъ спасеніемъ въ пустынѣ.

Не было еще семи часовъ утра, а жара становилась невыносимою. Прошли болѣе десяти верстъ, а колодца не встрѣтили. Монголъ объявилъ, что по всей вѣроятности путешественники приняли нѣсколько въ сторону и сбились съ пути, онъ отправился на песочный холмъ посмотрѣть на окружающую мѣстность и минутъ черезъ двадцать сталъ звать къ себѣ. Караванъ повернулъ по указанному направленію и узналъ отъ проводника, что до колодца не болѣе пяти верстъ и надо идти напрямикъ. Прошли гораздо болѣе пяти верстъ, а колодца нѣтъ. Почва накалилась страшно, сухость воздуха была невообразимая. Запасъ воды истощился и оставалось на всѣхъ не болѣе полуведра.

— Далеко ли до воды? спрашивали проводника.

— Очень близко, отвѣчалъ онъ, за горкою.

Прошли верстъ десять, а воды нѣтъ. Видя безвыходность положенія, Пржевальскій отправилъ впередъ Пыльцова и монгола, чтобы они взяли воды изъ колодца и ѣхали имъ навстрѣчу. Проѣхавъ около пяти верстъ, Пыльцовъ все-таки не нашелъ колодца и вернулся назадъ. Замѣтивъ возвращеніе посланныхъ, Николай Михайловичъ думалъ, что вода найдена, но, къ сожалѣнію, узналъ, что до колодца еще далеко.

„Въ первое мгновеніе, записалъ онъ въ своемъ дневникѣ, я хотѣлъ застрѣлить проводника, такъ какъ онъ былъ главною при-

чиною всѣхъ нашихъ бѣдъ, но потомъ раздумалъ, что этимъ дѣло не поправится, а еще ухудшится, такъ какъ безъ него мы навѣрное не найдемъ колодца—и отколотилъ его (монгола) изо-всей силы... Положеженіе наше было дѣйствительно страшное: воды оставалось въ это время не болѣе нѣсколькихъ стакановъ. Мы брали въ ротъ по одному глотку, чтобы хотя немного промочить совсѣмъ почти засохшій языкъ. Все тѣло наше горѣло, какъ въ огнѣ, голова кружилась чуть не до обморока. Еще часъ такого положенія, и мы бы погибли. Я ухватился за послѣднее средство: приказалъ одному казаку, взявъ кастрюлю и чайникъ, вмѣстѣ съ монголомъ скакать во весь опоръ къ колодцу за водою. Если же тамъ воды не окажется, или проводникъ вздумаетъ бѣжать, то я велѣлъ казаку убить его. Скоро въ пыли скрылись изъ глазъ посланные за водою, и мы брели по ихъ слѣду шагъ за шагомъ, въ томительномъ ожиданіи рѣшенія нашей участи. Наконецъ, минутъ черезъ двадцать показался казакъ, скачущій назадъ во весь опоръ, но что онъ везъ намъ? вѣсть ли о спасеніи, или о гибели? Пришпоривъ своихъ лошадей, которыя едва уже могли двигаться, мы поѣхали къ нему навстрѣчу, и съ радостью, доступною только человѣку, бывшему на волосъ отъ смерти и теперь спасенному, услыхали, что колодецъ дѣйствительно есть и получили свѣжей воды. Напившись и помочивъ немного голову, мы поѣхали въ указанномъ направленіи и скоро достигли колодца. Дѣло это было уже въ два часа пополудни, такъ что по страшной жарѣ мы шли девять часовъ сряду и сдѣлали 34 версты".

Наученные горькимъ опытомъ и желая избѣгнуть жары, путешественники вставали очень рано, до разсвѣта, но вьюченіе верблюдовъ отнимало много времени и выходить приходилось все-таки съ восходомъ солнца. Урга словно земля обѣтованная манила къ себѣ сильнѣе и сильнѣе. Отсчитывались не только дни, но и часы, когда наступитъ конецъ путешествію.

„Жаль только, пишетъ Пржевальскій, что скоро идти нельзя: устали мы сильно, да при томъ, несмотря на конецъ августа, еще стояли день въ день жары. Нужно видѣть, въ какомъ теперь видѣ наше одѣяніе. Сапогъ нѣтъ, а вмѣсто ихъ разорванные унты; сюртукъ и штаны всѣ въ дырахъ и заплатахъ, фуражки походятъ на старую выброшенную тряпку, рубашки всѣ поизорвались: осталось всего три полугнилыхъ, изъ которыхъ каждая не выноситъ болѣе недѣли. Каждый день мы отрываемъ отъ своихъ рубашекъ по отвалившемуся куску и носимъ ихъ (рубашки) донельзя, часто даже безъ рукавовъ".

Въ такомъ видѣ и съ огромными лишеніями караванъ достигъ своего рода обѣтованной земли—долины рѣки Толы, громко и

пріятно струившей свои прозрачныя воды по галечному руслу. Монотонная тишина пустыни смѣнилась кипучей жизнью крупнаго молитвеннаго буддійскаго центра. Всюду сновали пѣшія и конныя компаніи пестро-одѣтыхъ монголовъ или китайцевъ. День пятаго сентября (1873 года) былъ однимъ изъ счастливѣйшихъ дней путешественниковъ,—они попали въ родную среду, въ родное, русское консульство.

„Не берусь описать, говоритъ Николай Михайловичъ, впечатлѣніе той минуты, когда мы впервые услышали родную рѣчь, увидѣли родныя лица и попали въ европейскую обстановку. Намъ, совершенно уже отвыкшимъ отъ европейской жизни, сначала все казалось страннымъ, начиная отъ вилки и тарелки, до мебели, зеркалъ и проч. Но уже на другой день намъ казалось, что мы какъ будто недѣлю жили среди всего этого. Прошедшая экспедиція и всѣ ея невзгоды казались теперь какимъ-то страшнымъ сномъ. Сумма новыхъ впечатлѣній была такъ велика и такъ сильно дѣйствовала на насъ, что мы въ этотъ день очень мало ѣли и почти не спали цѣлую ночь. Помывшись на другой день въ банѣ, въ которой не были почти два года, мы до того ослабѣли, что едва держались на ногахъ. Только дня черезъ два мы начали приходить въ себя и ѣсть съ волчьимъ аппетитомъ“.

„Путешествіе наше кончилось! Его успѣхъ превзошелъ даже тѣ надежды, которыя мы имѣли, переступая въ первый разъ границу Монголіи... Будучи нищими, относительно матеріальныхъ средствъ, мы только рядомъ постоянныхъ удачъ обезпечивали успѣхъ своего дѣла. Много разъ оно висѣло на волоскѣ, но счастливая судьба выручала насъ и дала возможность совершить посильное изслѣдованіе наименѣе извѣстныхъ и наиболѣе недоступныхъ странъ Внутренней Азіи“.

Дѣйствительно, результаты, добытые экспедиціею, были громадны. Въ теченіе почти трехъ лѣтъ она прошла 11.100 верстъ, при чемъ 5.300 верстъ были сняты глазомѣрно *буссолью*. Эта съемка доставила матеріалы для карты, которая обнимаетъ обширное неизслѣдованное пространство въ центральной Азіи до верховьевъ Голубой рѣки и даетъ впервые ясное понятіе о гидрографической системѣ Кукунорской области. Изслѣдованія Пржевальскаго указали, на основаніи положительныхъ данныхъ, на тѣ размѣры, до которыхъ достигаютъ высоты тибетскаго нагорья надъ уровнемъ моря. Независимо отъ этого, неутомимымъ путешественникомъ было сдѣлано въ девяти пунктахъ опредѣленіе магнитнаго склоненія и въ семи—горизонтальнаго напряженія земного магнетизма. Ежедневно, четыре раза производились метеорологическія наблюденія, наблюдалась температура почвы и воды, измѣрялись сухость воздуха и абсолютныя высоты

мѣстности; производились изысканія этнографическія. Естественныя коллекціи поражали своимъ богатствомъ и разнообразіемъ образцовъ.

И вся экспедиція за три года обошлась отъ 13 до 19 тысячъ рублей, слѣдовательно приходилось только по пяти тысячъ рублей на годъ звонкою монетою. „Это такъ мало, писалъ Пржевальскій, одному изъ друзей, что я удивляюсь, какъ еще могли мы пройти такъ далеко, съ такими ничтожными средствами. Если бы это было дешево и легко, то почему же до сихъ поръ ни одинъ ученый путешественникъ не былъ въ странахъ, нами изслѣдованныхъ? Конечно, мнѣ нечего хвастаться передъ вами своими подвигами, но я скажу откровенно, что наше путешествіе достигло такихъ результатовъ, какихъ я самъ не ожидалъ“.

При этомъ необходимо пояснить, что Пржевальскій ходилъ по странѣ, охваченной возстаніемъ, только съ четырьмя спутниками, что они жили среди разбойниковъ и подвергали ежеминутно жизнь свою опасности; что они смѣло проникли туда, куда не рѣшался проникнуть ни одинъ изъ европейскихъ путешественниковъ, искрестившихъ почти всѣ провинціи Китая со времени Тянь-цзинскихъ трактатовъ 1858 года, впервые открывшихъ эту страну любознательности путешественниковъ. Въ 1864 году геологъ путешественникъ Помпелли задумалъ смѣлую поѣздку изъ Пекина въ самый центръ Азіи, но, не достигнувъ до Желтой рѣки, отказался отъ своего намѣренія, опасаясь подвергнуть жизнь свою опасности. Баронъ Рихтгофенъ, посвятившій много лѣтъ на изученіе Китая, пытался проникнуть въ провинцію Гань-су, но опасаясь возстанія отказался отъ посѣщенія страны, лежащей на западъ отъ Желтой рѣки. „Одинъ Пржевальскій, говоритъ Н. Ѳ. Дубровинъ, отважно и настойчиво шелъ туда, куда вела его наука и слава Россіи“.

Столица нетерпѣливо ждала путешественника и встрѣтила его съ его достойнымъ сотрудникомъ, съ распростертыми объятіями... Пржевальскій былъ героемъ дня и создалъ вокругъ себя повышенную географическую атмосферу. Имя Пржевальскаго, словно сказочнаго героя, проникало во всѣ уголки.

Познакомивъ общество съ результатами путешествія и обезпечивъ изданіе своей книги, Пржевальскій, весною, уѣхалъ изъ Петербурга въ свое имѣніе Отрадное. Тамъ онъ ходилъ на охоту и восхищался деревенскою обстановкою, „Природа становится великолѣпно хороша, писалъ онъ одному своему пріятелю, лѣсъ распустился, все начинаетъ цвѣсти; соловьевъ поетъ множество, словомъ, я опять въ любимой обстановкѣ, которая сразу благодѣтельно подѣйствовала на мое здоровье. Петербургскіе кашли и головныя боли сняты какъ рукою“...

П. Козловъ.

Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ.

(Изъ воспоминаній артистической жизни Ирины Ивановны Онноре́, бывшей пѣвицы Императорскаго Московскаго театра, нынѣ профессора пѣнія въ Петербургѣ).

Русская опера.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію скорбнаго пути, по которому пришлось пройти въ продолженіе почти всего времени моего служенія на Императорской московской сценѣ, въ русской оперѣ, прослуживъ предварительно четыре года, на той же сценѣ въ итальянской, тогда еще Императорской оперѣ, — хочу, прежде чѣмъ коснуться этихъ весьма тяжелыхъ воспоминаній, обратиться къ молодымъ современнымъ пѣвцамъ, служащимъ теперь на Императорскихъ сценахъ. Можетъ быть, нѣкоторымъ изъ нихъ придется прочесть эти записки, а потому, пожелавъ имъ отъ души полнаго успѣха, предлагаю вспомнить имя Императора Александра III съ благоговѣніемъ и живѣйшей благодарностью. Ему, только ему, обязаны русскіе артисты тѣмъ блестящимъ положеніемъ, которое они занимаютъ теперь. Онъ, возвысивъ русскихъ пѣвцовъ, возвысилъ русское искусство. До него русскій пѣвецъ, по закону, не могъ получать болѣе 1.140 р. жалованія въ годъ и долженъ былъ пѣть 22 года на казенной сценѣ, чтобы получать, въ размѣрѣ этого жалованія, пожизненную пенсію!—спрашивается: много ли пѣвцовъ выдерживало столь долгій срокъ. Русскіе артисты пѣли за границей. Современникъ знаменитаго тенора Рубини, признанный этимъ по-

слѣднимъ своимъ соперникомъ, не менѣе знаменитый теноръ Ивановъ, пожелавъ вернуться на родину, предложилъ дирекціи свои услуги. Даже для этого русскаго „Орфея" не согласились сдѣлать исключенія: ему было предложено жалованіе „des indigènes" тѣ же 1.140 р. Тогда Ивановъ принялъ итальянское подданство, пѣлъ очень долго въ Италіи всегда съ громаднымъ успѣхомъ и оставилъ послѣ себя большое состояніе и блестящее имя. Императоръ Александръ III сразу все это измѣнилъ; приказалъ уничтожить Императорскую итальянскую оперу, осталась такимъ образомъ Императорскою только одна русская. Обаяніе итальянцевъ умалилось, ихъ опера продолжала существовать какъ частное предпріятіе. Импрессаріи, не получая казенной матеріальной поддержки, не могли приглашать болѣе 2—3 первоклассныхъ пѣвцовъ, остальные были посредственности; сборы были часто плохіе, и антрепренеры одинъ за другимъ прогорали.

Было приказано приглашать русскихъ артистовъ на такіе же оклады, какъ приглашались иностранные. Первый, которому пришлось пользоваться новыми вѣяніями, былъ Н. Н. Фигнеръ. Должно отдать ему полную справедливость, признавая его достойнымъ этого счастья. Хотя принято говорить, что его вокальныя средства были не велики—это несправедливо. Онъ имѣлъ громадный талантъ; соединялъ въ себѣ все, что дѣлаетъ большого артиста. Въ нѣкоторыхъ роляхъ въ „Отелло" Верди, напримѣръ, въ „Африканкѣ", ничего лучшаго желать было невозможно. Всякое движеніе было преисполнено изящества, всякій оттѣнокъ чувства передавался имъ съ необыкновенной прелестью. Въ аріи „Дубровскаго" онъ стоялъ почти неподвижно, съ удивительнымъ спокойствіемъ и производилъ громадное впечатлѣніе именно своимъ пѣніемъ.

Въ „Африканкѣ", когда въ волшебныхъ чертогахъ „Зелики" его окружали танцовщицы, сколько было мѣры и изящества въ его обращеніи съ ними. Въ „Отелло" при первомъ порывѣ ревности и отчаянія, сидя почти въ глубинѣ сцены, откинувшись на спинку стула, онъ дѣлалъ движенія головой, которыя выражали всю скорбь, всю боль его истерзанной души.

Словомъ, онъ былъ неподражаемъ и остался, до сихъ поръ, первымъ лучшимъ драматическимъ русскимъ пѣвцомъ и артистомъ.

И такъ, въ Москвѣ итальянская опера закрылась, къ неописанному огорченію всего высшаго общества. Въ эти четыре года оно привыкло проводить вечера въ театрѣ; было чѣмъ развлекаться; слушать музыку, увлекаться любимыми артистами, показывать свои туалеты; все это исчезло—уныніе было полное. Русская же опера продолжала функціонировать въ томъ же разношерстномъ составѣ

чеховъ, евреевъ, нѣмцевъ; русскихъ пѣвцовъ почти не было; и это въ первопрестольной, бѣлокаменной Москвѣ. Общество эту оперу не посѣщало.

Въ Петербургѣ итальянская опера оставалась долго еще на прежнихъ правахъ со своимъ титулованнымъ директоромъ. Однако, закрывшаяся опера въ Москвѣ легла бѣльмомъ на эту дирекцію. Какъ же такъ? Въ Москвѣ была превосходная итальянская опера, съ первоклассными артистами на первыя и очень хорошими на вторыя роли, и она стоила въ 10 разъ меньше Петербургской. Тогда стало замѣтно, что вновь приглашаемымъ артистамъ предлагали окладъ гораздо скромнѣе прежнихъ, блескъ прежній сталъ тускнѣть и, когда прислали въ Москву 3 лучшихъ пѣвцовъ, для исполненія „Стабатъ-Матеръ" Россини, примадонна, г-жа Перелли, оказалась просто-таки плохой.

Долго не назначали управляющаго Московской театральной конторой. Графъ Боргъ, страшно недовольный отставкой своего избранника г. Л., ожидалъ новаго назначенія съ предвзятой мыслью, преслѣдовать безпощадно, кого бы ни назначили. Козломъ отпущенія явился г. Неклюдовъ; человѣкъ воспитанный, корректный, но неимѣющій даже отдаленнаго представленія о трудномъ, сложномъ дѣлѣ театра. Музыки онъ тоже не зналъ; полагаю, что и какъ администраторъ онъ пользы принести не могъ, развѣ только въ томъ, что не злоупотреблялъ ввѣреннымъ ему дѣломъ, для своихъ личныхъ выгодъ. Значеніе, власть его, свелись на нѣтъ; было сдѣлано распоряженіе, что при расходѣ, превышающемъ 100 р., Московская дирекція обязана была сноситься съ Петербургской конторой. Впрочемъ, что бы г. Неклюдовъ ни предлагалъ, о чемъ бы ни ходатайствовалъ, на все получался рѣзкій отказъ.

Трудно было бы описать то удрученное, состояніе въ которомъ я находилась по возвращеніи изъ Лондона въ Москву. Безъ любимаго дѣла, на которое было положено столько времени и труда и возложено столько надеждъ, мнѣ не предвидѣлось даже возможности принять приглашеніе, если бы таковое и представилось, а поступать въ настоящую русскую оперу, перемѣнить карьеру итальянской пѣвицы на русскую, никогда въ мои планы не входило. Въ это время занятія по преподаванію оказали на меня благотворное вліяніе. Самыя лучшія ученицы мои въ Москвѣ относятся къ этой эпохѣ; княжна Н. А. Мещерская, по мужу де-Витте, Е. В. Васильчикова, В. А. Арапова, гг. Савельева, Лагорію и др. были блестящими пѣвицами. Въ концѣ этого года (1866) былъ направленъ въ Москву, отпѣвшій въ Петербургѣ теноръ Сѣтовъ. Въ свое время

онъ имѣлъ небольшой симпатичный голосъ и обладалъ необыкновенно красивой наружностью.

Онъ былъ женатъ на знаменитой наѣздницѣ Пальмирѣ, сестрѣ жены Николини, 2-го мужа Патти. Пальмира имѣла въ Лондонѣ и Петербургѣ колоссальный успѣхъ;—надо полагать, что ея вліяніе не мало помогало молодому пѣвцу такъ долго удержаться на сценѣ, даже послѣ потери голоса. Дирекція его послала въ Москву, въ качествѣ главнаго режиссера; ему было поручено сформировать труппу. Въ Петербургѣ его смѣнилъ Комиссаржевскій. Сѣтовъ былъ человѣкъ большого ума; имѣлъ необыкновенный сценическій талантъ; самъ игралъ превосходно, а потому мало кто могъ указать начинающимъ артистамъ, какъ понять и передать роль, какъ загримироваться, какой выбрать костюмъ, какъ ходить и поворачиваться на сценѣ. Конечно, въ любомъ театрѣ онъ могъ быть профессоромъ своего искусства. Помню общій восторгъ, который онъ вызвалъ, показывая довольно таки неповоротливому басу Демидову, какъ симулировать страхъ Фарлафа передъ свиданіемъ съ Наиной, а его гримъ въ роли Мазепы представлялъ великолѣпнѣйшую картину. При выходѣ на сцену въ роли Мазепы, онъ вызвалъ взрывъ апплодисментовъ.

Имѣя всѣ эти данныя, онъ могъ бы быть неоцѣненнымъ пріобрѣтеніемъ для молодого театра. Но у него былъ невозможный характеръ. Перессорить артистовъ было для него первымъ удовольствіемъ, и это безъ всякой серьезной цѣли,—такъ изъ любви къ интригѣ и конечно при случаѣ, всегда, готовъ былъ заварить и серьезную кашу. Въ Петербургѣ это отлично знали и послать его въ Москву было предлогомъ избавиться отъ него въ Петербургѣ.

До его появленія, главнымъ режиссеромъ былъ Савицкій, который такимъ образомъ очутился помощникомъ Сѣтова, такъ что этотъ послѣдній нашелъ въ Москвѣ въ лицѣ Савицкаго заклятаго врага. Сѣтову было дано право выступать въ теноровыхъ партіяхъ, по своему усмотрѣнію, когда это будетъ ему удобно, и вотъ когда разъ ему вздумалось выступить, не помню въ какой роли, передъ московской публикой, зрители, занимая мѣста въ театрѣ, находили печатанное объявленіе слѣдующаго содержанія:

„Г. Сѣтовъ потерялъ голосъ, предлагаетъ 25 р. вознагражденія тому, кто его возвратитъ“. Не трудно было догадаться, кто былъ авторомъ этой афиши. Въ ноябрѣ прислали изъ Петербурга пѣвицу, ея превосходительство Александру Доримедонтовну Кочетову, бывшую, нѣкоторое время, пѣвицей при Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Она тогда уже была не молода, но имѣла несомнѣнныя заслуги какъ пѣвица. Превосходная музыкантша, она довела свое

пѣніе до совершенства; необыкновенная чистота интонаціи, точность, ритмъ, увѣренность дѣлали изъ нея отличную партнершу въ ансамбляхъ, Кромѣ того она обладала величественной красотой. Всѣ эти данныя могли бы сдѣлать изъ нея первоклассную пѣвицу, ежели бы этому не мѣшали ея крупные недостатки. Голосъ ея не звучалъ, сухой тембръ, какъ бы выбивающійся—изъ-подъ покрывала, ни нравиться, ни увлекать не могъ. Въ роляхъ, гдѣ не требовалась игра, она была хороша, но въ драматическихъ моментахъ нельзя было разобрать, что она произносила; дикція была не ясная. Лучшія ея роли были Антонида и Людмила. Въ анданте аріи Антониды, она производила чарующее впечатлѣніе, которое уничтожалось аллегро, исполняемымъ безъ звука, энергіи и силы.

Послѣ ея дебюта явился лирическій теноръ Раппопортъ; небольшой, пріятнаго тембра голосъ и его необыкновенная добросовѣстность дѣлали его желаннымъ пріобрѣтеніемъ. Главная его роль, Финъ въ „Русланѣ“, исполнялась имъ въ совершенствѣ; лучшаго исполненія этой партіи я не встрѣчала.

Было два баса: Демидовъ и Радонежскій, оба имѣли прекрасные голоса.—Не доставало драматическаго тенора. Контральтовыя партіи исполнялись госпожою Ректъ, которая не могла никакъ усвоить себѣ, что нѣмецкое „b“, въ русскомъ алфавитѣ означаетъ „в“, это обстоятельство способствовало дружнымъ взрывамъ смѣха въ публикѣ; а голосъ ея былъ хорошій.

Въ концѣ ноября 1866 г., когда я начинала свыкаться съ своимъ положеніемъ и перестала, что называется, у моря ждать погоды, рѣшительно ничего не зная изъ вышеописанныхъ событій въ театрѣ—явился ко мнѣ, по порученію дирекціи, г. Сѣтовъ, съ предложеніемъ дебютировать въ текущемъ сезонѣ, въ роли Вани въ оп.: „Жизнь за Царя“. У меня русскаго репертуара не было, и я никогда не думала перемѣнять карьеру итальянской пѣвицы на русскую.

Предложеніе это мнѣ показалось непріемлемымъ. Предполагалось въ этомъ же сезонѣ дать Русалку, Руслана, Мазепу, на что потребовалось бы много труда и времени. Сѣтовъ началъ уговаривать, предсказывалъ огромный успѣхъ, выгодныя условія, долгосрочный контрактъ; былъ краснорѣчивъ и увлекателенъ, склонилъ меня на то, чтобы я согласилась ознакомиться съ партіей Вани и, въ скорѣйшемъ времени, дать ему окончательный отвѣтъ.

Для ознакомленія съ партіей, потребовалось нѣсколько дней, по истеченіи которыхъ я убѣдилась, что партія для меня слишкомъ низка, тѣмъ болѣе, что въ итальянской оперѣ партіи моего репертуара были чисто меццо-сопрановыя; такія роли, какъ Фидесъ въ „Пророкѣ“, Азучена въ „Трубадурѣ“, Фаворитка, развили мой верх-

ній регистръ и сдѣлали мой репертуаръ и мой голосъ гораздо выше, чѣмъ требовалось для очень низкой партіи Вани. По-моему въ дуэтѣ съ басомъ „ты меня на Руси“ голосъ не достаточно звучалъ, а потому очень любезнымъ письмомъ къ г. Сѣтову, я сообщила, что при всемъ желаніи поступить на русскую сцену, я не чувствую себя способной преодолѣть тѣ затрудненія, которыя встрѣтила въ данной партіи, а потому я должна себя лишить чести поступленія въ русскую оперу, т. к. на полный успѣхъ разсчитывать не могу. На всѣхъ парусахъ пріѣхали ко мнѣ, по прочтеніи моего отказа, г.г. Неклюдовъ, Бечичевъ, Пельтъ и Сѣтовъ просить меня принять предложеніе петербургской и московской дирекцій, хотя бы попробовать спѣть партію на репетиціи:—этому противиться я не могла созвали репетицію въ фойэ, были приглашены всѣ оперные артисты; конечно, явилось все начальство и къ моему большому удовольствію, много артистовъ Малаго театра, пожелавшихъ присутствовать на испытаніи.

Репетиція эта, или скорѣе проба, была сплошной оваціей; хорошо, худо, все сходило, и я до сихъ поръ съ увѣренностью не могу сказать; пѣла ли я въ самомъ дѣлѣ такъ хорошо, или былъ это подстроенный успѣхъ, чтобы получить мое согласіе на дебютъ.— 4 января 1866 года я дебютировала въ роли Вани. Описать подробно этотъ спектакль я не берусь; пусть тѣ немногіе, которые помнятъ, скажутъ чѣмъ были мои дебюты для русской оперы и для московской сцены.

Театръ былъ буквально переполненъ; тогда допускалось неограниченное число лицъ въ ложи; сколько бы ни входило человѣкъ, пускали всѣхъ. Помню, какъ сейчасъ, ту сплошную стѣну головъ, съ ихъ черными, бѣлокурыми, рыжими шевелюрами, выкрикивающихъ, что есть силы, мою звучную, благодаря тремъ гласнымъ буквамъ, фамилію. Вызывамъ не было конца. Растроганный г. Неклюдовъ привѣтствовалъ успѣхъ, не какъ начальникъ, а какъ человѣкъ сердечный, довольный необыкновенной удачей. Хористы окружали меня; артисты жали руки, а кто просто обнималъ; артисты Малаго театра поздравляли и видимо радовались; коллеги тоже казались довольными; одна госпожа Александрова (Кочетова) очень сдержанно поздравила, а публика неистово кричала и вызывала. Ложи бель-этажа и бенуара были полны очень нарядной публикой; многія изъ дамъ признавались послѣ, что слышали оп. „Жизнь за Царя“ въ первый разъ.—Госпожа Шиловская, рожденная Вердеровская, ученица и другъ покойнаго Глинки, пріѣхавъ домой послѣ спектакля, сняла портретъ незабвеннаго, великаго композитора, поцѣловала его и сказала: „пусть прахъ твой радуется съ нами“.

Послѣ моего концерта, даннаго въ 1908 г. 6-го марта здѣсь, въ Петербургѣ, очень благосклонный рецензентъ написалъ: г-жа Онноре́, обрусѣлая полька, была замужемъ за французомъ и училась у итальянца... Этотъ отзывъ меня очень обрадовалъ, а окончательное мое обрусѣніе отношу къ вечеру 4-го января 1866 года.

Я почувствовала такой приливъ любви ко всему русскому, что сердце мое радовалось, что я спасала любимаго Царя и чувствовала себя въ силахъ унести его далеко, гдѣ злоба людская и опасность угрожать ему не могли. Если бы въ прошломъ было только одно это воспоминаніе, то скажу, что стоило жить и страдать долгіе годы, чтобы имѣть всегда въ памяти пережитыя впечатлѣнія.

Очень скоро, однако, пришлось сойти съ этого Олимпа и очутиться въ самой скромной и не особенно лестной дѣйствительности. Дирекція предложила мнѣ пѣть, до заключенія контракта, за блестящій гонораръ 100 р. за представленіе. Душъ былъ нѣсколько охлаждающій. Владѣлецъ музыкальнаго магазина г. Грессеръ, когда стало извѣстно, на какихъ условіяхъ меня пригласила дирекція, сказалъ моему доктору: когда я подумаю, что мадамъ Онноре́ поетъ за 100 р., мнѣ плакать хочется. Понадобился какой-то заблудившейся пѣвицѣ бенефисъ, т. к. она оставалась неудовлетворенной окончательнымъ разсчетомъ съ дирекціей. Наскоро срепетировали „Гугеноты“. Г-жа Бумеръ сдѣлала полный сборъ, но публика желала и ждала только „Жизнь за Царя“. Всякій разъ, когда опера была на афишѣ, у кассы можно было наблюдать то, что теперь въ Петербургѣ происходитъ при представленіяхъ московскаго художественнаго театра; стоимость билетовъ, покупавшихся обыкновенно барышниками, сильно возрастала, а къ спектаклю нельзя было ни за какія деньги получить мѣста. Богатѣли барышники, кассиры; оставались оскорбленными, неимущими, только мы. Послѣ „Гугенотъ“ дали для бенефиса Сѣтова „Мазепу“ Фитингофа - Шель, „Марту“, которыя постоянно смѣнялись любимой оперой. Такимъ образомъ подошло 4-е апрѣля. Кто не видѣлъ того, что происходило тогда въ Москвѣ, не можетъ себѣ представить того настроенія какъ общества, такъ и уличной толпы. Москва была потрясена до основанія. Всѣмъ стало извѣстно только 5-го апрѣля избавленіе Царя отъ грозившей Ему опасности. Съ церквей раздавался неумолкаемый трезвонъ. Народъ массами шелъ съ замоскворѣчія, съ Охотнаго ряда и съ заставъ.

Толпы встрѣчались, пѣли гимнъ, всѣ безъ шапокъ, весь день неистово кричали до поздней ночи. Въ театрѣ, на афишахъ стояло: 5-го апрѣля, вечеромъ „Жизнь за Царя“—6-го, утромъ „Жизнь за

Царя“ и т. д. впередъ на нѣсколько дней... У кассы происходили бурныя сцены. Начало спектакля назначали часомъ раньше обыкновеннаго. Передъ началомъ публика требовала гимнъ—повторяли безъ конца. Народъ наполнялъ и окружалъ соборы и церкви днемъ, а вечеромъ шелъ массами къ театру. Представленіе по случаю безконечныхъ повтореній гимна затягивалось до поздней ночи. Возвращались домой въ 3 часа и позже. Былъ вечеръ, когда пѣли гимнъ 24 раза. Ходили самые разнорѣчивые слухи о національности преступника, называли упорно фамилію поляка Ольшевскаго, такъ что когда хористы выходили на сцену въ русскихъ костюмахъ, ихъ восторженно привѣтствовали, но когда тѣ же хористы являлись въ латахъ и крылатыхъ шлемахъ, ихъ прогоняли со свистомъ, визгомъ и ужаснымъ шиканіемъ въ кулисы, гдѣ торопливо снимались польскіе доспѣхи и на сцену снова являлись русскіе мужички, которыхъ заставляли повторять гимнъ безъ конца. Было сдѣлано распоряженіе не препятствовать манифестаціямъ, въ какихъ бы видахъ и размѣрахъ онѣ ни выражались. Такихъ представленій было дано очень много. Г-нъ Неклюдовъ, видя нашъ продолжительный и непосильный трудъ, ходатайствовалъ передъ петербургской дирекціей о назначеніи г-жѣ Александровой и мнѣ одного представленія оперы „Жизнь за Царя“ въ нашу пользу, въ видѣ награды за особенно утомительный и усердный трудъ. Графъ Бергъ въ отвѣтъ прислалъ рѣзкій отказъ.

Нахожу умѣстнымъ разсказать здѣсь фактъ, относящійся къ тѣмъ порядкамъ, которые велись тогда у насъ.

Въ началѣ 60-хъ годовъ, т. е. не задолго до вышеописанныхъ событій, въ итальянскую петербургскую оперу была приглашена на роли драматическаго сопрано г-жа Галетти; она пользовалась нѣкоторой извѣстностью. По контракту она должна была получать 15.000 р. за сезонъ. Въ день дебюта въ оперѣ „Фаворитка“ она серьезно заболѣла; пѣла совершенно охрипшимъ голосомъ; арію пропустила, въ финалахъ молчала; призванный врачъ не только запретилъ ей пѣть въ текущемъ сезонѣ, но совѣтовалъ какъ можно скорѣй покинуть Петербургъ. Дирекція затруднялась, что дать пѣвицѣ за это единственное, неудачное представленіе?.. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, великодушно рѣшили выдать всю сумму сполна, т. е. 15.000 р. Сколько намъ надо было работать, чтобы получить подобную сумму? мнѣ напр. три съ половиной года, а нашимъ indigen'амъ 12 лѣтъ.

Передъ концомъ сезона дирекція мнѣ предложила подписать контрактъ на слѣдующихъ условіяхъ: 4.000 жалованія и полубенефисъ; плюсомъ оказались 30 р. поспектакльной платы. Контрактъ

заключался на 4 года. Г-жа Александрова, дебютировавшая раньше меня, контракта не получала; она видимо волновалась. Когда стало извѣстно, что ея бумага была прислана и что она окончательно принята, я обрадовалась и тепло, искренно ее поздравила. Кивкомъ головы она поблагодарила и тихо съ разстановкой сказала: „je crois bien que pour Vous c'est un grand bonneur que je sois engageé“. Я не нашлась, что сказать, но возмущенная повернулась и ушла. Съ тѣхъ поръ наши отношенія никогда близкими не были и кончились полнымъ разрывомъ; скажу ниже по какому случаю.

Съ теченіемъ времени я стала свыкаться съ своимъ положеніемъ и понемногу стала забывать итальянскую оперу. Но итальянская опера меня не позабыла, такъ какъ въ это же время я получила приглашеніе пѣть лѣтомъ, того же 1866 г., въ Мадридѣ, въ театрѣ Россини, въ которомъ оперный сезонъ бываетъ лѣтомъ, какъ въ Лондонѣ. Дебюты въ „Трубадурѣ“ или въ „Фаустѣ“. Труппа: 1-е сопрано г-жа Барбо, имѣвшая въ Петербургѣ очень большой успѣхъ; по желанію Верди она замѣнила г-жу Лагруа, отказавшуюся, по болѣзни, отъ своей роли въ оп. „La forza dell destino“, „Сила судьбы“.

Фамилію колоратурной пѣвицы я не помню; драматическій теноръ Лефранъ; лирическій Андреевъ; баритонъ Стеллеръ, басъ Віалетти, капельмейстеръ Віанези. Три послѣдніе мои коллеги по итальянской оперѣ въ Москвѣ.—По пріѣздѣ г-жи Барбо выяснилось, что она требовала дебюта въ оп. Пачини Саффо, въ которой она очень нравилась въ Петербургѣ. Надо было разучить наскоро роль Климены, которую я еще не пѣла. — Сейчасъ назначили репетицію. Хористы, требовавшіе авансовъ, не получая ихъ, отказались пѣть, такъ что репетиція не состоялась; такимъ образомъ времени для разученія партіи оказалось много, потому что неурядица въ дирекціи продолжалась дней десять. — Роль Климены начинается съ чудной аріи, предшествуемой женскимъ хоромъ. Греческій костюмъ, бѣлый съ голубымъ, какъ нельзя лучше шелъ къ моимъ бирюзовымъ, украшеннымъ бриллiантами и жемчугами ожерелью и діадемѣ. Принято въ Испаніи, что ежели публикѣ пѣвица нравится, и ей апплодируютъ, оркестръ и хоръ имѣютъ право то же апплодировать. Когда я спѣла первую арію, весь театръ, поддерживаемый оркестромъ и хоромъ, дружно и долго апплодировалъ! Послѣ перваго акта постучались въ уборную, прося позволенія войти. Импрессаріо театра Барцелоны пришелъ выразить свое удовольствіе и поздравленіе, по поводу моего успѣха, а также предложить ангажементъ въ снятомъ имъ театрѣ. Я поблагодарила за довѣріе и сказала, что передъ

отъѣздомъ изъ Москвы я подписала контрактъ, связывающій меня на четыре года. Антрепренеръ настойчиво уговаривалъ согласиться на его условія и брался взять на себя неустойку.—Оперы предлагаемыя: Пророкъ, Фаворитка, Семирамида, Аида и пр.

Въ Москвѣ былъ баритонъ—Фараръ; онъ исполнялъ самыя незначительныя партіи. Никто изъ насъ не предполагалъ, что кромѣ этой весьма скромной дѣятельности, у него была очень серьезная миссія, увѣдомлять директора итальянской оперы въ Парижѣ о голосахъ, успѣхахъ и пригодности пѣвицъ для его театра. Во время спектакля 2-го представленія оп. Саффо, Фараръ принесъ мнѣ контрактъ „en blanc" отъ имени Бажье, съ предложеніемъ принять ангажементъ въ Парижѣ, такъ какъ онъ слышалъ меня въ Лондонѣ, а теперь слышалъ о моемъ выдающемся успѣхѣ въ Мадридѣ.—Но это не все; театръ Скала прислалъ мнѣ своего агента съ подобными предложеніями.—Надо было отказаться отъ всего и покинуть окончательно и безвозвратно мечты объ итальянской карьерѣ.—Въ первомъ актѣ оп. Саффо былъ выходъ тенора Андреева; онъ пѣлъ въ 17-ти театрахъ въ Италіи, имѣлъ хорошій, молодой голосъ. Саффо онъ пѣлъ, какъ и я, первый разъ. Средняго роста, хорошо сложенъ, не дуренъ собой, онъ вполнѣ могъ, при своемъ хорошемъ голосѣ, имѣть успѣхъ; но тутъ ему не повезло; греческій костюмъ, съ обнаженными руками до плечъ, ноги въ сандаліяхъ, неизвѣстно почему, не понравились; его первое появленіе вызвало гомерическій смѣхъ. Опишу здѣсь одну сцену, чтобы дать понятіе о мѣстныхъ нравахъ. — Андреевъ пѣлъ арію при взрывахъ неистоваго свиста: южная, необузданная молодежь, пріученная къ звѣрскимъ зрѣлищамъ боя быковъ, приходитъ въ театръ, какъ и въ циркъ, съ большими свистками изъ чернаго дерева; эта принадлежность театра никогда не оставляется дома—авось пригодится.—Одновременно съ свисткомъ особенной силы, похожимъ на тѣ свистки, которые приходится слышать на пароходахъ, когда выпускается лишній паръ—одновременно полетѣли со всѣхъ сторонъ театра—свертки съ мукой, углемъ и крупой. Бѣдный Андреевъ былъ буквально покрытъ ими; свертки не всѣ достигали цѣли; нѣкоторые изъ нихъ разрывались въ пути; особенно плохо приходилось музыкантамъ оркестра, которые получали ихъ на головы, инструменты и пюпитры. Андреевъ вынесъ это испытаніе съ большимъ достоинствомъ и спокойствіемъ. Окружающіе говорили, что ежели бы у него хватило смѣлости, и онъ бы пѣлъ арію какъ онъ могъ спѣть, свистки смѣнились бы оваціей; но у него не доставало мужества; голосъ его дрожалъ и плохо звучалъ.—Было дано три представленія Саффо; каждый разъ, тѣ же сцены возобновлялись съ одинаковой энергіей.—Послѣ Андре-

евъ съ своей женой былъ приглашенъ гастролировать въ Москву.—Жена его была хорошая пѣвица; выступили они въ Сонамбулѣ и оба имѣли хорошій, заслуженный успѣхъ.—Не хочу забыть одного инцидента: въ оперѣ Саффо требуется теноръ для исполненія незначительной партіи; затруднялись, кому бы дать эту маленькую роль. Хормейстеръ предложилъ юношу, у котораго оказался хорошій голосъ; это былъ знаменитый впослѣдствіи пѣвецъ „Марини"; онъ былъ вторыхъ мужемъ г-жи Вольпини. Встрѣтились мы нѣсколько времени спустя въ Москвѣ; онъ самъ напомнилъ мнѣ, гдѣ мы видѣлись въ первый разъ.—Ко второму представленію пріѣхалъ мой мужъ, успѣхъ продолжался одинаковымъ. Затѣмъ были присланы извѣщенія о репетиціи „Трубадура". Наканунѣ, вечеромъ, выходя изъ цирка, гдѣ шелъ большой бой быковъ, мой мужъ размѣнялъ билетъ въ 25 реалей, но получилъ звонкой монетой только 14. Ночью на 22-е іюня, мы были разбужены пушечными выстрѣлами. Вспыхнула революція. Возстаніе началось въ артиллерійской казармѣ, находившейся на дворцовой площади, напротивъ королевскаго дворца. Сержанты направляли выстрѣлы на улицу Солнца, въ концѣ которой находится площадь того же названія.—Тѣмъ временемъ, правительственныя войска, подъ командою генерала Прима, окружили городъ. Казарма была осаждена. Въ этой части войска простыхъ солдатъ не было, а потому революція эта называлась: „la revolution des sergens". Это былъ какъ бы цвѣтъ арміи, все молодежь, между которыми старше 25 лѣтъ не было.—Рѣшили защищаться до крайности. Всѣ офицеры были убиты; всѣ помѣщенія брались отдѣльно, къ утру казарма представляла зданіе совершенно сквозное, безъ оконъ и дверей. Всѣ осажденные были или убиты, или арестованы. Первый разъ съ пріѣзда, этой ночью, выпалъ обильный дождь, который въ нѣкоторой степени смылъ потоки крови.—Всѣ дома улицы Солнца были испещрены слѣдами выстрѣловъ, нѣкоторые сильно повреждены. Мы жили на улицѣ параллельной улицѣ Солнца, рядомъ съ почтамтомъ, который, какъ впослѣдствіи оказалось, былъ цѣлью повстанцевъ. Былъ слышенъ трескъ скатывавшихся по крышамъ гранатъ.—Жившій рядомъ съ нашимъ домомъ господинъ былъ убитъ мирно сидящимъ на своемъ диванѣ. — На улицу выходить было строго запрещено. Питались 34 часа однимъ шоколадомъ.—Андрееву наскучило оставаться такъ долго въ одиночествѣ, и онъ попытался выйти; часовой, стоявшій съ ружьемъ въ рукахъ, прицѣлился и спросилъ: „quiere uste morrir": „Вы хотите умереть?" — А баритонъ Стеллеръ отъ страха слегъ въ постель, сказавшись больнымъ.—Патрули верхомъ ѣздили день и ночь съ заряженными револьверами, съ взведенными курками.

Было приказано жечь свѣчи всю ночь на каждомъ окнѣ. Только 24-го мы вышли первый разъ на улицу. Городъ, несмотря на яркое солнце, имѣлъ мрачный видъ; дѣлались совершенно открыто во всѣхъ домахъ обыски; арестовывали всѣхъ, у кого находили оружіе.—Дамы въ глубокомъ траурѣ стояли группами на площади и плакали; вездѣ были видны слѣды, даже лужи застывшей крови. На другой день т. е. 25-го іюня 1866 г. начались казни осужденныхъ военнымъ судомъ, вели по партіямъ въ 18, 19 и 20 человѣкъ. Шелъ этотъ этотъ грустный кортежъ за городъ, по пути къ театру Россини. Приставляли ихъ къ глухой стѣнѣ и разстрѣливали по очереди; они падали ницъ, въ заранѣе вырытую передъ ними канаву; нѣкоторые были убиты сразу, другіе обнаруживали признаки жизни и тогда ихъ добивали револьверами, приставленными къ вискамъ.

Надо было думать объ отъѣздѣ. Надежды на продолженіе опернаго сезона не было, а г. Ровира, антрепренеръ, воспользовавшись событіями, никому не заплатилъ и безслѣдно пропалъ.—Сообщеніе по желѣзнымъ дорогамъ было прервано, телеграфъ не работалъ; мы остались цѣлую недѣлю въ смертномъ городѣ; было разстрѣлено 150 человѣкъ. — Когда брались билеты у кассы на вокзалѣ, всѣ деньги золотой монетой, при сдачѣ, оказались фальшивыми. Вниманіе Европы было поглощено шумными побѣдами Германіи, а битвы подъ Садовой заглушали испанскія пушки. Революція эта жестокая, кровавая, прошланазамѣтной, а въ Испаніи, однако, совершались событія первой важности; вся страна изнемогала, королева бѣжала, и тогда началась серія возстаній, которыя такъ долго терзали Испанію.

Изъ Мадрида поѣхали отдохнуть въ излюбленный нами Висбаденъ, гдѣ я къ своему удивленію узнала, что режиссеръ Ковентъ Гарденскаго театра пріѣзжалъ, чтобы видѣть меня и уговорить вернуться въ Лондонъ, къ сезону 1867 года. По разнымъ причинамъ я согласиться на это не могла. Мы торопились въ Москву, гдѣ сезонъ начинался неизмѣнно оперой „Жизнь за Царя“, 26-го августа, день коронаціи Императора Александра II. — Не скрою, что мнѣ страшно было жаль разставаться съ итальянской оперой, на этотъ разъ навсегда, но немыслимо было продолжать ѣздить лѣтомъ по Европѣ, съ больнымъ мужемъ и безъ отдыха начинать оперный сезонъ въ Москвѣ.

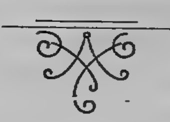
Въ Москвѣ, исключая радости свиданія съ сыномъ и чувства нѣкотораго успокоенія, какъ бы у тихой пристани, послѣ года страшныхъ волненій и тревогъ, ожидало насъ не мало огорченій. Стало извѣстно, что необходимыхъ артистовъ не пригласили; драматическаго тенора, колоратурнаго сопрано и баритона по-прежнему

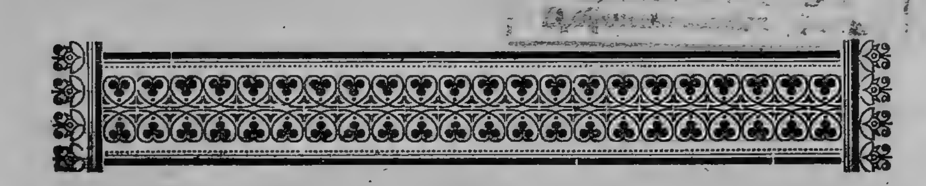
не доставало; новыхъ оперъ ставить не намѣревались. Нельзя было предполагать, что послѣ безчисленныхъ представленій оперы „Жизнь за Царя“ въ прошломъ сезонѣ, эта опера будетъ давать и теперь полные сборы и что успѣхъ будетъ такимъ же. 26-го августа день коронаціи и 30-го день тезоименитства Царя дали оп. „Жизнь за Царя“ — оба спектакля дали полные сборы; успѣхъ получился колоссальный. Меня утѣшали тѣмъ, что безотлагательно приступятъ къ репетиціямъ „Русалки“, и что Дорогомыжскій изъявилъ желаніе дирижировать оркестромъ лично, что дастъ представленію особый блескъ, — но „Русалка“ шла очень часто у нѣмцевъ, и театръ постоянно пустовалъ.

Къ первой репетиціи „Русалки“ пріѣхалъ авторъ. Я хорошо его знала, и встрѣча наша была чрезвычайно сердечная; онъ привѣтствовалъ меня слѣдующими словами: „дожилъ, дожилъ, Ирина Ивановна, вы будете моей княгиней!!“—Репетиціи „Русалки“ были очень продолжительныя: часто мы задерживались на сценѣ до 5-ти часовъ.

И. Онноре.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Эпизодъ изъ жизни Вел. Кн. Константина Павловича[1]).

Проѣздомъ изъ Петербурга въ Варшаву вел. кн. Константинъ Павловичъ нерѣдко останавливался въ Брестѣ въ домѣ богатаго тамошняго купца Розенмайера. Розенмайеръ устроилъ при столовой специальную кладовую, гдѣ хранилось все необходимое къ пріему цесаревича со свитой.

Въ 1831 г. однажды, поздно ночью, купецъ, сидя въ столовой, заканчивалъ свою работу, какъ вдругъ услышалъ осторожный стукъ въ наружную дверь. Не желая будить прислугу, Розенмайеръ вышелъ въ сѣни, открылъ дверь и отпрянулъ въ ужасѣ: передъ нимъ стоялъ цесаревичъ, одинъ, безъ свиты; воротникъ его шинели былъ поднятъ, шапка надвинута на глаза. „Ваше Высочество", еле выговорилъ Розенмайеръ. „Молчи, ни слова", грознымъ шепотомъ отвѣтилъ цесаревичъ; потомъ молча прошелъ въ столовую и какъ-бы въ изнеможеніи опустился на диванъ. Оправившись отъ испуга, хозяинъ подошелъ было къ двери, чтобы разбудить спавшую дочь и прислугу. „Ни съ мѣста", тихо, но внушительно сказалъ великій князь: „никто не долженъ знать о моемъ пребываніи въ твоемъ домѣ". Старикъ такъ и застылъ у дверей. „Чаю, прошу тебя; хочется согрѣться; только никого не буди, готовь самъ и не выходи изъ этой комнаты".

Розенмайеръ безмолвно повиновался: досталъ изъ знакомой цесаревичу кладовой при столовой чайный приборъ и сталъ готовить чай. Замѣтивъ на себѣ пристальный взглядъ Константина Павловича, хозяинъ окончательно растерялся; неожиданность ночного визита и странное поведеніе великаго князя приводили его въ ужасъ.

Когда чай былъ готовъ, Розенмайеръ сталъ искать сахаръ, но

---

[1]) Эпизодъ относится къ эпохѣ польскаго возстанія и переданъ автору родственницей дѣйствующаго въ разсказѣ лица, Розенмайера.

ничего не нашелъ, кромѣ маленькаго ящика съ сахарнымъ пескомъ; разбудить дочь или позвать прислугу онъ, конечно, не смѣлъ.

Наливъ чай въ стаканъ, хозяинъ сталъ сыпать въ него сахарный песокъ изъ ящичка. Внезапно цесаревичъ вскочилъ съ дивана, схватилъ Розенмайера за руку и громко спросилъ: „Что ты сдѣлалъ?"

Тутъ только хозяинъ понялъ странное поведеніе ночного гостя и, спокойно посмотрѣвъ на цесаревича, сказалъ: „Ваше Высочество, чай, навѣрное, еще не сладокъ; позвольте мнѣ отвѣдать."—„Молодецъ!" вырвалось у великаго князя и, придвинувъ къ себѣ стаканъ, онъ спокойно поднесъ его ко рту.

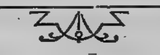
„Нѣтъ ли у тебя лошадей, лишняго пальто и надежнаго человѣка?" спросилъ Константинъ Павловичъ послѣ чаю. „Какъ не быть", отвѣтилъ хозяинъ, принесъ великому князю широкую шубу съ большимъ мѣховымъ воротникомъ, вышелъ съ нимъ во дворъ, осторожно разбудилъ стараго слугу; не называя гостя, объяснилъ слугѣ, куда и какимъ путемъ нужно ѣхать, и какъ нужно держать себя въ пути. Цесаревичъ сѣлъ въ сани и, прощаясь съ Розенмайеромъ, сказалъ: „Проси какой хочешь награды".

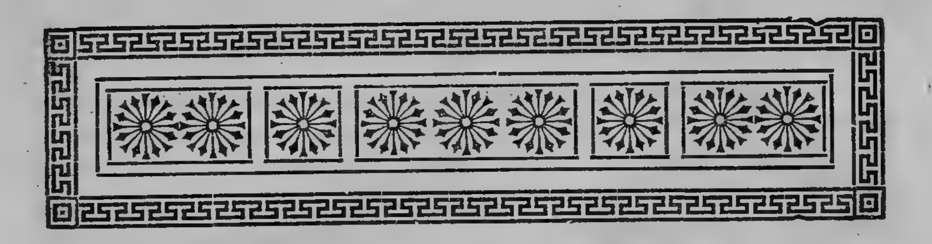
„Ваше Высочество", отвѣтилъ тотъ: „я уже старъ, мнѣ ничего не нужно; сыновей у меня нѣтъ, а единственная дочь очень богата".

Великій князь настаивалъ. Розенмайеръ вспомнилъ треволненія минувшей ночи и рѣшительно сказалъ: „У меня есть одно желаніе".—„Говори".—„Если Ваше Высочество хотите успокоить мою старость, прикажите навсегда освободить мой домъ отъ постоевъ". —„Дуракъ!" раздраженно крикнулъ цесаревичъ и велѣлъ погонять лошадей.

Вскорѣ послѣ ночного визита, старикъ, къ крайнему своему изумленію, получилъ изъ Петербурга оффиціальное извѣщеніе о пожалованіи его корнетомъ гвардіи.

Сообщ. Д. Атласъ.

Изъ замѣтокъ стараго ремонтера.

I.

Въ 1850 году, по окончаніи курса наукъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, я поступилъ юнкеромъ, съ выслугой трехъ мѣсяцевъ за рядового въ... гусарскій полкъ, квартировавшій въ то время на Югѣ Россіи. Тогда въ губерніяхъ Новгородской, Харьковской, Херсонской и частью въ Каменецъ-Подольской были военныя поселенія; это наслѣдіе извѣстнаго временщика Аракчеева. Военныя поселенія дорого стоили правительству императора Николая I-го. Современники утверждали, что каждая мѣрка овса обходилась казнѣ въ червонецъ. И дѣйствительно поселенскіе порядки были изъ рукъ вонъ убыточны для казны. Кромѣ содержанія всей этой аравы служащихъ окружныхъ начальниковъ, волостныхъ, содержанія штабовъ и т. д., все, что соприкасалось къ этому дѣлу, пользовалось якобы *безгрѣшными* доходами. Шутники того времени нарисовали очень забавную картинку, которая ходила по рукамъ многихъ. Картинка эта изображала изъ себя скирды пшеницы на лапкахъ, и одинъ изъ окружныхъ начальниковъ съ кнутикомъ въ рукахъ подгонялъ эти скирды по дорогѣ въ Одессу.

Губернія Херсонская въ эпоху военныхъ поселеній была раздѣлена на округа и волости. Первыми командовали штабъ-офицеры, а вторыми оберъ-офицеры, повсюду были, какъ я замѣтилъ, устроены штабы, и всѣмъ этимъ раіономъ завѣдывалъ графъ Никитинъ, проживавшій въ Кременчугѣ.

Въ мѣстахъ расположенія полковъ между деревнями по дорогѣ на каждой четверти версты стояли каменные столбы, окрашенные въ цвѣтъ киверовъ расположеннаго полка. Такъ, напримѣръ, въ де-

ревняхъ, гдѣ стояли Александрійскіе гусары, столбики были окрашены въ красный цвѣтъ, въ мѣстахъ расположенія эскадроновъ Ахтырскаго гусарскаго полка, между деревнями столбики были желтаго цвѣта, уланы Бугскаго полка, кивера котораго были оранжеваго цвѣта, имѣли такіе же и столбики между деревнями. Въ раіонѣ расположенія Насаускаго уланскаго полка столбики были бѣлаго цвѣта, такъ какъ Насаускіе уланы имѣли бѣлые кивера.

Жалованье господамъ штабъ и оберъ-офицерамъ, а равно и содержаніе множества канцелярій обходилось далеко недешево казнѣ. И если ко всему этому прибавить хищенія, о которыхъ я упомянулъ, то для насъ, въ настоящее время является положительно непонятнымъ, какимъ образомъ правительство Николая I-го такъ долго терпѣло эти крайне не нужные и непроизводительные расходы.

Я очень молодымъ человѣкомъ вступилъ въ полкъ, квартировавшій въ военномъ поселеніи; этому прошло уже 55 лѣтъ, но я и до сихъ поръ не могу забыть впечатлѣнія, произведеннаго на меня порядками военнаго поселенія. Я живо помню рядъ этихъ каменныхъ домиковъ, стоящихъ, какъ солдаты по ранжиру, безъ надворныхъ пристроекъ; не то это были этапные пункты, не то маленькіе остроги, по улицамъ деревень встрѣчались какіе-то не то крестьяне, не то арестанты. Среди села красовался домъ, гдѣ собирался такъ называемый комитетъ, и производилась ежедневно расправа, конечно палочная надъ поселянами; ни вишневыхъ садиковъ, какъ это бываетъ въ малороссійскихъ селахъ, ни надворныхъ построекъ, ничего подобнаго нѣтъ и слѣда. Для кавалеріи были построены камышевыя конюшни, обмазанныя глиной; на каждый взводъ въ 48 лошадей, полагалась одна конюшня, манежи представляли собой какіе-то загоны безъ крышъ, они также были построены изъ камыша, обмазаннаго глиной.

Въ этихъ манежахъ, или правильнѣе загонахъ производились ученья. Пѣшее ученье и пѣшее по-конному дѣлались въ степи, конечно, когда сходилъ снѣгъ. Манежная ѣзда на уздечкахъ и на мунштукахъ была для учащихся чисто мукой. Всѣ недостатки лошади возмѣщались на ѣздокѣ. Если лошадь не шла въ сборѣ, командиръ приказывалъ укоротить поводъ, но и при такихъ случаяхъ лошадь не всегда шла въ сборѣ; ея ганашъ не позволялъ круто держать шею. Всадника тотчасъ же ссаживали съ лошади, и истязанія начинались. Злосчастнаго солдата били поводьями, фухтелями или палками. Почти все время ученья происходила порка. Пѣшій строй былъ еще болѣе невыносимъ. Солдаты маршировали въ три пріема тихимъ и бѣглымъ шагомъ. Когда люди были одѣты въ полную парадную форму, страданія ихъ были невыразимы. Гусары

въ ту эпоху носили на себѣ тяжесть несравненно большую, чѣмъ кирасиры. Гусарскій солдатъ былъ одѣтъ въ доломанъ, и на плечахъ его пригонялся ментикъ; обѣ эти куртки имѣли сто двадцать четыре оловянныхъ пуговицы, ментикъ былъ подбитъ войлокомъ, ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что въ гусарскихъ полкахъ съ бѣлыми шнурками на доломанахъ и ментикахъ приказано было бѣлить шнурки, для этого у каждаго солдата была маленькая щеточка, которою онъ насытивъ составомъ, заключающимся въ мелко растолченномъ мѣлѣ съ клеемъ, бѣлилъ шнурки и амуницію; на головѣ солдата былъ киверъ, нѣчто вродѣ неуклюжаго боченка, затѣмъ, конечно, сабля съ ташкой. Если свѣсить всю эту форму, повторяю, она будетъ значительно тяжелѣе кирасирской. Потомъ рейтузы солдата пригонялись двоякимъ способомъ, для пѣшаго строя очень натянутыми, а для коннаго болѣе свободныя. Смѣшно и жаль было видѣть гусарскій эскадронъ марширующимъ тихимъ шагомъ. При поворотѣ шеренги налѣво кругомъ, происходили великіе курьезы, ташка марширующаго попадала ему между ногъ, а сабля ударяла сосѣда. При поворотѣ шеренги налѣво или направо вся хитрость заключалась въ томъ, чтобы не наступить марширующему въ затылокъ на шпору, и неудачное ученье, конечно, оканчивалось палочной расправой.

Но что въ особенности вліяло дурно на солдатъ, квартировавшихъ въ военномъ поселеніи, это распущенность ихъ, доходившая до мужичества. Вообще, всѣхъ прелестей, которыя я встрѣтилъ въ военномъ поселеніи, и не перечтешь. На такъ называемыхъ вольныхъ квартирахъ было нѣсколько лучше.

Здѣсь я долженъ сказать о разницѣ между военнымъ поселеніемъ и вольными квартирами.

Въ военномъ поселеніи войска продовольствовались натурой, а на вольныхъ квартирахъ по справочнымъ цѣнамъ. Земская полиція, т. е. исправникъ рапортовалъ о существующихъ цѣнахъ на рынкѣ. Обыкновенно эти рапорты о цѣнахъ далеко не были точны. За извѣстное приношеніе, т. е. взятки становой приставъ и исправникъ увеличивали цѣны въ нѣсколько разъ. Такъ напримѣръ, если цѣна на овесъ стояла, положимъ, 1 р. 20 к. за четверть, исправникъ доносилъ, что овесъ покупается по 3 р. 50 к. за четверть и дороже, то же самое дѣлалось съ сѣномъ и соломой. Такая любезность земской полиціи была какъ нельзя болѣе на руку командирамъ кавалерійскихъ полковъ, они получали десятки тысячъ рублей въ годъ *безгрѣшныхъ* доходовъ и, конечно, дѣлились съ эскадронными командирами. Въ то время, не скажу чтобы оно было особенно доброе время, какъ это называли, да и теперь называютъ,

къ огульному казнокрадству всѣ привыкли и даже въ Петербургѣ самыя высокопоставленныя лица находили такой порядокъ вещей вполнѣ нормальнымъ. Командиръ гвардейскаго корпуса Великій Князь Михаилъ Павловичъ говорилъ: „кажется, ротмистръ такой-то очень много задолжалъ, надо ему дать полкъ на вольныхъ квартирахъ, пусть поправится“.

Въ концѣ концовъ вся эта прелесть жизни въ военномъ поселеніи наскучила мнѣ до ужаса. По производствѣ моемъ въ офицеры я сталъ просить полкового командира отправить меня за покупкой ремонтныхъ лошадей. Полковникъ изъявилъ согласіе на мою просьбу, вручилъ мнѣ деньги на 22 лошади, по 80 рублей за голову, и я, заручившись подорожной по казенной надобности съ двумя печатями, отправился прежде всего, разумѣется, въ Москву. Но прежде чѣмъ на долго распроститься съ военнымъ поселеніемъ, я не могу не разсказать одного изъ комичныхъ эпизодовъ моей юнкерской жизни.

Передъ моимъ производствомъ въ офицеры случилось мнѣ ѣхать изъ мѣстечка Парановка въ мѣстечко Богополь. Ѣхалъ я на почтовой перекладной съ служащимъ у меня поваромъ Иваномъ Васильевымъ. Отъ Парановки до Богополя верстъ 7 гладкой степи. Выѣхавъ изъ Парановки, мы увидали впереди большую бологульскую фуру, наполненную евреями, душъ въ 15-ть по крайней мѣрѣ; мой ямщикъ, какъ оказалось впослѣдствіи полтавскій паробокъ, грозно вскрикнулъ фурѣ, чтобы она сворачивала, хотя замѣчу, между прочимъ, въ этомъ не предстояло никакой надобности, такъ какъ степь была широкая и гладкая, но почтовый ямщикъ считалъ себя въ этомъ случаѣ важной особой, требовалъ, чтобы всѣ предъ нимъ сворачивали. Когда мы поравнялись съ фурой, правившій лошадьми балагулъ дерзко вскричалъ: „Ну что вы хотите, якій ето паршивый юнкеръ ѣде, треба звертать, ну!..“ Миновавъ фуру и нѣсколько проѣхавши дальше, ямщикъ обратился ко мнѣ со словами:

— „Шкода паничу жиды насъ обозвали паршивыми“; я, разумѣется, улыбнулся и ничего не отвѣтилъ, ямщикъ продолжалъ: „оце, паничу, говорилъ онъ, указывая на мое двухствольное ружье, лежащее въ повозкѣ, „треба пархатыхъ злекать рушницей“.

Мнѣ эта мысль ямщика понравилась, я былъ молодъ и склоненъ къ школьничеству всякаго рода. Отъѣхавъ еще на нѣкоторое разстояніе отъ фуры, взялъ ружье, вынулъ шомполъ, привинтилъ пыжовникъ, вынулъ дробь изъ обоихъ стволовъ, и убѣдившись, что въ стволахъ не осталось дроби, а лишь порохъ съ прибитыми пыжами, я велѣлъ ямщику ѣхать около дороги шагомъ. Вскорѣ насъ на

гнала фура, какъ я уже замѣтилъ, переполненная евреями. Правившій лошадьми балагулъ въ широкой шляпѣ, съ предлинными пейсами, разумѣется, въ лабсердакѣ былъ первой жертвой моего школьничества. Я вскинулъ ружье и навелъ его на возницу, послѣдній, робко защищая свою голову рукой, пробормоталъ:—„а ну не жартуй, ну-у“, тѣмъ не менѣе, я спустилъ курокъ, раздался выстрѣлъ, и злосчастный балагулъ упалъ на спину на дно фуры; конечно паденіе это было слѣдствіе страха еврея. Между тѣмъ веселый полтавскій паробокъ ямщикъ не унимался, онъ говорилъ, указывая на одного изъ евреевъ, сидящаго въ фурѣ съ спущеными ногами,—„о сего рудаго валяйте, панычу, все одно въ Сибирь итти“. Я послушался совѣта ямщика и сталъ наводить мое ружье на рыжаго еврея, сначала я цѣлилъ въ голову, потомъ въ грудь и животъ. Прошло полстолѣтія съ тѣхъ поръ, и я теперь еще безъ смѣха не могу вспомнить, какія забавныя гримасы дѣлалъ рыжій еврей; помучивъ его нѣсколько секундъ, я выстрѣлилъ. Еврей моментально опрокинулся назадъ, и въ фурѣ раздался какой-то вой. Далѣе уже не было надобности ѣхать рядомъ съ фурой, и мы помчались впередъ.

Пріѣхавъ въ Богополь я, по обыкновенію, остановился въ заѣзжемъ домѣ знакомаго мнѣ еврея Дувида Бѣлаго. Вскорѣ насталъ вечеръ, и всѣ евреи пошли въ синагогу, я уже и забылъ о своемъ школьничествѣ, мнѣ подали чай и зажгли свѣчи. Читая какую-то ежедневную одесскую газету, я былъ пораженъ весьма унылыми вздохами хозяина, раздававшимися въ сосѣдней комнатѣ; отворилъ дверь я увидалъ возвратившагося Дувида изъ синагоги. „Что съ вами, пане Дувидъ“, спросилъ я, „вы вѣрно не здоровы?“ „Ахъ нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ мнѣ Дувидъ, якійсто лайдакъ злѣкавъ нашихъ евреевъ; всѣ они заболѣли холерой, послали за докторомъ Грамовичемъ. Ахъ, Боже мой, какой грѣхъ“, прибавилъ вздыхая панъ Дувидъ.

Конечно, мною не было сказано, что этотъ лайдакъ, злѣкавшій евреевъ, былъ я.

II.

Покупка ремонтныхъ лошадей имѣла свои преимущества. Ремонтеръ могъ разъѣзжать по всей Россіи. Не только провинція, но и Москва, въ особенности барыни и барышни очень жаловали молодыхъ ремонтеровъ, что и весьма понятно; большинство барышень стремились обзаводиться богатыми мужьями, а ремонтеры почти

всегда были люди съ хорошими средствами. Я не буду описывать московское общество 50-хъ годовъ, это не входитъ въ мою задачу, но не могу не замѣтить, что мое прибыванiе въ Москвѣ было для меня весьма прiятно. Въ ту эпоху Москва могла назваться дворянскимъ городомъ. На улицахъ: Пречистенкѣ, Остоженкѣ, Арбатѣ, Сивцевомъ Вражкѣ, Молчановкѣ и т. д. и т. д. проживали помѣщики-дворяне съ своими семействами, и было великое множество самыхъ интересныхъ невѣстъ. Меня Богъ помиловалъ, но многiе изъ моихъ товарищей ремонтеровъ сочетались брачными узами съ московскими красавицами и вмѣсто того, чтобы ѣхать на ярмарки Лебедянскую, Коренную или въ Ромны, они съ своими молодыми супругами отправлялись въ помѣстья, полученныя ими въ приданое.

По окончанiи зимняго сезона я отправился въ Коренную ярмарку. Въ то время тамъ было что купить ремонтеру. Лошадей приводили на ярмарку и пригоняли великое множество. Но здѣсь я долженъ сдѣлать маленькую оговорку. Ремонтеры 50-хъ годовъ по большей частью, какъ я замѣтилъ, были люди богатые, цѣль ихъ главнымъ образомъ заключалась въ томъ, чтобы носить мундиръ и быть вполнѣ свободными, для этого большинство ремонтеровъ, получивъ командировку, тотчасъ же заключали условiе съ барышниками, которымъ приплачивали къ ремонтной цѣнѣ рублей 30 и уѣзжали на все время въ Москву или въ какое-нибудь изъ своихъ помѣстiй. Мнѣ иногда приходилось встрѣчать на Лебедянской или другихъ ярмаркахъ подобныхъ ремонтеровъ, при чемъ я былъ свидѣтелемъ весьма забавныхъ сценъ. Ремонтеръ въ гусарскомъ платьѣ, съ длиннымъ бичемъ въ рукахъ, въ сопровожденiи барышника и унтеръ-офицера съ мѣрой, обходилъ конную, указывая барышнику какую лошадь надо было купить. Барышникъ, хитро улыбаясь себѣ въ бороду, соглашался съ его благородiемъ, а его благородiю было и не въ домекъ, что барышникъ давнымъ давно уже купилъ весь ремонтъ, и куплетныя имъ барышникомъ лошади стоятъ по дворамъ. Подобныя экскурсiи молоденькихъ франтовъ ремонтеровъ производились ради эффекта, для того, что бы сказать смазливой барышнѣ сосѣдкѣ, что онъ, ремонтеръ, былъ на ярмаркѣ и купилъ весь ремонтъ. Для успѣшной покупки ремонтныхъ лошадей гусарская венгерка и унтеръ-офицеръ съ мѣрой вовсе не пригодны, необходима болѣе скромная роль, поддевка, смазные сапоги и кнутъ на длиннымъ кнутовищемъ, съ крестиками, обозначающими мѣру лошади. Нерѣдко случались такiе курьёзы. Переодѣтый въ поддевку ремонтеръ подходитъ къ крестьянину, продающему лошадь, и спрашиваетъ его какая ей цѣна? Крестьянинъ объявляетъ цѣну, ремонтеръ находитъ цѣну дорогой.

— Эко дѣло, возражаетъ крестьянинъ, я вотъ сейчасъ съ ремонтера запросилъ вдвое дороже. Въ 50-хъ годахъ русская кавалерія имѣла четыре масти лошадей: вороную, рыжую, сѣрую и гнѣдую. Полки имѣли восемь эскадроновъ, при чемъ седьмой и восьмой эскадроны были фланкерскіе, разсыпались передъ фронтомъ полка съ праваго и лѣваго его фланговъ. Лошадь въ легкую кавалерію требовалась сухая, по преимуществу степныхъ заводовъ, на короткихъ бабкахъ, не выше двухъ аршинъ четырехъ вершковъ. Въ моихъ путешествіяхъ по разнымъ ярмаркамъ, для покупки лошадей, мнѣ не рѣдко случалось наталкиваться на весьма забавныя сцены. Въ 1851 году случилось мнѣ быть на весенней ярмаркѣ въ Балтѣ. Закупивъ нужное для меня количество лошадей, я уже рѣшилъ дня черезъ три отправиться въ депо, которое было въ мѣстечкѣ Кривомъ Озерѣ, К. Подольской губерніи. Дня за два до моего отъѣзда меня посѣтилъ извѣстный барышникъ и знатокъ ремонтнаго сорта лошадей Мошка. Бесѣдуя съ нимъ о его сдачѣ ремонта австрійцамъ, я задалъ ему вопросъ, что онъ теперь думаетъ предпринять на ярмаркѣ? Собираю шорный сортъ лошадей для Кракова, Лемберга и Вѣны, отвѣчалъ мнѣ Мошка. Во время нашей бесѣды вдругъ, совершенно неожиданно вошелъ въ комнату и главный ремонтеръ... гусарскаго полка графъ П—кій. Поздоровавшись со мной, графъ радостно объявилъ мнѣ, что купилъ весь ремонтъ въ количествѣ 120 головъ.

— Хочешь посмотрѣть, прибавилъ П—кій, мой ремонтъ, размѣщенный по дворамъ. Завтра отправляю лошадей въ дивизіонную квартиру. Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я, но позволь идти съ нами также и Мошкѣ.

— А, пане Мошка, я тебя и не замѣтилъ, вскричалъ П—кій, съ удовольствіемъ, идемъ смотрѣть мой ремонтъ; вѣдь ты такой знатокъ.

Мошка низко поклонился его сіятельству, и мы отправились. Въ большомъ заѣздномъ домѣ, стоящемъ на выѣздѣ подъ навѣсомъ, были привязаны купленныя лошади. Началась выводка лошадей, всѣ онѣ были не ниже двухъ аршинъ четырехъ съ половиной вершковъ, прекрасно выкормленныя и вычищенныя, словомъ сказать, лошади дѣйствительно были очень эффектныя; но ни одна изъ нихъ не подходила подъ условія инструкціи. Во все время выводки лошадей Мошка не произнесъ ни одного слова, я также молчалъ, восхищался лошадьми лишь самъ П—кій. Когда осмотръ лошадей по тремъ дворамъ былъ оконченъ, П—кій, обратясь къ Мошкѣ, спросилъ, какъ онъ находитъ его ремонтъ.

— Лошади хороши, ваше сіятельство, отвѣчалъ еврей, даже очень

хороши, но ни одна изъ купленныхъ вами лошадей не будетъ принята, ихъ всѣхъ забракуютъ.

— Это почему? злобно вскричалъ графъ, да знаешь ли ты, безмозглая твоя голова, что въ моемъ ремонтѣ нѣтъ ни одной лошади дешевле 120 руб.!

— Знаю, ваше сіятельство, скромно отвѣчалъ Мошка, тѣмъ не менѣе лошади ваши будутъ забракованы.

— Однако почему же ты такъ думаешь? горячился все болѣе и болѣе графъ. Впрочемъ, что же я съ тобой говорю, очевидно ты привыкъ торговать однѣми клячами.

На этотъ комплиментъ Мошка отвѣтилъ, что быть можетъ его сіятельство ясно-вельможный графъ и правъ, но онъ, Мошка, находитъ, что ремонтныя лошади графа, хотя и очень эффектны, но всѣ они сырыя тамбовскія выкормки.

— Ну, что съ тобой толковать! нетерпѣливо вскричалъ П—кій и мы разошлись по домамъ.

На другой день по большой дорогѣ потянулся рядъ подводъ съ кряквами, то слѣдовалъ ремонтъ П—каго въ дивизіонный штабъ. Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Балты мнѣ случилась надобность быть на выѣздѣ города, гдѣ въ степи, въ загонахъ были табунныя лошади. Купивъ нѣсколько нужныхъ мнѣ головъ лошадей, я къ моему великому удивленію увидалъ, что Мошка отбиваетъ въ косякахъ рыжыхъ лошадей. Помня его разсказъ о шорныхъ лошадяхъ для Австріи, я никакъ не могъ разрѣшить вопроса, къ чему понадобился Мошкѣ ремонтный сортъ лошадей.

— Что это ты дѣлаешь, спросилъ я еврея, вѣдь ты говорилъ, что будешь покупать для Кракова, Лемберга и Вѣны большихъ шорныхъ лошадей, зачѣмъ же тебѣ понадобились рыжія ремонтныя лошади?

— Для А. гусарскаго полка, отвѣчалъ мнѣ Мошка.

Послѣ этого отвѣта я еще болѣе изумился и сказалъ.

— Помилуй, пане Мошка, ты кажется собственными глазами видѣлъ П—каго ремонтъ, который и отправленъ уже въ депо, къ сдачѣ.

— Это ничего не значитъ, отвѣчалъ мнѣ Мошка, ремонтъ П—каго весь будетъ забракованъ.

Я на это ничего не отвѣчалъ, лишь пожалъ плечами и удалился. Вскорѣ ремонтныя лошади рыжей масти Мошкой всѣ были куплены, и еврей погналъ лошадей гономъ по степи. Впослѣдствіи я узналъ, что Мошка по прибытіи его лошадей въ городъ Вознесенскъ, гдѣ въ то время былъ штабъ пятой легкой кавалерійской дивизіи, всѣхъ лошадей поставилъ по дворамъ въ Контокузовкѣ, покрылъ попонами, сталъ ихъ чистить и навѣшивать торбы съ

овсомъ. Въ недѣлю лошадей не было возможности узнать, онѣ до такой степени измѣнились и похорошѣли. Между тѣмъ началась сдача ремонта П—кого, эта сдача продолжалась нѣсколько дней, и дѣло кончилось тѣмъ, что весь ремонтъ П—каго, за исключеніемъ трехъ лошадей, былъ забракованъ. Скандалъ небывалый: 117 лошадей оказались негодными. Конечно для такого богатаго магната, какимъ былъ графъ П—кій, потеря, хотя бы и десяти тысячъ рублей ровно ничего не значила, но повторяю, скандалъ неизбѣжно долженъ былъ имѣть печальныя послѣдствія. Вся родовитая шляхта забраннаго края узнала бы объ этомъ фіаско главнаго ремонтера графа П—каго, такой срамъ неизмѣримо хуже всякой денежной потери. Ясновельможный графъ П—кій ежегодно имѣлъ обыкновеніе задавать пиръ на весь міръ, по случаю благополучной сдачи ремонта; а тутъ такой страшный скандалъ, весь ремонтъ забракованъ. Что онъ, графъ, будетъ говорить поветовому маршалку и всѣмъ родовитымъ панамъ? Кепско! думалъ П—кій, двигаясь изъ угла въ уголъ въ своемъ кабинетѣ. Въ это самое время лакей, войдя въ кабинетъ, доложилъ графу, что еврей Мошка желаетъ представиться его сіятельству. Ахъ Мошка!—оживленно вскричалъ П—кій,— вели ему войти. Вскорѣ пришелъ Мошка и остановясь на порогѣ низко кланялся графу.

— А пане Мошка, якъ сематъ, прошу сядай тутай.

Мошка, еще разъ низко поклонившись, сѣлъ на кончикъ стула.

— Какими судьбами ты здѣсь? продолжалъ графъ.

— Имѣю маленькую надобность въ Контокузовкѣ, отвѣчалъ Мошка и узнавъ, что ясно-вельможный графъ въ Вознесенскѣ, счелъ за пріятный долгъ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе.

— Да, я задержался въ Вознесенскѣ, процедура пріемки лошадей затянулась на нѣсколько дней; а вѣдь ты правду сказалъ, говорилъ П—скій, помнишь въ Балтѣ, когда ты смотрѣлъ мой ремонтъ, дѣйствительно почти всѣ лошади забракованы, теперь я право и не знаю, что дѣлать, сто семнадцать лошадей одной масти, скоро купить нельзя, и выйдетъ такой позоръ, какого я и не ожидалъ.

— Что же, ваше сіятельство, возразилъ Мошка, это дѣло поправимое. Отъ ремонта, который я разсчитывалъ гнать въ Австрію, у меня остались съ сотню рыжихъ лошадей, если угодно вашему сіятельству, я предоставлю моихъ лошадей въ ваше распоряженіе.

— А соотвѣтствуютъ ли твои лошади инструкціи? спросилъ графъ.

— Думаю, что соотвѣтствуютъ, вы можете сегодня же заявить въ штабѣ, что у васъ готова для сдачи другая партія лошадей, и пріемъ можетъ начаться не позднѣе какъ послѣ завтра.

— Я на это согласенъ, сказалъ графъ, а какія будутъ твои условія, панъ Мошка? спросилъ графъ.

— О ваше сіятельство, условія мои будутъ самыя маленькія, отвѣчалъ Мошка, за каждую принятую мою лошадь вы мнѣ дадите вашу забракованную и 70 руб. придачи.

Хотя ясневельможный магнатъ П-кій былъ и очень богатъ, но такія *маленькія* условія еврея ошеломили графа. Онъ долго торговался съ Мошкой, и было рѣшено, что П-кій приплачиваетъ къ каждой забракованной лошади 50 рублей. Графъ П-кій, зная Мошку за великаго знатока ремонтнаго сорта лошадей, даже и не полюбопытствовалъ взглянуть на предлагаемый ему евреемъ ремонтъ, тотчасъ же сдѣлалъ заявленіе въ штабъ, что у него П-каго имѣется другая партія лошадей, въ замѣнъ забракованныхъ.

На третій день пріемъ лошадей Мошки начался, при чемъ самъ еврей былъ въ сторонѣ, все дѣлалъ графъ П-кій. На этотъ разъ пріемка лошадей оказалась чрезвычайно удачной, ихъ почти всѣхъ приняли, и главный ремонтеръ штабсъ-ротмистръ графъ П-кій получилъ благодарность приказомъ по дивизіи.

Разсчитавшись съ Мошкой, графъ П-кій отправился въ свои маентки, гдѣ въ его обширномъ дворцѣ былъ данъ великолѣпный пиръ. Родовитые паны само собой разумѣется не узнали, что при вторичной сдачѣ ремонта главную роль игралъ еврей Мошка; это послѣднее обстоятельство было скрыто отъ родовитыхъ пановъ. Торжество графа П-каго было полное. За обѣдомъ сама супруга поветоваго маршалка подняла бокалъ и предложила гостямъ выпить за здоровье ясновельможнаго пана П—каго, дѣлающаго великую честь всему забранному краю. Всѣ остальные паны весьма сочувственно отнеслись къ тосту, предложенному панной маршалковой. Этотъ банкетъ, по случаю удачной сдачи ремонта, стоилъ П-кому едва ли не дороже *маленькихъ* условій съ Мошкой.

Послѣдній дѣйствительно сдѣлалъ не дурной гешефтъ. Принятыя Мошкой лошади П-каго были разсортированы на четверки шорнаго сорта и проданы весьма выгодно въ Австріи. Случай съ польскимъ графомъ П-кимъ былъ исключительнымъ, вообще же въ началѣ 50 годовъ Россія еще обладала конскимъ богатствомъ. Обширныя степи нашего отечества благопріятствовали къ разведенію табуновъ лошадей. Въ ту эпоху каждый крестьянинъ напримѣръ Тамбовской, Рязанской, Воронежской, Харьковской и другихъ губерній южной полосы Россіи, имѣлъ нѣсколько кобылицъ. Къ сожалѣнію уже въ 60-хъ годахъ овца вытѣснила лошадь, *почтеннѣйшіе* коммерсанты, такъ удачно названные разбойниками сельскаго хозяйства, нанимая цѣлину въ количествѣ десятковъ тысячъ десятинъ, распахивали ее,

выжимали изъ земли всѣ соки и бросали эту землю, на которой ничего не могло родиться, кромѣ бурьяну и колючки. Такіе промышленники, не заботясь о благосостояніи края, наживали громадные барыши на свои капиталы, а потомъ, разумѣется, ложились на печки въ своихъ замоскворѣцкихъ палатахъ и ежемѣсячно отрѣзывали купоны отъ своихъ банковыхъ билетовъ.

Насколько Россійское Государство и народъ выигрывали и выигрываютъ отъ такой коммерціи почтеннѣйшихъ, предоставляю судить каждому благомыслящему человѣку. Если я буду говорить, за какія цѣны я покупалъ въ 50-хъ годахъ лошадей, едва ли кто мнѣ повѣритъ, до такой степени малы были эти цѣны. Лошадь, которую въ то время можно было купить за 30, 40 рублей, теперь надо заплатить 150 руб. или 200 рублей. Я помню, разъ мнѣ пришлось ѣхать въ депо, находившееся тогда въ мѣстечкѣ Кривое-Озеро, Подольской губ. На этотъ разъ я ѣхалъ не на почтовыхъ лошадяхъ, а въ балагульской фурѣ съ евреемъ. Помню, я обратилъ вниманіе на пристяжную съ лѣвой стороны. Это была лошадь прекрасно сложенная, ростомъ около 2 аршинъ 3 вершковъ. Я спросилъ возницу, какихъ лѣтъ его лѣвая кобылка пристяжная?—Четыре года весна, отвѣчалъ мнѣ еврей.—Не продашь ли мнѣ лѣвую пристяжную, спросилъ я.—Почему не продать, отвѣчалъ мнѣ еврей, продамъ,—а лишь моя кобылка не дешевая, бо дюже добра коняка.—Сколько же ты за нее хочешь? спрашивалъ я. Меньше 25 карбавонцевъ я за нее взять не могу, объявилъ мнѣ еврей.—Ну, это для меня черезчуръ дорого, сказалъ я.—А много ли вы даете, приставалъ еврей. — Любую половину, хладнокровно отвѣчалъ я. Ахъ, Боже мой, гримасничалъ еврей, за такую добрую коняку 12 карбованцовъ! Ахъ Боже мой! Я ничего не отвѣчалъ и мы молча доѣхали до мѣстечка Ревутскаго, гдѣ предположено было сдѣлать небольшую остановку. Выйдя изъ фуры, я просилъ подать мнѣ самоваръ, что и было исполнено. Зная еврейскую натуру, я былъ увѣренъ, что мой возница прійдетъ толковать со мной о своей конякѣ. Я не ошибся; едва мною былъ выпитъ стаканъ чаю, какъ въ комнату вошелъ балагулъ.

— Ну что же, вельможный пане, обратился онъ ко мнѣ, возьмете вы у меня лѣвую пристяжную?

— Нѣтъ, равнодушно отвѣчалъ я, твоя коняка для меня слишкомъ дорога.

— Ахъ, Боже мой, заторопился еврей, я пожалуй уступлю два карбованца.

— Нѣтъ, не надо, продолжалъ я. Видя мое равнодушіе къ покупкѣ *дюже доброй коняки*, еврей заторопился еще болѣе и вскричалъ—ну нехай буде двадцать карбованцевъ.

И на эту уступку я не пошелъ. Долго мы торговались еврей ерзалъ на стулѣ, гримасничалъ, убавлялъ по полтиннику, наконецъ мы сошлись и ударили по рукамъ; я купилъ пристяжную за 15 руб. При чемъ произошелъ очень характерный фактъ. Когда я отдавалъ за лошадь деньги, еврей съ ужимками сталъ просить меня, чтобы я далъ ему на поводокъ 50 копѣекъ. Хотя въ данномъ случаѣ и не было надобности давать на поводокъ, но еврей такъ корчился и униженно меня просилъ, что я наконецъ выбросилъ ему полтинникъ. Дальнѣйшая судьба купленной мною у балагула лошади заслуживаетъ вниманія.

По пріѣздѣ въ депо я отдалъ мою кобылку унтеръ-офицеру, просилъ получше чистить лошадь, покрыть ее попоной, два раза въ день навѣшивать торбы съ овсомъ и черезъ день гонять на кордѣ. Черезъ три мѣсяца я не узналъ моей кобылки, она нѣсколько подросла, сложилась и имѣла видъ самаго лучшаго породера. Словомъ сказать эта еврейская коняка украсила весь мой ремонтъ. По приводѣ лошадей въ полковой штабъ я тотчасъ же получилъ свѣдѣнія, что по пріемѣ ремонта, полковой командиръ оставилъ еврейскую кобылку за собой. Впослѣдствіи она была выѣзжена, и полковой командиръ производилъ на ней фуроръ. Произведенный въ генералы, онъ былъ назначенъ командиромъ одного изъ гвардейскихъ полковъ и продалъ бывшую еврейскую пристяжную новому командиру полка за тысячу пятьсотъ рублей.

И это не одинъ случай въ моей ремонтерской практикѣ.

Въ началѣ 50-хъ годовъ можно было покупать прекрасныхъ лошадей за самую ничтожную цѣну.

Я помню въ 1852 году случилась мнѣ надобность побывать въ Крымскомъ имѣніи; путь мой лежалъ черезъ городъ Карасу-базаръ, гдѣ въ день моего проѣзда черезъ этотъ городъ былъ торгъ, нѣчто вродѣ маленькой ярмарки. Сосѣдніе крестьяне, татары, нѣмцы и болгары каждый четвергъ везли въ Карасу-базаръ различные сельскіе продукты и пригоняли для продажи скотъ, овецъ и лошадей. Пріѣхавъ въ городъ, я остановился въ единственной гостиницѣ, потребовалъ себѣ обѣдъ и приказалъ сходить на станцію за лошадьми. Въ то время, когда я ѣлъ супъ, къ моему столу подошелъ офицеръ Донского войска, впослѣдствіи оказавшійся есауломъ Г—нымъ.

— Вы, кажется, ремонтеръ, обратился ко мнѣ есаулъ. Я молча поклонился и спросилъ его, что ему отъ меня нужно.

— Вотъ изволите ли видѣть, господинъ ремонтеръ, отвѣчалъ мнѣ казакъ, присаживаясь на стулъ, я былъ поставленъ въ заблужденіе. У насъ на Дону меня увѣрили, что въ Карасу-базарѣ можно на-

дѣяться на хорошій сбытъ лошадей, я и пригналъ сюда мой табунъ въ 120 головъ. Неугодно ли взглянуть, мои лошади пасутся тутъ недалеко въ степи.

— А выйдутъ ли въ мѣру ваши лошади? спросилъ я.

— Какъ вамъ доложить, отвѣчалъ мнѣ казакъ, въ моемъ табунѣ есть всякія лошади и съ мѣрой и безъ мѣры; есть также и отмастки.

— А много этихъ отмастокъ? задалъ я вопросъ казаку.

— Не очень много, а есть, да вотъ пожалуйте, сами увидите, продолжалъ, вставая Г. Я докончилъ мою трапезу, и мы отправились въ путь. Табунъ дѣйствительно ходилъ не далеко въ степи за послѣдними домиками. Я сталъ внимательно осматривать лошадей и мысленно насчиталъ головъ 35 годныхъ для ремонта.

— Пожалуй, я готовъ купить часть вашихъ лошадей, но не иначе, какъ на выборъ, говорилъ я.

— Помилуйте,—вскричалъ казакъ—куда же мнѣ дѣваться съ остальными лошадьми, не гнать же ихъ обратно на Донъ; вы лучше купите у меня весь табунъ, я вамъ дешево его продамъ,—прибавилъ Г—инъ.

Хотя покупка отмастковъ и недомѣрковъ и не входила въ мои разсчеты, но въ данномъ случаѣ сдѣлка для меня могла быть весьма выгодною.

— А сколько бы вы взяли за вашъ весь табунъ?—спросилъ я.

— Въ моемъ табунѣ,—говорилъ Г—инъ—съ отмастками, двухгодовиками и годовиками есть болѣе ста двадцати лошадей, извольте, я весь табунъ отдаю вамъ за тысячу четыреста рублей, значитъ, до десяти рублей за голову,—говорилъ есаулъ

— На эти условія я не могу согласиться,—возразилъ я,—пятьсотъ рублей за вашъ табунъ пожалуй готовъ дать, но не болѣе.

Г—ну, какъ я замѣтилъ, было необходимо продать лошадей. Онъ быстро началъ уступать и, когда мы дошли до гостиницы, весь табунъ Г—на былъ мною купленъ за шестьсотъ рублей. Между тѣмъ, передъ гостиницей стоялъ мой экипажъ, запряженный почтовыми лошадьми. Я едва успѣлъ разсчитаться съ Г—нымъ и взять у него расписку на купленныхъ мною лошадей.

— Ну, господинъ ремонтеръ, выручили вы меня—говорилъ радостно Г—инъ, провожая меня къ экипажу.

— Что бы я дѣлалъ съ моимъ табуномъ, здѣсь кромѣ мелкаго скота ничего не бываетъ Прощайте, господинъ офицеръ, желаю вамъ благополучнаго пути.

Ямщикъ шевельнулъ вожжами, и мы тронулись въ путь по направленію къ Бурундуку. Моя покупка донского табуна была чрез-

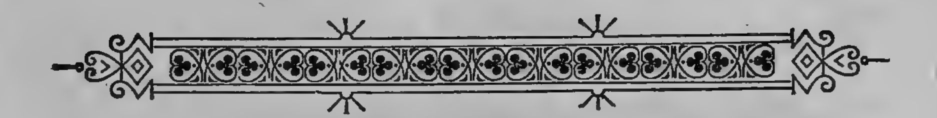
вычайно удачна. Изъ 120 лошадей годились въ ремонтъ, какъ по росту, такъ и по сложенію тридцать лошадей, что составляетъ по ремонтной цѣнѣ 2.400 рублей; отмастки и недоростки также были для меня не въ убытокъ, всѣ они разошлись по хорошимъ цѣнамъ.

По моей профессіи ремонтера я былъ вынужденъ вести бродячую жизнь,—посѣщать ярмарки, землевладѣльцевъ, крестьянъ и помѣщиковъ. На ярмаркахъ, въ особенности Лебедянской, Коренной и Роменской, мнѣ всегда случалось встрѣчать великое множество шуллеровъ. Эти господа чрезвычайно искусно всегда разыгрывали разныя роли. То помѣщиковъ, то коммерсантовъ, то отставныхъ генераловъ. Главная цѣль этихъ карточныхъ мастеровъ заключалась въ томъ, чтобы обыграть навѣрное ремонтеровъ, коммиссаріатскихъ чиновниковъ, купцовъ или коннозаводчиковъ. Являясь на ярмарку, такой шуллеръ разыгрывалъ изъ себя роль, напримѣръ, коммерсанта; онъ знакомился съ помѣщиками, торговалъ у нихъ большія партіи хлѣба, даже давалъ значительные задатки, и все шло благополучно, пока помѣщикъ не сѣлъ играть по маленькой въ преферансъ и не сталъ квитаться, разскладывая карты направо и налѣво. Эти игры по маленькой почти всегда оканчивались проигрышемъ большихъ суммъ денегъ, а иногда и залогомъ недвижимаго имущества. Ремонтерамъ шуллера всегда предлагаютъ купить у нихъ ставку лошадей, которыхъ управляющій долженъ прислать на ярмарку. Дѣло главнымъ образомъ всегда заключалось въ томъ, чтобы свести знакомство съ ремонтеромъ, а тамъ уже дѣло пойдетъ какъ по маслу.

Обыкновенно шуллера заводятъ знакомство съ ремонтерами въ ресторанахъ, въ билліардныхъ комнатахъ. Такимъ образомъ составляется знакомство; вечеромъ въ ресторанѣ шуллеръ и ремонтеръ встрѣчаются уже какъ знакомые. Слушая удалыя пѣсни московскихъ цыганъ, новые знакомые пьютъ шампанское и подъ конецъ вечера сходятся на брудершафтъ. Остальное совершается самымъ обыкновеннымъ образомъ. Шуллеръ на зарѣ приглашаетъ ремонтера къ себѣ въ комнату немножко отдохнуть, ремонтеръ, разумѣется, принимаетъ приглашаніе. Въ комнатѣ мнимаго коммерсанта или помѣщика оказывается еще двое коммерсантовъ, одинъ изъ нихъ мечетъ штосъ, составляется знакомство; потомъ дѣло доходитъ до купленныхъ ремонтныхъ лошадей, и онѣ всѣ проигрываются. Дѣло оканчивается позоромъ, ремонтеръ пускаетъ себѣ пулю въ лобъ, начинается слѣдствіе, но слѣдователямъ не удается допрашивать ни мнимыхъ коммерсантовъ, ни мнимыхъ помѣщиковъ: они безслѣдно исчезаютъ неизвѣстно куда.

Такія исторіи мнѣ случалось не разъ видѣть на ярмаркахъ.

Н. А. Поповъ.

Письма и рескрипты Императора Павла I фельдмаршалу графу И. П. Салтыкову.

Гатчина. 22 сентября 1798 г.

(Собственноручно). Нужно, графъ Иванъ Петровичъ, Вамъ поглядѣть, нѣтъ-ли злоупотребленій въ построеніи въ Москвѣ казармъ. Что узнаете, напишите ко мнѣ, вашъ

(Павелъ).

Павловскъ. 29 мая 1799 г.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ и Московскій военный губернаторъ графъ Салтыковъ 2-й. Входя въ гоненія, кои претерпѣваетъ уже съ нѣкотораго времени отъ матери своей мой генералъ-адъютантъ князь Щербатовъ и желая прекратить оныя, какъ отъ качествъ непохвальныхъ нраву ея происходящія, захотѣлъ я для обоюднаго ихъ спокойствія отъ имени моего написать къ матери увѣщательное письмо, и въ слѣдъ за онымъ послалъ къ ней сына нарочно для сихъ причинъ. Она же, не взирая на все, что я отъ моего благоволенія располагалъ къ ея пользѣ и чести, вмѣсто ожидаемаго мною миролюбія, въ другой разъ еще проклятіе свое на него князя Щербатова наложила. Видя въ таковыхъ поступкахъ ея совершенное забвеніе всего того, что она обязана не особѣ уже моей, но моему сану, повелѣваю вамъ тотчасъ по полученіи сего ѣхать къ ней и, ежели она въ то же самое время не проститъ своего сына, къ нему о томъ написавъ, то взять ее и отдать подъ начало въ монастырь, оглася по городу и по губерніи продерзостный ея противу сына ея поступокъ, и о всемъ безъ замедленія меня увѣдомить. Пребываю къ вамъ благосклонный

(Павелъ).

Гатчина. 22 августа 1799 г.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2-й.—Драгунскаго Глазенапа полку драгуна Скрипниченко и жену его Евдокію, за признаніе ими самими, что содержатъ духоборческую ересь, повелѣваю ихъ наказать кнутомъ и вырвавъ ноздри сослать на каторгу въ Екатеринбургъ. Пребываю вамъ благосклонный

(Павелъ).

С.-Петербургъ. 3 февраля 1800 г.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2-й. Съ удивленіемъ усматриваю я изъ донесеніевъ вашихъ, что вы въ исправленіи своей должности держитесь еще старымъ обрядамъ, которые болѣе трехъ лѣтъ стараюсь я искоренить, сіе меня тѣмъ болѣе въ васъ удивляетъ, что вы по чину вашему должны служить примѣромъ другимъ и точнымъ исполненіемъ моихъ приказаній заслуживать довѣренность, которую я вамъ оказываю

(Павелъ).

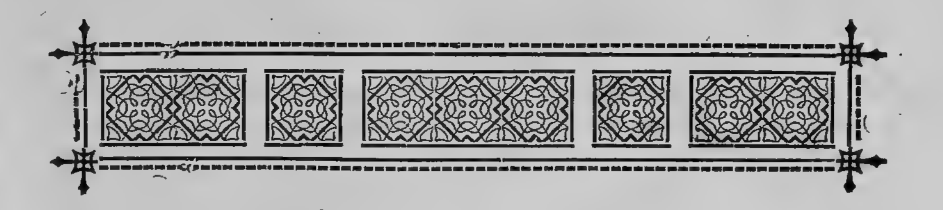
Петергофъ. 4 іюня 1800 г.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2-й. Вслѣдствіе рапорта ко мнѣ вашего прошедшаго іюня отъ 26 числа въ разсужденіи изобрѣтенія въ Москвѣ аптекаремъ Биндгеймомъ дѣланія сахару изъ бѣлой свеклы, и соображая важную пользу, отъ онаго произойти могущую, повелѣваю вамъ узнать отъ него Биндгейма, какое количество пудовъ сахару можетъ онъ въ годъ такимъ образомъ сдѣлать? на какомъ положеніи производить сіе согласится? Отъ себя ли вести продажу онаго или же способъ сей открыть захочетъ, и за какую цѣну? О чемъ о всемъ обстоятельно отъ него узнайте. Важнѣйшимъ же предметомъ въ семъ изобрѣтеніи есть то, что есть ли оное къ употребленію найдется удобнымъ, то, симъ способомъ довольствуяся, можно будетъ обойтися безъ покупки сахару отъ иностранныхъ, и вывозъ онаго изъ чужихъ край тогда прекратится. Что, какъ сами судить можете, принесетъ важную выгоду и прибыль. О чемъ прошу не разглашать. Пребываю къ вамъ благосклонный

(Павелъ).

Сообщилъ В. П. Федоровъ.

Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго.

Воскресенье. Вчера вечеромъ, тотчасъ послѣ обѣда, я поѣхалъ отыскивать своихъ знакомыхъ на Бельбекъ. Мы ночью скакали черезъ лѣсъ, и я не понимаю, какъ я не сломалъ себѣ шеи. Съ разсвѣтомъ я возвратился уже на пароходъ. Всѣ наши въ движенiи, собираются въ дорогу, хлопочутъ о лошадяхъ, повозкахъ; мы достали простыя телѣги, переправили ихъ на Графскую пристань и часовъ въ 9 тронулись изъ города. Сначала мы хотѣли взять французскiй дилижансъ на цѣлый день, но съ насъ запросили 160 франковъ, что показалось намъ слишкомъ дорого.

Выѣзжая изъ города, мы встрѣтили французскiй баталiонъ, который съ музыкой входилъ для занятiя карауловъ. Мнѣ понравилось приспособленiе музыкантовъ, которые на походѣ играли по нотамъ, держа ихъ на проволокѣ, прикрѣпленной къ инструментамъ.

Дорога къ Камышу сдѣлана изъ прекраснаго шоссе. Влѣво отъ пасторскаго хутора разбитъ большой французскiй лагерь. Далѣе бо̀льшая часть мѣстности заселена и мѣстами засѣяна. Подъѣхавъ въ Камышу, мы увидѣли огромную кремальерную линiю, еще хорошо сохранившуюся. Вездѣ движенiе, дѣятельность, шумъ. Мы отыскали улицу Наполеона, магазинъ № 9, который намъ рекомендовали. Въ Камышѣ все очень дорого, кромѣ винъ. На наше замѣчанiе, что многiя вещи можно купить дешевле въ Одессѣ, въ магазинѣ намъ отвѣтили, что въ этомъ виноваты русскiе, которые покупаютъ все въ такомъ количествѣ, что теперь, имѣя мало вещей, торговцы принуждены возвышать цѣны. При разсчетѣ отъ

насъ принимали наши ассигнаціи. Это показалось намъ страннымъ; но потомъ мы узнали, что русскіе подрядчики доставляютъ на французскую армію скотъ (по 42 р. с. штука), за который платятъ нашими же бумажками.

Уже два часа. Французы въ это время завтракаютъ; обѣдаютъ же они въ шесть часовъ. Мы тоже закусили. Завтракъ состоялъ изъ пяти блюдъ. Нанятый нами за 100 фр. дилижансъ уже давно былъ готовъ, и мы поторопились въ Балаклаву, отложивъ на завтра осмотръ эскадры, стоявшей въ Камышевой бухтѣ. Ѣхали мы по шоссе очень скоро. Дорогой намъ встрѣчалось множество вьючныхъ муловъ, которые всѣ запряжены во французскія повозки. Удивительно, откуда они могли набрать ихъ въ такомъ множествѣ! Намъ встрѣчалось много кавалеристовъ. Вообще лошади ихъ очень красивы.

Нашъ возничій былъ разговорчивый испанецъ. Онъ намъ разсказывалъ, что ихъ пришло много изъ Испаніи съ мулами, что англичане давали имъ хорошее жалованье; но что, однажды, комиссаръ, который ими завѣдывалъ, скрылся съ ихъ паспортами; что къ нему придралась полиція, и что онъ долженъ былъ отдать всѣ свои деньги, чтобы отдѣлаться; что сначала онъ нанимался у англичанъ, а потомъ у французовъ.

„Кто же лучше изъ нихъ?“ спросили мы.

Онъ немного подумалъ и потомъ отвѣчалъ, что французы лучше въ обращеніи, но что англичане лучше платятъ.

Кромѣ испанца на козлахъ сидѣлъ французскій солдатъ, который разсказывалъ намъ длинную исторію своихъ походовъ въ Африкѣ, гдѣ онъ служилъ 15 лѣтъ и теперь, окончивъ Крымскую кампанію, остается въ Россіи, гдѣ ему очень понравилось.

Мы остановились около Сардинскаго лагеря. Въ это время проѣзжалъ маршалъ Пелисье въ коляскѣ съ французскимъ адмираломъ. Пелисье—человѣкъ средняго роста съ большими черными глазами, съ волосами съ просѣдью. Мы отдали ему честь. Онъ отвѣчалъ намъ тѣмъ же.

Наконецъ мы подъѣзжаемъ къ Балаклавѣ. Намъ встрѣчается много кавалеристовъ на прекрасныхъ лошадяхъ: солдаты одѣты въ красные мундиры. Множество повозокъ тянется по дорогѣ. По сторонамъ деревянные бараки съ полукруглыми желѣзными крышами. Въ лощинѣ—огромный складъ разныхъ колесъ. Далѣе сложены запасы. Вообще картина оживляется.

Новая Балаклава состоитъ изъ деревянныхъ бараковъ, магазиновъ и гостиницъ. На площади—толпа народа.—До стараго города или Балаклавской бухты нужно пройти еще версту. Бухта полна

купеческими судами и пароходами. Суда подходятъ къ пристани, складываютъ грузъ подъ навѣсъ, отъ котораго начинается желѣзная дорога и идутъ вагоны къ главной англійской квартирѣ. Сегодня праздникъ и работъ нѣтъ.

На Мальтійской шлюпкѣ мы прошли вдоль бухты и пристали къ англійскому фрегату. (Онъ — подъ адмиральскимъ флагомъ). Насъ встрѣтилъ вахтенный лейтенантъ, съ которымъ мы пошли осматривать фрегатъ. На концахъ стояли четыре бомбинныхъ орудія съ русскимъ клеймомъ. Вообще—все очень грязно. Пройдя батарею, кубрикъ (гдѣ для матросовъ имѣлись подвѣсные столы), осмотрѣвъ арсеналъ и шкиперскую каюту, мы были приглашены въ каютъ-кампанію, гдѣ намъ подали марсалу и сухари. Изъ англійскихъ офицеровъ одинъ докторъ зналъ по-французски. Изъ насъ никто не говорилъ по-англійски. Съ докторомъ мы все время и говорили. Онъ разсказывалъ намъ, что здѣсь очень скучно, и что охота составляетъ единственное развлеченіе ихъ; что они убили здѣсь много неизвѣстныхъ доселѣ птицъ, чѣмъ обогатилась натуральная исторія, и что теперь собирается большое общество, чтобы сдѣлать путешествіе по всему южному берегу Крыма до Ѳеодосіи.

Во время разговора кто-то изъ насъ упомянулъ большой редантъ (такъ называютъ англичане 3-й бастіонъ, противъ котораго они вели осаду, штурмовали его и были отбиты). Нужно было посмотрѣть на сконфуженныя лица англичанъ. Слово „большой редантъ“ они не могутъ слышать хладнокровно [1]).

Послѣ фрегата мы осматривали паровую пекарню, которая стояла на рейдѣ. Она устроена на суднѣ и, посредствомъ машины, выпускаетъ въ сутки до 7 тысячъ хлѣбовъ (въ 6 ф. каждый), здѣсь 37 работниковъ.

Возвратясь къ дилижансу, мы зашли въ гостиницу закусить. Цѣны на все—ужасныя. Тутъ я наткнулся на двухъ Славуновъ (?), и я не могъ отказаться отъ ихъ дружескаго приглашенія. Мы съ ними вдоволь бранили англичанъ и французовъ и разстались съ надеждою отомстить.

Изъ Балаклавы мы выѣхали часу въ 7-мъ и въ 9-мъ часу возвратились въ Камышъ, тотчасъ пошли въ театръ, партеръ и ложи котораго были полны офицерами и солдатами. Не знаю, какимъ

---

[1]) Разсказываютъ по этому случаю слѣдующій забавный анекдотъ: въ одной французской харчевнѣ было много англійскихъ солдатъ. Одинъ изъ нихъ, выпивши, все приставалъ къ маркитанткѣ. Та, наконецъ, пошла жаловаться своему любовнику.—„Э, моя милая“, отвѣтилъ тотъ спокойно: „Не безпокойся! тебѣ стоитъ только написать.......... „большой редантъ“ и англичане ни за что не возьмутъ его“. (Разсказъ кн. Ухтомскаго).

образомъ мы попали въ ложу, гдѣ были и французскіе офицеры. Играли французскій водевиль. При каждомъ каламбурѣ весь партеръ хохоталъ или громко дѣлалъ свои замѣчанія. Въ антрактахъ, когда музыка играла какой-нибудь маршъ, то мало по малу весь партеръ отбивалъ тактъ ногами, такъ что иногда поднимался страшный шумъ. Я не въ состояніи былъ сидѣть; голова трещала ужасно, и передъ концомъ спектакля мы пошли ужинать въ Отель де Салонъ, гдѣ все было очень дорого, и гдѣ за два пирожка я заплатилъ 3 р. с. Въ ожиданіи нашего дилижанса, я сталъ разсматривать общество. За сосѣднимъ столомъ сидѣло нѣсколько французскихъ офицеровъ; дальше пьяная компанія англичанъ слушала какого-то оратора и отвѣчала односложными звуками. Къ намъ подсѣли два французскихъ сержанта и свободно заговорили съ нами по-русски, а на наше удивленіе, сказали, что одинъ изъ нихъ родился въ Россіи, а другой былъ при посольствѣ. Но, по правильному выговору, не трудно догадаться, кто они.—Мы вышли на крыльцо и увидѣли обходъ, который записалъ № гостиницы и, уходя, совѣтовалъ ее запереть. Это значило, что съ хозяина возьмутъ штрафъ.

Слава Богу, нашъ экипажъ готовъ! Вдругъ какъ-то къ нашему кучеру, а потомъ и къ намъ привязался сержантъ иностраннаго легіона. Онъ разсказалъ намъ, что воспитывался въ одномъ германскомъ университетѣ, гдѣ ему наскучило, и онъ, бросивъ все, поступилъ на военную службу. Потомъ онъ присталъ къ нашему испанцу; между ними началась ссора, и тотъ уже выхватилъ, было, ножъ. Они разстались съ угрозами.

Вотъ мы тронулись изъ этой проклятой страны. Было темно, холодно; шелъ проливной дождь. И часу во второмъ ночи мы были на Графской пристани. Здѣсь—новая неудача: катеръ за нами не прислали. Хоти были и военныя шлюпки, но онѣ не имѣли права перевозить ранѣе утра. Намъ пришлось скрыться въ какой-то кабакъ, въ которомъ не было сухого мѣста, и тамъ уже всѣ спали. Мы помѣстились, кто на столѣ, кто на скамейкѣ, усталые, промокшіе и весьма недовольные своей поѣздкою. Воротились мы на пароходъ въ шестомъ часу утра. — Не успѣли отдохнуть и трехъ часовъ, какъ уже пришлось ѣхать съ адмираломъ по нашей оборонительной линіи Сѣверной стороны. Батареи разрушались. Матросы жили въ деревнѣ, ими построенной; тутъ же была и церковь.

На обратномъ пути, проѣзжая рынокъ, мы обратили вниманіе на огромную толпу, которая собралась около чего-то: шумъ, крикъ. Подъѣзжаемъ ближе, видимъ, на землѣ лежитъ связанный англійскій солдатъ, избитый и что-то кричитъ. Въ числѣ зрителей было много иностранцевъ. Мы узнали, что три англичанина за безпорядки

были нами арестованы, но вырвались, едва не убивъ часового, и бѣжали. Свидѣтелями этой сцены были англійскіе офицеры. Они схватили виновнаго, поколотили его и, связавъ, поскакали догонять другихъ. Подошедшій къ намъ полиціймейстеръ жаловался, говоря, что не знаетъ, что дѣлать, такъ какъ караулъ очень незначителенъ для того, чтобы унимать пьяныхъ иностранцевъ и, хотя англичане и французы присылаютъ по праздникамъ своихъ жандармовъ, но что этого недостаточно. „Еще французы ведутъ себя хорошо", говорилъ онъ: „но чуть собрались 5—6 человѣкъ англичанъ—сейчасъ напьются и давай драться или разбивать лавки".

Сначала наши люди жили мирно съ иностранцами, всегда вмѣстѣ пьянствовали. Бывало, наши загуляютъ въ гостяхъ, ихъ тамъ уложатъ спать, а тѣ ночью встанутъ пораньше, заберутъ что получше въ домѣ—и на утекъ. Тѣ на другой день являются съ жалобой къ нашему начальству. Англичане и французы, съ своей стороны, тоже подали поводъ къ непріятностямъ: заходили въ наши лавки, таскали бутылки съ виномъ, а, ежели сила позволяла, то, подгулявъ, прямо разбивали. Теперь уже дружба кончена и, чуть подопьютъ, сейчасъ драка. Разъ было очень серьезное дѣло: наша шлюпка взялась перевезти нѣсколько французовъ на Графскую пристань. По дорогѣ не сошлись въ цѣнѣ. Наши поворотили назадъ. Этотъ споръ происходилъ ночью, около французскаго парохода, на которомъ полагая, что мы взяли въ плѣнъ, немедленно отправили двѣ вооруженныхъ шлюпки—отбивать своихъ и по ошибкѣ пристали къ людямъ 31-го экипажа, которые не были виновны. Началась драка: у насъ одинъ былъ раненъ и двое взяты въ плѣнъ. Французы потеряли одного плѣннаго. На утро все объяснилось. Но говорятъ, что это дошло до свѣдѣнія французскаго адмирала, и что будто бы командиръ парохода отданъ подъ судъ.

Одинъ англичанинъ подъѣхалъ къ нашему табуну. Наши люди были близко и смотрѣли, что онъ хочетъ дѣлать. Англичанинъ подошелъ къ одной лошади, посмотрѣлъ ее, другую, третью, выбралъ лучшую, осѣдлалъ и, оставивъ свою, дрянную, уѣхалъ къ изумленію зрителей.

Вотъ—отрывокъ изъ дневника князя Ухтомскаго—о посѣщеніи имъ Бердянска.

„... Мы сожгли свои пароходы, а команды отступили во внутрь страны. Непріятель прислалъ шлюпку. Навстрѣчу вышелъ градоначальникъ и спросилъ, что имъ нужно, говоря, что это—городъ коммерческій, гдѣ нѣтъ ни военныхъ снарядовъ, ни казенныхъ вещей. На что ему отвѣтили, что частнаго не тронутъ, а спрашивали, гдѣ вещи съ парохода?—Имъ заявили, что вещи забраны коман-

дою. Но тутъ нашелся одинъ, который выдалъ, говоря, что вещи съ парохода въ такомъ-то частномъ домѣ. Тогда вещи взяли, домъ сожгли, градоначальника смѣнили и изъ жителей выбрали другого. Потомъ ходили въ Ейскъ, гдѣ былъ большой складъ для арміи хлѣба, сожгли, уничтожили тоже Геническъ, бомбардировали Арабатъ (гдѣ 70 орудій), но отступили. Въ Азовскомъ морѣ сожгли всѣ каботажныя суда".

Не менѣе интересно то, что записано княземъ, со словъ очевидцевъ, въ его журналѣ относительно блокады Керчи.

Въ іюлѣ 1856 г., князь Ухтомскій попадаетъ въ этотъ опустошенный городъ.

Вотъ—дневникъ его, относящійся къ посѣщенію.

12 мая 1855 года, въ ясную погоду, непріятель сдѣлалъ высадку въ Керченскій проливъ, около Акъ-Буруна. Генералъ Врангель послалъ два легкихъ полевыхъ орудія для того, чтобы помѣшать имъ. На нашъ первый выстрѣлъ они отвѣчали залпомъ съ гребныхъ судовъ, послѣ чего казаки возвратились съ отвѣтомъ, что „непріятеля пришло видимо невидимо". (Въ самомъ же дѣлѣ ихъ было до 18 тысячъ). Ген. Врангель, полагая, по числу пришедшихъ судовъ, что непріятель вышелъ въ 70 числѣ тысячъ, велѣлъ взорвать батареи, а войскамъ отступить. Павловская батарея взорвалась первою. Видя это, англійскій адмиралъ собралъ командировъ судовъ, спрашивая ихъ: что за взрывъ? Не подводный ли взорванъ фугасъ? Этого они очень боялись. Для разрѣшенія этого вопроса, одинъ изъ командировъ маленькаго англійскаго парохода вызвался пройти къ фарватеру и осмотрѣть все. Въ это самое время, на скрытой батареѣ (командиръ мичманъ Бабенко) хотѣли еще дѣйствовать. Но мичманъ Богдановичъ пріѣхалъ туда со вторичнымъ приказаніемъ— взорвать батарею, угрожая иначе строгою отвѣтственностью. И батарея эта взорвалась въ тотъ самый моментъ, когда съ нею поравнялся англійскій пароходъ. Ген. Врангель выѣхалъ изъ города ночью, велѣвъ отвязать колокольчикъ, чтобы не обратить на себя вниманіе народа. Транспорты затоплены у Эникале, пароходы ушли въ Бердянскъ [1]). (Погоня за пароходомъ „Аргонавтъ").

Городъ въ это время представлялъ изъ себя страшный хаосъ. Всѣ жители столпились на площади, около собора. Непріятель вступилъ въ Керчь 13-го числа, и татары начали грабить городъ. Первые три дня была тѣнь порядка, но когда французы ушли въ Эникале, а на мѣсто ихъ вступили англичане, то тутъ уже начался всеобщій грабежъ. Татары, переодѣтые въ турецкіе костюмы, обирали церкви,

---

1) Эникале держался до 6 ч. вечера.

убивали богатыхъ гражданъ и производили насилія. Англійскіе офицеры, вмѣсто того чтобы прекращать безпорядки, не стыдились разбивать замки комодовъ и наполнять карманы всѣмъ цѣннымъ, или разбивать лавки съ красными товарами. Англійскіе морскіе офицеры таскали изъ домовъ на себѣ картины, мебель и проч. Французы же, смотря на нихъ, пожимали плечами. Адмиралъ Лайнсъ очень сердился за это на своихъ. На другой день вступленія своего непріятель зажегъ магазины съ хлѣбомъ, но домовъ еще не разорялъ и укрѣпленій не дѣлалъ, кромѣ рва кругомъ города. Около новаго года, когда разнесся слухъ, что русскіе въ числѣ 70 т. приближаются къ городу, англичане выгнали 20 тысячъ турокъ и татаръ на земляныя работы.

Говорятъ, что въ это время турки были такъ ожесточены на союзниковъ, что ждали только появленія русскихъ, чтобы броситься на французовъ и англичанъ и перерѣзать ихъ. (Французовъ и англичанъ было едва-ли 5 тысячъ). Кругомъ города, на холмахъ, и около Павловской батареи дѣлали окопы и укрѣпленія, по улицамъ сдѣлали баррикады.—Канонерскія лодки подошли къ набережной, стали разорять и жечь дома. Во все время кампаніи въ Керчи оставалось до 1.300 жителей, даже открыты были лавки и учреждена полиція изъ гражданъ. По всему видно, что въ Керчи не было головы [1]). Князь Меншиковъ отказался отъ защиты этого края, Хомутовъ тоже, основываясь на томъ, что у него нѣтъ войскъ. Остался Врангель, который не умѣлъ распоряжаться. Кромѣ того здѣсь сошлись два вѣдомства—морское и сухопутное, мѣшавшія другъ другу. Средствъ къ оборонѣ было множество, Керчь имѣла адмиралтейство, литейный заводъ, матросовъ съ отряда до 700 человѣкъ, орудія съ транспортовъ и пароходовъ, много жителей для составленія милиціи. Словомъ это былъ второй Севастополь Чернаго моря. Самъ адмиралъ Вульфъ (начальникъ морскихъ командъ Керчи) былъ неспособенъ. Главными же его совѣтниками были К. Л.

---

[1]) Слѣдующій анекдотъ хорошо очерчиваетъ градоначальника—того времени кн. Гагарина. Однажды помощникъ его полковникъ Антоновичъ пришелъ къ нему съ важными дѣлами. Князь долго слушалъ его. Когда тотъ кончилъ, то князь просилъ повторить слова, ибо не разслышалъ потому, что все время смотрѣлъ, какъ его птичка воровала зернышки, а мышка подкрадывалась къ птичкѣ, чтобы ее поймать. Но теперь ихъ спугнули. И князь просилъ начать снова. Это уже переходъ къ младенчеству.

(Примѣчаніе кн. Ухтомскаго).

Данилевскій и К. Л. Миленасъ—два глупѣйшихъ и трусливѣйшихъ офицера. Позоръ! Кругомъ позоръ! [1]).

Нѣкоторые полагаютъ, что можно было съ имѣющимися средствами удерживать непріятеля, который, сдѣлавъ эту высадку, мало разсчитывалъ на успѣхъ и былъ очень нерѣшителенъ. Напримѣръ, изъ жителей города можно было составить милицію; солдатъ и матросовъ малоспособныхъ оставить при случаѣ у орудій, а съ остальнымъ отрядомъ, простиравшимся до 5 тысячъ, удалиться за городъ, въ укрѣпленный лагерь. Не говоря уже о томъ, что изъ командъ купеческихъ судовъ, преимущественно греческихъ, бывшихъ передъ тѣмъ въ Азовскомъ морѣ и въ проливѣ, можно было бы составить лихой отрядъ; суда же затопить на фарватерѣ. (Конечно не такъ, какъ затопили транспорты, нагружая ихъ землею, которую вымыло, а суда разбросало).

Въ Керчи былъ сдѣланъ бонъ. Но по совѣту капитана надъ портомъ Д. [2]), бревна были разрѣзаны, обхватывали цѣпь, и огромный бонъ, сдѣланный такимъ образомъ, при сильномъ теченіи, быстро тонулъ и давалъ намъ много безполезныхъ хлопотъ, для того, чтобы онъ плавалъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, мѣрою, о которой я говорилъ выше, слѣдовало оставленіе Новороссійска и Анапы. Тогда мы были бы такъ же сильны, какъ союзники. Теперь же, взятіе Керчи нанесло намъ страшный ударъ и имѣло пагубное вліяніе на весь ходъ Крымской кампаніи, ибо непріятель истребилъ огромные запасы Азовскаго моря, а взятіе Азовскаго моря потрясло разомъ четыре губерніи. Кромѣ того мы должны были дѣлать подвозъ къ Крымской арміи дальнимъ путемъ, черезъ что правительство истратило 77 милліоновъ лишнихъ, и въ такое время истощились подвозныя средства южнаго края.

Я былъ въ Керчи на Павловской батареѣ. Ея нѣтъ и слѣда. Сдѣланы новыя укрѣпленія у берега, гдѣ непріятель боялся нашего нападенія. Онъ провелъ кругомъ города, черезъ курганы и татарскую мечеть до карантинной дороги, кремальерную линію. Около моря — множество бараковъ и двѣ паровыя машины для перегонки соленой воды въ прѣсную, ибо это мѣсто — безводное. Сосѣдніе курганы тоже укрѣплены. Большая часть города сожжена или

---

[1]) „Впрочемъ, часть этого разсказа передана мнѣ Г. М., которому, какъ говорятъ, невсегда можно вѣрить".

(Прим. кн. Ухтомскаго).

[2]) Фамилія неразобрана въ рукописи князя.

разорена. Изъ домовъ вынуты всѣ мѣдныя вещи, какъ-то: замки, петли и проч., а самое дерево испорчено нарочно. Передъ выходомъ своимъ изъ Керчи англичане посылали каждый день до 300 человѣкъ турокъ съ топорами для уничтоженія фруктовыхъ садовъ. Музеума не существуетъ, лѣстницы тоже. Посѣщая эти развалины, заросшія травою, видишь какъ будто жилища древнихъ народовъ, между тѣмъ, какъ годъ тому назадъ все это было цѣло и обитаемо. Самое зданіе музеума цѣло. Кругомъ разбросаны остатки плитъ съ полуистертыми надписями. Одну плиту нашелъ я цѣлою съ слѣдующимъ изображеніемъ...

Французы оставили Керчь 5-го іюня и всѣ свои постройки подарили городу, но потомъ англичане перебрались въ нихъ и ихъ продавали. И какимъ образомъ! Тѣ же самыя вещи (напримѣръ, на Павловской батареѣ складъ желѣза, чугуна и разныхъ котловъ), за подписью своего главнокомандующаго Кемпля, проданы нѣсколькимъ лицамъ — и теперь между ними идутъ безконечные споры. Нѣкоторые изъ иностранцевъ еще торгуютъ въ городѣ, что имъ позволено до 15-го августа. Отъ города къ Павловской батареѣ сдѣлано ими убійственное шоссе. Черезъ рѣчку французами устроенъ каменный мостикъ на доскахъ, которыя уже выгнулись.

Уходя 10-го іюня, англичане забрали съ собою до 1.000 человѣкъ татаръ, самыхъ виновныхъ. Со дня заключенія мира купеческія суда спѣшатъ за хлѣбомъ. Въ Азовское море ихъ уже прошло до 6 тысячъ, чему, конечно, способствуетъ временное уничтоженіе карантина.

На одномъ обѣдѣ, въ послѣднее время, англійскій главнокомандующій г. Кемпль сказалъ, что Крымъ очень хорошая страна, что Керчь хорошенькій городокъ, который онъ желалъ бы завоевать для Англіи и быть въ немъ губернаторомъ. На что одинъ русскій полковникъ, участвовавшій въ обѣдѣ, ему отвѣтилъ, что для этого нужны силы и способности, которыхъ англичане не показали въ эту кампанію. Вообще союзники, и въ особенности англичане дали своимъ поведеніемъ въ Керчи о себѣ самое дурное понятіе. Керчь очень важный городъ, потому что здѣсь близко добывается каменный уголь и огромное количество желѣзной и чугунной руды, много соляныхъ озеръ, удобный рейсъ, и, ежели бы поправить древній молъ, то городъ этотъ, въ самое короткое время, сдѣлался бы богатымъ и торговымъ, тѣмъ болѣе, если къ нему будетъ проведена желѣзная дорога.

Вчера я пошелъ являться къ здѣшнему градоначальнику полковнику Антоновичу, но онъ еще спалъ и, въ ожиданіи, я пошелъ гулять и зашелъ въ соборъ: всѣ украшенія и образа цѣлы, чему мы

обязаны заботамъ отца Іоанна, который все время войны жилъ въ городѣ и всѣми средствами хлопоталъ о сохраненіи храма.

Передъ выходомъ изъ Керчи нѣсколько англійскихъ офицеровъ пришли сюда и взяли золотой крестъ, говоря, что это имъ на память въ Лондонъ. Остальныя же церкви, не исключая и католической, разграблены. Во время службы я былъ одинъ.

Переходя изъ одного разореннаго города въ другой, я былъ вооруженъ противъ союзниковъ; но теперь подумалъ, что подчиненные невиноваты, а виновато правительство. Я усердно молился о томъ, чтобы Богъ вразумилъ людей, примирилъ бы ихъ между собою и послалъ бы на землю миръ и благоденствіе. Во время чтенія Евангелія, какъ здѣсь, такъ и въ Севастополѣ, меня поразило то, что въ церкви щебетали ласточки. Конечно, это—случайно, но оно производило отрадное впечатлѣніе.

Полковникъ Антоновичъ разсказывалъ, что въ началѣ мая 1854 г. онъ былъ посланъ г. Врангелемъ въ Крымъ, къ кн. Горчакову, чтобы объяснить ему положеніе Керчи и просить въ то же время войскъ и батарейную батарею, ибо у насъ, при отрядѣ, было всего 4 легкихъ орудія. На это онъ получилъ отъ князя отказъ и приказаніе, чтобы, при нападеніи непріятеля, оставить Керчь и, отступивъ, безпокоить непріятеля какъ найдетъ возможнымъ—въ случаѣ, ежели бы тотъ двинулся внутрь.—Полковникъ Антоновичъ объяснялъ то же самое Коцебу, начальнику штаба, на что тотъ отвѣтилъ, что Азовское море—вздоръ и потеря его ничего на значитъ.

Между тѣмъ союзники хотѣли непремѣнно овладѣть Керчью, гдѣ они видѣли постоянное движеніе обозовъ и купеческія суда, которыя безнаказанно брали хлѣбъ и уходили. Они уже дѣлали разъ попытку въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, но возвратились, несмотря на блокаду, имѣя мало войска. Полковникъ Антоновичъ говорилъ, что единственную силу Врангеля составлялъ черноморскій баталіонъ и гарнизонный полубаталіонъ, а потомъ разный сбродъ; что изъ жителей нельзя было составить милиціи, ибо они всѣ заняты были подвозкою къ главной арміи. Составленіе отряда изъ командъ греческихъ судовъ полковникъ считалъ дѣломъ невозможнымъ, ибо они безпрестанно приходили и уходили. Слѣдовательно, держаться было невозможно. Врангель же, отступивъ, занялъ такую выгодную позицію, что могъ все время держаться съ незначительными силами и, въ то же время, безпокоить непріятеля. (Казаки не разъ врывались въ самый городъ). Союзники сознаются, что они сдѣлали ошибку, высадившись въ Керчи, а не въ Ѳеодосіи. Тогда бы весь этотъ полу-островъ съ отрядомъ и проч. долженъ былъ бы сдаться самъ.

План затопленія судовъ въ Керчи.

8. 2.

7. 3. 6. 4. 5.

1. Акъ-Бурну.

1) Непріятельскій коммерческій пароходъ.
2) Три непріятельскихъ судна.
3) Четыре транспорта и до 60 якорей.
4) Транспортъ Арагва.
5) Лоцъ-шкуна.
6) Плавучая батарея.
7) Пароходъ Донецъ.
8) Пароходъ Могучій.

Остальныя суда затоплены въ Бердянскѣ, кромѣ парохода Таганрогъ, который ушелъ въ р. Донъ. Хотя командиру его велѣно было ввести туда же и канонерскія лодки, но онъ второпяхъ этого не исполнилъ.

Противъ всякаго ожиданія, я — опять въ Севастополѣ. Здѣсь картина перемѣнилась. Непріятельскія войска ушли, и бродяги всѣхъ націй наполнили Крымъ. Въ окрестностяхъ небезопасно. Французы ушли 23-го, англичане 30-го іюня. Послѣдніе не измѣнили себѣ до самаго отправленія: они смѣнили 50 человѣкъ солдатъ военно-рабочихъ ротъ, давъ имъ на мѣстѣ по 50 р. с. задатку. Наши правленія уже на Южной сторонѣ города; но жители еще не рѣшаются строиться, не зная новаго плана. Въ городѣ и окрестностяхъ вездѣ горятъ костры: жгутъ падаль, нечистоты и проч., для очищенія воздуха. На кладбищѣ Сѣверной стороны считаютъ погребенными 77 тысячъ, и столько же на С.......ъ [1]) кладбищѣ. Правительство дало большія суммы для пособія татарамъ, но ихъ нельзя считать разоренными. Пострадали только извѣстные уѣзды, напр. Евпаторійскій, гдѣ изъ 18 т. татаръ, передавшихся непріятелю, 12 т. умерло отъ болѣзней, 3 т. пропали безъ вѣсти, а остальные 3 т. возвратились въ разоренные аулы.

---

[1]) Слово неразобрано въ рукописи.

Я объѣхалъ всѣ батареи, пересчитывая взорванные пороховые погреба: ихъ оказалось около одной трети. На бастіонахъ еще остались наши орудія и снаряды. Потомъ осматривали Инкерманскую позицію 4-го августа и мѣсто сраженія. Можетъ быть я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что трудно было не взять Федюкиныхъ высотъ, гдѣ сдѣланы небольшіе эполементы для полевой артиллеріи, и только укрѣплена редутомъ одна высота. Отсюда, мимо Сардинскаго лагеря, мы поднялись на Сапунъ-гору. Шоссе, по всѣмъ направленіямъ, пересѣкаетъ мѣстность. Съ высоты Сапунъ-горы все пространство застроено французскимъ и англійскимъ лагеремъ. Тамъ есть улицы, множество вывѣсокъ кофейенъ, кабаковъ и проч. Есть улицы, по которымъ перебѣгаетъ много крысъ. Всѣ эти бараки проданы нашимъ купцамъ за пустую цѣну. Англійскій лагерь всегда можно узнать по огромному количеству разбитыхъ бутылокъ. Въ одномъ мѣстѣ ихъ цѣлая гора".

„Воскресенье. Сегодня Иннокентій служилъ въ Севастопольскомъ соборѣ и говорилъ проповѣдь, которою предсказывалъ обновленіе Севастополя и его цвѣтущую будущность".

10 августа.

Общество перестало ѣздить въ Спасскъ и по вечерамъ посѣщаетъ бульваръ. Николаевскій бульваръ—главное мѣсто для гулянья. Представьте себѣ длинныя ($1^1/_2$ версты), широкія аллеи вдоль обрывистаго берега Ингула; внизу, на рѣкѣ, замѣтна морская дѣятельность—видны суда, (одни воротились съ моря), другія готовятся идти на рейдъ (т. е. въ Спасскъ); пароходы разводятъ пары, купеческія суда выгружаютъ провіантъ или каменный уголь; шлюпки взадъ и впередъ снуютъ между ними; перевозные боты подъ парусами—въ разныхъ направленіяхъ; на транспортахъ видна работа, слышна команда вахтенныхъ офицеровъ, раздаются свистки. Все это напоминаетъ Севастополь, котораго я не могу забыть. Напрасно мы утѣшаемъ себя тѣмъ, что со временемъ у насъ опять будетъ флотъ на Черномъ морѣ, еще лучше прежняго. Можетъ быть многочисленнѣе, но не лучше—гдѣ взять подобныхъ начальниковъ, какъ Г., Л., К. и И.?! Кто дастъ школу для образованія такихъ офицеровъ, какъ Г., М., Т. и многіе другіе?—Когда еще будутъ продолжительныя кампаніи, чтобы дать намъ такія команды, какъ команды корабля 12-ти Апостоловъ, Гавр., Силистріи, Коварны, Орфея, Ласточки, Язона, Энея и проч., и проч.? Гдѣ найдется человѣкъ, способный образовать эту гармонію и влить въ общество

морское ту нравственность, то рвеніе къ службѣ, которыми мы могли гордиться по справедливости? Намъ указываютъ на камеръ-кампанію пароходства. Она можетъ дать много денежныхъ выгодъ, но не воротитъ намъ прежняго, ибо деньги *развращаютъ* нравственность.—Зачѣмъ эти тяжелыя воспоминанія?! Лучше *пройдемся* по бульвару. Солнце сѣло. Пришла экипажная музыка, и толпы гуляющихъ наводнили аллеи".

Въ 1857 году, князь—снова въ Севастополѣ и въ его дневникѣ находимъ такія замѣтки:

„До сихъ поръ не могу привыкнуть къ развалинамъ Севастополя. Прохожу ночью мимо разрушенныхъ домовъ или около могилъ адмираловъ, и какой-то священный страхъ объемлетъ мою душу. Мнѣ такъ и кажется, что вотъ-вотъ выйдетъ покойникъ. Сегодня мнѣ показалось даже, что въ темнотѣ сверкнули чьи-то глаза—и меня бросило въ жаръ; но страхъ скоро прошелъ".

„Мнѣ пришло въ голову—начать морской журналъ, т. е. описаніе портовъ Чернаго моря ихъ жизни, разныхъ морскихъ случаевъ и, наконецъ, служебныхъ занятій, молодого, неопытнаго командира. Право, это было даже занимательно для читателей. Напримѣръ, начнемъ хоть съ Евпаторіи, изъ которой я вернулся вчера вечеромъ: 8 мая, въ 6 ч. послѣ обѣда, я снялся съ якоря изъ Севастополя и пошелъ къ Евпаторіи,—до которой считается 32 мили. Ночь проштилевали и только утромъ, въ 7 ч. я бросилъ якорь. Сейчасъ же отправился на берегъ къ тамошнему городничему капитанъ-лейтенанту Гусакову, моему старому сослуживцу. Черезъ два часа мы уже отправились съ нимъ верхами—осматривать оборонительную линію, сдѣланную союзниками для обороны Евпаторіи въ послѣднюю войну. Оборонительная линія опоясываетъ городъ отъ моря до моря. Толстые бруствера мѣстами выложены каменьями изъ разбросанныхъ домовъ, и мѣстами одѣты дерномъ. Глубокій ровъ наполненъ водою, частью изъ ближайшихъ колодцевъ, частью съ моря. Вся эта кремальерная линія показываетъ большія работы непріятеля; но это уже не та самая линія укрѣпленій, на которую шли наши войска штурмомъ 5 февраля 1855 г. Тѣ укрѣпленія были ближе къ городу. Теперь, за первою линіей, идутъ вторая и третья. Въ центрѣ послѣдней находится большой редутъ (названный редутомъ Омаръ-паши), отъ котораго проведено въ городъ шоссе. Сзади кремальерной линіи видны мѣста турецкаго лагеря и начатыя каменныя казармы. Объѣзжая городъ, мы не замѣтили большого разрушенія: немногіе дома пострадали и только разобраны кварталы, ближайшіе къ оборонительной линіи, для которой брали камень. Предстоящіе визиты помѣшали

намъ проѣхать *на редутъ*, и мы успѣли посѣтить только общій памятникъ. (Сдѣлана порфировая колонна съ мѣднымъ крестомъ наверху русскимъ, убитымъ на штурмѣ 5 февраля). Остановившись около памятника, мы сошли съ лошадей и помолились за упокой падшихъ здѣсь.

Хотя мѣсто погребенія ихъ достовѣрно неизвѣстно, но памятникъ поставленъ именно на надлежащемъ мѣстѣ, потому что здѣсь было самое большое число убитыхъ.

Отсюда мы проѣхали на Караимское кладбище. Оно представляетъ странный видъ: надъ каждой могилою—большія плиты камня (даже мрамора), изображающія гробы. И передъ вами—цѣлыя поля окаменѣлыхъ гробовъ. Говорятъ, что за этими камнями (а, можетъ быть, и на татарскомъ кладбищѣ, которое немного дальше и гдѣ почти такіе же надгробные памятники) была главная схватка во время штурма. Возвратившись домой, мы отправились на званый обѣдъ къ директору здѣшняго карантиннаго форта Н. И. Казначееву.

Послѣ обѣда мы снова отправились верхами по берегу моря, чтобы взглянуть на остатки непріятельскихъ судовъ, выброшенныхъ на берегъ бурею 2 ноября 1854 г. Всѣхъ разбитыхъ судовъ считаютъ 11-ть. Часть ихъ разбита волненіемъ, часть разобрана жителями на дрова—и теперь подъ водою видны только 6-ть судовъ. Всѣ они разбились около городскихъ мельницъ и носомъ стоятъ къ берегу. Первымъ бросается въ глаза транспортъ подъ № 53: онъ будто стоитъ на якорѣ, весь цѣлъ, съ 3 мачтами. Транспортъ этотъ купленъ однимъ караимомъ за 800 р.

Далѣе лежитъ на боку колесный корветъ. Потомъ мы проѣхали мимо останковъ желѣзнаго винтового парохода (проданнаго за 25 р. с.). Далѣе, почти рядомъ съ кораблемъ Генриха IV, видны обломки другого транспорта подъ № 55. Всѣ эти суда брошены и ломаются на дрова. Смотря на остатки разбитыхъ судовъ, я не могу понять почему Черноморское вѣдомство не взяло на себя очистку Евпаторійскаго рейда, тѣмъ болѣе, что, какъ говорятъ, документы на покупку судовъ большей частью — ложные. Я даже сомнѣваюсь, имѣли ли право союзники продавать разбитыя суда, когда, по трактату, они должны были очистить наши берега къ 1 іюня 1856 г...

Жаль смотрѣть на постепенное уничтоженіе вещей, которыя могли бы быть съ пользою употреблены для флота.

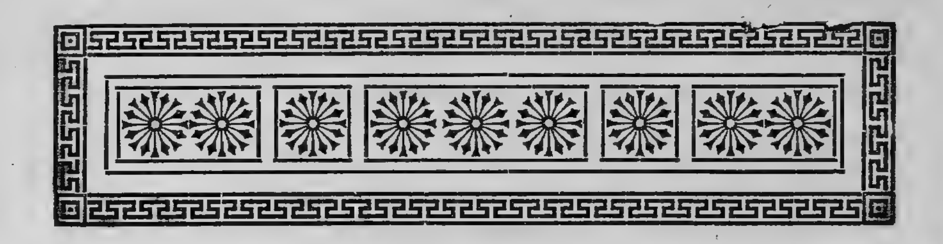
1 сентября 1854 г. непріятельскій флотъ прошелъ въ Евпаторію, а 4 числа союзники заняли городъ. Неизвѣстно, на какомъ основаніи англичане требовали тогда отъ города 3.600 р. с. ежедневной кон-

трибуціи, чего имъ, конечно, не дали, да и не въ состояніи были дать.

Оборонительныя работы Евпаторіи не могутъ удивлять насъ, ибо мы знаемъ, что у союзниковъ было здѣсь до 40 тысячъ гарнизона и до 30 тысячъ окрестныхъ татаръ. Бѣдственно было положеніе татаръ въ прошлую кампанію: въ городѣ союзники морили ихъ земляными работами и голодомъ; въ деревнѣ же ихъ грабили русскіе, а генералъ Корфъ поступилъ съ ними, какъ съ бунтовщиками".

Сообщ. А. В. Жиркевичъ.

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

ГЛАВА VIII.

Берлинскій конгрессъ и князь Горчаковъ.

Борьба окончилась въ маѣ. Англійское министерство подчинилось своему пораженію; но ему было дозволено отчасти скрыть капитуляцію между лордомъ Сольсбери и русскими представителями, скрѣпленную Европейскимъ ареопагомъ. Подписанную 30 мая, ее напечатали лишь 14 іюня.

Одинъ, или два пункта, предоставленные рѣшенію конгресса, дали поводъ Биконсфильду играть комедію, которая такъ часто одурачивала его партію и обманывала публику. Большаго ему и не требовалось. Договоръ состоялся, чтобы Болгарію (большую Санъ-Стефанскую Болгарію) раздѣлить на три части: 1) сѣверную, совершенно свободную, подъ управленіемъ своего князя; 2) восточную Румелію, полусвободную съ автономными учрежденіями, подъ управленіемъ ставленника султана, при участіи великихъ державъ, и наконецъ 3) Македонію, возвратить подъ турецкое иго. Биконсфильду необходимо было для его домашней политики сдѣлать видъ, что онъ такъ или иначе отвергаетъ Россію. „Требованіе, чтобы туркамъ было дано право возстановить гарнизоны на проходахъ, изъ которыхъ они были изгнаны русскимъ оружіемъ, должно непремѣнно раздражить русскихъ, говорилъ онъ, а поэтому неминуемо дастъ удовлетвореніе намъ, англичанамъ, противникамъ Россіи“ [1]).

---

[1]) Какъ тяжело было русскимъ это странное предложеніе, можно судить по прилагаемой выдержкѣ изъ рѣчи Аксакова 4-го іюля:

Это требованіе не имѣло практическаго смысла. Какъ указывала Пель-Мель газета, право воздвигать укрѣпленія на Балканскихъ холмахъ, когда вся страна кругомъ находится во враждебныхъ рукахъ, равняется тому, чтобы предоставить птицѣ право вооружить свою собственную западню. Но унизительная несообразность этого предложенія была по вкусу Биконсфильду, и онъ избралъ ее основаніемъ для ультиматума. Когда Россія отказала въ согласіи на это, онъ сдѣлалъ распоряженіе готовить экстренный поѣздъ, въ которомъ на слѣдующее утро онъ вернется въ Англію, и убѣдилъ князя Бисмарка, что скорѣе прерветъ конгрессъ, подъ страхомъ общей войны, нежели откажется отъ своего требованія. Все продѣлано въ стилѣ сенсаціонной мелодрамы. Это было самое тонкое дурачество, разыгранное съ непоколебимой важностью главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Джингоистская толпа въ печати и на улицахъ кричала до хрипоты отъ восторга, когда всемірный фигляръ объявилъ при своемъ возвращеніи, что онъ привезъ изъ Берлина „миръ съ честью". Миръ, опасности котораго грозилъ одинъ онъ, честь, которую онъ запятналъ непостижимымъ обманомъ Кипрскаго договора!

Англо-турецкое соглашеніе состояло въ томъ, что Британское правительство принимало на себя защиту Азіатскихъ владѣній султана отъ русскихъ нападеній, въ вознагражденіе за что султанъ разрѣшилъ англичанамъ оккупацію и администрацію острова Кипра. Оно было подписано 9-го іюля, за четыре дня до закрытія Берлинскаго конгресса. Объ этомъ безумномъ договорѣ мы поговоримъ далѣе, теперь же достаточно привести выдержки изъ письма о немъ г-жи Новиковой.

„Что думаютъ русскіе объ англо-турецкомъ соглашеніи? откровенно говоря, очень мало. Если бы Англія была дѣйствительно намѣрена нести свою новую отвѣтственность, она бы готовилась къ исполненію своихъ обязательствъ совершенно иначе. Видя, что

„Убѣдясь на опытѣ, что Балканы, считавшіеся естественнымъ непреодолимымъ препятствіемъ, не помѣшали движенію нашихъ войскъ, конгрессъ издалъ приказъ строить линію фортовъ (конечно, при помощи англійскихъ инженеровъ и англійскихъ денегъ) на всемъ протяженіи цѣпи Балканъ; эти форты, вооруженные турецкими гарнизонами, дѣйствительно сдѣлаютъ Балканы неприступными. Для того ли наши храбрыя войска съ трудомъ всходили на эти горы среди зимы и умирали такъ геройски? Можетъ ли русскій отнынѣ, безъ краски стыда, произносить имена Шипки, Карлова, Баязета, имена всѣхъ мѣстъ, прославленныхъ храбростью и густо усѣянныхъ могилами нашихъ героевъ, отданныя туркамъ? Наши солдаты, возвратясь домой, не поблагодарятъ дипломатовъ, которые уничтожили на конгрессѣ плоды этой кампаніи".

ничто не дѣлается, мы думаемъ, что договоръ не имѣетъ значенія. Въ теоріи это историческое оправданіе Кайнарджидскаго трактата. Это позднее, но полное допущеніе Англіей принципа, принятаго Россіей сто лѣтъ назадъ. Русскіе принципы, временно омраченные Севастопольскими несчастьями, приняты, наконецъ, англійскимъ правительствомъ.

Съ этого времени Россія свободна. Россія, очевидно, имѣетъ теперь право заключать всякія условія съ султаномъ, а мы, конечно, уступили бы вамъ гораздо больше, чѣмъ Кипръ, за возстановленіе нашего права прямыхъ отношеній съ Портой безъ иностраннаго вмѣшательства. Если мы все еще соперники, то мы не можемъ достаточно выразить нашу благодарность лорду Биконсфильду, за эту услугу".

Г-жа Новикова писала мнѣ 24 августа 1878 г.

„Вотъ вопросъ, на который я должна обратить Ваше вниманіе, но который, кажется, до сихъ поръ не появлялся въ англійской печати. По договору 1856 года ни одна великая держава не имѣла права заключать съ Турціей какія бы то ни было отдѣльныя соглашенія. Поэтому Россія принуждена была подписать въ Санъ-Стефано лишь предварительный договоръ. Теперь Берлинскій конгрессъ, не уничтожая, а только сдѣлавъ измѣненія въ нашемъ предварительномъ договорѣ, оставилъ право за Россіей имѣть дѣло непосредственно съ Турціей. Очевидно, что англо-турецкая конвенція усилила этотъ принципъ независимости. Теперь Россія не будетъ имѣть причины совѣщаться съ Европой о какой-нибудь сдѣлкѣ съ своимъ умирающимъ и голодающимъ сосѣдомъ".

Въ то время г-жу Новикову мало заботилъ англо-турецкій договоръ. Спустя семнадцать лѣтъ только она увидѣла его вредное значеніе.

Высшимъ ея желаніемъ было освобожденіе южныхъ славянъ, защищая которыхъ погибъ ея братъ.

Она совершенно искренно отвѣчала друзьямъ, представлявшимъ ей на видъ все, что выиграла Россія.

„Если бы мы начали войну для того, чтобы уничтожить политику Биконсфильда, Берлинскій трактатъ до извѣстной степени былъ бы успѣхомъ. Не было почти требованія нашихъ дипломатовъ, на которое вашъ премьеръ не изъявилъ благосклоннаго согласія, но онъ сокращалъ всѣ предложенія о расширеніи свободы славянъ, съ согласія заинтересованныхъ интригановъ, заставившихъ насъ играть въ Берлинѣ роль Пилата".

Аксаковъ въ краснорѣчивыхъ и сильныхъ выраженіяхъ высказалъ негодованіе русскихъ за принесеніе въ жертву македонцевъ.

Въ рѣчи, о которой говорила Гладстону г-жа Новикова, предсѣдатель Московскаго Славянскаго комитета взывалъ къ русскимъ уполномоченнымъ въ Берлинѣ и къ Государю въ Петербургѣ.

„Никогда еще, говорилъ Аксаковъ, война не порождала столько жертвъ, вызванныхъ чувствомъ любви къ ближнему, какъ эта, единственной цѣлью которой было избавленіе болгаръ отъ турецкаго ига. И вдругъ теперь все испорчено! По Санъ-Стефанскому договору вся Болгарія была освобождена. А теперь будто бы съ соизволенія того же великодушнаго освобожденія, Болгарія раздѣлена, при чемъ лучшая, богатѣйшая ея часть снова въ рабствѣ турокъ.

„Не случилось ничего страшнаго, ни битвы, ни пораженія. Биконсфильдъ топнулъ ногой, Австрія погрозила пальцемъ,—и русскіе дипломаты испугались и уступили.

„Кто бы въ Европѣ рѣшился на войну? Уступить безъ одного выстрѣла не есть уступка, это простое бѣгство. Кто же воевалъ бы? Ни Англія, ни Австрія, эта олицетворенная ахиллесова пята“.

Правдивая и патріотическая рѣчь эта произвела впечатлѣніе въ Петербургѣ, которое выразилось даже приказаніемъ Аксакову выѣхать въ свое имѣніе. Но тутъ представилось нѣкоторое затрудненіе: у Аксакова не было своей и пяди земли. Пришлось воспользоваться приглашеніемъ невѣстки Екатерины Ѳедоровны Тютчевой и быть высланнымъ въ чужое имѣніе.

Г-жа Новикова была огорчена и горько упрекала англійскихъ либераловъ въ томъ, что они не противились порабощенію южной Болгаріи.

Она говорила:

„Мы, Москвичи, подняты на смѣхъ за то, что продолжали вѣрить любви англичанъ къ свободѣ, къ справедливости, къ возвышеннымъ цѣлямъ и вѣрованіямъ. Да, вы не оказались нашими друзьями въ бѣдѣ. Въ самую нужную минуту вы стали холодны и безучастны“.

Она даже осуждала Гладстона, жалуясь:

„Въ 1878 году турецкая неограниченная власть въ юго-западной Болгаріи, уничтоженная Россіей въ Санъ-Стефано, возстановлена Европой въ Берлинѣ. И противъ этой обиды сказалъ ли хоть бы слово даже Гладстонъ?“

Новикова была безутѣшна, она писала друзьямъ, писала въ англійскихъ и русскихъ газетахъ и, наконецъ, воспользовалась случаемъ упрекнуть въ глаза даже самого канцлера князя Горчакова, встрѣтившись съ нимъ случайно въ вагонѣ желѣзной дороги.

Вотъ подробности этого свиданія, которыя я отыскалъ въ ея бумагахъ:

29 іюля 1878 г.

„На Петербургской станціи толпа чиновъ министерства иностранныхъ дѣлъ провожаетъ князя Горчакова. Я старалась не попадаться имъ навстрѣчу, но старый канцлеръ меня замѣтилъ и настоялъ на томъ, чтобы я взяла мѣсто въ его вагонѣ. Ему сопутствовали только два секретаря. Я сначала отказывалась, но потомъ согласилась, сообразивъ, что надо воспользоваться случаемъ добиться объясненій главы нашей политики.

Произошелъ слѣдующій разговоръ:

Горчаковъ. Радъ васъ видѣть. Я слышалъ, что вы ѣздили въ Москву. Что тамъ дѣлалось?

Я. Именно то, что и должно было дѣлаться. Всѣ въ страшномъ негодованіи на изгнаніе Аксакова изъ Москвы за его правдивое слово.

Горчаковъ. Ахъ да, я помню, Вы большой другъ Аксакова.

Я. Конечно, я другъ его и его жены, но сблизились мы почти недавно и почти каждый день видѣлись.

Горчаковъ (улыбаясь). Да, да, я знаю, но скажите, не были ли Вы такъ же, какъ Аксаковъ, принуждены выѣхать изъ столицы?

Я. Такая новость до меня пока не доходила, конечно, если Аксаковъ заслужилъ наказаніе, то очевидно и я виновна, но тысячи русскихъ чувствуютъ и думаютъ такъ же, какъ онъ.

Горчаковъ (нѣсколько сердито): какъ? онъ осмѣялъ Высочайшее повелѣніе и объявилъ генералъ-губернатору Долгорукову, что онъ получилъ въ жизни своей семь Высочайшихъ выговоровъ. Кажется, это довольно дерзко.

Я. По моему мнѣнію, было гнусно со стороны Долгорукова доносить о шуткѣ, сказанной, очевидно, въ гостинномъ разговорѣ, а не въ видѣ отвѣта Его Величеству. Что касается рѣчи Аксакова въ Славянскомъ обществѣ, то она была плодомъ его глубокаго убѣжденія и патріотическихъ взглядовъ. Эти взгляды онъ, конечно, желалъ, чтобы были извѣстны его Государю.

Горчаковъ (все болѣе и болѣе сердясь). Вы слишкомъ преданы дѣлу славянъ и Аксаковъ тоже. Онъ помѣшанъ на политикѣ. Если бы мы руководились московскими взглядами, хороши бы мы были.

Я. Во всякомъ случаѣ Россія сдержала бы свое слово, свое обѣщаніе. Повѣрьте мнѣ, князь, удаленіе Аксакова въ настоящую минуту было большой ошибкой. Итакъ люди потеряли бодрость духа и вѣру. Что сдѣлано въ Берлинѣ? Славяне принесены въ жертву.

Горчаковъ (перебивая): это не правда! Кто ими жертвовалъ? Не я. Вамъ вѣрно извѣстно, какъ сильно я противился раздѣлу Болгаріи, но рисковать новой войной въ ея защиту было выше

моихъ силъ, этого сдѣлать я не посмѣлъ. Прежде Россія, а потомъ славяне.

Я. Юныя славянскія земли заполонили евреями.

Горчаковъ (перебивая): я былъ противъ этого. Евреевъ больше въ Румыніи, нежели среди славянъ. Къ тому же, пожалуйста, избѣгайте слова „Славяне", говорите о христіанахъ, это понятіе шире.

Я. Но тогда по Вашему не надо говорить Россія, такъ какъ это одно и то же, а прямо сказать Европа.

Горчаковъ. Извините, я только не хочу вывѣсить быку красную тряпку. Вотъ и все.

Я. Не успѣли мы ознакомиться съ телеграммами изъ Берлина, какъ намъ пришлось читать возмутительное восклицаніе еврея Биконсфильда: „Ни шагу дальше!"

Горчаковъ. О, это былъ маленькій парламентскій фокусъ, но я сознаю, что это былъ промахъ съ его стороны.

Горчаковъ замолчалъ и старался улыбаться. „Скажите, дѣйствительно Вы не были удалены изъ Москвы?" спросилъ онъ.—„Я долженъ Вамъ сказать, что Вашъ другъ Гладстонъ также не правъ, порицая Россію за возвращеніе себѣ клочка Бессарабіи, прежде ей принадлежавшаго".

Я. Да, Гладстону тоже нужны его избиратели, кромѣ моего большого друга Фруда, всѣ протестовали противъ этого ничтожнаго присоединенія. Но Вы должны помнить, что Гладстонъ никогда не допустилъ бы еврея до объявленія войны Россіи. Это слѣдуетъ имѣть въ виду.

Горчаковъ. Я долженъ Вамъ сказать, что лично я не могу жаловаться на Бикосфильда. Онъ былъ у меня много разъ и былъ очень любезенъ. Былъ также у моего сына. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ, что если онъ слышитъ о сказанной кѣмъ-нибудь остротѣ, онъ отвѣчаетъ всегда: „Это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что говорилъ князь Горчаковъ".

Я. „Князь, лордъ Сольсбери недавно сказалъ, что сила Биконсфильда въ его безстыдной привычкѣ всѣмъ льстить особенно съ глазу на глазъ".

Горчаковъ. „Но меня не такъ легко провести лестью". Пока князь восхвалялъ себя и свою проницательность, я вспомнила слѣдующій мой разговоръ съ бывшимъ либеральнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, лордомъ Кларендономъ. Онъ однажды разсказалъ случай, за достовѣрность котораго онъ ручался. Онъ говорилъ: „Вѣрьте мнѣ, сила Диззи въ отсутствіи всякаго нравственнаго стѣсненія и въ невообразимой лести всѣмъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Сказать Вамъ, чѣмъ онъ обворожилъ королеву? Нѣсколько лѣтъ назадъ она

написала книгу „Воспоминанія о жизни въ Шотландіи“ и разослала копіи всѣмъ намъ, членамъ парламента. Говоря откровенно, насъ это смутило, такъ какъ помимо выраженія благодарности Ея Величеству за вниманіе, мы еще должны были (какъ бы трудно намъ это ни было) выразить свое мнѣніе о ея твореніи.

„Читали ли Вы эту книгу“, спросилъ мой собесѣдникъ.

„Нѣтъ, я только наскоро ее пробѣжалъ“.

„Съ чѣмъ бы Вы ее сравнили? настаивалъ лордъ Кларендонъ съ насмѣшливымъ взглядомъ. По правдѣ сказать, я бы сравнилъ ее съ дѣтскими книгами M-me Jen Lis“.

„Мы были того же мнѣнія, сказалъ мой собесѣдникъ, но отъ насъ очевидно ожидали не молчанія, а мадригаловъ. Что было дѣлать? всѣ были въ затрудненіи. Одинъ Диззи не потерялся. Онъ храбро написалъ: „Это сочиненіе можетъ быть сравнено съ Шекспиромъ или съ Евангеліемъ“. Я молчалъ. Онъ продолжалъ, какъ-бы самъ съ собою:

„Да, нужно много смѣлости, чтобы поднести такое блюдо, но нужно также здоровый желудокъ, чтобъ его переварить, продолжалъ лордъ Кларендонъ.

Но тутъ я вспомнила, что мнѣ нужно все-таки слушать нашего канцеляра.

„Помните, онъ сказалъ, по крайней мѣрѣ мы уничтожили Парижскій трактатъ.

„Его я не подписывалъ. Это дѣло Нессельроде, но я его уничтожилъ“.

„Теперь позвольте мнѣ сдѣлать маленькое замѣчаніе о Васъ самихъ, которая все портитъ, когда Вы говорите о политикѣ, Вы слишкомъ рѣзки“.

„Но жизнь такъ коротка, прервала я, временемъ надо дорожить, да я и рѣдко говорю о политикѣ, я пишу и то только, когда мнѣ нужно обсуждать Англію и Россію. Не больше“!

„Вы задѣваете за живое всѣхъ, даже Вашихъ друзей, продолжалъ онъ, какъ бы не слыша моего замѣчанія, Вы отклоняете всякое руководство, всякій добрый совѣтъ. Вы смѣетесь надъ осторожностью и умѣренностью, дѣйствуете неблагоразумно и неосторожно. Когда я подумаю, что въ Англіи Васъ могли принять за русскаго агента“, прибавилъ онъ, пожимая плечами.

„Да, я агентъ“!

„Вотъ какъ, воскликнулъ онъ: чей же Вы агентъ, позвольте Васъ спросить“?

„Конечно, мой собственный, сказала я, и если бъ на меня посыпались нападки со всѣхъ сторонъ, подобно тому какъ сыпались пули

надъ нашими солдатами на Шипкѣ, я все бы продолжала такъ говорить, какъ думаю и чувствую".

Но тутъ я рѣшила прекратить нашъ безполезной споръ и оставила канцлера въ обществѣ подчиненныхъ, которые не могли бы уйти отъ него по своей волѣ".

Судя по датамъ, ея письмо было написано вскорѣ послѣ этого разговора. Она мнѣ говорила, что князь Горчаковъ изъ Вильдбода благодаритъ ее за очень пріятное свиданіе. „А мы все время ссорились. Подлинно пріятное свиданіе! Согласитесь, что князю легко угодить?" заключаетъ она.

Въ бумагахъ г-жи Новиковой я тоже нахожу письмо Эмиля де Лавелей, которому она очевидно сообщила объ этомъ свиданіи.

1 сентября 1878 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Какъ интересно Ваше письмо. Вы изображаете собой пылкость, умъ, сердце, будущее. Канцлеръ представляетъ настоящее и холодный здравый смыслъ.

„Россія не можетъ и не должна дѣлать больше.

„Будущность южныхъ славянъ все же улучшена, а турокъ приговоренъ всей Европой. Чего же Вы хотите еще?

„Отнынѣ независимая цѣлость Оттоманской имперіи превращается въ фикцію.

„Австрія построитъ желѣзную дорогу для славянъ: страна оживится".

Скобелевъ, этотъ герой войны, выразилъ такой же гнѣвъ, какъ Аксаковъ и г-жа Новикова по поводу измѣны южнымъ славянамъ.

Послѣ подписанія Берлинскаго трактата Скобелевъ рѣзко выразилъ свою ненависть къ политикѣ Биконсфильда въ то время.

„Политика насъ возмущаетъ, писалъ Скобелевъ по этому поводу. Два года мы обливали своею кровью Балканскій полуостровъ. Братья наши убиты, страна наша принесла неизмѣримыя жертвы, вдовы горюютъ, дѣти плачутъ, отцы лишились сыновей, въ которыхъ была ихъ надежда. Все это мы перенесли бы съ терпѣніемъ, которое Богъ намъ даетъ, если бы полная свобода, добытая нами нашимъ братьямъ по крови и религіи, по нарѣчію и вѣрѣ была имъ дана. Но проклятая дипломатія вмѣшивается и говоритъ нѣтъ; только меньшая половина будетъ свободная, а большая возвращена будетъ нѣжному милосердію турокъ. Вы сами знаете, что такое турки были, суть и будутъ и не были ли бы Вы на нашемъ мѣстѣ преисполнены злобы за то, что всѣ наши жертвы напрасны, что люди, надъ могилами которыхъ мы ходимъ, погибли ни за что?"

Къ счастью только половина вреда, который Биконсфильдъ намѣревался сдѣлать, осуществилась. Восточная Румелія была почти такъ же свободна, какъ сѣверная Болгарія, и менѣе чѣмъ черезъ десять лѣтъ была присоединена къ княжеству. Македонія до сихъ поръ служитъ предметомъ нашего позора.

Многіе въ Англіи сочувствовали г-жѣ Новиковой.

Но ея другъ Кинглекъ старался примирить ее съ фактами:

1-го августа 1878 г.

„Дорогой другъ. Въ отвѣтъ на Вашу краткую записку я началъ письмо, но оно оказалось такой длины, что я рѣшилъ отложить мои взгляды на конгрессъ до того счастливаго дня, въ который, я надѣюсь, мы скоро—(какъ скоро)? увидимся.

„Чтобы быть справедливой къ Вашему правительству, Вы должны помнить, что, предпринимая войну, Россія не имѣла полномочій Англіи и континента и обязана была дѣйствовать такъ, чтобы не нарушить согласія трехъ императоровъ. Если бъ Россія задумала занять Турцію, безъ согласія Австріи, ей пришлось бы также идти и на Вѣну.

Имѣя въ виду такую возможность, даже если бъ Англія и не объявляла сама войны, все же Россія сама основательно назвала свой С.-Стефанскій договоръ лишь наброскомъ.

„Конгрессъ былъ не болѣе какъ комедія, и если Вы только удовлетворитесь тѣмъ, чего Вашему правительству хотѣлось достигнуть, и посмотрите на Сольсбери-Шуваловское соглашеніе 30-го мая, Вы увидите, что благодаря слабоумію нашего скомороха Биконсфильда, все главное Вами достигнуто.

„Когда, когда, когда? Вы пріѣдете? Вамъ преданный

А. В. К.

Она писала:

24 августа 1878 г.

„Вы правы. По вашему совѣту, вдумавшись хладнокровно въ Шуваловскій договоръ, я съ нимъ до извѣстной части примирилась, но я никогда не думала, что Россія такъ пожертвуетъ славянами въ Берлинѣ. Конечно, благодаря Россіи, одиннадцать милліоновъ христіанъ въ лучшемъ положеніи, это уже что-нибудь, но могло бы быть лучше“.

Оффиціальное заявленіе въ Правительственномъ Вѣстникѣ выражало сожалѣніе имперскаго кабинета о томъ, что онъ долженъ былъ измѣнить Санъ-Стефанскій договоръ. Все-же каждая наша война была новымъ шагомъ къ окончательной цѣли освобожденія Восточныхъ христіанъ. Хотя много остается еще сдѣлать, но многое

уже сдѣлано. Тонъ этого заявленія понравился г-жѣ Новиковой и ея друзьямъ, но вызывалъ негодованіе австрійскаго посла.

Вотъ, что объ этомъ пишутъ Ольгѣ Алексѣевнѣ.

Маріенбадъ 31 августа 1878 г.

„Австрійскій посланникъ генералъ Лангенау здѣсь. Мы много говорили вчера объ оффиціальномъ заявленіи Русскаго правительства. Онъ имъ взбѣшенъ. „Это явное порицаніе Берлинскому конгрессу“ восклицалъ онъ. „Что русскому правительству необходимо было заявить свое сочувствіе Москвѣ, я это понимаю, но я оплакиваю именно это сочувствіе“, заключилъ онъ. Я же убѣждена, что, не будь Аксаковской благородной рѣчи, не было бы и оффиціальнаго сообщенія, совершенно въ русскомъ духѣ“.

Противники Россіи, страдая отъ измѣны Биконсфильда и пользуясь случаемъ подавленія Родопскаго возстанія, вздумали сами поднять волненіе противъ Россіи. Корреспондентъ Spectator'а, съ внушительнымъ изслѣдованіемъ объяснялъ основанія этой новой антирусской агитаціи, упрекая русскихъ солдатъ въ жестокости во время войны. Г-жа Новикова близко приняла къ сердцу обвиненія противъ русскихъ ни на чемъ не основанныя.

Она пишетъ:

„Согласитесь, что, имѣя подъ рукой блестящія и многочисленныя свидѣтельства о лживости англійскихъ посланниковъ и англійскихъ консуловъ, всякій ихъ авторитетъ подорванъ въ нашихъ глазахъ“.

„Нѣкоторыхъ обвиненій мы не удостаиваемъ вниманія“, добавляла она. Торжественное порицаніе „бѣдной Россіи“ лорда Сольсбери заставило ее улыбнуться. „Извиняться передъ клеветой ниже нашего достоинства“, повторяла она.

Однако трудно было съ такой же легкостью отвергнуть письмо по этому предмету, полученное ею отъ Гладстона:

29 августа 1878 г.

„Дорогая г-жа Новикова, съ большимъ интересомъ прочиталъ Ваши письма отъ 18-го и 26-го и радъ, что къ Вамъ дошли аккуратно на этотъ разъ копіи моей рѣчи. Я много разъ Вамъ, кажется, говорилъ, что происходящіе по временамъ мѣстные выборы служатъ у насъ лучшимъ показателемъ народнаго настроенія. Только что они были въ двухъ мѣстахъ: одни въ городѣ, другіе въ горномъ Шотландскомъ графствѣ. Въ обоихъ правительство направляло вакансіи и было увѣрено въ успѣхѣ на новыхъ выборахъ, но тѣмъ не менѣе въ обоихъ случаяхъ оно потерпѣло пораженіе. Это произошло на дняхъ. О послѣднемъ я только что получилъ теле-

грамму. Никто не можетъ сказать съ увѣренностью, каковъ былъ бы результатъ общихъ выборовъ теперь. Торіи перестали довѣрять своему правительству".

„Но вотъ что. Недавно пришли непріятныя донесенія о русскихъ звѣрствахъ въ Болгаріи, которыя меня смущаютъ".

„Донесеніе Родопской комиссіи еще не получено, но существуютъ намеки на его содержаніе, которые, я боюсь, недалеки отъ правды. Глупо было назначить турка въ эту комиссію, но это не могло имѣть большого значенія. Я не сомнѣваюсь, что большинство отвратительныхъ оскорбленій было со стороны не русскихъ, а болгаръ, какъ это ни ужасно, но въ нѣкоторой степени это вполнѣ объяснимо. Но что меня удивляетъ—это слухи объ участіи русскихъ солдатъ въ жестокостяхъ, и недостатокъ умѣнья русскихъ властей ихъ сдерживать. Какъ вамъ извѣстно, я охотно защищалъ дѣйствія русскихъ въ Туркестанѣ, но я не знаю, какъ опровергать теперешнія свѣдѣнія. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы эти обвиненія оказались неосновательными. Меня огорчаетъ тотъ фактъ, что они основываются не исключительно на англійскихъ авторитетахъ. Вамъ искренно преданный.

Гладстонъ.

Что отвѣчала на это г-жа Новикова, мнѣ неизвѣстно.

Но вотъ что она писала мнѣ по этому поводу:

Маріенбадъ, 5 сентября 1878 г.

„Итакъ англійскіе либералы собираются устраивать митинги негодованія противъ Россіи. О, божественное безпристрастіе! Какая трогательная поспѣшность хвататься за все, что выдумываютъ противъ Россіи. Какъ должны радоваться Биконсфильдъ и Лейрдъ, видя, какъ имъ легко вліять на своихъ домашнихъ враговъ. Я склонна думать, что наши друзья въ Англіи такъ же мало заботятся о правдѣ, какъ и наши враги. Пусть собираются митинги, враждебные намъ. Все это мнѣ несказанно опротивѣло!"

Только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прекратились разговоры о Родопской комиссіи; достигнувъ своего назначенія, она была забыта.

Публика не была расположена къ новымъ волненіямъ. Когда былъ подписанъ Берлинскій трактатъ, и ясно стало, что войны не будетъ, Фрудъ пересталъ интересоваться Восточнымъ вопросомъ. Онъ переѣхалъ изъ Лондона въ Девонширъ, но въ суетѣ переѣзда онъ написалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ письмо отъ 19-го іюля:

„Нечего мнѣ сообщить Вамъ о внутренней политикѣ, кромѣ вѣроятности, что вспыхнетъ возстаніе въ Ирландіи въ недалекомъ будущемъ, и за него отвѣтственность падаетъ на Гладстона. Онъ

только и дѣлаетъ, что гаситъ пожаръ, вливая масла, и если обожжется онъ и его друзья, нѣкоторые изъ насъ этимъ неособенно огорчатся".

„Мы англичане, настоящія дѣти. Возникаетъ что-нибудь, что насъ заинтересуетъ, мы безумствуемъ, ни о чемъ другомъ не можемъ думать, говорить, мечтать. Но пройдетъ годъ, часто мѣсяцъ, и мы гоняемся за другимъ интересомъ съ такимъ же пыломъ, забывая совершенно о первомъ. Вѣрьте мнѣ, едва ли нашлось бы теперь во всей странѣ пятьдесятъ человѣкъ, обсуждающихъ Восточный вопросъ. Мы думаемъ, что онъ рѣшенъ, что рѣшили его мы и конецъ. Въ каждой странѣ большинство людей дураки, но нѣтъ нигдѣ дураковъ съ такими особенностями, какъ на этихъ благословенныхъ островахъ".

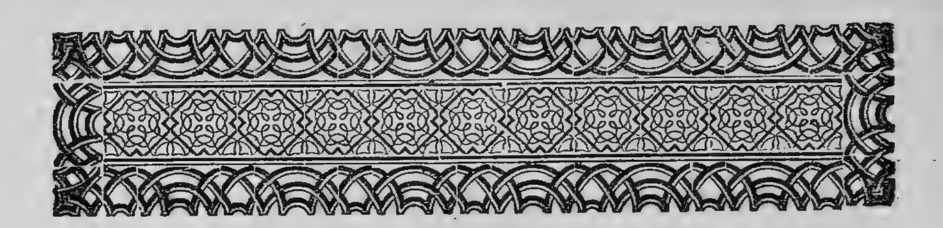
„Карлайль объѣлся земляникой на прошлой недѣлѣ и объявилъ намъ торжественно, что умираетъ. Мы выражали мнѣніе, что дѣло не такъ серіозно, на что получили гнѣвный отвѣтъ, что мы ничего не понимаемъ. Онъ здоровъ теперь, здоровѣе, чѣмъ былъ, но съ нимъ мы должны говорить объ этомъ осторожно".

„Мнѣ жаль, что Вы отказались отъ приглашенія ѣхать въ Америку. Тамъ, а не здѣсь будущее англійской расы. Тамъ вы можете дышать свободно, не запутываясь въ ложь и условность. Подумайте объ этомъ. Вы встрѣтите тамъ много неизвѣстныхъ друзей, которыхъ привлекла къ Вамъ Ваша книга".

Вашъ всегда искренно Фрудъ.

Сообщено Е. С. М.

Народныя пѣсни въ новооткрытыхъ записяхъ Пушкина.

(Къ 75-лѣтію кончины великаго поэта).

Пушкинъ былъ въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя помогали матеріалами великому „радѣльщику русской пѣсни“, П. В Кирѣевскому. Поэтъ доставилъ ему, по собственному показанію Кирѣевскаго, „замѣчательную тетрадь пѣсенъ, собранныхъ имъ въ Псковской губерніи“. Другія сообщенія Кирѣевскаго обстоятельнѣе и цѣннѣе. „Покойный А. С. Пушкинъ доставилъ мнѣ 50 №№ пѣсенъ, которыя онъ съ большой точностью записалъ самъ со словъ народа, хотя и не обозначилъ, гдѣ именно. Вѣроятно, что онъ записалъ ихъ у себя въ деревнѣ въ Псковской губерніи“, приписалъ Кирѣевскій къ одной изъ пѣсенъ. Въ 40-хъ годахъ Кирѣевскій показалъ Ѳ. И. Буслаеву тетрадь пушкинскихъ записей и прибавилъ: „вотъ эту пачку далъ мнѣ самъ Пушкинъ и при этомъ сказалъ: „Когда-нибудь, отъ нечего дѣлать, разберите-ка, которыя поетъ народъ, и которыя смастерилъ я самъ“. И сколько ни старался я разгадать эту загадку, никакъ не могу сладить. Когда это мое собраніе будетъ напечатано, пѣсни Пушкина пойдутъ за народныя“. Эта тетрадь исчезла; С. О. Долговымъ была обнаружена нѣсколько лѣтъ назадъ одна запись въ автографѣ Пушкина, но онъ едва ли принадлежалъ къ той тетради (эта запись, „Не бѣлинька березонька къ землѣ клонится“..., упомянута проф. В. Ѳ. Миллеромъ въ статьѣ „Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ“, М., 1899, стр. 31, и напечатана въ IV томѣ венгеровскаго изданія сочиненій Пушкина, стр. 76). Сообщенныя Пушкинымъ пѣсни Кирѣевскій распредѣлилъ по отдѣламъ, но не успѣлъ ихъ издать. Одна пѣсня, съ точными указаніями на сообщеніе Пушкина („Что

при вечерѣ вечерничкѣ"...), приготовленная къ печати Кирѣевскимъ, появилась вскорѣ послѣ его смерти въ „Русск. Бесѣдѣ" 1857 г., кн. II, стр. 25—27; двѣ другія напечаталъ П. А. Безсоновъ въ редактированной имъ части собранія Кирѣевскаго. Изучая бумаги Кирѣевскаго, В. Ѳ. Миллеръ обнаружилъ и напечаталъ (въ упомянутой работѣ) двѣнадцать свадебныхъ пѣсенъ, записанныхъ, по заявленію Кирѣевскаго, Пушкинымъ.

Нынѣ московское Общество любителей Россійской словесности предприняло изданіе „новой серіи" собранія Кирѣевскаго, подъ редакціей В. Ѳ. Миллера и М. Н. Сперанскаго. Недавно вышелъ первый выпускъ „Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ", посвященный обрядовымъ пѣснямъ, въ число которыхъ вошли свадебныя. Среди нихъ оказалось еще около двухъ десятковъ пушкинскихъ записей. „Вниманіе Пушкина къ свадебнымъ пѣснямъ" — говоритъ Миллеръ („Пушкинъ какъ поэтъ-этнографъ", 29—30)—„понятно для всякаго этнографа. Въ этихъ пѣсняхъ, сопровождающихъ разные моменты свадебнаго обряда, традиціонно хранимыхъ преимущественно женщинами, какъ извѣстно, донеслось даже до нашихъ дней немало слѣдовъ старины, старины временъ боярскихъ, такъ какъ вся обстановка крестьянскаго свадебнаго обряда, съ его свадебными чинами, представляетъ какъ бы копію старинной боярской и княжеской свадьбы, начиная съ названія молодыхъ князёмъ и княгинею. Въ 20-хъ годахъ, когда такія пѣсни записывалъ Пушкинъ, вѣроятно въ своей деревнѣ, въ Михайловскомъ, вся обрядовая старина крестьянской свадьбы была еще свѣжѣе, чѣмъ въ наши дни, и уже съ этой стороны пушкинская запись представляетъ нѣкоторый интересъ. Но нельзя не отмѣтить и того, что Пушкинъ понималъ необходимость указывать, къ какому именно моменту свадьбы пріурочена та или другая пѣсня, т. е. пріемъ, который въ настоящее время нашими этнографическими программами рекомендуется любителямъ, какъ научное требованіе... Едва-ли поэтому мы ошибемся, если предположимъ, что Пушкинъ у себя въ деревнѣ лично наблюдалъ всю обрядовую сторону крестьянской свадьбы и записалъ пѣсни въ связи съ моментами обрядности, какъ и требуетъ этнографическая точность... „Вѣроятно, впослѣдствіи"—прибавилъ В. Ѳ. Миллеръ,—„при болѣе точномъ пересмотрѣ всего собранія Кирѣевскаго окажутся и другія пѣсни, кромѣ свадебныхъ, записанныя Пушкинымъ".

Однако, при подготовленіи къ изданію „новой серіи" прежде всего нашлись незамѣченныя раньше пушкинскія записи именно свадебныхъ пѣсенъ. Приводимъ ихъ здѣсь, какъ переданы онѣ редакторами, но даемъ имъ здѣсь свою нумерацію. (Въ сборникѣ онѣ перемѣшаны съ другими, уже извѣстными).

I.

Въ банѣ дѣвушки, моя невѣсту, поютъ и пляшутъ, пьютъ и пивомъ поддаютъ. Невѣста между тѣмъ плачетъ голосомъ, приговаривая:

Какъ-то мнѣ будетъ въ чужіе люди идти?
Что какъ будетъ назвать свёкра батюшкой?
А какъ будетъ назвать свекровь матушкой?
Богъ тебѣ судья, свѣтъ мой, родимый батюшка!
Али я тебѣ молодёшенька принаскучила? и пр.

Изъ бани пришедъ, дѣвушки чешутъ ей голову, одѣнутъ, посадятъ за столъ.—Женихъ пріѣзжаетъ со своими холостыми товарищами. Они другъ друга дарятъ.

Въ день свадьбы дѣвушки съ пѣньемъ одѣваютъ её; потомъ сажаютъ одну за столъ передъ блюдомъ, куда всѣ кладутъ деньги, за что она молча кланяется. Потомъ отецъ ея и мать выводятъ её посередь комнаты и начинаютъ благословлять, послѣ чего идётъ невѣста, крестясь, садится, чтобъ ѣхать къ вѣнцу. Всѣ дѣвушки за нею, также крестятся.

II.

Мимо дворика батюшкина,
Мимо терема матушкина,
Пролегала тутъ дороженька;
Пробѣгалъ тутъ добрый конь;
За конёмъ бѣжитъ добрый молодецъ,
У воротъ стоитъ красна дѣвица.
Какъ возговоритъ добрый молодецъ:
„Перейми коня, красна дѣвица!“
— Мнѣ нельзя перенять коня:
У меня травой ноги спутаны,
Росой глаза замочены.—
Возговоритъ добрый молодецъ:
„Не приманывай, красна дѣвица:
Не травой ноги спутаны,
Не росой глаза замочены:
Ноги спутаны кручинушкой,
Глаза замочены горючьми слезми!“

III.

Когда молодые сидятъ за столомъ, пріѣхавъ отъ вѣнца, то дѣвушки поютъ всѣмъ гостямъ; перваго начинаютъ величать попа.

У попа у батюшки
Золота скуфеюшка;
Низала скуфеюшку
Его молода жена
Александра Өедоровна.

Слышишь-ли, батюшка?
Тебѣ пѣсню поёмъ.
Тебѣ честь воздаёмъ;
Мы хотимъ съ тебя даровъ,
Даровъ великiихъ,—
Двѣ гривны золотомъ.

А попъ отвѣчаетъ: „Нáте, суки, возьмите въ руки, не корите попа“.

IV.

Не стыдно ли вамъ, бояры,
Передъ нами, дѣвками, стояти,
Въ рукахъ шапочки держати?

V.

Поётся вдовѣ.

Княгиня душенька,
Скажи, пожалуй, намъ
Про свою гостейку!
„У меня свѣтъ гостейка
Молодая вдовушка,
Вдова молодая,
Вдова богомольная:
Всѣмъ святымъ святителямъ
Богомолилася
О своихъ о дѣтушкахъ“.
Слышишь ли, вдовушка?
Тебѣ пѣсню поёмъ,
Тебѣ честь воздаёмъ,
Мы хотимъ съ тебя даровъ,
Даровъ великiихъ,—
Двѣ гривны золотомъ.

VI.

Величаютъ холостого.

Князёкъ молоденькiй,
Лебедёкъ нашъ бѣленькiй [1]),
Скажи, пожалуй, намъ
Про свого гостя намъ!
„У меня свѣтъ гость дорогой
(имя и отчество)
Во любви онъ позваный,
Во чести посоженый,
За дубовымъ столомъ,
За браной скатертью,
Не женатый Иванушка,
Холостой Михайловичъ.

---

[1]) Дѣвушки обращаются къ молодому.

Холостой завистливый,
Его глазъ урочливый.
Выйди, холостенькій,
Выдь къ намъ за завѣсу! [1])
Выбери, холостенькій,
Кто тебѣ покажется!"
Слышишь ли, гость дорогой?
Мы тебѣ пѣсню поёмъ,
Тебѣ честь воздаёмъ,
Мы хотимъ съ тебя даровъ,
Даровъ великіихъ,—
Двѣ гривны золотомъ.

Имъ подаютъ деньги въ стаканѣ пива, приговаривая:

VII.

Вотъ вамъ, красныя дѣвушки!
Малое примите,
Въ большомъ не судите.
Денежки принимайте,
Полъ поровняйте [2]).

VIII.

Величаютъ гостью, какъ дѣвушку, такъ и замужнюю.

Княгиня душенька! [3])
Скажи, пожалуй, намъ
Про свою гостейку!
„У меня свѣтъ гостейка
(имя и отчество)
Во любви позвана,
Во чести посожена,
Хорошо снаряжена:
Серёжки—яхонты,
Лицё разгорѣлося,
Мописты золоты
Шею огрузили!"
Слышишь ли, гостейка,
Тебѣ пѣсню поёмъ,
Тебѣ честь воздаёмъ,
Мы хотимъ съ тебя даровъ,
Даровъ великіихъ,—
Двѣ гривны золотомъ.

---

[1]) Дѣвушки сидятъ за занавѣсомъ, продернутымъ черезъ всю избу.
[2]) Т. е. попляшите. *Примѣчаніе собирателя.*
[3]) Дѣвушки обращаются къ молодой. *Примѣчаніе собирателя.*

IX.

А у свата сводника
Лихорадка съ болѣстью,
Она съ чёрной немочью,
На печи подъ шубою,
На дворѣ нагишкою!
По морозу босикомъ,
По травѣ нагишёмъ!
Ему чирій въ голову,
А другой въ бороду,
Третій въ ручушку,
Четвертый въ ноженьку!
У сватушки кудри
На четыре грани,
Его черти драли,
Шуты полыскали,
По кучамъ таскали,
Братомъ называли:
Ты, сватушко, братецъ!
Дари, дари дѣвокъ,
Дари, дари красныхъ!
Станешь дарити—
Не станутъ корити.

X.

Сватъ, сватъ молодой!
Не бывать тебѣ у насъ,
Не ѣдать киселя!
Не бѣжать тебѣ лугомъ,
Не др.....ь тебѣ гужёмъ!

XI.

Безтолковый сватушко!
По невѣсту ѣхали,
Въ огородъ заѣхали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили.
Вереѣ молилися:
„Верея, вереюшка!
Укажи дороженьку
По невѣсту ѣхати!“
Сватушко, догадайся!
За мошёночку принимайся!
Въ мошнѣ денежки шевелятся,
Онѣ къ дѣвушкамъ норовятся;
А копѣйка ребромъ становится,
Она къ дѣвушкамъ норовится!

XII.

На дѣвичникѣ свата корятъ.

Всѣ пѣсни перепѣли,
Горлушки пересохли!
А сватушко рыжій
По берегу рыщетъ,
Хочетъ удавиться,
Хочетъ утопиться,
Отъ красныхъ дѣвокъ,
Отъ бѣлыхъ лебёдокъ.
Дари, дари дѣвокъ!
Дари лебёдокъ!
Не станешь дарити—
Мы пуще корити!"
Сватушко, догадайся!
За мошёночку принимайся!
Въ мошнѣ денежка шевелится,
Къ краснымъ дѣвушкамъ норовится.

XIII.

Поется на дѣвичникѣ.

Сватушка гость, богатый, тароватый;
Онъ съ гривны на гривну ступаетъ,
Онъ рублёмъ ворóты запираетъ,
Онъ полтиной ворóты отпираетъ.
Сватушко, догадайся!
За мошёночку принимайся!
Въ мошнѣ денежка шевелится,
Къ краснымъ дѣвушкамъ норовится.

XIV.

Про жениха, какъ взойдетъ къ невѣстѣ.

Какъ сказали-то, Иванушка хорошъ да хорошъ!—
Чёртъ у него, не хорóшество!
Самъ шестомъ,
Голова пестомъ,
Уши ножницами,
Руки грáбельками,
Ноги вилочками,
Глаза дырочками.
Соловьины-то глаза
По верхáмъ глядятъ;
По верхáмъ глядятъ,
Они каши хотятъ.
Вчера каша сварена́,
Вчера съѣдена была.

Шея-то синя,
Будто въ пе́тлѣ была!
Носъ-отъ синь,—
Это свахинъ сынъ!

XV.

Ты, невѣста, передъ кѣмъ стоишь?
Передъ кѣмъ стоишь, на кого глядишь?
Онъ тебѣ чужъ чуженекъ,
У него поросячій душекъ!
Онъ съ курами клевалъ,
Съ поросятами ѣдалъ!

XVI.

Эту пѣсню поютъ дѣвушки, гуляя по улицѣ, водя подъ руки покровенную невѣсту.

Уже вѐчеръ на дворѣ вечерѣется,
Ужь красное солнушко за́ лѣсъ ко́тится,
Что частыя-то звѣздочки высыпаются,
У меня-ли моло́дёшеньки некрасованой
Съ моими ла́стушки, сестрицы, милыми подружки.
Я пойду-ли спрошусь у родимой матушки:
„Ты сударыня, родимая матушка!
Не гулять у тебѣ прошуся, не красоватися,
Я развѣить свою кручинушку великую.
Я пойду-ль молодёшенька во чисто́ поле,
Я ударюсь молодёшенька о сыру землю;
А мы вскрикнемте, сестрицы, громкимъ голосомъ:
Ты раздайся-ли, мать сыра́ земля!
Ахъ, ты встань, ты встань, родной батюшко [1])!
Ты приди ко мнѣ, горюшѣ молодёшенькѣ,
На мою-ли на смиренную на бесѣдушку!
Снарядить-то меня горюшу есть кому,
А благословить-то меня не́ кому,
Мы взойдемъ-ка ли, сестрицы, въ новыя сѣни,
Мы воскрикнемте, сестрицы, громкимъ голосомъ:
Не шатитесь, не ломитесь, сѣни новыя!
Неужли-жъ я молодёшенька тяжелёшенька.
Съ моимъ ластушкамъ, сестрицамъ, милымъ подружкамъ?
Тяжела моя великая кручинушка.
Государыня, родимая матушка!
Отвори-тка свой высо́къ терёмъ!
Не зноби меня горюшу молодёшеньку!
Я и такъ молодёшенька назяблася.

[1]) Если невѣста не сирота, то, разумѣется, выпускаются стихи, обращенные къ покойному отцу, или замѣняются другими, импровизированными. *Прим. собир.*

Я сяду молодёшенька подъ окошечкомъ:
Не летитъ-ли мой кормилецъ батюшко?
Мы пойдемте-тка, сестрицы, вдоль по улицѣ
Вы кладите-тка слѣдочки частёхонько,
Уливайте слѣдочки горючьми слезьми.
Опослѣ пойдетъ родимая матушка:
„Не княгиня тутъ гуляла, не боярыня,
Тутъ ходила, тутъ гуляла чадо милое!“

XVII.

Много, много у сыра́ дуба́
Много вѣтвей и по́вѣтвей,
Только нѣту у сыра́ дуба́
Золотыя вершиночки:
Много, много у княгини души
Много роду, много племени,
Только нѣту у княгини души
Нѣту ея родной матушки:
Благословить есть кому,
Снарядить не́кому [1]).

XVIII.

Поется сиротѣ.

Ты рѣка ли моя рѣченька,
Ты рѣка ли моя быстрая!
Течешь, рѣчка, не колыхнешься,
На крутой берегъ не взольешься,
Желтымъ пескомъ не возмутишься!
Отчего же мнѣ возмутитися?
Ни дождя нѣту, ни вихорю:
Ахъ ты, умная дѣвица
(имя и отчество),
Что сидишь ты, не улыбнешься?
Говоришь рѣчи, не усмѣхнешься?
— „Что чему же мнѣ смѣятися?
На что глядя, радоватися?
Полонъ дворъ у насъ подводъ стоитъ,
Полна горница гостей сидитъ.
Ужъ какъ всѣ гости собралися,
Одного-то гостя нѣтъ какъ нѣтъ;
Ужъ какъ нѣтъ гостя милаго,
Моего батюшки родимаго [2]):

---

[1]) Благословляетъ обыкновенно отецъ, снаряжаетъ мать. *Прим. собир.*

[2]) Если жъ молодая круглая сирота, то поется:
Ужъ какъ нѣтъ гостей милыихъ:
Моего батюшки родимаго,
Моей матушки родимой. *Прим. собир.*

Снарядить-то меня есть кому,
Бла́гословить-то меня не́кому;
Что снарядитъ меня родная мать,
Бла́словитъ меня чужой отецъ".

XIX.

По́ меду, мёду по паточному
Плавала чарочка серебряная:
Кто эту чарочку пе́ренялъ?
Пе́ренялъ, пе́ренялъ князь государь,
Подносилъ, подносилъ госпожѣ княжнѣ:
„Выкушай, выкушай, душа госпожа!
Я тебѣ, княгиня, про свой сонъ разскажу:
Будто у насъ середь широ́ка двора
Будто у насъ разстилалась трава;
По травкѣ гуляетъ па́вынька,
Па́вынька—павынька княгиня душа".

Пояснительныя ремарки принадлежатъ, конечно, Пушкину (въ № I, напримѣръ, ясно виденъ его слогъ), а „примѣчанія собирателя"— П. В. Кирѣевскому, который, быть можетъ, руководствовался при этомъ опять-таки указаніями Пушкина (напр., въ №№ VI, XVIII).

Великій поэтъ воспользовался своею жатвой свадебныхъ пѣсенъ, когда писалъ вторую сцену „Русалки". Въ ней сватъ обращается къ дѣвушкамъ:

Али всѣ пѣсенки вы перепѣли?
Аль горлышки отъ пѣнья пересохли?

Эти слова напоминаютъ начало пѣсни № XII. Насмѣшливая пѣсня, которою отвѣчаетъ свату хоръ, почти дословно сходится съ пѣснями №№ XI и XII, особенно съ первой,—только въ драмѣ она болѣе отдѣлана. Прибавлены два стиха („Сватушка, сватушка" и „Тыну поклонилися"); послѣдніе два стиха хора почти буквально (за исключеніемъ отброшеннаго предлога „Къ") повторяютъ заключеніе пѣсни № XII, а всѣ остальные — точное повтореніе XI. Отвѣтъ свата хору: „На, на, возьмите, не корите свата", напоминаетъ отвѣтъ попа величающимъ его дѣвушкамъ (послѣ пѣсни № III): „нате... возьмите... не корите попа". Зловѣщая пѣсня, которую затягиваетъ на княжеской свадьбѣ одинокій голосъ: „По камушкамъ, по желтому песочку"..., въ началѣ своемъ повторяетъ образы и выраженія пѣсни № XVIII. Пѣсня, въ которой хоръ дразнитъ свата (№№ XI и XII), болѣе всѣхъ другихъ подходитъ къ самостоятельнымъ произведеніямъ Пушкина въ народномъ духѣ; быть можетъ, на нее-то и намекалъ поэтъ, щеголяя своей виртуозностью и предлагая Кирѣевскому, отличить, что „смастерилъ" онъ самъ, отъ непод-

дѣльнаго народнаго творчества. Если такія мѣста, какъ „у тебѣ", „развѣить" (въ № XVI) дѣйствительно такъ и записаны Пушкинымъ, то ими особенно подчеркивается то уваженіе и вниманіе, съ которыми Пушкинъ прислушивался къ народной рѣчи. Картинное выраженіе: „монисты золоты шею огрузили" (въ № VIII) врѣзалось въ память Пушкина, и онъ хотѣлъ имъ воспользоваться при переизданіи своей „Сказки о рыбакѣ и рыбкѣ", гдѣ въ стихѣ: „жемчуги окружили шею" исправилъ (на поляхъ печатнаго экземпляра III-ей части своихъ „Стихотвореній") сказуемое: „огрузили" (см. „П. и его соврем.", IX—X, 83). Пѣсня № X редакторами изданія не введена въ текстъ, а приводится въ предисловіи (стр. LXXII); она попала въ число „нехорошихъ", т. е. неприличныхъ, но она записана Пушкинымъ и принадлежитъ къ тѣмъ свадебнымъ, въ которыхъ заключаются обычныя насмѣшки надъ скуповатымъ сватомъ.

Разсматривавшій бумаги Кирѣевскаго Н. Трубицынъ („Народныя пѣсни, записанныя Пушкинымъ"—„П. и его соврем.", XV) въ своихъ дополненіяхъ къ цитированной выше статьѣ Миллера возстанавливаетъ (стр. 139, 140—142), на основаніи замѣчаній Кирѣевскаго, съ приблизительной точностью одну пушкинскую запись, находящуюся въ той самой тетради, гдѣ записана пѣсня „Мимо дворика батюшкина"... (см. выше, № II). Приводимъ эту запись продолжая принятую нами нумерацію.

XX.

Тёща про зятюшку сдобничала,
Сдобничала и пирогъ пекла.
Испекла пирогъ въ двенадцать рублей:
Солоду, муки, на четыре рубля,
Ягодовъ, изюму на-восемь рублей.
„Этотъ пирогъ семерымъ не съѣсть!"
Зять-отъ сѣлъ, да присѣстомъ съѣлъ.
„Какъ тебя, зятюшку, не перервало!"

Въ бумагахъ Кирѣевскаго, сообщаетъ М. Н. Сперанскій (введеніе, стр. XLVII, LXXI—LXXII), обнаружены и ждутъ опубликованія еще шесть пушкинскихъ записей—двѣ „разгульныя" пѣсни: „Авдотья вдовина—По бережку ходила" и „Калина, малина! На задніемъ... Подъ горою три солдатки"; двѣ „элегическія": „Уродился я несчастливъ, безталанный" (съ нею, можетъ быть, стоятъ въ связи заключающіяся въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина „нѣсколько строкъ стихотворенія въ народномъ стилѣ"—„Уродился я, бѣдный недоносокъ"...;

см. „П. и его соврем.“, IV, 23) и „Я вечёръ, вечёръ, добрый молодецъ“, и двѣ ни въ какую рубрику не занесенныя: „Ужъ какъ нонѣшніе люди,—Они молоды, лукавы“ и „Долина, долинушка,—Раздолье широкое“! Пересмотръ всего обширнаго пѣсеннаго наслѣдія Кирѣевскаго не законченъ, и можно ожидать еще нѣсколькихъ подобныхъ находокъ.

Дѣятельности Пушкина, какъ собирателя народнаго пѣсеннаго творчества, до сихъ поръ не подведенъ итогъ. Не характеризованы его техническіе пріемы, не опредѣлены съ возможною точностью хронологія и мѣстные предѣлы его этнографическихъ наблюденій, не изслѣдованъ смущавшій еще Кирѣевскаго вопросъ о границѣ, отдѣляющей Пушкина-собирателя отъ Пушкина-подражателя и самостоятельнаго поэта въ народномъ духѣ; даже еще не приведены въ извѣстность всѣ собранные имъ матеріалы (пользуемся случаемъ указать, что нами въ газетѣ „Рѣчь“ 1910 г., № 45, было напечатано записанное Пушкинымъ въ 1833 г. начало исторической пѣсни „Уральски казаки“). Новое изданіе собранія Кирѣевскаго, принесшее столько новыхъ и значительныхъ матеріаловъ, выдвигаетъ на очередь эти задачи, важныя для издателей, изслѣдователей и біографовъ.

Н. Лернеръ.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

иллюстрируется и издается съ такой красотой и роскошью. Отъ даровитаго художника и съ такимъ вкусомъ печатающаго книги издательства слѣдуетъ ждать подобнаго же изданія другого пушкинскаго перла—„Капитанской Дочки".

Вѣстникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Выпускъ 1. Харьковъ. 1911.

Почтенное общество, издавшее уже много трудовъ своихъ участниковъ, въ томъ числѣ двадцать томовъ сборниковъ изслѣдованій по мѣстной исторіи, археологіи, славяновѣдѣнію, украиновѣдѣнію, исторіи и теоріи искусства, настолько широко развило свою дѣятельность, что приступило теперь къ изданію „Вѣстника", посвящаемаго текущей жизни общества и краевымъ научнымъ интересамъ. Самымъ усерднымъ вкладчикомъ въ первую книжку журнала явился профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ, давшій, между прочимъ, нѣсколько интересныхъ сообщеній о Шевченкѣ. Д. И. Багалѣй описалъ „Костомаровскіе дни въ Воронежѣ". С. Соловьевъ („Новая Сорбонна") касается наболѣвшаго на западѣ вопроса о борьбѣ гуманистическаго направленія въ университетскомъ преподаваніи исторіи литературы съ утилитарнымъ и приходитъ къ справедливому выводу, что необходимо избѣгать крайностей какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи, для того, чтобы университетская наука давала не узкихъ спеціалистовъ, за деревьями лѣса не видящихъ и неспособныхъ на маломальски широкое и смѣлое обобщеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ не живущихъ чужими общими взглядами и чуждыхъ труда верхоглядовъ.

Общество любителей Россійской словесности при Московскомъ университетѣ. 1811—1911 Историческая записка и матеріалы за сто лѣтъ, М. 1911.

Въ сто лѣтъ Общество сдѣлало многое, несмотря на разныя неблагопріятныя обстоятельства. Справедливо говоритъ составитель памятной записки: „Общество вызвало къ жизни много цѣнныхъ работъ въ области изученія языка и литературы; въ мѣру скромныхъ своихъ средствъ, оно дало значительное количество научно-литературныхъ изданій, среди которыхъ съ гордостью можетъ указать на „Словарь" Даля и „Пѣсни" Кирѣевскаго; бережно храня лучшія литературныя традиціи, воспитывая въ уваженіи къ нимъ многочисленныхъ посѣтителей своихъ публичныхъ собраній, оно отзывалось на всѣ горести и радости родной литературы; наконецъ, съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія Общество можетъ указать въ вѣковой своей исторіи примѣры благородной борьбы за свободу того слова, ради служенія которому оно возникло". Повторимъ пожеланіе, высказанное когда-то членомъ Общества графомъ В. А. Сологубомъ: „дай Богъ, чтобъ этимъ обществомъ сдѣлалось все русское государство!"

Словарь членовъ Общества любителей Россійской словесности при Московскомъ университетѣ. 1811—1911. М. 1911.

Этотъ спеціальный біографическій словарь—не только прекрасный способъ, которымъ Общество, празднуя свое столѣтіе, почтило память своихъ покойныхъ участниковъ и воздало честь живымъ, но и весьма полезное справочное пособіе. Особенно много потрудился надъ нимъ извѣстный библіографъ Д. Д. Языковъ, сообщившій, между прочимъ, много нелегко добытыхъ свѣдѣній о малоизвѣстныхъ писателяхъ первой половины XIX вѣка.

Н. П. Лихачевъ. Хожденіе Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. По лицевымъ рукописямъ XV и XVI вѣковъ. Изданіе Имп. Общества любителей древней письменности. Спб. 1911.

Обществомъ уже издавался этотъ памятникъ. Въ 1878 г. князь П. П. Вяземскій издалъ лицевую рукопись „Житіе и хожденіе Іоанна Богослова", а въ 1879 г. былъ напечатанъ трудъ архим. Амфилохія—греческій и славянскій тексты „Хожденія" по древнѣйшимъ рукописямъ. Нынѣ это популярное произведеніе агіологіи воспроизводится по двумъ еще болѣе старымъ рукописямъ. Первая, относящаяся къ концу XV вѣка, издается цѣликомъ; вторая, принадлежащая, по мнѣнію Н. П. Лихачева, XVI вѣку, представлена лишь въ 83 миніатюрахъ (изъ 165), но снабжена старательнымъ описаніемъ всѣхъ ихъ. Интересующіеся агіологіей, старой письменностью и миніатюрной живописью будутъ очень благодарны Обществу и талантливому ученому за это старательное и красивое изданіе.

М. Н. Смирновъ. Переславль-Залѣсскій. Его прошлое и настоящее. М. 1911.

Весьма добросовѣстное и обстоятельное археологическое, историческое, статистико-экономическое и бытовое изслѣдованіе восьмисотлѣтняго прошлаго города и прилегающаго края, объединяющее цѣлый рядъ спеціальныхъ работъ и относящихся къ исторіи Переславля данныхъ.

Вопросы теоріи и психологіи творчества. Томъ III.—К. Ѳ. Тіандеръ. Очеркъ исторіи театра въ Западной Европѣ и Россіи Харьковъ. 1911.

Книга г. Тіандера—единственная русская популярная и учебная книга по исторіи драматическаго творчества и театральнаго искусства, обнимающая тысячелѣтнее прошлое европейскаго театра—вплоть до нашихъ дней. Школа и самообразованіе у насъ давно нуждались въ такой книгѣ, такъ какъ театральное искусство—самое близкое массамъ, и его вліяніе, проводящее литературныя и общественныя идеи, распространяется и на такіе круги, до которыхъ съ трудомъ доходитъ книга.

Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ**. Тип. т-ва п. ф. „Эл.-тип. Н. Я. Стойковой". Спб. Знаменская, 27.

